

ВЛАДИСЛАВ АЛЕФ

ЧАСЫ
ЗАСТЫВШЕГО
ЧАСА

Владислав Алеф

Часы Застывшего Часа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69427702

SelfPub; 2023

Аннотация

В колдовских часах не песок, но прах древней волшебницы. Они источник ее бессмертия, они же ее тюрьма. Ключ от этой тюрьмы в руках юного калеки-пастуха. Покидая родное село, юноша отправляется в дальний путь, чтобы свергнуть тирана-царя и высвободить из часов их последний застывший час.

Содержание

Глава первая. Часы начинают идти	4
Глава вторая. Послание небес	32
Глава третья. Ведьмин лес	60
Глава четвертая. Нападение троллей	102
Глава пятая. Огни Золотаря	140
Глава шестая. Осквернение леса	176
Глава седьмая. Старый каштан	199
Глава восьмая. Отзвуки слепой тишины	225
Глава девятая. Бронзовый город	261
Глава десятая. Испытание короля	302
Глава одиннадцатая. Откровения альвов	327
Глава двенадцатая. Отцы Язара	358
Глава тринадцатая. Интриги и предательства	397
Глава четырнадцатая. Восстание	430
Глава пятнадцатая. Битва за Бризарион	471
Глава шестнадцатая. Часы останавливаются	512
Эпилог	528

Владислав Алеф

Часы Застывшего Часа

Глава первая. Часы начинают идти

Еще дремало солнце за горизонтом, но в маленьком деревенском домике уже горел свет. Он исходил из закопченной медной лампадки, огибал высокий массивный стол, мягко стелился по дубовым половицам и робко таял в темноте притворенной двери. За столом сидели двое. Крупный мужчина, навалившись на него всей своей громадой, шумно потягивал свежесваренный дымящийся чай из молодых побегов смородины. Тощий, как соломина, юноша, легко опираясь о стол одной рукой, другой зачерпывал ложкой овсяную кашу. Сквозь раскрытое маленькое оконце из тишины ночной улицы доносился хорошо узнаваемый ритмичный стук, с каким наполняют ведро струйки горячего парного молока.

Скрипнула калитка у входных ворот, и зазвучали торопливые мелкие шажки. Звук обогнул стену дома и был приглушен скрипом калитки внутреннего двора. Под окном мелькнул невысокий коренастый силуэт.

– Иля! – осуждающе грянул голос. – Ты еще корову не выгнала!

– Мама, успокойтесь! – отозвалась хозяйка. – Еще ночь на

дворе. Успею.

– Успеет она! Плотничиха уже свою погнала! Только штраф не хватало платить! – протараторила гостя и уже спокойней добавила: – Далиш где? Ушел?

– В доме, чай пьет.

– Какой чай?! – еще больше ужаснулась она, едва не переходя на визг. – Нам сегодня пасти! Вы чего спите, а?!

– Мама, успеем! Что вы кричите?..

Разбуженный криками женщин лениво тявкнул спросонья соседский пес. В ответ ему надрывно закричали петухи и сердито загалдели гуси. В раскрытое ветхое оконце влетел маленький серый мотылек и стал отчаянно биться о стекло лампадки.

Далиир оторвался от кружки чая и устремил хмурый взгляд в ночную темноту.

– Язар, – раздраженно обратился он к юноше, – закрой окно.

Недовольство улицы утихло, а с ним утихло и недовольство Далиира. Морщины над его густыми бровями расправились, мужчина вернулся к размеренной трапезе.

Язар отставил опустевшую миску и задумчиво повернул голову. Взгляд его подслеповатых серых глаз остановился на необычном предмете.

На стене в металлической скобе висели песочные часы, но в них под толстой обсидиановой оболочкой находился прах. Эти магические часы безошибочно отмеряли световой день.

С рассветом они начинали идти и останавливались точно на закате. Когда же начинался новый день, они переворачивались без всякой помощи. Сейчас весь прах находился в нижней чаше, а значит, Ильга говорила правду, и ночь еще не окончилась. Штраф же, о котором упомянула бабушка Нагинара, существовал только в дворцовых указах и умах жадных бар и предписывал уплачивать «ленивую пастушью повинность» в размере двух медных лукиоров всякому пастуху, не поспевшему на свой пост до рассвета.

Прежней владелицей Часов Застывшего Часа была древняя колдунья Атаказ. Она обладала скверным норовом и дурным глазом. Но страх перед ней первых поселенцев Винника уступал место их желанию заполучить ее дурманящие настойки и винные зелья. Из любопытства ли, отчаяния или последней надежды, но случайные гости и путешественники сплотились вокруг Атаказы, – так и появилась деревня Винник. Колдунья исцеляла больных и возвращала пропавший скот, отводила волков и спасала посеы от неурожаев. Но она же насылала порчи, отбирала молоко у коров, воровала птицу и человеческую волю. Атаказ не отказывала никому: ни праведникам, ни убийцам, а в уплату просила только перевернуть Часы Застывшего Часа. Той просьбе селяне не придавали большого значения, ибо с ее выполнением никаких бед для себя не находили. Однако самые осмотриельные передавали свои желания через соседей или детей, к таинственным часам никогда не притрагивались и даже во

двор колдуньи не заходили. Они же первыми заметили губительное воздействие этих часов. Дети-посыльные не по годам сидели, их упругая кожа сморщивалась, озорные глаза вдруг тускнели и западали.

И тогда благодарность селян сменилась ненавистью и негодованием. В сумерках спустились они в низину у канавы, где окруженные высоким рогозом таились владения колдуньи. Многие принесли горящие факелы, другие схватили вилы, косы и топоры.

Свидетельницей тех давних событий была и юная Нагинара. Родители наказали ей оставаться дома, но девочкой овладело детское любопытство. По старой рябине перелезла она через красный забор, бесшумной тенью скользнула вдоль стены дома и через плетень из рогоза перемахнула в колдовской сад.

За прятками девочки наблюдал поджарый рыжий пес Закат. Он проснулся, едва рябина коснулась ветвями забора, гремя цепью, вылез из будки, отрывисто тявкнул, будто сердился на самого себя, что напрасно отказался ото сна, и полез обратно в будку.

Много было чудес в колдовском саду Атаказы. От легкого дуновения сторали фениксовые одуванчики, чтобы возродиться из пепла, засиять и вновь отцвести. Жужжала, трепеща листочками, полосатая пчелиная лаванда, и размеренно покачивался гипнотический змеиный хвост. Изменчивые лицедеи благоухали в дождь, желтели в ведро и обращались

в лед в зимнюю пору. В зеленом растительном море пестрели невиданных форм и цветов ягоды, а на одних деревьях часто соседствовали отличные друг от друга плоды. И хотя на Винник давно опустилась ночь, яркими огнями сад Атаказы отвоевывал у темноты свет.

Нагинара стояла под сенью старого ореха. Его ствол был таким широким, что одновременно мог заслонить собой троих взрослых мужей. В кроне его таились не только орехи, но и желуди, и каштаны. Но примечательней плодов была ведьмина губа. Этот гриб двумя шляпками выступал из коры, пульсировал, раздуваясь, и о чем-то шептал. Он ценился травниками, а колдуны делали из него порошки, развязывающие губы и самым стойким молчальникам. Выглядел гриб отвратительно, неприглядней гнилого трутовика, омерзительней древесного нароста. Но столь велико было любопытство Нагинары, что она встала на цыпочки и приблизила ухо к нему.

Сначала она слышала только шепот ветра. Но вот протяжно скрипнула калитка, пчелиным роем загудели голоса, и надсадно залаял Закат. Громкий лай Нагинара слышала и другим ухом, но прочие звуки сестре пересказывала росшая во дворе Атаказы вторая ведьмина губа.

Староста Винника смело отворил покосившуюся маленькую калитку. Люди набились во двор, как в загон стадо, и решительный напор их не смог сдержать залиvistый лай Заката. Они громко переговаривались, бесстрашно и свирепо вы-

крикивали проклятья и бранили колдунью. Но когда дверь ее низенького домика отворилась, голоса умолкли, и только преданный пес продолжил надсадно заливаться.

На приступке стояла тощая остролицая женщина. Одета она была как луковица сразу в красное, белое и желтое платье. Кожа ее отливала бронзой, медные вьющиеся волосы, заколотые пряжкой в форме феникса, доходили до пят. Годы источили лицо колдуньи глубокими бороздами и заклеямили старческими темными пятнами.

Староста бесстрашно шагнул к Атаказе, и в неровном свете его факела полыхнули раскаленными углями ее жуткие черные глаза. Рука старосты дрогнула, но поднимающийся ропот односельчан вернул ему решительность.

– Мы не боимся тебя, колдунья! – предупредил он, пытаюсь и сам в этом увериться. Он говорил громко, но Закат, не переставая лаять, заглушал его слова. Это разозлило старосту. – Отзови своего пса, пока мы его не закололи!

Старуха повернула голову, ее медные волосы всколыхнулись, на мгновение оставив в ночной темноте яркий огненный след.

– Закат, дай человеку высказаться.

Пес тотчас замолчал и покорно уселся возле будки, не сводя с хозяйки любящих желтых глаз. Селяне набились во двор плотнее.

– Разных мерзостей мы от тебя ожидали, о многих грязных ритуалах наслышаны, – продолжал староста. – «Беско-

рыстная», – говорили о тебе. «Ничего взамен не попросит». Ложь!

– Лживая ведьма!

– Обманщица!

– Детоубийца! – заголосила разъяренная толпа.

– Сколько лет ты украла у наших детей?

Староста покачал головой, не имея слов, чтобы передать обуревавшие его чувства.

– Уходи, – сказал он спокойно. – Уходи и никогда не возвращайся в наше село.

Глаза старухи разгорелись алым пламенем. Голой рукой она погасила факел старосты и обвела вмиг онемевшую толпу свирепым взглядом.

– Ваше село?! – грозно переспросила она. – Мой дом стоял здесь прежде, чем ваших дедов зачали ваши прадеды! Прежде, чем вы явились надоедать мне своими пустыми просьбами! Я ли звала вас, или вы приходили ко мне по доброй воле? Коротка же память разгневанной души! Пошли прочь!

Она взмахнула рукой, словно разгоняла ворон. И вдруг поднялся горячий ветер. Факелы в руках людей запылали ярче, теперь они горели зловещим красным светом.

Перепуганные селяне бежали, побросав дреколье. Мешаясь друг другу, они теснились в узком проходе калитки. Многие, не дожидаясь своей очереди, перемахивали невысокий забор. Загремела цепь, и кто-то взвыл, укушенный за

ногу. Но и когда беглецы скрылись, протяжный лай колдовского пса еще долго разносился по селу.

Нагинара продолжала прислушиваться; она не боялась колдуньи и не спешила покидать сад. И лишь услышав, как захлопнулась дверь старого дома, она в ужасе осознала, что родители могут вернуться домой раньше нее. Страх бросил ее опрометью. Она пролетела знаменитые виноградники Атаказы, не заметив ни огромные размером со сливы виноградины, ни сорта необычайных форм и цветов. Она миновала ухоженный, без единого сорняка огород, и разбудила спящих на насестах кур на заднем дворе. Кратчайшим путем она пересекла Винник, остановившись только у дома, спустя полторы версты. Не обнаружив родителей, она вздохнула облегченно, но сразу вспомнила, что забыла закрыть калитку, отделявшую огород колдуньи от заднего двора. Спалось в ту ночь Нагинаре беспокойно, потому что проворные куры из ее сна нагло расправлялись с драгоценным виноградом Атаказы, а тщедушная старушка в тяжелых платьях не могла за ними угнаться.

Никто не знал истинного возраста колдуньи, никто не знал, откуда она пришла, но с той приснопамятной встречи селяне стали бояться Атаказу пуще прежнего. О ней слагали невероятные невообразимые небылицы. Говорили, будто отцом ее был ифрит, а мать происходила из подземного народа цвергов. Кто-то клялся, будто брошенная им в сухой прядь волос колдуньи породила лесной пожар. Утвер-

ждалось, что ее нельзя увидеть под дождем, оттого что коже старухи губительно прикосновение чистой воды. В знойный же день, напротив, неподвижная с непокрытой головой подобно каменному истукану Атаказ просиживала на одном месте до самой ночи. А затем она укутывалась черным платком, отвязывала Заката, запиралась в доме и занавешивала окна тяжелыми портьерами. Многие селяне сторонились ее пса, находя продолжателем воли колдуньи или даже самим ее воплощением. Но в иных отзывчивых сердцах он вызывал сострадание, как зверь, ищущий и не находящий ласки. Рыжие псы менялись, менялись соседи старухи, но сама она, ее дом не принимались землей, словно застыли во времени.

С годами просителей у Атаказы поубавилось, а дом ее стали обходить стороной. Соседи все отдалялись от нее, пока она не осталась единственной обитательницей поросшей рогозом низины на окраине Винника. Однако охотников за дурманящими напитками не страшило приближение смерти, ибо они своей волей и без помощи колдуньи сокращали отведенный им путь. Потому «Дорога Смерти», как нарекли селяне тропинку к дому колдуньи, никогда не зарастала травой. Детям строжайше запрещалось приближаться к ней, и даже последний пропойца, возвращаясь по Дороге Смерти, полагал своим долгом привести за уши неслухов к их родителям.

– С нас уже станется, – говорили тогда они. – Мы свое пожили. Ваша жизнь только начинается. Не губите себя, не

идите по нашей дорожке. Мы и сами бы рады свернуть, воротиться назад. А некуда. Жизнь наша растрчена. Потому и пьем, что нам грустно. А поделать здесь ничего уже нельзя.

Не единожды слушала подобные излияния и дочь Наги-нара Родмила. А родители, вновь возвратив беглянку, в который раз удрученно качали головами.

– Наказали же: не ходи! – восклицали они. – Отчего не слушаешься? Отчего упрямишься? Ох, и наведешь ты беды на наш род!

Совестно тогда становилось дочери, что заставляла родителей плакать, но не оттого, что нарушала их запрет. Не находила она дурного в самих проступках, объяснить же причины запрета родители не могли.

Любопытство влекло Роду дальше. Сперва она лишь заглядывала сквозь щели забора во двор колдуньи, но быстро осмелела и придумала себе игру. Первым укрытием ей служили густые заросли рогоза, вторым рубежом стал покосившийся сарай прежних соседей Атаказы. Последним при-готовлением Рода заглядывала в широкую заборную щель. Не обнаружив чужих глаз, она отворяла калитку, исхитряясь повернуть это столь осторожно, что не вызывала скрип, прокрадывалась к собачьей будке и гладила Заката. Рыжий пес никогда на нее не лаял, хотя остальных гостей заставлял считаться с длиной его цепи. Ласку он принимал с нетерпением, и ответной благодарностью вилял хвостом и норовил лизнуть гостью в лицо.

Заметив, что в миске Заката всегда одна только пшеничная каша, да еще и невероятно соленая, как выяснила Рода, девочка взялась носить ему мясо. Ее пребывания во дворе колдуньи становились все продолжительней, ведь теперь ей необходимо было убедиться, что Закат справляется с угощениями без следа.

– Кушай, Закат, кушай, – ласково приговаривала она, стоя на коленках и водя детской ручонкой по его короткой жесткой шерсти.

Осмотрительность сделала Роду невидимой для постояльцев Атаказы и для самой колдуньи. Так, во всяком случае, она полагала. Старуха не могла ее поймать, оттого Рода стала считать ее не могущественной, но самой слабой среди всех колдуний. Утратив страх перед ней окончательно, она вольготно прогуливалась по запущенному двору Атаказы, заглядывала в ее ветхие сараи, спускалась в сырой погреб, лазала на темный чердак и даже проскальзывала в дом, когда старуха его покидала. В старых полупустых и пыльных сараях для любопытной девочки не нашлось ничего примечательного. Огромные бочки, кувшины и бутылки погреба источали невыносимый для нее смрад, а на чердаке хранились только сухие осиные гнезда, да прятались по углам огромные жуткие пауки. Но когда она оказалась в доме, ее вниманием сразу завладели старинные обсидиановые часы. Они стояли у окна так, что солнечный луч, проходя сквозь их верхнюю чашу, рассеивался по комнате, наполняя ее дневным светом. Часы

молчали, и девочке невыносимо захотелось посмотреть, как падает песок из одной чаши в другую. Завороженная этой идеей, она потянулась к часам.

– Ты что делаешь?! – вдруг раздался за ее спиной испуганный крик.

Рода, не выпуская часов, обернулась. Колдунья смотрела на нее немигающим взглядом широко раскрытых алеющих глаз. Ее медные волосы всколыхнулись запоздалым порывом горячего ветра. Только затем громко хлопнула входная дверь.

Девочка смотрела на нее с недоумением. Совсем недавно она видела Атаказу на заднем дворе и не понимала, как немощная старушка смогла так скоро вернуться.

– Ты переворачивала их? – затаив дыхание, спросила колдунья.

Рода отрицательно помотала головой.

Ужас на лице колдуньи сменился яростью. Быстрым шагом она пересекла комнату, вырвала часы из ее рук и крепко прижала к груди.

– Кто тебя впускал в мой дом? – разгневанно спросила она. – Довольно, что Закату мясо носишь, так теперь и мой прах пришла ворошить?

– Вы его одной кашей кормите! – защищалась Рода; она и теперь не боялась колдуньи.

– А он и кашу ест!

– Так потому что вы ничего другого не даете, вот и ест!

– А если нет ничего другого? – искренне изумилась колдунья.

– Как нет, вы же кур держите! – напирала девочка.

– Куры для ритуалов, не для еды.

– Для каких еще ритуалов? – Рода отмахнулась рукой, словно услышала глупость. – Птицу разводят, чтобы есть! Вы что, даже этого не знаете?

Старуха прищурилась, уголки ее высохших губ впервые за многие годы поползли вверх.

– А вот превращу тебя в маленькую лягушку, будешь знать, как чужие вещи трогать! А начнешь под забором слезно квакать, проситься девочкой стать, палкой огрею и прибью!

– А я превращу тебя в большую уродливую жабу! – пригрозила колдунье девочка, забавно потрясая кулачком. – А потом запущу камнем и прихлопну!

– Ишь! – усмехнулась Атаказ. – Беги домой, покуда я не нашла свой посох!

Рода задорно рассмеялась.

– Глупенькая ты! Посохи есть только у настоящих волшебников. Они могущественные и в городах живут. А у деревенских ведуний только палки и клюки. – Она вновь отмахнулась. – Пойду я. Но не потому, что тебя испугалась, а потому что коров встречать нужно. Некогда мне тебя учить!

Смеясь и безостановочно качая головой, Рода убежала вприпрыжку. На прощание она погладила Заката и громко

хлопнула входной калиткой. Древняя колдунья следила за ней через окно и улыбалась. А когда девочка скрылась в зарослях рогаза, Атаказ перевела взгляд на часы и сразу помрачнела. Она долго вглядывалась в них на солнце и насто-роженно прислушивалась к ним, прежде чем произнесла:

– Ах вы ненасытные, все вам мало! Мало вам чужих лет, вам нужна моя зима.

На другой день Рода вернулась в дом колдуньи и потребо-вала показать ей волшебный посох.

– Это обычная палка! – не поверила она старухе, вертя в руках окоренную ветвь ореха, на которую та опиралась при ходьбе.

– Для тебя палка, для меня посох, – спокойно возразили Атаказ.

– Докажи! Преврати кого-нибудь в лягушку! А еще лучше в червяка! Папа на рыбалку завтра пойдет...

– Кого же мне превратить? – изумилась колдунья. – Здесь нет никого. Тебя что ли в червя превратить? – она взялась за палку.

Девочка смотрела на нее сердито и не отдавала посох.

– Да не меня! Если я червяком стану, то сразу поглупею и не смогу понять, что посох настоящий! Вон курица бежит! – она указала пальцем и запрыгала в предвкушении. – Ее пре-врати!

– Курица для ритуала, – наставительно повторила колду-нья.

– Не для еды, – вспомнила Рода и приуныла. – Кого же тогда?

Старуха пожала плечами.

– Могу превратить Заката.

– Не надо Заката! – испугалась девочка и вцепилась в многослойные старушечьи платья.

Она отдала палку и разочарованно опустила голову. Атаказ провела сухой шершавой рукой по ее волосам.

– Давай никого не будем превращать в червя, – примирительно предложила она. Рода согласно кивнула, и колдунья продолжила. – Но волшебство я тебе все-таки покажу.

Она выдернула и привязала к одному краю посоха локон своих волос. С ударом палкой оземь он загорелся алым и долго не угасал.

– Так вот почему ваш дровяник пустой! – смекнула Рода.

Исключая пропойц девочка стала единственной постоянной Атаказы. Колдунья развлекала ее простыми фокусами, учила ремеслу виноградаря, а вечерами делилась увлекательными историями.

Одной такой историей стал рассказ о Часах Застывшего Часа. Колдунья уверяла, будто над нею застыло проклятье вечной жизни и вечной боли. Будто вулканическое стекло дает ей тепло и удерживает ее боль. Она не может умереть, пока идут эти часы, и нет никакого способа заставить их замолчать.

– Ты пробовала их разбить? – спросила Рода.

– Нет, но пробовали другие. И этого не сумели сделать даже твои «настоящие волшебники».

– Стекло создается в огне, но и боится огня тоже, – поразмыслив, вспомнила Рода. – Твои часы можно разрушить в пламени дракона.

– Какая ты умненькая, – похвалила ее колдунья, потрепав по волосам. – Но я их отобрала у пещерного дракона Бечетабиса, так что они не боятся даже самого сильного огня.

– У пещерных драконов пламя слабое, – напомнила Рода. – Ты сама мне рассказывала.

– И ты запомнила? – удивилась старуха. – Расскажи подробнее. Обо всех драконах расскажи.

– Самые большие драконы это прибрежные, а самые маленькие – снежные. У этих двух видов пламени нет. Пещерные драконы самые жадные, пустынные самые злые, а степные никогда не спят. Болотные драконы всеядные, а облачные питаются только птицами. Пламя небесных драконов самое жаркое, но только крылья звездных драконов достаточно сильные, чтобы унести их из нашего Яраила в родной им Канафгеос.

– Молодец, – вновь похвалила ее старуха.

– А как часы оказались у дракона? Это он первым забрал их у тебя?

– Бечетабису их подарили наги – это такой подземный народ, наполовину люди, а наполовину змеи. Наги отняли часы у цвергов, а цверги выкупили у тритонов. А те нашли их на

дне океана.

– Я думала, это твои часы, – запуталась Рода. – А если их украдет бездельник Сусард, он тоже станет бессмертным?

– Часы продлевают только мою жизнь. Я не знаю, как они оказались на дне океана. Но я очень старая, возможно, я просто об этом забыла.

– А сколько тебе лет? Шестьдесят? Двести?

– Не знаю, я давно не веду счета годам.

– А что, если только ты сама можешь разбить Часы Застывшего Часа? – вдруг осенило Роду.

– Может быть, – Атаказ усмехнулась. – Но проверять этого я точно не стану.

Она никогда не просила Роду о помощи, но девочка сама ее предлагала. Вместе они собирали виноград, давили и процеживали.

Часто Атаказ спускалась в погреб, чтобы в очередной раз процедить вино, переливая его из одного кувшина в другой через льняной лоскут. Ткань удерживала осадок, и вино медленно просачивалось по капле. Тогда Рода обреченно забиралась на пустую винную бочку, нетерпеливо постукивала по ней ногами и восклицала:

– Как же скучно готовить вино! Мы же только на прошлой неделе переливали! Неужели опять нужно?!

– Видишь, сколько мути осталось? – объясняла Атаказ. – Будем переливать, пока вино не станет чистым. Теперь постоит с недельку, а там другой раз перельем.

Рода обреченно уронила голову.

– А когда ты уже начнешь колдовать?

– Я уже колдую.

– Нет, – возразила девочка. – Ты должна бормотать волшебные слова и размахивать посохом. А еще тебе нужен большой ведьмин котел. У тебя есть большой ведьмин котел?

– У меня есть большая кастрюля. Ты разве не помнишь? Я в ней посохом вино помешивала, прежде чем от выжимки отделить. Все как положено.

– Такая и у нас есть, – задумчиво протянула Рода. – Я в ней купалась, когда маленькой была. Значит и я смогу сделать волшебное вино? Только посох нужно найти ...

А с приходом зимы они начали укрывать виноград: перевязывали, укутывали в мешковины, пригибали и присыпали землей. Рода уже накинула материнскую шубейку, но колдунья по-прежнему оставалась в своих неизменных платьях.

– У тебя, наверное, теплых вещей нет, – вслух рассуждала Рода. – Я могу принести мамину шапку. Не хочу, чтобы ты заболела.

– Мне не бывает холодно, – успокоила ее Атаказ.

– Как это?

– А подумай сама. Ты – молодой побег, ты полна жизни, но и легкий ветерок тебя может сломить. Я подобна старому пню: жизни во мне чуть, но я цепляюсь за нее своими могучими корнями.

– А родные у тебя есть? – спросила Рода. – У всех должны быть. Откуда ты пришла?

– Я пришла, – Атаказа отставила лопату, не закончив прикапывать виноград, и надолго задумалась. Она подняла голову. – Я упала с неба.

Рода рассмеялась.

– Ты что, не человек? Люди рождаются на земле.

– Ошибаешься. Люди рождаются в небе, – колдунья указала рукой. – Видишь эти звезды? Это души живых созданий, которые еще не пришли в наш мир.

– А я думала это светлячки, которые летают за Луной. Расскажи мне о Луне и Солнце. Мама говорит, они братья, а, по моему, они совсем друг на друга не похожи. Ты их видела, когда падала?

И вновь простой детский вопрос заставил древнюю колдунью задуматься. Яркие картинки далекой жизни промелькнули перед ее черными мертвыми глазами.

– Я их видела, – вспомнила она. – В солнечной ладье мерно плывет златокудрый Эсмаид. Лик его прекрасен, а яркий свет его лучистых глаз проходит сквозь воды небесного океана и дарует Яраилу день. А когда его последние закатные лучи тают за горизонтом, той же дорогой в небо на утлом плоту поднимается Эсэтир. Он прячет щербатый лик под черным капюшоном, а его поводырь туманный ворон Тайкрил указывает слепцу дорогу. Прежде они проделывали этот путь вместе, юные неразлучные и неразличимые даже для своего

отца. Но в далекой битве Эсэтир заслони́л собою брата, тогда свет его потускнел, и общая рана разделила их навсегда.

Атаказ рассказывала девочке истории о богах и о древних людях, об их родном Яраиле и о других мирах. Знаниями она могла поделиться и с ученым мужем, для сельской же девочки древняя колдунья стала настоящим кладезем былинных сокровищ и тайн.

Первыми откровениями Рода пыталась делиться с родными, но всякий раз получала неожиданную для себя и обидную отповедь.

– Хватит ходить к старухе! – вновь кричала на нее мать. – Разве не знаешь, что ведьма ворует чужие жизни?! Как не совестно тебе знаться с ней?!

– Ей колдунья не доставит беды, – возражал отец Роды, Обахарий; он единственный в доме поддерживал дочь.

– Ох, молчал бы тоже! – только больше сердилась Нагинара. – Где вина вчера взял?! Про друзей не ври! К ведьме ходил?!

– Где взял, где взял, – передразнивал Обах. – Все ей знать надо! Ну тебя! – И всякий раз он отмахивался и, не слушая укоров, уходил.

– Мать тебе не указ, – оскорблялась Нагинара и продолжала бранить дочь. – Брата старшего хоть послушай! Сестру послушай!

– Не ходи, Рода, – соглашался Далиир. – Не к добру это.

– Не ходи, – повторяла Альгина, ее младшая сестра.

Их не слушала девочка, а все-таки глубоко западали в сердце строгие материнские слова.

– Это правда, что ты воровала детские жизни? – спросила она как-то Атаказу.

– Было время, – созналась колдунья. – Теперь в прошлом. Изменилась я, каждый день меняюсь.

– Не меняются люди! – возразила Нагинара, как услышала дочь. – Старики и подавно! Да с чего ей меняться?

– Умирает она, – прошептала Рода.

– Умирает, как же! Да она и детей твоих переживет!

Больше не пыталась защитить наставницу Рода и секретарями с матерью не делилась. Даже заговаривала с ней редко. Только с отцом советовалась.

– Простить всякого можно, – на вопрос дочери отвечал Обахарий. – Только сложно это: много зла Атаказ натворила. Но решать тебе.

– Пап, не ходил бы ты к ней за вином. А хочешь, я за тебя буду часы переворачивать?

– Что ты, дочка, придумала! – ужаснулся Обах, замахал руками, да едва на ногах устоял. – Мать твоя поедом день и ночь меня поедает. Как же тут не пить?

– Не бери платы с папы, – осмелев, попросила как-то Рода колдунью, когда та уже укладывалась спать. – Я платить буду.

– Чем он лучше других? – строго спросила Атаказ. – И с других тогда брать нельзя.

– И с других не бери.

– А на что мне жить? Денег я не имею. Чем кормиться? Взрослая ты уже, Рода, скоро замуж пойдешь, меня оставишь. А за мной Селиотир тянется, сколько не бежала я, не укрыться мне от его бледной руки. А жизнь она не надоедает, неправда все это. Не хочу я умирать.

– Но ведь ты говорила, что бессмертная, – напомнила ей Родмила. – Что не можешь умереть, пока идут часы.

– Верно это. Да только мне кажется, что быстрее мои дни из одной чаши в другую стали пересыпаться.

– Это потому что зима настала. День теперь короче, вот и часы идут быстрее.

– Не поэтому, – возразила колдунья. – Жизнь-то моя в часах останется, да сама умру, поизносилась я. Сгорю в красном пламени, как наяву вижу.

– Я за тобой присмотрю, – пообещала Родмила, укрыла ее пледом и погасила свечу.

Здесь уже ни мать ее не поддержала, ни отец. Однако решению своему Родмила не изменила. Она и готовила колдунье, и убирала, и стирала ей.

Селяне осуждающе качали головами, но открыто не высказывались – Нагинара никому не позволяла поносить ее дочь. Больше всех роптали пропойцы. Не находя покоя в дурмане, они вымещали злость на женах. Женщины во всем винили Нагинару и ополчились на нее всем селом. Однако сметливая Нагинара быстро примирила стороны, еще и себе на выгоду. Памятуя слова дочери, она сама взялась варить

вино. Пропойц мало беспокоил иной вкус напитка, а вот ответственную плату монетой они сочли выше отданным, но даже не принадлежавшим им далеким летам. Тяжелее других приходилось Обахарию, ибо жена наотрез отказывалась оделять его вином.

Большую часть времени Родмила проводила с Атаказой, но не забывала она помогать и матери и часто брала на себя приготовление вина. Однажды купить вина к ним приехал человек изысканных манер из самого Бризариона. Высокий статный он представился архивариусом и сразу приглянулся Родмиле. Как-то она заявила матери:

– Мама, я хочу уехать с Лежи в Бризарион.

– Поезжай, – без раздумий отпустила ее Нагинара.

– Но ведь я не могу оставить Атаказу...

– Она не будет возражать. Сама ее спроси.

Нагинара старалась звучать уверенно, сразу для себя решив приложить все усилия, чтобы строптивая колдунья не лишила ее дочери будущего. Тотчас же она намеревалась переговорить с Атаказой, взять на себя ее содержание, если потребуется. Однако Родмила ее опередила.

– Не води с ним дружбы, безнадежный он человек, – заявила вдруг старая колдунья. Она лежала в кровати под двумя одеялами, глаза ее с трудом открывались, а голос звучал глухо и едва различимо.

Но неверно поняла ее ученица.

– Я добро тебе делала, а ты добра мне не желаешь, о се-

бе только и беспокоишься! Хочешь, чтобы я до последнего вздоха у твоей кровати стояла?!

– Ты сама так желала... – прошептала колдунья.

– Не того я желала! А хотела, чтобы людей ты губить перестала! Я жалела их, и тебя жалела!

Старуха хрипло рассмеялась, – словно сухое полено затрещало в костре.

– Кто ищет смерть, тот смерть находит.

– Пожелала бы мне лучше счастья, – Родмила развернулась уходить.

Неимоверными усилиями Атаказа приподнялась с кровати и властно грянула:

– Уйдешь, – не возвращайся!

Девушка удивленно обернулась. Она увидела горящие безумные глаза, ввалившиеся щеки и наставленный на нее крючковатый палец. На мгновение ей показалось, что колдунья все это время ее обманывала, притворяясь слабосильной и больной. Ей стало противно находиться в этом доме. Она ушла.

Родмила пересекла пустой и тихий двор, прошла под аркой высохших лоз винограда. У покосившейся калитки она обернулась, взглянула на заваленную собачью конуру и на обрывок проржавевшей цепи. Тогда только она поняла: природа побеждает, и как скоро не станет колдуньи, не станет и ее дома и двора.

Наконец Нагинара была спокойна за дочь. К избраннику

Родмила она не имела приятни, но был он человеком, прожившим в мире, неглупым и при деньгах.

Однако очень скоро вернулась Родмила.

– Не могу я с ним! – плакалась она матери. – Не солгал Лежи, в царских архивах работал. Только выпивать любил. А теперь, как нашего вина испробовал и не трезвеет! – она зарыдала и уткнулась в материнский рукав. Но быстро отерла слезы и продолжила: – Нет у него больше работы, и денег нет: вмиг истратил! По друзьям теперь побирается, по родне. Так еще сказал, заведем детей, пусть они нас кормят!

– Правильно, что ушла, Рода, – утешала ее мать, прижимая к себе и глядя.

– Правильно, а только слишком поздно. Я ребенка жду.

Жизнь в родном селе у Родмилы быстро наладилась. Она примирилась с матерью, а на радостях воссоединению перестал выпивать отец. Тогда же Далиир познакомил домочадцев с Ильгой. Так и жили они вместе дружно большой семьей. Родмила не ходила к старой колдунье, только справились о ее здоровье.

– Всех живых живее, – заверила ее Нагинара. – Нас еще переживет.

– Все-таки добра она мне желала, – рассуждала Родмила. – Как не навестить?

– Ты ослушалась ее прежде, так послушайся хоть теперь. И меня послушай. В первый раз я с колдуньей согласна. Незачем тебе к ней ходить.

– Я обидела ее, вот она и вспылила.

– Не в обиде здесь дело, доча. Здесь другое что-то. Не ходи. Обожди хотя бы, как ребенок родится, дальше видно будет.

Согласилась Родмила и о колдунье надолго забыла. Но стал подходить срок ребенку, и она забеспокоилась.

– И мне было страшно, – успокаивала ее мать. – А то, как же? Не переживай. Не тебе первой рожать.

Однако положенное время прошло, а ребенок все не появлялся. Тогда уже забеспокоилась и сама Нагинара. Она обещала дочери знахаря, а потребуется, так и видного волшебника из столицы позвать. Но Родмила не смогла дольше ждать. Ночью незамеченная она бежала к Атаказе.

Старуху она нашла в положении, в каком оставила ее многие месяцы назад. Колдунья лежала на спине, сложив руки на груди. Глаза ее были закрыты, а дыхание незаметно. За это время сильно состарился дом Атаказы, обветшал, наполнился пылью и порос густой паутиной. Воздух в нем стоял такой тяжелый, что, войдя, Родмила не могла дышать. Она поспешила раздвинуть ставни.

Когда холодный ночной ветер, потревожив сизую пыль, нетерпеливо ворвался в дом, колдунья глубоко вдохнула, как вдыхает утопленник, вдруг вернувшийся к жизни.

– Рода, – едва слышно и жутко прохрипела она. – Переверни часы.

Запах гари разбудил всю деревню.

– Чей там пес не унимается? – разлепляя глаза, проворчал Обахарий.

Выйдя за калитку, он застыл в изумлении. Перед ним скулил и вился в нетерпении рыжий поджарый пес в черном кожаном ошейнике.

Опрометью Обахарий бежал к дому колдуньи так хорошо ему знакомой Дорогой Смерти. В алом зареве пожара впереди него таял Закат. Но чем ближе мужчина подбирался к дому, тем слабее горело пламя. Когда же он раздвинул густые заросли рогоза, то увидел только пепелище. Все устилал серый пепел. Не осталось следа от колдуньи и от дома ее. Тщетно звал Обахарий Роду; ползая в пепле не нашел он ни дочерних костей, ни волос. А куда подевался Закат, он и не думал, только рыжего пса с тех пор никто в селе не видал.

Опустошенный стоял Обахарий на коленях. Его тяжелые руки бессильно свисали, а невидящий взор обращался к Луне, необычайно большой и яркой в эту страшную ночь. По его грязному закоптелому лицу прокладывала дорожку одинокая слеза.

Вдруг он услышал детский плач. Заметенный вездесущим пеплом неподалеку лежал младенец. Обахарий удивленно поднял его на руки и пробормотал:

– Язар, так она хотела тебя назвать.

Едкий дым обесцветил глаза младенцу и едва не лишил зрения, а пепел, въевшись в его кожу, навсегда сделал ее серой.

Нагинара нашла утешение во внуке, а дядя с тетей заботились о нем как о собственном чаде, которого волей богов не смогли завести. Тяжелее других переживал горе Обахарий. Стал он угрюм и мрачен, часто к вину прикладывался, оттого ненамного пережил дочь.

Среди скарба колдуньи, среди множества вещей, накопленных за всю ее долгую жизнь, уцелели одни только Часы Застывшего Часа. Но они, нетронутые селянами так и продолжали лежать на пепелище, пока однажды их не подобрал Язар. Эта выходка привела в ужас его бабушку и в бешенство дядю. Далиир попытался разбить часы, однако металл не мог превозмочь заключенного в них колдовства. Маленький мальчик слезно плакал и умолял оставить их ему, – в Часах Застывшего Часа он видел единственное воспоминание о своей матери. Побезденная его мольбами бабушка перестала причитать, дядя покорно опустил молот. Но прошло много лет, и часы стали обыкновенным предметом кухни. А когда заезжий городской священник не нашел в них ни проклятья, ни злого колдовства, угасли и последние тревоги Нагинары.

С треском проворачиваемой скобы часы перевернулись. Крупицы серого праха начали медленно опадать в нижнюю чашу. Через щель притворенной двери к ногам Язара упал первый красный луч. Юноша поднялся. Далиир продолжил невозмутимо кушать чай.

Глава вторая. Послание небес

Язар торопился на тырло. Дед Сусард, с которым его дядя объединился для совместной пастьбы, всегда вставал за светло. Но, может быть, именно сегодня ему нездоровится. Коровы оставлены без призора, и норовистая Белка плотничихи уже бежит в лес. Язар стиснул палку покрепче и ускорил шаг.

Колченой Сусард уже стоял на вершине всхолмления. Он навалился на клюку обеими руками, и вместе они казались единым целым, сухим, сбросившим листву деревом. Сильные порывы ветра раскачивали его подобно флигелю. Негнущееся тело заваливалось набок, однако ноги старика оставались неподвижными, словно уходили корнями глубоко в землю. Левый глаз Сусарда следил за большим длинным корытом, куда собиралась дождевая вода, и где сейчас стояли коровы. Правый не выпускал из виду большак, по которому пастухам предстояло гнать коров, но не раньше того, как они напасутся на тырле.

К приходу Язара здесь паслись всего шесть коров. Одна из них, упрямая Белка, уже нацелилась на большак и двигалась к нему прямой стрелой, вскользь выщипывая траву для маскировки.

Проходя мимо, Язар развернул ее, направив в сторону корыта к остальным, после чего уселся на бревне у подножья

холма подле Сусарда. Старик в одной холщовой рубаше, казалось, не чувствовал утреннего холода и пронизывающего ветра. Язар же, напротив, кутался в не по размеру большой овечий тулуп. На ногах его были высокие берестяники, не пропускающие влагу утренней росы, а под ними суконные скуты, которые хранили тепло его ног. Остальную часть ног закрывали теплые меховые штаны. Но никакая одежда почему-то сегодня его не грела, и потому он почти с благодарностью направился к Белке, когда она вновь повернула к большаку. Ходьба не согревала его, но отвлекала от докучливых мыслей о холоде.

Корова плотничихи пользовалась нелюбовью селян, и даже сама хозяйка, высматривая не вернувшуюся ночью скотину, грозно божилась по зиме сдать ее на мясо. Однако Белка никогда не давала меньше ведра молока за удои, оттого перешагнула уже пятнадцать зим. Единственное чего еще желала от нее плотничиха, чтобы вопреки возрасту корова сумела оставить после себя столь же радетельную кормилицу.

Во всем Виннике выпасали пятьдесят восемь коров. Еще тремя годами ранее их численность превышала сотню, и каждая одинокая старушка держала корову до поры, пока сохраняла крепость в ногах. Но лета становились жаркими, зимы же, напротив, год от года крепчали. Те перемены люди толковали дурным знаком, и даже наименее суеверные из них нередко прослеживали пути Луны и Солнца, гадая, какая вражда посеялась меж двух божественных братьев.

Уследить за шестью десятками коров могли и двое, но сложив подслеповатого отрока и хромого старика, больше одного и не получалось.

Когда на стойбище пришел Далиир, стадо уже повернули к большаку. Мужчина принес продуктов не день: сушеного мяса, брынзы, овощей, вареных яиц, компота и пирогов.

Пообедали ближе к полдню, а когда коровы были подоены во второй раз, их погнали в рощу акаций. На прогоне Сусард задавал направление стаду, Язар сдерживал его у границы полей, не давая скотине забраться в пшеницу, Далиир подгонял ненасытных и отстающих. Одно время пастухам помогала бабушка Нагинара, исхитрявшаяся совмещать выпас индюков и коров. Когда она покидала рощу, ее прежде пустое лукошко наполнилось грибами.

– Зрение у тебя поганое, – говорила она Язару, не сводя глаз с индюков. – Но я, внучок, на целителя денег соберу.

– Меня уже смотрел целитель, – напомнил он. Тогда целитель лишь бессильно развел руками.

– То зелейник, – важно возразила баба Нара. – Наварить кореньев и я могу. Тебе надобно к настоящему волшебнику. В Грушевник поедешь, пусть там посмотрят. Не может быть такого, чтобы глаза не вылечили! Как надо они и мертвых из земли поднимают, а тут глаза! Тогда и работу найдешь. Захочешь, домой вернешься, а захочешь, останешься в городе. В городе тебя и брат пристроит, и сестра поможет.

Язар рассеянно кивнул. Его двоюродные брат и сестра,

дети Альгины, жили в Грушевнике. Балатин работал колесником, Равалья проводила свадьбы благородных девиц. Оба хорошо зарабатывали и уже подумывали о собственных семьях. В разговорах с ними Язар всегда робел, ибо, будучи старшим из троих единственный так и оставался не прилажен к взрослой жизни.

Пасти коров дело нехитрое. Для того не надобно смекалки и особой прыти. Не пускай стадо в лесные дебри, да не позволяй вытаптывать засеянные поля. Держать коров нужно одной большой группой, ведь если хоть одна двинется в отрыв, за ней могут увлечься остальные.

Минувшей ночью рощу накрыла буря. Холодный ветер сгибал макушки деревьев, вырывал их с корнем и ломал наполам. Его надсадный вой кружил над Винником голодным волком. Даже самых смелых собак он загонял в будки, а их хозяев заставлял подолгу ворочаться и мешал им уснуть. В ту ночь во всей деревне беззаботно спал один лишь Язар. Далиир же, напротив, отчаявшись уснуть, вышел во двор и с укором взглянул в темное небо. Он ничего не увидел в крошечной тьме, однако ему почудилось, что это не буря гремит, но жутко воет чудовищный небесный зверь.

Многие деревья в роще были повалены, тропинки перегородили засеки, повсюду лежали щепки и жухлая листва. Тяжелей всего продираться через рощу приходилось колченогому Сусарду. Он часто останавливался и подолгу примерялся, прежде чем перешагнуть очередное бревно. Однако

от помощи он всякий раз отказывался. Если же против воли его хватали за руку, незваных помощников он мог и хорошенько огреть клюкой.

Далиир обходил стадо, выравнивая и возвращая отбившихся коров. Дед Сусард сидел на обомшелом пне и громовыми выкриками призывал скотину к повиновению. Язар, скучая, высматривал в палой листве грибы. Его слабое зрение упускало неприметные шампиньоны и сыроежки, росшие так обильно, что порою юноша едва на них не наступал, а выхватывало только огромные вянущие мухоморы и прелые трутовики.

– Сегодня коровы спокойные, – заявил, подходя к нему Далиир. Наклонившись, он сорвал синеножку и протянул племяннику. – Ступай домой, мы со стариком управимся.

– Хорошо, – вынужденно согласился Язар. – Побуду с вами еще недолго и пойду.

Коровы сегодня не отличались послушанием, но он понимал значение слов дяди. Небо пожирала тяжелая кустистая туча. Когда она перекроет солнце, он слабовидящий от рождения станет слепым как новорожденный котенок.

Со своего места на развилке дорог Язар едва различал восемь коров. Однако он прекрасно знал, где находятся остальные пятьдесят. Коровы двигались единым целым, одним организмом: стадом. И только одна из них, упрямая Белка не подчинялась общему течению. Вновь и вновь Язар ее поворачивал, а сейчас, уловив треск сухих ветвей, вдруг увидел,

как тает в непроглядной лесной чаще большое размытое белое пятно.

Первые поселенцы Винника еще помнили ужасных троллей Ведьминого леса, с которыми сражалась Атаказ. Тролли не желали отдавать свои владения людям, но перед могуществом колдуньи вынуждены были отступить. Загнанные в лесные дебри они больше не осмеливались приближаться к людям, довольствуясь и теми немногими одиночками, что с горя или от пустой головы забредали в их края. Лакомой добычей троллей была и отбившаяся от стада скотина, потому особо рьяно пастухи не пускали коров за границу рощи акаций.

Вмиг Язар лишился дарованного тишиной рощи умиротворения и, подобрав палку, опрометью бросился за беглянкой.

– Куда пошла! – не испуганно, но разозлено крикнул он ей в спину. Шанс повстречать лесного тролля на окраине был не велик, а вот побегать за коровой ему теперь придется.

Ответом на его отчаянные выкрики корова, покачивая набитыми боками, прибавляла шагу. Трещали под ее копытами сухие ветви, шелестели кустарники, обтесывая ее шкуру шипами. Огромные иглы акаций могли пропороть и прочную шкуру коровы, а уж человеку не пораниться в тех зарослях было тяжелее вдвойне. Вздрогнув от укола в палец, Язар остановился.

– И беги себе! – разозлено бросил он Белке вслед. – Пусть

плотничиха сама за тобой гоняется!

Но, растерев уколотый палец и бормоча под нос недовольства, он быстро возобновил преследование.

Продираясь сквозь терние, Язар увидел прицепившееся к ветвям шиповника перо. Размера оно было невероятного, не меньше локтя и одного вершка, окраса сизого с подпалинами на кайме. Чуть поодаль на соседних ветвях и на земле нашлись и другие подобные перья, а также пучки не то желтой шерсти, не то пуха. Забыв о беглянке, Язар двинулся в новом направлении, указанном чудесными перьями. Разум рисовал ему встречу с величественной прекрасной птицей, и его не коснулся страх, что это громадное создание может быть плотоядным.

Вскоре Язар его увидел, однако далеко не сразу признал. Поначалу существо показалось ему коровой или мышастой лошадью, столь оно было велико. Существо положило огромную морду на кусты шиповника и не двигалось. Лишь подойдя ближе, Язар сумел рассмотреть его получше.

На земле растянулся грифон, одно из крыльев которого подслеповатый пастух изначально ошибочно принял за голову существа. Огромное, больше самого Язара оно цеплялось за ветви кустарника, будто и, умерев, грифон не мог принадлежать земле и даже теперь силился взмыть в небеса. Язар обошел грифона с благоговением, затаив дыхание, чтоб ненароком не потревожить, не осквернить. Втайне он надеялся, что грифон лишь ранен, а его слабое зрение продлева-

ло жизнь той ложной надежде. Но время шло, а зверь все так и лежал, не шевелясь. Нет, напрасно Язар вглядывался, грифон не ворочался, – то лишь ветер ворошил его красивые перья.

Язар прошел дальше. Первоначальный восторг, вызванный обликом грифона, сменился горьким разочарованием. Он не желал выносить это чувство из леса, забирать с собой и делать своей частью. Он хотел накрыть его хотя бы небольшой приятностью, пускай самой приземленной: красивым деревом, ручьем или живым лесным зверьком. И ему не пришлось долго искать. Однако новая находка доставила ему еще меньше удовольствия.

Это был мужчина: белокурый, миловидный, с вьющимися отливающими небесной синевой белоснежными волосами, собранными в одну большую косу по пояс и в две маленькие косички на висках. Кожа его была бледна, как мел, крепкое тело облегал изысканный шитый серебром камзол, укрытый вязаным плащом из птичьего пера. Обувь мужчины не имел, головы и рук не покрыл. Судя по нежной коже, с тяжелым трудом он не знаясь, однако познакомься Язар с ним при жизни, он изумился бы заточенной в холеных пальцах силе и знал бы, что прочность его кожи не уступает крепости шкуры быка. Роста мужчина был необычайного, на голову выше Далиира и любого другого виденного когда-либо Язаром человека. Он и не был человеком, о чем явственно говорили и его черные невидящие глаза. Глаза альва, неко-

гда лучащиеся ярким светом драгоценного камня теперь померкшие как остывшая зола.

Его народ обретался в надземном мире среди ледяной воды, буйного ветра и живого огня. Великие мыслители и колдуны в надменности своей альвы редко нисходили к людям. Если же человек поднимался в их облачный град, очарованный он не имел решимости вернуться на землю. Оттого человеческие знания о народе альвов были обрывочны и легковесны. Так, Язар слышал об их долгожительстве, но даже не был уверен, что они способны умереть.

Мужчина на земле не походил на мертвеца. Лежал он на спине прямо, голову держал ровно, руки сложил на груди. Его лицо выражало безмятежность, но жутко темнели черными провалами застывшие глаза. Весь его облик говорил о величии и благородстве, и только у его плаща не хватало лоскутка. По-видимому, именно этот лоскуток альв держал в руках, предлагая в дар всякому, кто найдет его в посмертии.

Язар долго не решался потревожить покойника. Наконец он осторожно прикоснулся к белым пальцам, но сразу одернул руку, ожегшись, так они были холодны. Тело альва засияло мягким лунным светом; он стремительно набирал силу, покада полностью не поглотил посланника небес. Альв рассыпался мелкой ледяной пылью, и ее тут же забрал внезапно налетевший холодный порыв. Альв пришел в этот мир бескровно и ушел, его не запятнав. От него остались только два черных драгоценных камня, некогда отражавшие его душу,

да лоскуток серебряной ткани, бережно хранимый холодом ледяных рук. Лоскуток источал смертельный холод, и чтобы удержать его, Язару пришлось опустить на пальцы рукав тулупа.

На серебре неземной ткани снежинки выложили причудливые письма. Их витиеватый облик не давал никакой подсказки содержания, и все, что сейчас Язар мог сделать для автора, – сберечь его последние слова.

Забрал он и глаза альва. Он не считал это преступлением, ибо эти черные камни больше никому не принадлежали. Любой золотарь мог предложить за них хорошую сумму, однако особую ценность они имели среди магов. В желании завладеть силами альвов самые отчаянные из них поднимались в надземный мир, но далеко не с мирными намерениями.

Глаза альва оказались холодными и легкими – такими, как и можно ожидать от драгоценных камней. На свет они не просматривались, но даже его впитывали, забирая и не возвращая.

Обратный путь Язар пролетел на одном дыхании. Он умел и любил бегать, часто пробегая на рассвете по двадцать, а порою и по сорок верст. Бег не утомлял его, однако сейчас юноша ощущал себя неуклюжим коротконогим увальнем. Трижды за полторы версты он запнулся, в третий раз налетев на дерево плечом. Мысль его бежала далеко за пределами рощи, парила на причудливых зверях и плыла в облачных кораблях. Он напрочь забыл о Белке, забыл в лесу свою пасту-

шью палку и даже не повернул двух встреченных отбившихся от стада коров.

Дядя выслушал его сбивчивый рассказ хладнокровно, а когда Язар закончил, просил показать грифона.

Далиир шел медленно, он вообще никогда не спешил. Он долго и внимательно рассматривал перья грифона, чесал щетину на подбородке и задумчиво качал головой. Язар же не мог совладать с волнением: его ноги не принимали покоя, топтались, покачивались или переносили Язара с места на места в ожидании Далиира.

Увидев благородное создание, Далиир усмехнулся и упер руки в бока.

– Да-а-а, – задумчиво протянул он. – Эдакого зверя наши леса еще не видали. С ним твоему рассказу поверит всякий. А только знаешь, Язар, – Далиир наклонился и ласково, но внушительно заглянул ему в глаза. – Не говори никому о встрече с альвом, и о послании не говори. Прочитать его все равно никто у нас не прочитает, а для досужих сплетен нашим довольно будет и грифона.

– Наверное, его нужно отнести в город, – размышлял Язар. – Там его сумеют прочитать.

Далиир положил ему на плечо свою большую мягкую ладонь и посмотрел куда-то вдаль. Спокойствие, исходящее от дяди, сразу передалось Язару.

– Обожди, – ответил он. – Сперва коров допасем. – И невозмутимо указал рукой. – Заверни Белку.

По мере приближения к солнцу тяжелая туча утрачивала свою грозную силу. Она обогнула светило, не закрыв его, побледнела окончательно и разорвалась на мелкие паутинки. Когда Язар поднял взгляд, ему представилось, что на небе жарится большая яичница.

Смотреть на солнце, не боясь обжечься, было невеликим вознаграждением его слабому зрению. И часто, глядя в размытое желтое пятно, он видел и золотую ладью в ореоле утреннего света, и самого вечно молодого прекрасного солнечного бога, и его трехглазого горящего ястреба Зарока. Сверстники ему не верили, но люди старшего поколения помнили, как он сам рассказывал о тех вещах, едва научившись говорить. Видел он и другие удаленные объекты, которые не должен различать человеческий глаз. Он считал птиц там, где другие не находили даже черных точек. А стоя у начала дороги, ведущей в Грушевник, мог наблюдать, как в десяти верстах от него, спускаясь с холма, лушил семечки Балатин. Однако по мере приближения брата, его очертания размывались, и когда он подходил к Язару, тот не мог даже его узнать.

Хотя дядя и отпустил его, Язар остался. Он считал невозможным унести удивительные находки и наслаждаться ими, переложив свои обязанности пастуха на Далиира. Время шло, но волнение Язара не ослабевало. Роща акаций представлялась ему тюрьмой, сменялись прутья-деревья, но его заключению не было конца. Никогда еще время не волочи-

лось для него так медленно.

– Час, – отмерил он остаток светового дня и остаток сегоднешней пастьбы, когда между горизонтом и солнцем поместились четыре его пальца. – Четверть часа, – вновь и вновь в нетерпении твердил он, когда в просвет помещался всего один палец.

Коровы давно уже напаслись. Они неподвижно застыли, словно и на них распространился замогильный холод альва. Они даже не качали хвостами, ибо уже спали в сараях и теплых закутках последние назойливые мухи. Коровы тупо смотрели в одну точку и не моргали; на короткое время они утолили голод, а других занятий не имели. Некоторые из них лежали, подогнув под себя копыта. Одна корова чесалась рогами о сухое дерево, другая возомнила себя быком и пыталась покрыть соседку.

– Да когда же, когда, – нетерпеливо бормотал Язар, недоумевая, почему они медлят и чего дожидается дядя.

– Гоним? – вопросительно крикнул Сусард Далииру и, получив утвердительный ответ, возопил на коров так, будто они заранее отказывались выполнять команду. – А ну пошли!

Стадо двинулось. Сначала медленно, но быстро набирая шаг. Язар подгонял отстающих, Далиир и Сусард сдерживали скотину с боков.

– Шевелись, сказано! Пошла! – истошно выл Сусард, обнаруживая в себе таланты полководца и выказывая неужи-

данную от него прыть.

За годы совместной пастьбы коровы отлично знали дорогу и в большинстве сами расходились по домам. Хозяйки забирали норовистых, не желавших возвращаться домой, а также не успевший заучить дорогу молодняк. Телочки неотступно следовали за коровами, с которыми вместе жили и выпитывали их поведение и привычки, точно как и они покорно брели в коровник или гарцуя, убегали при любой оказии. Стадо растянулось по улицам, оглашая вечернее село протяжными мычаниями. Коровы мычали, бредя по улицам, и мычали, стоя у вовремя не растворенных ворот. Но едва оказавшись за заборами, они успокаивались и позволяли хозяйкам разрешить их от ноши и подоить в третий раз.

Ужинать собрались в кухне. К их возвращению Ильга уже управилась по хозяйству, испекла пышную буханку хлеба и горку больших, размером с тарелку ватрушек, наварила кастрюлю зеленого борща, натолкла картофеля и приготовила творога из утреннего молока. Помимо того, на столе лежала свиная колбаса, стояли чайник, горшочек с березовым медом и крынка с кисляком.

Язару не терпелось рассказать о находке, однако случая все не предоставлялось. Он не хотел перебивать дядю с тетей, и речь за столом шла о бытовых сельских вещах. Далиир расправлялся с борщом, Язар предпочел творог, Ильга ограничилась кисляком.

– Ночью кошку с котятами подбросили, – восторженно со-

общила она. – Лежат в сарае.

– Вот там пусть и остаются, – шумно потягивая горячий борщ, строго отозвался дядя и пригрозил: – А сунутся во двор, прибыю!

– А сегодня цыплята в сеннике лупились, – продолжала тетя. – Смешные такие! Прыгают с высоты с крыши и не разбиваются! Плюхаются, как мячики, поднимаются и бегут.

– Сколько штук? – спросил дядя, отрывая большой ломоть хлеба.

– Семеро.

– Не уследит.

– Да, – согласилась тетя. – Надо с другой квочкой поделить.

Покончив с борщом, Далиир принялся за свиную колбасу и картошку. Язар пропустил второе блюдо и сразу перешел к чаю с ватрушками.

– А я сегодня... – попытался он поделиться новостью.

– Мурзик! – вдруг воскликнул Далиир.

Все взгляды сразу опустились вниз. К нему ластился молодой рыжий кот с короткими вислыми ушами.

– Дай ему колбасы, – предложила тетя.

Далиир посмотрел на нее сердито.

– Иля! Ты и так ему всю печенку скормила!

– Ты такое не ешь.

– Так потому и не ем, что ее нет!

Мурзик запрыгнул на свой любимый и единственный в

кухне обитый ватой мягкий стул и с любопытством, шевеля усами, стал рассматривать содержимое стола.

Несмотря на протесты мужа, Ильга отрезала колбасы, наклонилась к Мурзику и поднесла угощение к самому его рту.

– Ешь, котя, ешь, – ласково приговаривала она.

Мурзик осторожно полизал подношение, маленький кусочек съел, но от остальной части отказался. Тогда тетя открыла дверь, за которой все это время стоял и скребся большой черный лохматый и курчавый пес, и кинула ему недоеденную часть. Пес лязгнул зубами, поймав кусочек колбасы и, не жуя, проглотил. Одурманенный запахом кухни, он переступил порог и начал водить носом, принюхиваясь, в надежде отыскать еще лакомств.

– Мард, выходи, наследись тут! – приказала тетя, подпихая пса ногой к выходу. Однако тот не слушался. – Далиш, рвякни на него!

– Мард, вышел! – рвякнул Далиир.

Пес понурил голову и, цокая когтями по деревянному полу, вышел за дверь. Лязгнул дверной замок, на мгновение в кухне водворилась тишина.

– Ну, Язар, рассказывай, – ободряюще обратился дядя к племяннику.

Тот уже успел озвучить историю мысленно, речь его не была сбивчивой, он не спешил. Ильга слушала нетерпеливо: нервно перекладывала руки на столе, поочередно подпирая ими голову, покусывала пальцы, сопровождала рассказ вос-

торженными восклицаниями, изумленно разглядывала глаза альва и то и дело качала головой.

– Ого! Ничего себе! – выдохнула она, когда Язар закончил.

– Только молчком, – распорядился Далиир. – Никому.

– Да, – согласилась она. – Никому говорить нельзя.

– Даже Балику и Раваше? – уточнил Язар.

– Что знают дети, знает и мать, – важно заметил Далиир. – Что знает их мамка, знает и баба. А что знает баба Нара, знает все село. Набегут тогда этезианские. Не то, что иглы в стогу, самого сена не останется: все сметут подчистую!

Жители Этезии обладали дурной славой. Согласно расхожей поговорке они воровали, находясь в нужде, и воровали вдвойне, когда стяжали богатства. Страстные к жизни они расселялись по всему Семарду, далеко за пределами своего королевства, а их угольные волосы и хмурые смуглые лица передавались потомкам, которые уже не помнили родных мест и родного языка. Иные народы считали этезианцев стервятниками, иные чумой, способной заразить весь человеческий род. И даже самый благородный и добронравный этезианец полагался родителями невесты нежелательной парой.

– Да они и не этезианские, – робко возразила Ильга, понимая, о ком говорит ее муж. – Пусть отец их этезианец, зато мать бризарка, и они бризарцы, как и мы.

– Этезианцы, – категорично перебил Далиир, принимаясь за ватрушки. – Чтоб ноги их тут больше не было.

– Они и не приходят давно, – задумчиво отозвалась Ильга, и в голосе ее прозвучала грусть.

Этезианские дети жили на соседней улице. Отец их давно бросил, матери домом служил лазарет в Грушевнике. Добросердечная Ильга принимала и кормила их у себя с радостью, они в благодарность помогали ей по хозяйству. Но Далиир не привечал чужаков, и когда дети подросли, счел, что они уже способны прокормить себя, а нет – так и тогда это не его забота.

– А вы будете моей новой мамой, когда моя мама умрет? – с надеждой спросила как-то этезианская девочка Ильгу.

– Ты так не говори никогда, – строго возразила тогда Ильга. – Мама твоя скоро поправится и вернется к вам.

И она оказалась права. Женщина оправилась, вернулась в дом и настрого запретила детям ходить по гостям. Лишь однажды за минувший год, проходя по соседской улице, Ильга увидела ее дочь. Девочка так торопилась ее приветствовать, что оступилась и растянулась на земле.

– Какие черные! – продолжала изумляться Ильга, поочередно рассматривая глаза альва перед светом лампадки. – Далиш, они, наверное, магические?

– Просто темные, – отмахнулся он и обратился к Язару. – Ты их спрячь хорошенько вместе с письмом. Прежде коров отпасем, а там поедем в Грушевник.

Язар так и застыл с куском ватрушки в руке, не донеся ее до рта. Ему уже представлялось, как неожиданная находка

окунет его с головой в бурные воды приключений, он поплывет, увлеченный стремниной событий. А когда его наконец выбросит на берег новой жизни, он будет окроплен яркими не тлеющими воспоминаниями.

– Я могу сбежать в город, – вызвался он. – Всего восемнадцать верст. И запрягать не надо.

– Такую загадку, Яз, наскоком не разрешить, – дал укорот ему дядя. – Я сомневаюсь, что язык альвов знает кто-то в Грушевнике. Хорошо если нам дадут подсказку, где найти толмача, и тогда уже нам предстоит совсем иная, куда более длинная дорога.

Язар понурил голову, совсем как недавно это сделал Мард. Каждая корова добавляла хозяевам один день к пастыбе всего стада. Ильга держал трех коров, семья Сусарда двух. И сегодня они отпасли только первый день из пяти.

Неожиданно потемнело. Только сквозь раскрытое окно в кухню проникал бледный свет Луны.

– Иля, ты почему за маслом в лампадке не следишь? – упрекнул ее Далиир.

– Да ведь я только сегодня подливала. Или это было вчера... – она смутилась. – Забыла, наверное.

На другой день как погнали коров, Далиир шепнул Язару: – Будь со стороны полей, к лесу не приближайся.

Еще до обеда Белка рванула в чашу. Старику Сусарду пришлось гнаться за ней больше версты, однако он прежде выполнил свой пастушеский долг и только затем поделился от-

крытием с пастухами.

И Далиир и Язар при виде грифона изобразили удивление.

– А ну, Яз, сбегай в село, расскажи бабе Наре, – распорядился Сусард.

К вечеру о грифоне знал весь Винник. Отложив неотложные дела, посмотреть на чудесное создание приходили целыми семьями. Поползли слухи, будто грифона подстрелили охотники. Прежде чем умереть, он улетел далеко от тех мест, потому его и не отыскивали. Предполагали, он мог схватиться с другим грифоном или иным могучим существом. Один ребенок высказал и вовсе фантастическое утверждение.

– Я знаю, знаю! – закричал он, перебивая взрослых и привлекая к себе внимание. – Его убил злой колдун молнией! Вот так! Бах! – он живо изобразил, как молния вылетала из рук злого колдуна.

Взрослые не придали его словам значения. Дети постарше засмеялись.

– Какой еще молнией? Ты же видишь, у него перья не опалены!

– А потом начался дождь! – продолжал фантазировать малыш. – Грифон горел ярко-ярко, упал и погас!

Дети вновь рассмеялись, мать, улыбаясь, потрепала малыша по волосам.

Только Язар, слышавший разговор, отнесся к словам ребенка с большой серьезностью. Ему казалось, что сами боги

дают ему подсказки, такие очевидные, но почему-то незримые для других. Но другие не знали об альве, иначе и они задались бы естественными вопросами. Как получилось, что погиб и зверь, и его наездник? Какая сразила их сила? Ведь случайная буря не могла захватить врасплох грифона, а магия альва должна была уберечь его и в падении. Не меньше вопросов вызывало и таинственное послание. Что было в нем? Великое откровение, заклинание или признание в любви? Может быть, последними словами альв просил прощения у родителей, от которых сбежал на землю? Может быть, предостерегал людей о грядущей беде?

Язару было страшно оставлять без присмотра глаза и письмо альва. Весь день он проносил их в кармане старого тулупа и непрерывно ощупывал, убеждаясь, что не потерял. Он получал лишь короткое успокоение, тревога далеко не отступала. Впрочем, исходящий от письма холод не позволял о нем надолго забывать. Он спорил с теплом тулупа и лишь усилиями еще по-летнему горячего солнца тулуп не заиндевел.

Осененный внезапной идеей вечером Язар раздобыл чернила и пожелтевший листок бумаги в доме бабы Нары, живущей по соседству на другой стороне улицы. Однако не близко знакомый с каллиграфией он не мог верно переписать иероглифы этого древнего и сложного языка. Четкие штрихи становились ломаными линиями, пропорции терялись, а вдобавок все перекрывали уродливые кляксы. Отчаявшись, Язар

разорвал свои труды на мелкие части и сжег в пламени свечи, в свете которой и пытался писать.

Спалось ему тревожно. Глаза альва он держал рукой под подушкой, письмо положил в сундук с вещами подле кровати. Сильный ветер стучал входной калиткой, и юноше мерещилось, что безобразный старый колдун в черных лохмотьях ломится к ним во двор. Подогревая его страхи, Мард, не замолкая, надрывался и бросался на высокий синий забор. Ему отзывались все деревенские собаки. Никогда еще ночной Винник не звучал так громко.

Язар в одной рубаше вышел на улицу. Он не взял с собой света, ибо не надеялся различить черного Марда на фоне ночи. Однако он сразу почувствовал присутствие людей на улице, ощутил их волнение и услышал приглушенные голоса.

Одновременно с ним из кухни напротив дома вышел Далиир. Он держал лампадку, на свет которой сразу же устремились мотыльки.

– Мард, что там? – громко спросил он.

Пес прошелся вдоль забора, завилял хвостом и присел возле калитки. Калитка стукнула еще раз, но теперь ее отворила Ильга снаружи.

– К Сусарду пришли! – крикнула она и подбежала к Далииру. Она дрожала, а в голосе ее звучал настоящий ужас. – Какие-то люди, не здешние. Избили его кума и зарезали пса! Они и сюда придут, Далиш!

– Иля, успокойся, – попросил он, обнимая ее одной рукой.

Язару продолжало казаться, что он спит: слишком стремительно разворачивались события, слишком неправдоподобно. Потому он не почувствовал страха. Ему уже представлялось, как он, пряча за пазухой послание и глаза альва, бежит в Грушевник через лес. За ним на взмыленных черных жеребцах гонятся охотники. Они спускают собак...

Спокойный голос дяди вернул его в реальность.

– Язар, где письмо и камни?

– Они у меня.

– Дай их мне, – Далиир требовательно протянул большую мягкую ладонь.

Язар смешался. Он понимал, что если послушается дядю, то может навсегда лишиться своих находок. Он не знал их ценности, но в том, что эта ценность высока, не сомневался.

– Их нужно спрятать или унести... – неуверенно пробормотал он.

– Лучше отдать, – рассудила Ильга. – Они найдут.

– Нельзя! – ужаснулся Язар. – Нельзя отдавать им глаза альва и тем более послание! Это может быть письмо самому царю, предупреждение о начале войны...

– А коли и так? – не возразил дядя. – Я не обменяю свою жизнь на благополучие Бризара и тебе сделать этого не позволю.

Он двинулся к Язару неспешно, без суеты. Суровое лицо Далиира выражало решительность. С каждым его шагом воля племянника таяла. Послушаться дядю теперь казалось

ему единственным разумным решением. В самом деле, ради чего он намеревался рисковать? Он уже опустил руку в карман, но вдруг замер. Холод письма напомнил ему об альве. Случайно так вышло или нет, но это он нашел послание небес, и только он был за него в ответе.

Язар покачал головой.

– Я не могу. Простите!

Он бросился бежать. Рывком Далиир попытался дотянуться и ухватить племянника. Но тот был гораздо проворней. Он выскочил за калитку заднего двора, и звуки его торопливых шагов быстро угасли в ночи.

Мард подбежал к калитке и вопросительно посмотрел на хозяина.

– Пусть идет, – выдохнул Далиир. Он сразу как-то состарился: поникли его широкие плечи, тяжелый взгляд упал и остался лежать у калитки.

– Но Далиш, – растерялась Ильга. – Он не сумеет убежать! У него ни еды с собой, ни теплых вещей. Да и ночью он слеп. Его поймают! Еще не поздно его догнать! Пустите Марда!

Не дожидаясь ответа, она бросилась к калитке. Мягкие пальцы Далиира сомкнулись на ее предплечье стальными тисками.

– Оставь! Поверь в Язара, – он справится. Конечно, он сумеет убежать, ведь столько лет он ждал этого часа.

Дорога в Грушевник была ему хорошо знакома. Не раз приезжали они туда с дядей, не раз прибегал он туда по

утрам. Дорогой пользовались не только жители Винника, но и обитатели окрестных сел. Оттого и зимой была она наезженной и нахоженной и в светлое время никогда не пустовала. Окаймленная чертополохом и репейником дорога вилась вдоль полей и далеко просматривалась. Сюда редко забредал лесной зверь, а подорожники здесь не встречались. Им негде было таиться и некого было грабить, ибо не всякий зажиточный крестьянин Бризара содержал даже старую клячу.

Пройти в Грушевник Язар мог и вслепую, ночь скроет его облик, а мягкий грунт поглотит звуки шагов. Но едва встав на дорогу, Язар поспешил сойти. Ведь если разбойники кинутся в погоню с собаками, он не успеет укрыться в городе и не сумеет затаиться в полях. А, кроме того, он не хотел вести головорезов к сестре и брату. Пригнувшись, он двинулся вдоль низеньких заборов на другую сторону села.

Винник не спал, и напрасно цикады убаюкивали его размеренным стрекотанием, – их колыбельную разрывал отчаянный лай ночных сторожей. Псы в одержимости бросались на заборы и гремели цепями, но, защищая хозяев, они только добавляли им беспокойств. Дрожащими руками люди зажигали лампы, фонари и свечи, на цыпочках выходили во дворы и шикали на преданных псов. Иные прятали детей в погреба, иные беспомощно роптали. Но все вспоминали, что при злобной колдунье Атаказе не уходил безнаказанным и самый мелкий вор.

Язару не нужен был свет, чтобы обойти канаву, в кото-

рую он упал в шестилетнем возрасте и раскрыл себе нос. Он помнил, что из соседского забора торчат ржавые гвозди, а на углу уже три года прееет тележное колесо. Далиир делал из него детскую карусель, накрутил на шест и подвесил бечевкой доски. Но как завалилась карусель, так с той поры и прееет, а поднять ее мужчинам все недосуг.

Язар знал, что в десяти саженьях слева пустует одинокий дом. Крыша его осыпалась и накренилась, стены изгрызли черви и поросли мхом. Дом стоял особняком и прежде, но десять лет назад в нем еще слабо теплилась жизнь. Жил в нем мрачный сварливый старик, коего как огня сторонились дети. Но они же тянулись к нему, как к огню. Любопытен им был двор старика, его дом и в особенности чердак, – там хранил старик собственный гроб. Язар с братом и деревенской ребятней часто играли в покойников, поочередно ложились в гроб, а потом оживали. Громко хлопали они крышкой гроба, веселились, топотали. И однажды разбуженный шумом за игрой их застал старик. Сверкнул он в полутьме холодными белесыми глазами, обхватил седую голову руками, да и в ужасе закричал:

– Зачем гроб мой ломаете, безобразники?! Во что лягу я, как помру?

Сдуло с чердака ребятню, как листву ветром, вылетели они со стариковского двора, да с того дня ни одной ногой к нему во двор не ступали. А старик вскоре помер, и стыдно Язару было на похоронах, ибо знал он, отчего перекошена

крышка гроба.

Надсадный лай вырвал Язара из воспоминаний, но это голосили не деревенские псы. Ищейки приближались. Озлобленное рычание и цокот копыт перекрикивал незнакомый голос.

– Они здесь! Обыщите каждый дом, переверните каждый камень! Допрашивайте людей – вы знаете, как заставить их говорить.

Топот копыт возобновился, зазвучали выкрики и понукания седоков. Когда звуки стихли, тот же человек уже спокойно произнес:

– Что ты хочешь сказать мне, Гром? Ты кого-то нашел?

Язар замешкался: в самом деле, куда он собрался? Как смеет он подвергать опасности своих близких и родных? И вдруг он увидел перед собой Грома – большого белого охотничьего пса. Он обернулся, но и со спины к нему подбиралась еще одна собака, тоже белая. Животные рычали и скалились, они окружали его, и ему некуда было бежать. Гром потянулся к нему и приготовился к атаке. И в тот самый момент на него налетел незнакомый Язару молодой и тощий рыжий пес. Уши его были оборваны, жесткая опаленная шерсть открывала проплешины безобразных ожогов, но шею крепко сдавливал невредимый черный кожаный ошейник. Собаки закружились в схватке, и в борьбу тут же вовлеклись соратники Грома.

Воспользовавшись случаем, Язар скользнул в заросли ро-

гоза. Шум схватки отдалялся и стихал. Защитник Язара не мог долго сопротивляться более сильному противнику, он взвизгнул в последний раз и навсегда замолчал.

Раздвинув рогоз, Язар вдруг вышел на пепелище Акатазы. Пепел колдуньи неохотно принимала земля. Здесь и там еще виднелись отблески чудесного сада. Вот темнеет сухой орех, за которым ребенком пряталась Нагинара, а вот обрубок рябины, по которой она забиралась к ней во двор. Среди сорной травы яркими всполохами пробивались красочные цветы, и еще таилась жизнь в толстых, словно канаты, лозах пагубного винограда. И не весь сад пришел в упадок. Так, капризных лицедеев стало даже больше, чем было при жизни колдуньи; к ночи они потемнели и закрыли бутоны. Язару захотелось сорвать один из них, но в его ладони нежный цветок полыхнул алым и рассыпался в прах.

Он не понимал, как оказался здесь, ведь это место находилось далеко на окраине села. Он не слышал собак и других звуков этой беспокойной ночи. Дважды он замирал, прислушиваясь, но погоня не возобновлялась. Тогда он прислонился спиной к старому ореху и закрыл глаза. Он унял трепет сердца и мысленно поблагодарил Акатазу. А когда открыл глаза, уже знал, в какую сторону бежать.

Глава третья. Ведьмин лес

В непроглядной ночной темноте распростерся зловещий Ведьмин лес. Люди обходили его стороной, не забредали сюда и домашние животные. А вот жуткие обитатели леса порою показывали человеку свой лик. То были и уродливые гигантские тролли и необычайных размеров ужасные волки. А были и такие существа, которых называли лесными духами. Они никогда не покидали леса и не чинили людям вреда, однако за таинственность люди боялись их пуще всех остальных.

В самом узком месте ширина леса не превышала пятидесяти верст. Если Язар не собьется с пути и будет следовать точно на север, то выйдет на Синий луч – главный тракт, тянувшийся с юга на север через все царство от основания хребта Трезубца до Яллуйского моря. По другую сторону леса находился Золотарь, крупный город, в котором Язар полагал найти знатока языка альвов.

Совість подсказывала, что он принял верное решение, но разум клял его наивным и глупым мечтателем, возомнившим себя героем. Он не умеет драться на мечах, он не владеет магией, так как же он намерен оберегать свою ношу?

Пробежать и через холмистый лес он мог на одном дыхании, но гораздо сложнее было не заблудиться в ночи. Кроме того, бежать в темноте было безрассудно и небезопасно.

но. Потому Язар сдержал естественные порывы и уже через несколько верст заставил себя перейти на шаг.

Удивительно, но в эту ночь подслеповатый пастух безошибочно пригибался под низко растущими ветвями столетних дубов и перешагивал их вздыбленные корни. Когда протяжно ухнул и вспорхнул с ветвей рассерженный филин, Язар проследил за ним взглядом. Нет, не светила сегодня особенно ярко Луна, и не указывали ему дорогу звезды, но прежде слабое зрение Язара вдруг обострилось как никогда.

С благодарностью он ощупал глаза альва в карманах штанов и еще больше утвердился в правильности своего решения.

А вот загадочное послание, напротив, доставляло ему только неудобства. В спешке он не подумал завернуть письмо хотя бы в тряпицу и теперь ледяным осколком оно болезненно билось о его ноги. Язар перекладывал письмо из одного кармана в другой и растирал замерзшие бедра, пока не придумал вложить его между двумя кусочками коры, перевязав вьюнками.

Он шел, следя за положением Луны и не встречая возражений леса. Дремучий непролазный Ведмин лес, которым его пугали в детстве, сейчас казался ему не страшней ворчливого старика. Да, он был стар, но также пуст и одинок. В бессильной злобе лес скрипел ветвями и брюзжал на юность, шелестя листвою. Язар позабыл о погоне и когда вдалеке слышал лай, подумал, что прошелся кругом, и это лают со-

седские собаки.

Воспоминание собачьей грызни придало ему сил. Он побежал антилопой – на одних носках, длинными шагами перепрыгивая поваленные деревья и обомшелые валуны. Он пересек овраг и бегущую по его дну мелкую не доходящую ему и до колена мутную речушку. Он забежал в горку и даже ее не заметил. Он бежал легко и бесшумно, совсем не так, как должен бежать по сухой листве испуганный человек.

Звуки погони утихли. Язар перевел дух – впрочем, он не чувствовал усталости. Во время бега его самодельный коробок раскрылся, и письмо альва вновь болезненно холодило бедро. Вытряхивая щепки из кармана, Язар положил письмо на ближайший поваленный ствол в том месте, где на него падал широкий лунный луч. Выбранное дерево – трухлявое, поросшее мхом и поганками не подходило его нуждам. Он отломил кусочек коры и раздосадовано растер пальцами. Но тут его посетила новая идея. Мягкий лунный свет нежно падал на кусочек серебристой ткани. Послание альва казалось его продолжением, частью Луны, – небесный лоскуток, оторванный от своего мира и упавший на землю.

Язар бережно положил один глаз альва в центр письма, затем другой. Они оставались темны, как и прежде, и не пропускали света. Язар положил на письмо оба камня. Он присыпал глаза альва землей, листвой и даже трухой. Ничего. Разочарованно вздохнув, он протянул руку. Но вдруг камни сами скатились к нему в ладонь. Он поспешил подхватить

и письмо, потому что ствол, на котором оно лежало, неожиданно пошатнулся. Язар попятился на один шаг, другой, а затем в изумлении застыл.

Коряга изогнулась и медленно начала подниматься, словно уставшее старое дерево прилегло отдохнуть, а теперь пробуждалось. Рвались, опутавшие его за время долгого сна плетущиеся травы. Осыпалась от движения земля, а лишённые убежища, разбегались и прятались полчища мелких насекомых. Но чем выше дерево поднималось, тем явственнее угадывались в нем человеческие черты. Ствол его был рассечен надвое у основания, а две самые большие ветви начинались у вершины и тянулись к земле руками. В скругленной расширяющейся вершине несложно было узнать голову.

Скрипя и продолжая осыпаться, существо развернулось. Язар увидел крючковатый деревянный нос и словно вросшие в дерево гнилые яблоки – два сморщенных темных глаза. Бровями над ними торчали серые трутовики, а в нижней части подобия лица черным дуплом зиял раскрытый рот.

Новорожденные тролли не больше человеческих детей. Однако они быстро растут и растут на протяжении всей жизни. К десяти годам тролли превосходят размерами людей, а их двухсотлетние старики достигают пяти саженей. Они всеядны и питаются как древесной корой и листвой, так падалью и даже гниющей мертвечиной. Не брезгают они и сорочками. Внешность троллей определяет их питание. Молодые и бойкие, способные загнать зверей и сами тролли по-

добны зверям. С годами их плоть черствеет. Пещерные тролли высыхают и обращаются в камни, лесные рассыпаются в труху. Снежные застывают льдинами, а болотные остаются кривыми корягами или опускаются илом на дно.

Это был очень старый лесной тролль, вероятно, самый старый из обитавших в Ведьмином лесу. И сон, от которого его пробудил Язар, должен был стать для него последним.

Однако встреча с героем жутких детских сказок совсем не испугала Язара. Тролль не внушал ему страха, но казался слабым умирающим стариком. На всем его теле не было ни одной живой почки, ни одного зеленого листочка. С каждым движением от него отделялась какая-то часть: сухая ветка или прелая кора.

Тролль хлопнул пастью, отчего рассыпалась в крошку половина его бровей-трутовиков. Язар пристально посмотрел в его карие почти неподвижные глаза.

– Ты голоден, – догадался он. Тролль издал глухой скрипучий звук.

Язар повел его к речке на дне оврага. Он не задумывался о своих действиях, а поступал по наитию. Помогать троллю было неразумно, опрометчиво и даже преступно, но никаких сомнений на этот счет в голове Язара не существовало. Он не знает этого тролля и не смеет о нем судить, а когда старик просит воды, не может ему отказать.

Тролль с грохотом спустился в овраг. Войдя в реку, он закрыл глаза, окунул в воду руки, да так согбенный и застыл.

Язар обошел его кругом один раз, другой. Тролль не шевелился и сейчас почти не отличался от окружавших его облысевших диких яблонь.

Неподалеку треснула сухая ветвь. Язар обернулся. Он успокаивал себя, что слышал всего лишь лесного зверя, перепуганного появлением тролля. Но вскорости звук повторился, и к нему примешались другие. Звуки нарастали и приближались.

Бежать было слишком поздно: охотники уже спускались с противоположной бровки оврага. Шесть человек и столько же собак – неоправданно много, чтобы схватить одного-единственного мальчишку-пастуха. Стаю возглавлял уже знакомый Язару Гром. Его пасть была запачкана кровью, острые клыки обнажались в немом оскале. Сейчас пес не рычал, но осторожно подбирался к добыче. Приникнув к земле, он смотрел на Язара исподлобья, и затаенная ненависть не уместилась в его светлых глазах.

По виду преследователи были коренными бризарцами: высокими, светловолосыми и светлоглазыми. Пятеро из них от сапог до перчаток облачились в толстую бычью кожу, выкрашенную в темный синий цвет. По их одеждам вились белые волнистые узоры, а их черные плащи окаймляла белая тесьма. За их спинами висели короткие луки, а в кожаных ножнах покоились необычные костяные мечи. Еще вычурней выглядел их предводитель. В его доспехи и плащ были вплетены белые перья, волосы собраны в большую косу, а их

отдельные пряди выкрашены в синий цвет. У него не было при себе лука, и он единственный из охотников имел сразу два меча. Впереди предводителя спускался Гром. Все шестеро мужчин были молодыми, ухоженными, гладковыбритыми и подтянутыми. Удивительно, но, даже продираясь через дремучий лес, они не замарали одежд и оставались чисты. Под стать им подходили и собаки: все молодые, поджарые, с шерстью короткой и белой.

Иначе представлял себе головорезов Язар. На мгновение ему показалось, что с такими людьми можно вести разумный разговор. Но затем он вспомнил слова тети: они избили человека и зарезали пса. Убийцы и под масками дворян остаются убийцами.

Охотники спускались по склону. Они не бежали, чтобы не вспугнуть добычу, а медленно брали Язара в кольцо. Собаки больше не лаяли и следовали на равных с хозяевами, не пытаясь их обогнать.

Язар бросил короткий беспокойный взгляд на тролля: тот оставался неподвижен и вообще не походил на живое существо. Охотники продолжали приближаться. Предводитель выдвинулся вперед и обнажил меч.

– Пойдите! – попросил Язар, пятясь к троллю и показывая пустые руки.

На лице предводителя не промелькнуло ни единой эмоции. По-видимому, он не считал нужным расходовать слова.

– Не убивайте, – уже спокойней произнес юноша и оста-

новился. Отступить дальше было некуда. – Я в вашем распоряжении. Если хотите убить – вы вольны это сделать. Но прежде, заклинаю, объясните! Что ценного в том, что я подобрал? Вы не грабители, как я было подумал. Вы не похожи на людей нуждающихся. Тогда как мне, калеке-пастуху, только и нужно было, что успеть найти купца.

Предводитель упер костяной меч Язару в грудь, но затем заглянул в его серые подслеповатые глаза. Он опустил оружие. Его холодный взгляд смягчился, а в голосе прозвучало сожаление.

– Ты храбрый юноша, Язар. Жаль, ты не можешь вступить в наш орден – для того ты слишком безобразен.

– О каком ордене ты говоришь?

– О небоизбранных. Но тебе уже незачем о нем знать, – он снова поднял меч.

Краем глаза Язар заметил, как распустилась на ноге тролля почка.

– Подожди! – крикнул он, сунув руку в карман. – Возьми.

На его ладони лежал глаз альва. Его рука не дрожала, ибо он понимал, что решительность продлевает ему жизнь и превращает из добычи в собеседника. Но в душе он рыдал. Ему невыносимо горько было смотреть, как тянется к его щуплой голой руке большая кожаная перчатка, и как сливается глаз альва с ее темнотой.

– Теперь второй, – велел охотник. – Мне не приказано тебя убивать, так что не медли и будешь жить.

Он проговорился, и Язар этим воспользовался. Юноша бросил взгляд на тролля, – вокруг деревянной руки всколыхнулась вода. Он тяжело выдохнул и вынул второй камень. Но, прежде чем отдать, сжал его в кулаке.

– Один вопрос: какая в этих камнях сила?

– И померкнувший глаз хранит в себе могущество альва, – прямодушно отозвался мужчина. Он не считал надобным утаивать правды, ибо не видел в загнанном в лес испуганном подростке угрозы или врага.

Язар разжал пальцы. Предводитель охотников потянулся к черному камню. В темноте потухшего глаза он увидел отражение ночного неба, увидел пустые улицы Бризариона и ползущее по ним черное пламя. Это пламя поднималось на крыши, переваливалось через крепостные стены; и небо и землю пожирал черный бескрайний пожар. Этот огонь не грел, но отнимал чужое пламя, он просочился в душу небоизбранного и забирал из его сердца тепло.

Мужчина разомкнул губы и выдохнул клубы ледяного пара. Лицо его побледнело, и собрался иней вокруг его ясных глаз. Зачарованный черным камнем, он не услышал поднявшегося лая, и запоздало сквозь холодный дурман до него донеслись голоса:

– Кеарис, осторожно!

Подняв взгляд, он увидел, как приближается к нему огромная ветвь-рука.

Громовой удар прокатился по спящему лесу, вырвал ко-

мья влажной земли и напугал дремавшую на ветвях стаю ворон. Охотник успел отпрыгнуть в сторону и откатиться, лишь только длинный черный коготь скользнул по его лицу. Мужчина поднялся на колени. Он закрывал ладонью левый глаз, а сквозь его пальцы просачивалась густая кровь.

Горным козлом Язар забрался троллю на спину. Он не пытался укрыться в лесу от погони, ибо уже нашел лучшего защитника, какого только мог здесь найти.

Троль оживал на глазах. На нем распускались почки и зеленели новые листья, кора его омолаживалась, и желтели гнилые глаза. Троль замахнулся для решающего удара.

Гром бесстрашно бросился на защиту хозяина. Он провоцировал тролля, облаивал и кусал, пока полностью не завладел его вниманием. Раздраженный назойливым зверем, троль широко размахнулся рукой. Пес легко избежал удара и, продолжая злить тролля, увел его за собой. Он бежал вдоль реки, ловко прыгая по макушкам торчащих из воды камней. На покатые скользкие ветви он не наступал, к топким заводям близ берегов не приближался. А дабы троль не утратил интереса к погоне, пес непрерывно останавливался и подпускал его.

Но и троль передвигался быстрее, чем можно было ожидать от такого нескладного существа. Его длинные ноги легко переступали и поваленные прогнившие насквозь деревья, и огромные обомшелые валуны. Там, где человек делал десять, троль совершал только один шаг.

Кеарис отнял руку от лица. Тогда же тучи открыли Луну, и в холодном белом свете сверкнул алым кровавый провал на месте его левого глаза. К предводителю подбежали охотники, они обеспокоенно рассматривали его рану и тараторили наперебой:

– Господин, вы в порядке?

– Вам срочно нужен лекарь!

– Спешите в Золотарь, мы задержим тролля!

– Не бывало еще такого, чтобы Кеарис бежал от тролля! – надменно выкрикнул он, но затем вдруг покачнулся и только усилиями товарищей удержался на ногах. – Не бывало, до сих пор.

Один подчиненный остался помочь ему подняться по склону, остальные бросились в погоню за Язаром.

– Да не найдете вы земного упокоя, господин! – пожелали они Кеарису на прощание.

Охотники догнали тролля, но держались от него на почтительном расстоянии. Они стреляли в Язара, пока тот не перебрался в большое дупло. Тонкие стрелы бессильно застревали в прочной шкуре-коре и не могли достать беглеца. Язар находился в безопасности, и единственная угроза для него теперь исходила от самого тролля, ибо во время движений великана его раскачивало, как матроса, прячущегося от шторма в каюте корабля. В прочем, к этой качке Язар быстро привык и безотрывно, как сквозь окно, наблюдал за сражением снаружи.

Река заканчивалась: она скользила каменными пластами и ниспадала невысоким водопадом. Внизу она мелела, и даже бурная пена не скрадывала ее смертельное зубчатое дно. Спрыгнув вниз, пес мог надеяться выжить, но никак не мог уцелеть. Он обернулся.

Троль приближался неспешным шагом, широко расставляя ноги и раскинутыми в стороны руками перекрывая все русло реки. Со спины гиганта облаивали и кусали собаки, и даже охотники, осмелев, обнажали мечи. Но троль не удаивал их вниманием, его большие глаза-яблоки не отрывались от жоака.

Гром повернул к склону. Однако в крутой подъем маленькие собачьи лапы утратили былую прыть. Он утопал в сырой земле, цеплялся когтями за мох, но снова сползал. Дважды он добирался до середины склона и дважды скатывался вниз. Во второй раз он не удержался на берегу и угодил в воду. Уставший вымокший жоак ринулся на склон в третий раз. Но тогда же его настигла ветвистая рука. Удар бросил пса с водопада, и грохот опадающей воды заглушил его предсмертный визг.

Собаки пришли в неистовство. Две из оставшихся пяти в ужасе бежали, остальных приказами хозяевам удалось удержать. Пока троль загонял Грома, охотники успели ранить его самого: срезали несколько молодых веточек и пустили ему густой древесный сок. Однако теперь, когда троль обернулся к ним, их былая решимость угасла. Долгое время они

кружились хороводом вокруг тролля, не разбегаясь, но и не отваживаясь нападать. Умелые воины на открытой местности они могли рассчитывать на победу, однако здесь, среди деревьев, сам лес защищал своего сына. Он щерился ядовитыми кустарниками и топорщился корягами, а под своей жухлой шкурой скрывал склизкие ямы и корешки. Охотники надеялись столкнуть тролля с обрыва, поступить с ним так, как он поступил с их лучшим псом. Но все их потуги и на шаг не приблизили тролля к водопаду, он намертво вцепился ногами-корнями в почву, так что и дюжина мулов не смогла бы его свалить. Больше того, хотя тролль терял щепки и листья, он продолжал выпивать реку и только пышнее расцветал. Его движения стали ловчее, взгляд прояснился, и крепчала кора. Даже в дупле Язара становилось уютней: здесь распускались почки, а своды устилал мягкий зеленый ковер.

Пораженные столь скорыми переменами, охотники на мгновение замерли. Они переглянулись, и один из них командовал:

– Дружно, вперед!

Люди и собаки разом ринулись на врага. Сам зачинщик поднырнул под тролля и глубоко вонзил ему в ногу меч. Другой воин перерубил троллю длинные пальцы, третий обтесал большой пласт коры. Но последнего из них миновала удача, тролль поймал его лапой и, прищипив к земле, раздавил. Неудачны были и нападки их питомцев. Кружа и пры-

гая, собаки силились добраться до дупла. После многих попыток одна из них наконец ухватилась зубами за ветку, росшую прямо напротив убежища Язара. Обращенный в темноту дупла звериный глаз с ненавистью вперился в добычу. Будь у нее человеческие руки, собака бы с легкостью подтянулась, но она лишь в бессильной злобе перебирала лапами на весу. Отчаявшись взобраться, она разжала хватку, и едва успела бежать, когда тролль нанес новый удар. Этот выпад растер призвавшего к атаке охотника об острые камни.

Когда Язар выглянул наружу, то пришел в ужас. Он не мог и не хотел верить, что кровавым ошметком в реке еще недавно был живой человек. Тело мужчины расплылось вдвое, и еще большую площадь ему придавало огромное кровавое пятно. Насаженное на камни тело безвольно колыхалось, и река, сколько не пыталась, не могла его унести и скрыть от живых глаз.

Жуткая смерть накрыла оцепенением охотников. Попятились и поджали хвосты прежде воинственные собаки. И люди, и собаки одновременно бросились бежать.

Один охотник оступился на скользком камне и упал. Ему не пришли на помощь товарищи, и никто не попытался его защитить. Дрожа всем телом, он обернулся к троллю. Он перевел взгляд с одного мертвого товарища на другого, затем заглянул в глаза троллю и лишился сил. Тролль замахнулся для удара.

– Остановись, тролль!

Язар выскочил из дупла и заслонил собой охотника. Троль застыл с поднятым кулаком, помедлил и опустил руку.

– Здесь уже достаточно для тебя еды, – мрачно закончил Язар.

Чудовище заскрипело в ответ, после чего неторопливо принялось за кровавую трапезу. Оно подносило распотрошенного человека к своей жуткой пасти-дуплу, откусывало от него огромные части вместе с одеждой, и глотало их, не жуя. Язар бестрепетно наблюдал за этим зрелищем. Он рос в деревне среди людей крепких не только телесно, но и закаленных характерами. Он видел, как режут свиней и рубят головы птицам. И хотя дядя всегда избавлял его от подобной работы, беря ее на себя, не находил в ней преступления, но рассматривал естественной частью деревенской жизни. Доводилось ему видеть и другие куда более тяжелые картины: как вешают провинившихся щенков и топят новорожденных котят. Таким был сельский люд: решительным и скорым на расправу. Кроме того, Язар не считал мертвецов людьми, а полагал пустыми бездушными бурдюками.

Второго охотника троль не пожелал есть или попросту не заметил. Его одежды оказались Язару велики. Он взял только плащ, чтобы согреться, и костяной меч. На спину он закинул колчан и лук, в колчан же убрал вновь напомнившее о себе колким холодом письмо альва.

Обходной дорогой троль спустился к подножью водопа-

да. Язар следовал за ним из любопытства, а к тому же все одно сбился с пути.

Гром лежал на берегу и не шевелился. Но когда тролль потянулся к нему, выяснилось, что пес еще жив. Жутко напуганный, он стал скрестись когтями, грызть пальцы тролля и жалобно скулить.

– Отпусти его! – приказал Язар.

– Гм, – задумчиво проскрипел тролль. Он посмотрел на человека, затем на пса.

– Отпусти, я ска...

Тролль поднес пса ко рту и откусил ему голову. В стороны брызнула кровь. Несколько капель упали на рукава Язару.

Юноша отвернулся, сел на плоский камень у реки и удрученно опустил голову. Из кармана он вынул глаз альва и заглянул в его темноту. На мгновение ему захотелось выронить камень, чтобы посмотреть на поведение тролля. Он тешил себя надеждой, хоть и понимал, сколь абсурдно считать неразборчивое лесное чудовище своим другом. Он убрал глаз альва в карман и повернулся.

– Гм, – снова скрипнул тролль, когда их глаза встретились.

Язар продолжал сидеть у реки. Он больше не желал идти за троллем, но тот настаивал, указывая куда-то рукой и беспрерывно скрипя.

– Ты хочешь вывести меня из леса? – вдруг загоревшись, спросил Язар. Но тот отрицательно помотал головой. – Там что-то важное для меня?

– Кхм! – протяжней обычного прохрипел тролль.

После кровавой трапезы шкура тролля стала больше походить на живую плоть. Короткие травинки теперь топорщились жесткими щетинками, а прежде бледные грибы наминали нарывы и кровавые волдыри. Тролль был Язару отвратителен, но все же в его компании он чувствовал себя спокойней. Он решительно отверг предложение взобраться троллю на спину и неторопливо семенил следом. Он больше не опасался охотников, никуда не бежал и не спешил. Тишина ночного леса и приятный шелест сухой листвы под ногами забирали у него последние страхи и клонили ко сну.

Они шли остаток ночи, а когда остановились, небо уже прояснилось. Над верхушками могучих вязов таял, унося ночной холод, черный плащ Эсэтира.

Тролль привел Язара к пещере. Неприметная она располагалась под сенью увитого плющом старого ясеня. Карнизом над нею нависала обомшелая плоская каменная плита. Бурно разросшаяся растительность перед входом полностью скрывала узкий лаз. Тролль не мог в нее пролезть и остался снаружи.

Пещера оказалась обжитой, сухой и чистой. Ее передняя часть отводилась под спальню. У стены располагалась кровать: распотрошенный соломенный тюфяк, укрытый шерстяным пледом. Подле нее стояли истоптанные ботинки и меховые по виду новые сапоги. У другой стены пещеры растянулся длинный дубовый сундук. На крышке его лежали

вязанная изодранная рубаша и выцветшие льняные штаны. На стене посредине пещеры на выступающем корне висел вещевой мешок.

Дальняя сторона пещеры служила кухней. Иссеченное высокое полено заменяло стол, а немногочисленная посуда: миска, кружка, ложка и нож лежала в маленьком потемневшем чугушке. На длинном идущем вдоль задней стены бревне стояли горшочки, мешочки и тески.

Закончив обследовать пещеру, Язар вышел наружу. Он не застал лесное чудовище у входа, а только увидел, как колыхаются вдали молодые деревья, и облетает с них яркая золотая листва.

В задумчивости он вернулся в пещеру, лег на тюфяк, подложив руки под голову, и внезапно уснул. Спалось Язару безмятежно, словно и не было изматывающей погони, пугающего ночного леса и его жуткого проводника. Когда он проснулся, солнце уже тянулось в пещеру и нежно накрывало плед длинными золотыми пальцами.

Первым делом он убедился, что не потерял письма и глаза альва, затем изучил пещеру внимательней. В сундуке пряталась немногочисленная и почти не ношенная одежда: шерстяная кофта, овчинные шапка, тулуп и варежки. Все эти вещи были ему изрядно велики, а еще вызвали далекие размытые воспоминания. Словно к его бабушке когда-то давно приходил человек в похожей овчине, впрочем, едва ли в этой самой.

В вещевом мешке на стене он обнаружил пустой бурдюк, длинную прочную веревку, заостренный кремль, горсть сухой мха и несколько кусочков трутовика. В горшочках на кухне оказались высушенные грибы и сухофрукты, в мешочках хранились крупы, а в туесках различные корни и травы.

Ему вновь захотелось рассмотреть свои находки на свету, внимательней и ни от кого не таясь. Письмо альва рассеивало солнечные лучи, а вот черный глаз, напротив, собирал. Прислонив камень к правому глазу, Язар вздрогнул от боли и на мгновение ослеп. Но когда зрение вернулось к нему, оно изменилось. Левым глазом он по-прежнему отчетливо видел только удаленные объекты, но правым теперь хорошо видел вблизи. Столь сильная разница восприятия мира ошеломляла и кружила голову. Пытаясь смотреть обоими глазами, Язар видел только размытое марево. Некоторое время он просидел с закрытыми глазами, и с силой сдавливая руками виски. И еще долго он попеременно закрывал глаза руками, прежде чем научился собирать рассеянное зрение в единый луч.

Взяв чугунок и бурдюк, он отправился на поиски воды. Оружие он выложил в пещере, а при себе оставил только нож и лук. Ему не хотелось проделывать долгий путь к реке, и он верно предположил, что лесной анахорет не расположился бы далеко от воды. Он удалился от пещеры не более чем на версту и теперь обходил ее кольцом, приглядываясь и при-

слушиваясь. Вскоре он различил звук плещущейся воды, но прошел и вторую версту, прежде чем добрался до его источника. От его нового зрения в густом лесу было мало пользы, однако неожиданно выяснилось, что и остальные его чувства утончились. Он дышал насыщенным букетом смешанных запахов и ощущал присутствие живых существ. Идя на запах, он находил в палой листве грибы, идя на звук, видел комаров в паучих сетях. Объяснить изменение остальных чувств он не мог, и, хотя это и радовало его, но оно же пугало.

Он знал, что некрупный лесной зверек украдкой подбирается к воде. Бесшумно ступая, Язар повернул ветвь кустарника, оставаясь в его тени, и притаился.

На небольшой прогалине в низине из трещин сланцевых камней бил ключ. Вода за годы источила камень и заполняла нерукотворную купель. Переливаясь через край, родник стремился дальше, становясь ручьем. И этот же родник питал бегущую по дну оврага речку.

К воде мелкими прыжками подкрадывался заяц. Он беспрерывно замирал, вытягивал шею и вертел длинными ушами. Не уловив угрозы, он начал пить.

Язар снял лук со спины и потянулся за стрелой. Он не имел нужды в провизии и более того, не любил охоту. Но именно сегодня он решил себя проверить. Он не знал, как скоро сумеет разрешить загадку альва, возможно, за ответом ему придется идти до самого Бризариона. И пока была возможность учиться выживать, он не хотел ее упускать.

Вдруг ему на руку села растрепанная сойка. Она склонила голову и заглянула в такие же серые, как ее перья глаза. Промедлив в изумлении, Язар опустил лук. Встревоженная сойка упорхнула, а заяц, вскинувшись, стремительно убежал. Его поведение успокоило Язара: он не посмел бы застрелить создание, которое ему доверилось.

Он искупался в купели и набрал воды. Ледяная вода взбодрила и пробудила в нем аппетит. Используя кремень и нож, неподалеку от пещеры он развел костер. Сварил в чугушке пшеничную кашу, сдобрив ее собранными грибами и щепоткой зелени из закромов безвестного отшельника.

Наслаждаясь завтраком, он думал о прежнем обитателе пещеры и о своем пути. Привычная пища и спокойствие леса не давали место тревоге. А, кроме того, Язар не слишком удалился от дома и полагал, что в любой момент, как только пожелает, сумеет вернуться.

Следующие дни он изучал окрестности. Бродил вдоль склонов и многочисленных ручьев, но вечерами непременно возвращался. Со временем он стал уходить все дальше. Он ночевал под небом, не таясь, а единственных недругов – комаров – отгонял дымом. Перед сном он разводил нодью из больших бревен, и костер, медленно тлея, согревал его до самого утра. Хищники не беспокоили его. Лишь однажды, проснувшись, он увидел ужасного волка. Огромный черный зверь, вдвое больший Грома, терся носом о его мешок.

– Там нет для тебя ничего съедобного, – сонно пробормо-

тал Язар, переворачиваясь на другой бок.

Отправляясь в походы, он всегда брал с собой лук и костяной меч небоизбранного, но еще ни разу к ним не прибегал. Случаи представлялись, но отчего-то Язар медлил. Словно переход из собирателя в охотника должен был изменить его и окончательно оторвать от привычной жизни. И потому же, но не из страха заблудиться, он не решался навсегда покинуть пещеру.

Луку Язар нашел другое применение. Он стрелял по камням, чубучкам, сбивал с веток фрукты. Не тренируясь прежде, он демонстрировал исключительные успехи. Со ста шагов он сбивал желудь, который с прежним зрением не смог бы даже разглядеть. Однако ему не с кем было ровняться, и он полагал, что такая меткость присуща всем зорким людям. Упражнялся он и с мечом, но рубил только сухие мертвые деревья. И хотя он не знал фехтовальных тонкостей, деревенская выносливость давала ему преимущество перед городскими новобранцами. Он занимался часами, не прерываясь на отдых, и до некоторых несложных приемов добрался собственным опытом.

Тролли ему больше не встречались. Когда-то они действительно водились здесь в изобилии, но частью давно состарились, обратившись в деревья и камни, а частью ушли на восток, на самый край континента, спасаясь от человеческой жадности и растущего влияния Бризара. Теперь Ведьмин лес принадлежал оленям, зайцам и волкам.

У Язара появлялись излюбленные перевалочные места, служившие ему ориентирами и остановками для ночлега. Одной такой стоянкой была поляна серебристых тополей. Он нашел ее по сильному цветочному запаху, а когда увидел впервые, на ней паслись пятнистая лань с хрупким тонконогим олененком. Животные совершенно не боялись человека и позволили ему приблизиться. Лань даже покорно склонила голову, разрешая Язару себя поласкать. Но, уже подняв руку, он передумал, не коснулся дикого животного и не заговорил с ним.

Другим примечательным местом стала вершина скалы и самая высокая точка Ведьминого леса. На голом каменистом утесе росла одинокая старая сосна. Перекрученная и безобразная она тянула к лесу колкие пальцы, и в стремлении прикоснуться к нему вырывалась корнями из камня. Сильный ничем не сдерживаемый ветер, оторвавший сосну от дома, теперь помогал ей вернуться. Он согнул дерево чуть не до горизонта, он срывал ее шишки и относил в лес семена.

Здесь Язар не ночевал, но часто садился под сень одинокой сосны, свешивал ноги с обрыва и мечтательно вглядывался вдаль. Повсюду в окоме простирался лес. И вновь Язар чувствовал себя моряком. Но если прежде его нес по волнам приключений надежный корабль, теперь юноша оказался в одиночестве и за бортом. Он мог выбрать любое направление в зеленом океане, но и продолжая лежать на спине, еще долго мог не тонуть.

Рассматривал Язар также и небо, надеясь в тайне, что здесь его заметят альвы, они спустятся к нему чайками и укажут правильный путь. Но видел он только лесных птиц: сорок, дроздов и соек, слышал торопливый стук дятла, да протяжное уханье совы. И на вершине скалы Язар по-прежнему оставался от альвов безмерно далек.

Однажды недалеко от ручья на старом безлиственном ясене он увидел ведьмину губу. Все дерево источили короеды, но к самому грибу не подобрался ни слизень, ни жук. Язару не был знаком этот гриб, и он подумал, что наткнулся на еще одного древнего тролля, который пытается с ним заговорить. Он осторожно приблизил ухо к ведьминой губе, словно дерево могло вдруг ожить и укусить его. Он услышал шелкающее отрывистое стрекотание, которое мог бы издавать гигантский жук. От неожиданности Язар отпрянул. Он осмотрел ясень пристальней, но не обнаружил на нем никаких живых существ. Он вновь поднес ухо к ведьминой губе и вновь услышал стрекотание. Звук стал ослабевать и вскоре утонул в размеренно шелесте ручья.

Объяснить себе это чудо Язар так и не смог. Не стал он и срывать гриб, но впервые задумался о том, как давно слышал человеческую речь. И чем больше он думал об этом, тем явственней ему казалось, что память изменяет ему, он забывает голоса и сам уже неверно произносит звуки.

В ночь, когда Эсэтир, скинув капюшон, обнажил свой щербатый лик, Ведьмин лес наполнился холодным призрач-

ным светом. Многих существ пробудило полнолуние. Печально завывали волки, и гулко заухали совы, заскрипели ветвями деревья, и застрекотали насекомые наперебой. Лесной шум мешал Язару уснуть, он долго ворочался и, уступив бессоннице, вышел из пещеры.

От неожиданности он вздрогнул. Недалеко от него со стороны оврага находились трое: души убитых троллем небоизбранных и командирского пса. Бессмысленными взглядами они смотрели в землю под ногами. Услышав шаги, они обернулись к Язару, они узнали его и потянулись к нему.

– Уходите! Прочь от меня!

Отмахиваясь руками, Язар в страхе попятился. Он не хотел возвращаться в пещеру, боясь оставаться с душами в тесноте. Но его пугал и сам лес, особенно жуткий в это полнолуние. Потому он не убежал и позволил душам приблизиться.

Души рассматривали его и как будто недоумевали. Они больше не тянули к нему свои призрачные пальцы, и Язар немного осмелел.

– Почему вы все еще здесь? – спросил он. – Почему не ушли из Яраила?

– Но ведь нам нужен проводник, – объяснили души людей; их голоса звучали подобно холодному заунывному ветру.

– Вы заблудились, – рассудил он. – Летите в небо. Вон ваш проводник, – и он указал на Луну.

– Спасибо тебе, добрый юноша.

– Спасибо тебе, Язар.

Души людей поклонились ему, а душа Грома попросилась отрывистым лаем. Они вознеслись на небо и растворились в бледном свете Луны.

Разговор с душами окончательно успокоил Язара, голоса ночного леса больше не пугали его, и ему захотелось прогуляться. Не единожды ему встречались и другие заблудшие души. Они следовали за ним и тянулись к нему. Но все то были души зверей и птиц, и Язар не мог указать им дороги. Они шли за ним по холмам и оврагам, они висели над землей и пролетали сквозь деревья и камни. Так и ходили они за ним, как за вожаком стаи, до первых лучей рассвета. И тогда они бесследно рассеялись, но Язар чувствовал, что они по-прежнему блуждают где-то поблизости в лесу.

С того утра в лесных шорохах ему начала слышаться человеческая речь. Красивые мелодичные голоса щебетали птицами, журчали звонкими ручейками и убаюкивающе шелестели густой листвой. Они звучали на общесемардском – родном языке большинства людей континента, в том числе бризарцев. Язык этот знали и в удаленных от Семарда местах, потому часто его еще называли общечеловеческим. Ветер приносил Язару отдельные слова, но не собирал в предложения. И всегда с приближением Язара эти таинственные голоса смолкали. Ступал ли он осторожно или бежал во всю прыть, но ни в густых зарослях, ни у стремительных рек не заставал никого, кто мог те звуки издавать. Он уже стал опасаться, что одиночество лишает его разума, пока однажды

не подкараулил голоса на лесной поляне. Здесь он слышал их особенно часто, и теперь, дожидаясь, долго и неподвижно лежал в кустах.

– Минувшей ночью он пожрал взрослого оленя, – звучал расстроенный женский голос, так чисто, словно спешил пробудившийся после зимней спячки ручей. – А ведь совсем недавно не мог совладать и с бельчонком.

– С каждой жертвой он становится только сильнее, – мрачно ответил мужской голос, а может, это лишь порыв ветра склонил сосновую ветвь.

– Ах, если бы только отец мог его поймать! – вновь звенел женский голос.

– Отец медлителен и стар. Нам нужна помощь.

– Но кто нам поможет?

Голоса внезапно умолкли, и воцарилось долгое молчание. Язар подумал, что лесные духи обнаружили его и убежали. Он осторожно раздвинул ветви кустарника.

Он увидел поджарых юношей и стройных дев. Одни были бледны, как мрамор, другие загорелы, как бронза, но всех их объединяла изумительная неземная красота. Одежд они не носили, и только длинные разноцветные волосы отчасти прикрывали их наготу. Волосы девушек порою опускались ниже колен, а у юношей доходили до поясов. У одних они были распущены и столь густы, что с ними не совладал бы ни один гребень. В яркой зелени волос других пробивались пестрые цветы. Изумительны были и глаза лесных духов: ли-

шенные белков и радужек они сияли голубыми водами и зеленели изумрудной травой. Лесные духи лучились здоровьем и молодостью, но все они были чем-то омрачены.

– Попросим помощи у чужака, – предложил смуглокожий, по-видимому, древесный якша.

– У чужака?

– У несущего смерть?

– У этого огненного лиходея?

Нимфы и якши пришли в ужас от одного только этого предложения. Они галдели и спорили без умолку, так что Язар не мог разобрать отдельных слов.

– Мы не станем просить помощи у того, кто и принес в наш лес это горе! – решительно заявила речная нимфа, кожа которой походила на застывшую корочку прозрачного льда.

– Кальдия права, здесь ему не место, – поддержала ее другая нимфа, волосы которой плелись выюнками и лозой. – Пусть возвращается в подземелье к цвергам, откуда он к нам и пришел!

– Нет, – поспорил с ней сосед. – Он определенно человек.

– Глаза у него не человеческие, и движется он словно альв.

– Он ведет за собой смерть, и в сердце его горит пожар.

– Не так важно, где именно он родился, – прекратила спор речная нимфа. – Ведь родился он точно не среди нас.

– В нем заключена большая сила, – вновь подал голос древесный якша. – Пусть забирает зло, которое породил, а затем пусть идет.

Его братья и сестры уже вновь начинали спорить, но их почти сразу прервал треск ветвей на противоположной от Язара стороне поляны.

Из-за кустов, шумно ломая ветки и заваливаясь с одного бока на другой, вышел неуклюжий карлик. Ростом он едва достигал высоким якшам пояса, а внешность имел столь безобразную, что казался трухлявым пнем в роще стройных берез. Увидев его, лесные духи в ужасе и отвращении вздрогнули. Но когда они присмотрелись, их глаза наполнились бездонным сожалением.

– Поле, что с тобой случилось? – спросили они.

– Тилму выпил мои соки, – прохрипел карлик. – Приложился к стволу ипил. Некому было меня защитить. Так и погубил...

Он стал заваливаться набок, но братья и сестры не дали ему упасть. Они заботливо усадили его наземь и опустили перед ним на колени.

– Мы поможем.

– Держись.

– Отец исцелит тебя.

– Кальдия, сестра, – слабо позвал умирающий. – Я сгораю заживо. Позволь испить твоей студеной воды в последний раз.

Со слезами на глазах речная нимфа приложила руку к его губам. Якша облегченно вздохнул и с этим вздохом рассыпался в прах.

Смерть брата повергла духов в цепенящий ужас. Они не хотели покидать этот мир и умирать вслед за ним. Ошеломленные они не сразу заметили, что на поляну вышел Язар.

– Я помогу, – пообещал он. – Кто такой Тилму, и как мне его победить?

Но его появление вызвало у духов еще больший страх. Они утратили человеческие облики и тут же растворились в налетевшем порыве ветра. Некоторое время в воздухе витал густой туман, отовсюду доносились стенания, и звучал лесной плач. На поляне осталась одна Кальдия, которая так отчаянно противилась идее дружбы с Язаром. Ее тонкие брови-льдинки сдвинулись в негодовании, а указательный палец нацелился ему в грудь.

– Ты, – прошептала она с ненавистью, но голос ее дрожал от страха. – Зачем ты привел к нам смерть?

– Я не понимаю тебя, – смутился Язар. Он старался говорить доброжелательно и, чтобы не спугнуть нимфу, оставался от нее в пяти шагах.

– Бесплотные пищачи только кусают своих жертв, пьют кровь и заражают болезнями. Но когда они находят тела людей, то пожирают их без остатков. Они забирают эти тела себе и тогда охотятся на все живое. Каждую ночь они пожирают одно существо и с каждой ночью становятся сильнее.

– Я только хотел спастись, – пробормотал Язар, не пряча глаз. Он не понимал чувств нимфы, ибо породил зло без умысла, а потому не видел за собой вины.

– Тилму испил уже столько крови, что теперь никому из моих сестер и братьев его не одолеть, – продолжала Кальдия, не слыша его. – Хотя это способен сделать ты, Язар.

Юноша растерялся окончательно.

– Но я не колдун, я простой человек.

– Простой человек? – насмешливо переспросила нимфа и присмотрелась к нему. И вдруг ее глаза расширились и наполнились слезами. – Ты не человек, ты... чудовище! – она отшатнулась в ужасе и стала медленно отступать. – Сколько ты убил? Сотни? Тысячи? Уходи из этого леса! Заклинаю тебя, уходи!

– Я никого не убивал, – теперь уже оскорблено пробормотал он.

Кальдия развернулась бежать, но двумя прыжками Язар настиг ее и ухватил за руку. Она обернулась, в ее глазах стояли ужас и боль.

– Пожалуйста, отпусти, – дрожащим голосом взмолилась она.

Он рассеянно убрал руку. На его пальцах остались капельки влаги, а в месте прикосновения ледяная рука нимфы потемнела, и от нее исходил густой белый пар.

Огорченный этой неприятностью Язар вернулся в пещеру. Он повторял в голове слова Кальдии, но никак не мог их уяснить. Должно быть, она ошиблась, а может, умышленно лгала, чтобы скормить пищачи нежелательного соседа.

Он не представлял, какой силой обладает Тилму, и может

ли вообще человеческое оружие победить этого духа-кровопийцу. Не знал он и как его отыскать. Весь день он бродил по лесу, всматривался в звериные следы и прислушивался к далеким шорохам. Но лес сегодня был особенно пустынен и тих. Звери разбегались от одного запаха Язара, а птицы не садились на ветви подле него. Казалось, они боялись его пуще лесного убийцы. А вот пищачи не оставлял зримых следов, и только в воздухе повсюду витал гнетущий запах смерти.

Когда Эсмаид уплыл в далекие страны, и на небе его сменил слепой брат, волчий стон прорезал густую чащу. Язар побежал на звук. Он касался земли одними носками и почти летел. Он перемахивал овраги и даже их не замечал. Он бежал быстрее, чем способен бежать человек, дыхание же его оставалось размеренным, словно он продолжал стоять. В считанные минуты он преодолел девять верст. Он спустился в затопленный грот и нырнул в мутную стоячую воду. Проплыв саженой двадцать он оказался в просторной пещере. Стены ее покрывал мох, повсюду торчали бледные и гнилые грибы. Свод пещеры низко надвигался и скалился обошшелыми клыками-сталактитами. В пещеру не заглядывало солнце, но в желтом свете больших глаз пищачи Язар отчетливо видел его самого.

Тилму стоял на небольшом пригорке – единственном островке в море темной воды. Он похитил тело небоизбранного, а голову и крылья взял у филина. Выглядел он как ожив-

ший мертвец: плоть его посинела, и в ней бугрились нали-
тые русла черных вен. Ноги лесного вампира оканчивались
копытами, руки длинными кривыми когтями. Он удерживал
скулящего волка и выклевывал из него огромные куски мяса.
Его обнаженную плоть и перья обагрля свежая кровь; она
стремительно покидала островок и спешила в воду тонкими
ручейками. Это был тот самый ужасный волк, который за-
глядывал в сумку Язару. Услышав плеск воды, пишачи под-
нял голову филина и круто ее повернул. Он смотрел на Яза-
ра огромными желтыми глазами и не моргал. Язар вышел из
воды.

– Я благодарен тебе за этот ужин, – сиплым голосом про-
клекотал Тилму. – Быть может, ты хочешь разделить со мной
трапезу? – он пододвинул Язару умирающего волка. – Возь-
ми, это мой тебе дар.

Язар поморщился в отвращении, но поведение пишачи
его смутило.

– За что ты меня благодаришь?

– За то, что подарил мне тело! За то, что позволил отве-
дать плоти! Ах, как же она вкусна! – пишачи в удовольствии
затряс головой. – И как я завидовал волкам и людям, что без-
наказанно вкушают ее от рождения и до конца своих дней!
Теперь и мне знакомо это блаженство! Но послушай, Язар, –
Тилму впервые моргнул, надолго закрыв глаза. – Ты помог
мне однажды, помоги еще раз. Я хочу и дальше наслаждаться
свежей плотью, но этот увалень, леший, все пытается ме-

ня поймать! Я не хочу лишиться тела и вновь стать ничтожным комаром! Помоги мне, Язар, убей Аболура! Он доверит тебе и подпустит. Переруби его напополам, как трухлявое полено! Сожги в своем жарком огне!

Язар подумал, что если быстро убьет пишачи, то, может быть, еще успеет спасти волка. Он обнажил костяной меч.

– Режь его! – неверно понял его пишачи. – Хочешь, я оторву для тебя самый сочный кусок?

Он склонился над волком и не заметил, как Язар нанес удар. Костяной меч неожиданно легко срубил птичью голову; из разорванной шеи медленно полилась старая свернувшаяся кровь. Но даже такая жуткая рана не могла убить пишачи. Огромные глаза стали учащенно моргать и вращаться. Тело, одной рукой закрывая рану, второй потянулось к отрубленной голове.

Язар нанес новый удар и пронзил пишачи сердце. Но для злонравного духа, которому плоть была лишь скоротечной оболочкой, то был и вовсе пустяк. Тилму ухватил голову. Тогда Язар отсек падальщику руки, он обкорнал ему крылья и рубил тело до тех пор, пока не изрезал на части. Наконец пишачи издох, улетел низшим духом и затаился где-то в обиде. Удивительно много оказалось в нем крови, словно было он полным крови бурдюком. Его густая кровь расплзлась по земле вязкой лужей, она покрыла собой весь островок, и свесилась над водой. Но и мутная вода грота была слишком чиста для крови пишачи, она отказалась ее принимать,

и кровь так и осталась лежать вокруг острова омерзительной красной бахромой.

Язар склонился над волком. От его прикосновения зверь дернулся в последний раз и утих. Юноша грустно погладил его густую испачканную кровью шерстку, вырыл неглубокую могилу и засыпал волка землей.

Возвращался он в смешанных чувствах. Он развоплотил злого духа, но утратил единственного лесного друга, который не боялся его и ему доверял.

У входа в пещеру его дожидался спасший ему жизнь старый лесной тролль.

– Спасибо тебе, Язар, – он склонил голову, зашуршав сухими ветвями. – Я стал слишком медлительным, чтобы оберегать своих детей.

– Так это ты хозяин Ведьминого леса, – запоздало сообразил Язар. – Я думал, ты тролль. Почему ты раньше со мной не разговаривал?

– Я просыпался, – извинился Аболурд. – Тебе известно, как тяжело ворочать языком, едва проснувшись. И это ты никогда не засыпал дольше, чем на одну ночь. Мой сон продолжался две сотни лет.

– Как же так вышло, что ты проспал двести лет? – изумился Язар. – И кто следил за твоим лесом, пока ты спал?

– За лесом приглядывали мои дети: нимфы и якши. А еще прежде тебя в пещере жил один добрый знахарь, он поил меня и кормил. Но и его сил не хватило, чтобы сломить

ведьмины чары. – Леший замолчал, поднял голову и закатил глаза, вспоминая. – Двести лет назад сюда явилась красная колдунья. Ей приглянулись эти благодатные земли, и здесь она пожелала возвести себе дом и разбить магический сад. Колдунья одолела меня, и мои дети погибли. Она пощадила лишь новорожденный побег рябины, но только для того, чтобы сделать его своим рабом. – Аболур тяжело скрипуче выдохнул. – Однако колдунья мертва, но сын ко мне так и не вернулся. Скажи, Язар, ты видел рыжеволосого якшу в своем селе?

Язар сразу понял, о какой рябине говорит леший, но на пепелище Акатазы он видел только обугленный пень. Он грустно покачал головой.

– Мне жаль хозяин леса, твой сын не вернется.

Леший вновь тяжело вздохнул и ничего не ответил.

– Скажи мне, – прервал тишину Язар, – почему в твоих угодьях блуждают животные души? Можешь ли ты их отпустить?

– Я не могу их отпустить, потому что не я их удерживаю, Язар, а ты.

– Я? – растеряно переспросил юноша. – Но как?

– Они не видят Луны и Солнца и следуют за тобой. Быть может, их ослепляет заключенное в тебе пламя. Они летят к тебе, как на лампаду мотыльки. Но потому же тебя сторонятся живые, ибо они видят в тебе пожар.

– Ничего подобного прежде со мной не происходило. На-

верное, всему виной глаз альва, или его письмо.

Язар без опасения передал лешему свои сокровища. Тот посмотрел в черный камень на свет, покрутил письмо в сучковатых руках.

– Мне не знаком этот язык, – признался он к разочарованию Язара. – Но нет в нем иной магии помимо той, что хранит облик письму. Но и неверно, что тебя изменил глаз альва, – он лишь открыл то, что прежде дремало. – Леший вернул Язару письмо и глаз. – А теперь, мой друг, я предлагаю и тебе вздремнуть. Утром я укажу тебе дорогу из леса. Но подумай хорошенько, куда ты захочешь пойти. Мои дети окружают заботой твою родню. Ты будешь жить в довольстве и радости, если вернешься домой. Но ежели ты пойдешь дальше на восток, твоя дорога будет тяжела. Ты будешь сеять смерть, и смерть будет следовать вместе с тобой.

– Я пойду, – решительно начал Язар, но тут же запнулся. – Пойду...

– Не спеши с ответом, – мерной речью успокаивал леший. – Ты волен уйти в любое время, а волен жить в моем лесу до конца своих дней. А пока отдохни. Ляг у моих корней, и в эту ночь я дарю тебе безмятежный сон.

Язар сомневался, что после калейдоскопа событий и вихря ошеломительных откровений сегодняшнего дня сумеет хотя бы сомкнуть глаза. Однако он, следуя совету Аболура, устроился у его ног. Спал он легко и спокойно, а когда очнулся, почувствовал в себе прилив новых, прежде невиданных

сил. Он лежал на ласковом травяном ковре, а едва проснувшись, но уже теплое солнце только подползало к его ногам.

Ближайшим поселением по его прежним представлениям был стоящий у Синего луча городок Золотарь. Однако он находился в пятидесяти верстах от Винника, тогда как по собственным оценкам Язар удалился от родной деревни уже на все семьдесят верст. Он давно отыскивал путь к оврагу, где состоялось его знакомство с охотниками, и знал наверняка, что сумеет проделать обратную дорогу к селу. Но и с этим решением он медлил. С чем он вернется домой? С чужими вещами, ядовитыми грибами и умением сбивать желуди стрелами? Он вспоминал манящие обещания лешего, но сомневался. Зачем тогда было уходить, если он готов так быстро отступить?

Зима меж тем день ото дня крепчала. Облетали последние листья, отцветали травы. Ночи становились холоднее. Однако Язар этого не замечал. Победив пищачи, он впервые почувствовал в своей груди пламя, о котором говорили нимфы, и которого боялись звери. Чужая кровь пробудила в нем загадочную прежде дремавшую силу. Она его согревала, но она же его душила, сдавливала горло и не давала уснуть. Заглушить этот жар он спускался к роднику. Он подолгу лежал в его холодной воде и жадно глотал ее, как путник, умирающий от жажды в пустыни.

Родник укачивал его, словно любящая мать свое чадо в колыбели. В такие минуты Язар ни о чем не думал и отдавал

свои мысли воде. Он отрешался от внешнего мира настолько, что порою вздрагивал, вдруг начиная тонуть. В одно из таких пробуждений он увидел перед собой Кальдию. Одной рукой нимфа его покачивала, другой нежно гладила по лицу. От неожиданности Язар вздрогнул и выскочил из купели. Смущение наступило позднее.

– Давно ты здесь? – растеряно спросил он. Нимфа засмеялась.

– Я здесь всегда. Не нужно меня смущаться, это все равно, что смущаться самой воды.

– Прости, что обжег тебя, схватив тогда за руку, – извинился он. – А тебе не больно, когда я прикасаюсь к твоему роднику?

– Мне даже... приятно, – призналась Кальдия. Она взяла его за руку и вновь вернула в купель. Он не имел ни сил, ни желания сопротивляться. – Мне приятно заботиться о птицах и зверях, а теперь приятно заботиться о тебе. Мне нравится утолять жажду, мне нравится забирать усталость. Ведь что может быть приятней, чем видеть счастье в живых глазах?

Но вдруг она помрачнела, и Язар, не отводящий от нее замороженного взгляда не смог этого не понять.

– Что тебя печалит, Кальдия? – обеспокоился он и сам, приняв ее печаль.

– Я остужаю твое сердце, Язар, а все равно не могу его остудить. И твой огонь с каждым днем только разгорается.

– Почему это происходит?

– В тебе два сердца. Одно принадлежит доброму юноше, другое жестокому убийце. И мне грустно оттого, что этот добрый юноша совсем скоро будет убит.

– Я не стану жестоким, – возразил он, – я не изменюсь.

– Я не утверждаю, что ты изменишься. Напротив, ты станешь тем, кем был всегда.

– Ты говорила, я убил тысячи, – вспомнил Язар. – Почему ты так сказала? Ведь я никого не убивал.

– Я это увидела, – Кальдия отвернулась. – Я увидела в тебе жестокое красное пламя. Может быть, это был пожар.

– Я все равно не понимаю...

– Прости, Язар, – перебила она. – Мне становится больно.

Он поспешил выбраться из купели, а на другой день не вернулся к роднику.

Он не бережливо расходовал чужие запасы и понимал, что не сумеет переждать зимы даже в пещере. Леший или его дети порою собирали для него грибы и ягоды, приносили орехи и травы. Но Язару было совестно принимать их дары, и чрезмерное внимание стало для него мучительней прежней враждебности.

Когда однажды наутро он вышел из пещеры, воздух наполняла холодная туманная дымка, а землю покрывала крупа. Этот знак он счел сигналом к действию. Он взял теплые вещи, провизию и походный мешок отшельника со всем его содержимым. Он не считал это кражей, ведь если хозяин пе-

щеры не объявился до сих пор, не было оснований ждать его возвращения.

В последний раз он отправился по воду на родник. Там он пообещал себе сделать выбор: вернуться в деревню или уйти в город.

У купели его поджидал особый зверь. Крепким телом таранд напоминал быка, голову имел оленью с длинными ветвистыми рогами. Но удивительней всего была его длинная кустистая шерсть. Принимая цвета окружения, она маскировала зверя так, что издалека Язар его не заметил и принял за ветви рога. Копытом таранд подталкивал, словно пытаясь разбудить, неподвижно лежащего на земле человека. Мужчина уткнулся в траву лицом, а из его спины торчали две стрелы. Одет он был не по погоде легко в простой льняной рубахе и штанах, почти таких же сношенных, как и вещи, оставленные отшельником на сундуке. Перевернув мертвеца, Язар увидел мужчину степенных лет, с добрыми карими глазами, которые смотрели на него с теплотой даже сейчас. Язар легко узнал его и сразу понял, отчего овчина из пещеры показалась ему знакомой. Именно в той одежде к ним каждый год захаживал знахарь Велхоир – тот самый зелейник, что не сумел его излечить.

Язар осмотрелся, теперь зная, как опасно оставлять в лесу непогребённым человеческое тело. На другом берегу он увидел Кальдию.

– Я присмотрю за ним, – пообещала она. – Ступай.

Внутренний спор Язара разрешился, и юноша развернулся в сторону одинокой скальной сосны. Однако таранд несогласно ткнул его мордой в плечо.

– Ты не знаешь, куда я иду, и тем более не должен идти со мной, – возразил Язар. – Я не смогу тебя защитить.

Но таранд упрямылся и не давал ему дороги. Пригибая голову, он так и навязывался человеку в проводники.

Язар уступил. Он закинул на круп животному и приторочил поклажу, а затем запрыгнул и сам. Дед Сусард держал лошадь, и Язар сызмальства был приучен к верховой езде. Но одно дело скакать по степным равнинам на деревенских тощих клячах, и другое нестись по буеракам сквозь лесную чащу на широком крупе чудесного скакуна.

Они мчались быстрее ветра, и Язар, держась за рога таранда, развевался парусом на ветру. Но он даже не успел хорошенько испугаться. То ли зверь под ним был волшебным, то ли выход, в самом деле, оказался ближе, чем он полагал. Но едва таранд ринулся на завалы бурелома, как лес вдруг расступился перед ними и сразу же сомкнулся позади.

Глава четвертая.

Нападение троллей

Язар и его лесной проводник стояли на берегу Синего Луча. Прежде то была великая, могучая река, несущая стремительные воды первым людям, великанам и другим древним народам этих краев. Но когда боги сошлись в опустошительной битве за обладание Яраилом, единый континент Мард распался, река иссякла и убежала в Яллуйское море и Тревожный океан. Теперь ее опустевшее русло наполнялось лишь в половодье, но и тогда река спешила к большой воде. Всю остальную часть года по пересохшему руслу, как по тракту, катились повозки и торопились купцы в Бризарион.

На склоне Синего Луча в мутной воде копошился старик. Он был истощен настолько, будто много дней обходился без еды. Редкие пучки травы вдоль реки покрывал легкий иней, однако единственной одеждой старику служили грязные дражные лохмотья. Он стоял в грязной воде по щиколотку босыми ногами и вгрызался затупленной лопатой в каменистое дно. Крупные камни он выбрасывал, оставшуюся массу перетирал через сито над лоханкой с чистой водой. Он промывал просочившуюся в лоханку массу и подолгу сидел над ней, скрючившись и перебирая песчинки длинными черными ногтями трясущихся дряблых рук.

– Дедушка, чем это вы занимаетесь? – громко крикнул ему с берега Язар.

Старик вздрогнул и от неожиданности выронил лоханку, землю в которой уже почти перебрал. Он поднял седую голову и сощурился от утреннего солнца, которое поднималось точно за спиной путешественника.

– Ох, внучок, напугал ты меня! Я уж думал, этезианцы пришли. Золото я добываю, драгоценные камни ищу. Прежде много того добра было под нашим Золотарем, оттого и город так назвали. Бывало, идешь, а смарагды под каблуком так и сверкают! Мы тогда им цены не знали, подбирали, да и бросали в воду. Вроде и красивый камень, блестящий, а разве скотину камнем накормишь? Глупыми были. А там уж солдаты прибыли. Телегами сокровища грузили. Все подчистили!

Язар слез с таранда и спустился к старику.

– Вижу, дедушка, нелегкая это работа – золото добывать. Вы простите, что напугал. Позвольте помочь.

Старик присмотрелся к Язару и грустно покачал головой.

– Эх, внучок, здесь глаз острый нужен. Зоркость мою забрала старость, а тебя, погляжу, и молодость ею не наградила. Ступай себе с Эсмаидом, – он махнул рукой.

Но Язар не послушал старика, разулся и взялся ходить по речке. Вода в ней была студеной и такой мутной, что человеческий глаз не смог бы увидеть и близкого дна. Но Язар различал и мелкие обтесанные камни, тоненькие травинки

и бледные ниточки-корешки. Он прошелся вперед, назад, а затем наклонился и поднял из воды изумруд величиной с кулак, яркий и чистый как стекло.

Дед не переставал кланяться и все заливался слезами.

– Выручил ты меня, добрый юноша! От голодной смерти спас! – а взяв камень в руки, он изумленно добавил: – Да ведь это смарагд, что я по молодечеству в реку кинул!

– Что же это? – изумился Язар. – Царь повозками самоцветы вывозит, а его люди в голоде живут?

– На то он и царь, чтобы в роскоши жить, – важно возразил старик. – Человек он добрый, только от крестьян высоко поднялся и не видно ему с высоты трона, что в нужде простой народ. В нашей бедности нет его вины. Золотарь наводнили этезианцы, вот причина. Они и работу нашу отнимают, и еду поедают. И столько их в городе развелось, что мы, бризарцы, и шагу без их дозволения уже ступить не можем. Потому-то я так далеко от города и промышляю, чтобы этезианцы не прознали.

– Далеко ли Золотарь? – спросил Язар.

– Девять верст, если напрямик по Синему Лучу идти.

– А есть ли в городе волшебник или ученый человек?

– Бывал у нас один травник, Велхоир. Широкой души человек. Каждый год приезжал, всех жителей обходил, всех лечил. Да запропастился куда-то, все нет его, – старик задумался, вспоминая. – Других магов-кудесников в Золотаре не бывало. Храмовники есть, а только они не людям помогают,

но служат богам.

– Я могу подвезти вас, – предложил Язар, рассматривая жалкое рубище старика. Затем в изумлении и сочувствии покачал головой. – И как вы только насмерть не замерзли?

– Замерз я знатно, это верно, – признался тот. – Но холод меня не погубит. Другое дело – жара. И почему-то, внучек, с твоим приходом мне стало вдруг жарко.

– А я вас все равно не брошу, – возразил Язар. – Возьмите. Он передал старику все теплые вещи Велхоира. На нем оставались его домашние меховые штаны и суконная рубаха, а также плащ небоизбранных. Однако и теперь он не почувствовал холода.

– Благодарствую тебе, внучок, – старик поклонился. – Теперь еще годок-другой переживу.

– Вы правы, дедушка, со мной что-то происходит. Будто огонь из сердца по телу растекается. Я заболел?

– Напротив, ты выздоравливаешь, – загадочно ответил старец. С прищуром он поднял взгляд к таранду; животное покорно стояло на краю берега. – А ты чего молчишь? Спускайся, поговорим! – Таранд мотнул головой в направлении Золотаря. – Что значит, «некогда»? В наши годы уже не спешат.

– Вы его знаете? – изумился Язар. – И можете с ним говорить?

– А разве мы говорим на разных языках? – старик задумчиво почесал седую макушку. – И как не знать. Еще ребен-

ком я резвился у его копыт. А он стоял могучий, благородный, как и сейчас. Вот только прежде был он счастлив, а ныне обездолен.

– А что с ним случилось?

– Его глубоко ранили.

Старик помрачнел и, будто позабыв о Язаре, отвернулся, продолжив просеивать землю в мутной воде.

– Но ведь у вас уже есть изумруд, – наполнил ему Язар.

Старик вздрогнул от неожиданности и едва не выронил лопату. Обернувшись, он посмотрел на него удивленно, словно видел впервые.

– Откуда ты знаешь о моем изумруде? – настороженно спросил он. – Это царь тебя прислал? Нет здесь больше самоцветов, так ему и передай!

Язар не заметил, куда старик дел изумруд, но присмотревшись, нашел камень на том самом месте, где увидел его в прошлый раз. Забирать изумруд он не стал.

Он не нашел таранда на берегу. Зверь исчез, не оставив следов на припорошенной снегом земле. А вот трава на берегу неожиданно позеленела и распушилась, словно получила столь долгожданное тепло. Тогда Язар все понял, и его душу затопило тяжелой печалью. Уже тысячи лет старик ходит по руслу Синего Луча, но он не найдет того, что потерял, и с каждым годом будет все больше высыхать.

Не прошел Язар и трех верст, как различил звуки близкого сражения. Упала утренняя туманная дымка, и впереди,

на другом берегу Синего Луча, он увидел обнесенный частоколом город. Частокол соединял две высокие бревенчатые башни, над которыми развевались ветром знамена. На первом знамени Бризара на голубом фоне попирал изумрудное яблоко расправивший крылья золотой ястреб. На втором знамени самого Золотаря вдоль могучего древа тянулась глубокая синяя река. У частокола шесть сотен солдат сражались с двумя дюжинами троллей. Воины, в их числе и немногие конники, облачились в стальные шлемы, доспехи поверх кольчуг и вооружились алебардами и топорами. Все они имели этезианскую внешность: угольные волосы, смуглую кожу и грубые хмурые лица. Среди них не было лучников, ибо даже горящие стрелы не могли причинить троллям значительного вреда.

Почти все тролли имели уже знакомые Язару черты, сближающие их с деревьями, хотя и разительно отличались меж собой. Некоторые были тощими с крюками-пальцами, другие имели вдавленные в шею подбородки и вислые животы. Отличались даже их глаза: у одних они были почти человеческими, только пустыми, у вторых пучились разновеликими фруктами или камнями. Впрочем, никто из троллей не достигал таких размеров и не походил на дерево настолько, как леший Аболур.

Два пещерных тролля заметно выделялись среди своих лесных братьев. Они были ниже, но гораздо массивней и крепче. Сдвинуть пещерного тролля не смогла бы и двой-

ка слонов. Не могло с ними сладить и простое человеческое оружие. Широкие размахи топоров и алебард прочерчивали на их шкурах лишь незначительные царапины. Пещерные тролли не обладали проворством и скоростью, но стояли во главе небольшого отряда и тараном прокладывали дорогу к Золотарю. Их непропорционально огромные каменные стопы одинаково легко втаптывали в землю и пеших, и конных. Они шли размеренно, как заведенные игрушки, а их неотвратимый шаг заупокойным колоколом сотрясал посуду и наполнял ужасом молчаливые дома затаившихся в погребах жителей Золотаря.

Подбежав ближе, Язар бросил походный мешок.

– Назад! – крикнул он троллям, уповая на силу глаза альва. – Идите в лес!

Тролли его не слушали или не понимали. Заглядывая им в глаза, он видел только безумие и ярость.

Один из троллей выбрал его своей целью. И пока Язар увертывался от его кулаков, солдаты рубили чудовищу ноги. Убить тролля непросто, – создания эти невероятно живучие. Болотные и лесные тролли способны отращивать отрубленные конечности, не смертельно для них и отсечение головы. Разума в них немного, оттого голова для них не ценнее ноги или руки. Уничтожить такого тролля можно огнем, изрубив на части или отравив. Пещерные и снежные тролли не боятся огня, но конечностей отращивать не умеют. Правда и ранить их сложнее, – живя среди камней и скал, они и сами

уподобились камням.

Солдаты подрубили троллю одну из ног и, лишив подвижности, теперь кружили вокруг и кромсали его со всех сторон. Их топоры вырубали из него большие куски и щепы, повсюду летела густая черная кровь. Троль уменьшался на глазах.

Язар не принимал участия в добивании и переключился на другого противника. Вновь ему удалось перевести внимание на себя. Приноровившись и осмелев, он перепрыгивал ветви тролля или пригибался под ними, одновременно ведя ответную атаку. Удивительно, но легкий костяной меч в этой битве проявлял себя не хуже созданных для рубки топоров. Сначала Язар отсек троллю пальцы, затем кисти, и наконец укоротил ему руки вполовину. Троль принялся топтать людей ногами. Но, поднимая ногу, он утрачивал равновесие и становился уязвим. Умелый всадник с алебардой выгадал момент, поднырнул под тролля и подрубил на скаку. Одноногий троль свалился со скрипом, словно сухое дерево.

Поглощенный сражением и оглушенный несмолкаемым грохотом Язар упустил из виду другого тролля. Он кинулся в сторону, лишь увидев перед собой огромную тень. Через мгновение в том месте, где он стоял, вздыбилась земля, поднятая в воздух когтями лесного тролля. Почва осыпалась в яму. Ноги Язара потеряли опору, увязли в движущейся массе, и он упал. Вновь его накрыла длинная тень.

Вдруг троль протяжно застонал, – по его телу из центра быстро распространялось яркое желтое пламя. Огонь пожи-

рал тролля, как соломину, высушивал и обугливал. Это пламя вырывалось из рук стоящей позади тролля девушки.

Выглядела она не старше Язара, роста была невысокого, кожу имела смуглую цвета древесной коры и такую же неоднородную в тонах. Темными почти черными были и ее большие звериные глаза. Но точеное изящное лицо и заостренные уши не могли принадлежать жительнице Этезии. Ее темные выющиеся волосы, словно бронза, покрытая патиной, отливали зеленью. Перетянутые на лбу зеленой лентой они спускались далеко за спину толстой косой, но и тогда выбивались и топорщились во все стороны, будто отродясь не ведали гребня. Одедась девушка в зеленую тунику, подпоясалась карей лентой и завернулась в зеленый плащ. Обуви она не носила, а ее стопы были такими сильными, что когда она стояла, ее пятки не касались земли. На ее спине покоился короткий потемневший от времени лук, а на бедре без ножен болтался грубый деревянный меч, напоминающий перекрученную корягу.

Зачарованный необычайной внешностью незнакомки Язар не заметил, как погасло пламя в ее руках, и не заметил, как лесной тролль бежал прочь, упал и рассыпался горкой древесного угля.

– Идем к стенам! – услышал он голос.

Моргнув, он сбросил наваждение и вдруг обнаружил, что девушка стоит прямо перед ним. Повернув голову, он увидел, что половина лесных троллей повержена, однако их пе-

щерные братья почти невредимые уже подобрались к частоколу и крошат его в труху.

Девушка сняла с пояса меч и протянула Язару. Оружие она держала с величайшей осторожностью обеими руками.

– Это Волорил, – с благоговением представила она меч. – Нет в Яраиле того камня, который он не сумеет расколоть. Возьми его. Но будь осторожен: Волорил не навредит потому-ку альва, но смертельно опасен для прочих народов.

Язар видел, с какой тяжестью девушка оторвала от себя меч. Он благодарно принял оружие и поспешил к частоколу.

Он выбрал целью ближайшего пещерного тролля. Тот уже проломил частокол и теперь углублялся в город. Он не отвлекался на солдат и не преследовал людей, но сознательно уничтожал постройки, будто именно они являлись его врагами. Маленькие бревенчатые домики и сараи разваливались под его весом как стога соломы. Охваченные ужасом, жители выскакивали из домов и бежали по широким улицам, надеясь укрыться в дальней части города. Они спасались от тролля, как от неотвратимой угрозы, как от природной катастрофы. Они бежали от тролля, как муравьи бегут от наводнения. Брошенные на цепях собаки надсадно лаяли, но только находясь на значительном от тролля расстоянии. Когда чудовище приближалось, они трусливо поджимали хвосты и прятались в конурах. Солдаты были напуганы не меньше обывателей, они не могли остановить тролля и бессильно наблюдали, как разрушаются в том числе их собственные дома.

До последнего момента Язар не был уверен, что деревянная палка в его руках не розыгрыш колдуньи. Однако Волорил вошел в ногу тролля легко и глубоко, словно не дерево в камень, но в масло острая сталь. Этот укол тролль уже почувствовал. Он завертелся в поисках обидчика, хлопая своими маленькими кварцевыми глазами.

Нанеся удар, Язар укрылся за стеной разрушенного дома. Он не видел тролля, но на слух точно определял его движения. Когда тот отвернулся, Язар взбежал по заваленной крыше, прыгнул на него и вогнал Волорил в его могучую спину по самую рукоять. Жуткий вой разнесся над Золотарем. Тролль не мог достать противника толстыми негнушимися руками и попытался сделать это обломком балки.

Его шершавая спина имела много выступов, по которым Язар мог взбираться как по скале. Вынув меч, он дал свободу потоку вязкой черной крови и одновременно почувствовал, что под каменной оболочкой прячется обыкновенная уязвимая плоть. Избегая бревна, которым его пытались смахнуть, Язар вскарабкался троллю на плечо. Он всадил Волорил ему в голову, но повторил это еще трижды, прежде чем тролль потерял достаточно крови, чтобы упасть.

Пещерный тролль загремел ничком, повалил столетнюю яблоню и поднял тучу пыли. От его падения вздрогнула сама земля.

Язар отскочил в сторону и прикрыл лицо от щепок. Но когда он отнял руку, то, к изумлению, увидел, как шевелится и

силится подняться тролль. Мгновение Язар стоял в нерешительности, но затем вновь устремился к противнику. Один удар, второй, третий...

«Умирай же, умирай! – мысленно почти просил он тролля».

Получив десятки уколов и потеряв ведра густой черной крови, тролль наконец затих. Язар испытал облегчение. В одиночку он одолел могучего противника. Другой человек гордился бы этим, но сам он ощущал только отвращение к себе и даже сочувствовал троллю. Одно дело зарубить топором петуха, и совсем другое до смерти заколоть его иголкой.

Меж тем колдунья занималась вторым пещерным троллем. Тот не вошел в город, а вымещал свой гнев на сторожевой башне, над которой развевалось знамя Бризара. Она пуствовала, но это не умаляло ненависти к ней пещерного тролля. С первым ударом башня накренилась и затрещала. Вторым удар образовал в ней большую брешь. Когда тролль воздел огромные многопудовые кулачищи для третьего удара, небо над ним осветилось. Ослепительная белая молния вошла в него через голову, пробежала по телу и угасла в земле под ногами.

Это заклинание могло свалить быка, но пещерного тролля оно только разозлило. Он издал сердитое рычание и выплеснул всю накопившуюся ярость с третьим ударом. Сторожевая башня согнулась пополам и рухнула, похоронив под своими обломками гордого золотого ястреба и оказавшихся

поблизости солдат.

Колдунья соединила большие пальцы с мизинцами в мудре воды, перекрестила руки, затем выпростала вперед раскрытые ладони. Из ее рук вырвался и протянулся к троллю морозный луч. Он имел четко очерченные острые контуры и казался плотным, как заиндевелая бечева. Но отдельные снежинки отрывались от общей массы, кружили с воздушными потоками и красиво блестели в солнечных лучах.

Иней быстро расползался по каменному телу тролля, сковывая его и замедляя. Лед пробирался в сочленения между каменными выступами, наполнял трещины и пустоты.

Гигант тяжело развернулся и двинулся к источнику раздражения. Тело плохо его слушалось, и шаги выходили короткими и неуклюжими. От него шел пар, а из пасти-провала вырывалось тяжелое кустистое облако.

Защитники, осмелев, набросились на тролля со всех сторон, как муравьи на подобравшегося к муравейнику жука. Они рубили его рьяно и с удвоенной силой, стесывая и высекая из него ледяные куски. Но даже теперь они не могли достать его мягкой плоти.

– Все назад! – велела колдунья.

Она прервала холодный поток, а движением руки разбила оставшийся лед мелкими осколками. Гигант вздрогнул всем телом, покачнулся, но устоял. Раны его по-прежнему были незначительны, но ледяной покров больше не сковывал движений.

Солдаты кинулись врассыпную. Один из них в растерянности замешкался и через мгновение был втоптан в землю тяжелой каменной стопой. От удара его стальной нагрудник лопнул, и вываливалась словно из распоротого брюха смешанная с кольчугой изувеченная плоть. Шлем сломал переносицу и вошел глубоко в череп, а земля присыпала полные крови глаза.

Мимо колдуньи пролетел всадник, но не предложил ей помощи. И она тоже побежала, но не в отчаянии, а лишь выигрывая время для обдумывания следующего шага. Она не знала достаточно сильного заклинания, чтобы разрушить крепкого тела тролля, но там, где терпит поражение грубая сила, побеждает хитрость.

– Мне нужен конь! – крикнула она другому всаднику, который также собирался пролететь мимо.

Мужчина поколебался. Взглянул на тролля – тот еще находился на значительном расстоянии – и все-таки спешился.

– Ну, Иварис, только на тебя и надежда! Выручай! – крикнул ей на прощание этезианский воин и убежал.

Колдунья повернула коня. Она удерживалась в седле без помощи рук, а животное понимало ее без слов и точно выполняло все молчаливые приказы.

В лучах восходящего солнца тролль отбрасывал длинную чудовищных размеров тень. Иварис выстрелила на скаку. Ее стрела вонзилась в центр этой тени, а магия раскалила стрелу и возвысила столбом белого света. Столб оставался непо-

движен, и когда тень шевелилась, она будто бы распарывалась об него.

Скача вокруг тролля, Иварис влекла его за собой и добивалась того, чтобы его тень была разрезана на как можно большее число лоскутов. При этом отсеченные части тени стремительно бледнели и исчезали.

Ослабив связь тролля с одной эссенцией, колдунья атаковала его разум. На мгновение ей удалось увидеть мир в приглушенном свете его темных гранитных глаз. Ее наполнили злоба и ярость, она не владела могучим каменным телом, но только желала крушить и уничтожать. В ее сознании разгорелся такой пожар, что она поспешила укрыться в знакомых холодных мыслях.

Какое-то время оба стояли в недоумении. Но вот тролль снова бросился в атаку, а всадница кинулась в сторону. Избежав столкновения с ногой тролля, она широко раздвинула пальцы левой руки, а затем собрала их в кулак. Рука против ее воли вздрогнула, затем еще раз и еще. Но она не разжимала пальцев, и постепенно внутренние толчки начали ослабевать. Одновременно с этим слабел и тролль. Он сильно раскачивался из стороны в сторону, а его движения и замахи становились все неуклюжей. Кулак Иварис вздрогнул в последний раз. Тролль замер, схватился за грудь и повалился бездыханный, а грохот его падения разнесся по умолкшим улицам Золотаря.

Язар мгновенно определил источник шума. Он побежал

навстречу колдунье и столкнулся с ней у частокола. Он осмотрелся. Среди растоптанных людей, среди разорванных лошадей догорали последние лесные тролли. Ни один из них не уцелел, ни один не обратился в бегство. Но исход боя никто из выживших не посмел бы назвать победой. С бессмысленными взглядами люди слонялись по полю брани, поднимали раненных и подолгу останавливались у мертвецов. Они не могли поверить, что сражение принесло городу столь большие потери и жуткие разрушения.

Язар стоял в брешу в тени частокола и ошеломленно смотрел на поле боя. Он не в силах был отвести взгляда, однако не ужас, но сомнения овладели им. Должно быть, в этом сражении погибло больше людей, чем жило во всем Виннике. Язар не мог решить: заходить ему в город или остаться. Он понимал, что, если не свернет с выбранного пути, подобное страшное зрелище станет для него обыденностью. Внешне он сохранял спокойствие, но, когда солнечные лучи отражались от его блеклых глаз, он вздрагивал. В те мгновения ему виделись души погибших людей; выплывая из безжизненных оболочек, они с надеждой тянулись к нему. И не сами души страшили его, но то пламя, которое в нем их привлекало. Он не знал природу этого пламени, да и как он, обыкновенный пастух, мог это знать, если эту загадку не разрешил даже древний леший.

Не сразу он заметил протянутую к нему в ожидании руку. Он передал колдунье Волорил, в задумчивой рассеянности

взяв его за клинок. Лишь ее голос вернул его к реальности.

– Как ты это сделал?

Он понял вопрос, но не находил слов для ответа. Он посмотрел на ладонь, которой держал клинок, – на ней не было и царапины. Он замялся, не желая рассказывать о глазе альва, но вместе с тем осознавая подозрительность затяжного молчания. Он попытался переменить тему.

– Расскажи мне про этот меч.

– Волорил сотворен из корня первого каштана моего родного леса. Это прекрасное место. Золотая листва шелестит в потоках горячего ветра, а пальцы ног ласкают высокие бархатные ковры, – Иварис погрузилась в приятные воспоминания. – Оставь его при себе.

– Почему ты дала Волорил именно мне?

– Ты оказался самым проворным среди солдат, – она пристально заглянула ему в глаза. – Необычайно проворным для человека.

– Я человек, – убежденно ответил он. А затем обреченно вздохнул, признавая поражение. – Поговорим об этом в укромном месте.

Стараясь не смотреть по сторонам, он забрал оставленный на противоположном берегу реки вещевой мешок, и они вошли в город.

Размахом Золотарь намного превосходил Грушевник – единственный город, который прежде доводилось видеть Язару. Но в то же время был Золотарь не бойким и жизне-

радостным, но задумчивым и пустым. И здесь возводились деревянные домишки, да держали птицу на подворьях. Вот только подворья сжимались в тесноте, а дома, напротив, распухали и порою вытягивались на два этажа. Строения выглядели опрятней, свежеевыкрашенные заборы стояли ровно, сараи не клонились к земле в нищете. А вот скотины здесь не держали вовсе, и нетрудно догадаться почему. Обнесенный частоколом Золотарь находился на военном положении, и без соответствующих распоряжений обывателям запрещалось выходить за его пределы. Торговые отношения с городом почти прекратились, лишь в определенные дни из окрестных сел доставлялись молоко, мясо и мука. Однако, к своему удивлению, Язар заметил, что частокол защищает город только с восточной стороны, со стороны Ведьминого леса.

– Потому что тролли приходят с востока, – объяснила Иварис. – Они не посылают разведчиков и не знают об этой уязвимости. А кроме того, солдаты не берут их в плен и не позволяют бежать.

– И часто происходят нападения?

– Регулярно, – она задумалась, вспоминая чувства, которые ощутила, находясь в разуме тролля. – Что-то гонит их из леса.

Она замолчала, и Язар повременил с вопросами. Он разглядывал прохожих и пытался угадать их настроения. Почти все они были участвующими в обороне солдатами этезиан-

ского происхождения. Некоторые им благодарно кивали, но большинство одаривало только угрюмыми взглядами. Между собой солдаты предпочитали использовать этезианский легкий и певучий язык, малоподходящий их грубой внешности. Однако некоторые переговаривались на общесемардском.

На углу улицы смеялись два солдата: один совсем юный, младше Язара, другой уже с густой бородою, но по-прежнему с молодеческой искоркой в темных глазах. Когда Иварис и Язар прошли мимо, он глумливо усмехнулся и толкнул в плечо приятеля.

– Смотри-ка, Любраг, ведьмочка нашла себе пару под стать: такой же получеловек! – он говорил умышлено на общесемардском.

– Ладно тебе, – смутился юноша. – Они спасли город.

– Ой ли, – отмахнулся первый. – С таким мечом и я бы смог! Мне вот что интересно: он на другую половину цверг?

– Почему здесь так много этезианцев? – спросил Язар, когда они отошли достаточно далеко от солдат, чтобы не быть услышанными.

– Они пришли по приказу царя, чтобы защищать город от троллей. Каждая семья обязана содержать, по крайней мере, одного солдата. Народ любит Вулкарда, но некоторые начинают роптать. Этезианцы прибывают с каждым днем. Они уже чувствуют себя хозяевами Золотаря. Они ни за что не платят. Кузнецы не спят, выправляя им доспехи и перековы-

вая лошадей. Постоялые двory и кабаки почти разорены.

– Разве в Бризаре не хватает своих солдат? К чему набирать наемников из такой далекой и... не самой дружественной страны?

Иварис грустно улыбнулась.

– Они не наемники, но граждане Бризара. А Этезия наш верный союзник с тех пор, как Вулкард взошел на трон. Разве ты не знал? – она изумленно покачала головой. – Это не я жила в лесной глуши.

Язар смущенно помолчал.

– А ты действительно наполовину человек? – спросил он.

– Смотри.

Иварис остановилась, расправила на голове колтуны волос, показав небольшие темные рожки.

– Наполовину фавн? – изумился он. – Разве это возможно?

– Возможно, если твой отец умеет превращаться в человека.

– Так он колдун?

– Все фавны колдуны. Но мой отец особенный, – она посмотрела на Язара с вызовом, предупреждая возможные возражения. – Он сильный маг, сильнее Вулкарда. И очень старый.

Это было громкое утверждение, и Язар ему не поверил. Традиционно царем Бризара становился самый сильный маг страны. Магами были приближенные царя, градоначальни-

ки, судьи и другие высшие сановники. Предшественник Вулкарда, старик Седогор, правил Бризаром девяносто лет. Был он человеком уважаемым и добронравным. О всяком подданном он заботился: и о солдате, и о косце. Нередко он гостил у крестьян, справлялся об их нуждах и никогда не отказывал в прошениях. В те дни селяне накрывали длинные столы, и на пиры стекались и старики, и дети. Не всех из них, но очень многих Седогор знал поименно. Его правление казалось вечным, такой же частью для Бризара, как солнце в небе. Никто не мог поверить, когда мало кому известный дерзкий маг бросил вызов и сразил насмерть Седогора в магическом поединке. Поборы с подданных незамедлительно возросли, а соседнему Бризару Вальфруду объявили войну, объясненную желанием царя вернуть бризарцам их исконные земли. Агрессивная политика Вулкарда вызвала протесты консервативных советников и сторонников минувшего режима. Наиболее рьяные из них схватились с новым царем, но были беспощадно убиты. Недолгое время простой люд по инерции роптал, вспоминая Седогора с благоговением и проклиная Вулкарда. Но уже спустя еще два года они кланялись и почитали его так же, как совсем недавно почитали его предшественника.

Иварис и Язар прошли по мощеной булыжниками тропинке между стареньким домом и крохотной кухней, забрались в сад и устроились в уютной беседке. И сейчас с наступлением холодов здесь еще оставались цветы. Их нежные аро-

маты смешивались, кружа голову. Но и с закрытыми глазами наученный лесом Язар теперь мог разграничить запахи и выделить знакомые ему цветы. С конической крыши беседки свисали лозы винограда, а ее низенькие лавочки шли кругом маленького стола – совсем как в старой ныне заваленной беседке бабы Нары. В ту тесную беседку в детстве Язара набивалась едва ли не половина его многочисленной родни. Кто-нибудь из взрослых разрезал арбуз или дыню, и дети сметали угощение, не выходя из-за стола. Оказавшись здесь, Язар на мгновение почувствовал себя дома. Но и когда наваждение прошло, заполнившая его безмятежность осталась.

– Чей это двор? – спросил он.

– Одной доброй женщины. Она кормит сразу двоих здоровенных этезианцев. Я помогаю ей, а она позволяет мне оставаться здесь.

– Можешь прочитать? – Язар показал письмо альва. Он давно ждал этого момента и опустил прелюдии.

– Это послание защищено магией, – заключила Иварис, рассматривая ледяной лоскуток. – И его не так просто уничтожить. Но это все, что я могу о нем сказать.

– А твой отец?

– Он и язык фавнов порою забывает, – она задумчиво помолчала. – Тебе нужно показать письмо Неберису, правой руке и придворному советнику Вулкарда. К самому царю я бы не стала обращаться на твоём месте – незачем тревожить его пустяками.

Язару захотелось поделиться с Иварис и другой находкой. Они едва познакомились, однако он сразу же ей доверился, словно она была не кем-то подобным изменчивому человеку, но благородным лесным духом или зверем.

Драгоценный глаз альва она разглядывала уже пристальней. Бережно и с величайшим почтением она посмотрела в него на свет, закрыв им солнце, будто творила затмение, затем прижала к губам.

– Ему не хватает тепла, – заключила она. – И полагаю, ни один костер не сможет его согреть. Хотя с тобой ему как будто бы уютно. Язар, – она с любопытством заглянула в его серые глаза, – расскажи мне о себе.

С не меньшим интересом она выслушала историю жизни Язара, историю его матери и старухи Атаказы. Когда он закончил, солнце стояло уже высоко, и его яркий свет, разбиваясь о крышу беседки, ниспадал к земле длинными золотистыми локонами. Иварис потрясенно молчала.

– Не рассказывай об этом другим людям, особенно магам. В тебе заключена великая сила, и они попытаются ее отобрать.

– Но я не маг, – возразил Язар.

– Небоизбранные не дадут тебе пройти в столицу Синим Лучом, – рассудила она после длительного молчания. – Тебе нужно идти холмами.

– Кто такие небоизбранные? Прежде я никогда их не встречал.

– Почему-то я не удивлена, – Иварис покачала головой, признавая его безнадежность. – Они отстаивают права коренных бризарцев, полагая их лучшими из людей. Небоизбранные верят, что сумеют подняться на небеса, где будут жить среди альвов. Их лидеры – волшебники и сторонники Седогора, и теперь я понимаю, для каких целей им понадобились глаза альва.

– Если их цели благородны, так может быть мне стоит отдать им глаз?

– Здесь я не посмею тебе советовать. Ведь тогда ты вновь утратишь зрение, оторвешь лишь только найденную часть, которой тебе недоставало от рождения.

– Иварис, а ты сможешь, – Язар уронил робкий взгляд на столешницу и стал нервно водить по ее краю пальцами. – Или твой отец...

– Я не могу обещать, – видя, как он расстроился, она пояснила. – Я могу вернуть глаза слепому. Но ты не хочешь вернуть зрение, ты хочешь его изменить. Фавны видят лучше людей, но даже мне не хватает зоркости, чтобы различить Эсмаида в ореоле его сияния. Твои глаза не слабые, напротив, они очень сильные. Ты просто не умеешь сдерживать их силы.

– Какой мне прок в их силе?! – вспылил Язар, но столь же быстро погас. – Вот если бы я служил на корабле впередсмотрящим, то и без подзорной трубы мог видеть землю за сотню верст.

– Вот видишь, – улыбнулась она. – Твоим глазам еще можно найти применение.

– А если я посмотрю в подзорную трубу? – заметался он. – Что находится выше неба?

– Великое древо Яргулвард, на котором растут все миры.

– Я так мало знаю о мире, – вновь смутился Язар. – Расскажешь мне о Яргулварде?

– Обязательно. Но не сейчас. Давай подумаем, как разрешить загадку нападений троллей. Послушаем, что говорят солдаты. Я здесь три дня, а в своих исканиях не продвинулась и на шаг. Если этезианцы что-то и знают, эти знания они прячут надежно даже для чутких ушей фавна. Будем надеяться, сегодняшнее сражение сделает их разговорчивее. Пещерные тролли нападают впервые, и впервые Золотарь получает столь глубокие раны.

Они разделились, договорившись встретиться в беседке на закате. Иварис наблюдала за уборкой тел и прислушивалась к идущим на поле боя разговорам. Черновой работой занимались обыватели. Мужики грузили трупы на повозки и свозили к наскоро сооружаемому костру на востоке, на другом берегу Синего Луча. При этом оружие и доспехи павшим воинам не оставляли – для того они были слишком ценны. Трупы укладывали стройными рядами. Женщины обтирали им от крови лица и руки и завязывали им глаза белыми лентами. В ладони солдатам вкладывали куриные яйца, а кисти связывали на груди. Когда тела нужно было собирать по ча-

стям, женщины занимались этим бестрепетно, рутинно. Головы прикладывали к плечам, конечности привязывали. Если же и того сделать было невозможно, к останкам клали куриные яйца и закутывали их в белые саваны. Теперь, когда Эсмаид поведет души людей в Рошгеос, мир богов, они не ослепнут от его сияния.

Среди трупов были трое горожан, убитых прорвавшимся в Золотарь пещерным троллем. Женщины отнесли к ним с особой заботой: переодели, расчесали и вложили им подарки от семей. Мужчине дали его любимую курительную трубку, мальчику деревянного дракончика, а женщине локоны волос ее детей, чтобы в новом мире она смогла узнать их и приютить.

Вся работа велась с величайшей поспешностью, а народ только и говорил о распоряжении головы города Улзума провести похоронный обряд на закате. Спешка легко объяснялась: сегодняшнее сражение окончено, но уже завтра тролли могут вернуться. Некоторые вполголоса кляли этезианцев, но перед тем всякий раз осматривались, убеждаясь, что поблизости таковых нет.

– До их появления в городе было спокойно, – ворчал один мужик, грубо поднимая павшего солдата за руки.

– Это точно, – поддержал его товарищ, держа покойнику ноги. – И ведь чем больше приходит этезианцев, тем больше приходит троллей! По одному – по два нападали, так теперь дюжинами! Еще и пещерных привели! Как ты это объ-

яснишь?

Они уложили труп на повозку, поверх другого солдата. Первый мужик подпихнул сапогом его свесившуюся ногу.

– Дорож их разберет! Мне уж, кажется, тролли нас от чужаков оберегают. Мы им вроде как свои. А эти с топорами пришли, давай лес на частокол рубить. Вот тролли и разозлились.

– Нет, – отмахнулся второй. – В такой сказ я не поверю. Троль глупее коровы. Да и чего они тогда наши дома стали крошить? Трое бризарцев полегли.

– Это они сгоряча...

Язар действовал прямолинейней и отправился в казармы. Проводить его напросился мальчик лет семи. Он без конца и как думал, незаметно, разглядывал необычную внешность гостя. Наконец он набрался смелости и спросил:

– Ты, правда, наполовину пепельный цверг?

– Я обыкновенный человек, – недовольно пробормотал Язар.

– А почему тогда твоя кожа такая серая?

– В детстве я сильно обжегся.

Мальчик разочаровано поник, но всего через мгновение оживился.

– А я рад, что ты не цверг! Они противные!

– Разве ты когда-нибудь видел цвергов? – усомнился Язар.

– На картинках в сказках. Они маленькие и тощие, у них длинные руки, а глаза злющие! Они боятся солнца и выпол-

зают из нор только по ночам. Тогда они убивают путешественников, а их деньги утаскивают в свои подземные сокровищницы.

– Может и так. А может цверги злые, потому что сказки про них пишут люди. Люди ведь тоже не все добрые.

Это простое наблюдение глубоко поразило мальчика.

– Этезианцы злые. Они отбирают наши земли и занимают наши дома.

Язар беспокойно осмотрелся и наклонился к нему.

– Кто так говорит?

– Все говорят: папа, мама...

– Но ведь этезианцов прислал царь. Разве царю не виднее как управлять страной?

Мальчик сдвинул брови и невольно отклонился назад всем телом.

– Ты старше меня и хорошо дерешься, а только не очень умный. Если бы я так умел драться, то прогнал бы этезианцев из нашего города! Вот твои казармы, – он сердито указал пальцем. – Надеюсь, ты не станешь одним из них.

Он развернулся и убежал, сокрушенно мотая головой. Язар провожал его задумчивым взглядом, пока мальчишка не скрылся за поворотом.

Большое двухэтажное здание казарм распухло от прибывающих жильцов и продолжало разрастаться, пожирая все вокруг. Новые пристройки перегородили дорогу и залезли на соседское подворье, захватив значительную территорию

сада. Сохранившаяся часть быстро порастала сорной травой и приходила в запустение. По всему участку как по сжатому полю сновали солдаты. Они давно вытоптали грядки и обнесли сохнувшие плодовые деревья. Один солдат подобрал маленькое сморщенное яблоко, обтер о рукав, надкусил, но сплюнул и выбросил порченный плод.

Четыре человека сидели на широком стволе срубленной черешни. Вид у всех был мрачный. Они почти не разговаривали, но больше курили самокрутки, бросая огарки себе под ноги в траву.

– Треклятые тролли! – выругался один из них. – Сколько наших полегло!

– Верно! – поддержал его приятель. – Защищаем этих деревенщин, а достается нам! Пойти бы, да вычистить всю породу этих уродцев! И чего им в лесу не сидится?

– Как же, вычистишь! – усмехнулся в длинный ус третий, старший из них. – Когда два пещерных увальня чуть город в щепки не разнесли. А их в лесу, может быть, десятки. – Он закинул ногу за ногу и задумчиво выпустил кольцо дыма. – Здесь маг нужен.

– У нас девчонка есть, – осторожно заметил четвертый.

– У нас? – переспросил старик, брезгливо поморщился и заглянул тому в глаза. Увидев в них признание вины и робость, он усмехнулся, запрокинул голову и важно заметил: – Не пойдет она с нами.

– Так почему бы нам мага не прислать? – спросил вто-

рой. – Хотя бы одного! В Бризарионе их чуть не каждый третий!

– Одного и прислали, – напомнил старик. Все уставились на него. Он продолжал молчать, довольный захваченным вниманием.

– А-а, – сообразил четвертый и усмехнулся. – Наш Улзум такой маг, что может и не маг вовсе. Кто его в бою хоть раз видел?

– Это потому, что все его колдовство уходит, чтобы себя на ногах удерживать, – пошутил первый.

Все четверо дружно рассмеялись. Заметив, что к ним приближается Язар, они резко замолчали, хотя разговаривали на незнакомом простолюдину из Бризара этезианском языке.

– Я ищу тысячника Табрака, – заговорил Язар.

– Табрак в казармах, – отозвался старик теперь уже на общесемардском. – С ним сотник Янгир. Как закончат, тысячник тебя выслушает. Как-никак ты нас здорово выручил. А пока ждешь, посиди с нами, расскажи о себе.

– Да, такого юного и не по годам умелого воина уж больно хочется выслушать, – согласился второй. – Откуда ты такой взялся? Какой народности? А ну, ребята, двигайтесь!

– А может, ты маг? – спросил с надеждой четвертый, теснясь и освобождая край бревна.

– Я лучше подожду тысячника в казармах, – смутился Язар. – Не хочу его упустить.

Если внешний вид громоздких казарм внушал Язару ощу-

щение силы и твердости, то внутренность здания кричала в страхе и дрожала под обитыми стальными пластинами кожаными сапогами растерянных солдат. Цепочка, нет, целая колея грязных следов привела юношу к массивной дубовой двери с тяжелым металлическим кольцом. У двери дежурил невероятных размеров горбатый тощий охранник, рост которого, если его разогнуть, достигал косой сажени. Вид его был угрожающ, рот перекошен на бок, подбородок выдвинут вперед, редкие волосы всклокочены, а тяжелое дыхание походило на размеренное гудение кузнечных мехов. Великан предупредил, что тысячник занят, и Язару придется подождать. Говорил он при этом по складам, а его опущенная сторона рта при разговоре оставалась неподвижной. Он смотрел на гостя выпученными, как у тролля, глазами, и не моргал.

Пристальный взгляд охранника был таким тяжелым, что Язару не доставало сил ему ответить. Отвернувшись, он стал рассматривать солдат, беседующих в другом конце коридора, и прислушиваться к разговорам. Тусклый свет, проникающий сквозь маленькие напоминающие бойницы окошки, очерчивал их далекие силуэты как в тумане. Но их голоса Язар легко выделял даже в несмолкаемом топоте сапог и хлопанье дверей. Они обсуждали минувшее сражение, однако не произнесли такого, чего он не знал, и что могло его заинтересовать.

И в то же время другой, куда более важный разговор сейчас происходил за его спиной. Толщина дуба скрадывала

слова, но приглушенные голоса, которыми они были произнесены, явственно обличали желание собеседников удерживать их в тайне. Пытаясь хоть что-либо расслышать, Язар прислонился спиной к стене, уронил голову и закрыл глаза руками.

– Храмовник хочет... – шептал один голос. Следующие слова Язар не сумел разобрать.

– Что? – почти выкрик, голос гораздо грубее первого. Дальше речь вновь перешла в шепот. – Только ты...

– Пускай уповаает на бога...

Невнятное бормотание, а затем низкий смех.

– Меня тоже часто полутроллям дразнят.

Язар вздрогнул и открыл глаза. Он совсем забыл об охраннике, который все это время не шевелился и не сводил с него немигающих глаз. Посмотрев на него свежим взглядом, он понял, что именно заставило его отвернуться – у мужчины не было век.

– А только я никакой не полутролля, а самый обычный человек. Ты хоть, малец, мне веришь?

– Конечно, – удивился вопросу Язар. – Полутролляей не бывает.

– Спасибо тебе! – искренне обрадовался великан. – Вот и я так всем говорю, а мне в ответ только смеются. Полуцвергов, наверное, тоже не бывает. Но тут сложнее. Все же... – мужчина вдруг засмутился. – Ты ведь понимаешь, да? Должен понимать, взрослый вроде уже. Хотя и мелковат...

– И полуцвергов не бывает, – поспешил его уверить Язар, однако на память ему тут же пришла история происхождения Иварис.

– Вот и не обижайся, когда тебя полуцвергом дразнят, – наставлял охранник. – Я не обижаюсь, так и ты с меня пример бери. А если обижаться, так их это только раззадоривает. Будут за тобой бегать, да все время кричать: «Эй, полутроль! Тебе сколько вина налить: ведро или бочку?» Или еще говорят: «Извини, еды тебе не осталось, один только жалкий гусь. Может, пока гусем перекусишь, а на завтрак мы тебе свинью зарежем?». Ну, или... всякое говорят, в общем. Меня, кстати, Толусом зовут.

– А меня Язаром, – неохотно представился юноша.

– Хорошее имя – Язар, мне нравится. Может, сына так назову или дочку...

Язар обреченно вздохнул. Бестолковая болтовня Толуса окончательно хоронила надежду подслушать разговор двух командиров. Когда дверь наконец отворилась, он был рад уже тому, что освободился от его назойливости.

Из комнаты вышел осанистый остролицый мужчина, бросил короткий взгляд колких пронизательных светлых глаз в сторону Язара и широким шагом двинулся по коридору. Он не переходил на бег, но передвигался столь быстро, что длинный зеленый плащ развивался за ним, словно охваченный ветром.

– Заходи уже, – поторопил Язара Толус. – Тысячник не

любит ждать.

Табрак стоял, навалившись на стол и, повернув голову, смотрел в небольшое оконце. Был он человеком высоким и крепким, с непомерно большой головой. Облик его сразу же показался Язару знакомым, и вместе с тем гость был уверен, что никогда прежде не видел тысячника. Лишь когда дубовая дверь затворилась, он удостоил посетителя взглядом. Грубое даже по этезианским меркам лицо, выдающийся подбородок, редкие волосы и очень высокий, хотя и сопоставимый с другими людьми рост. Все эти признаки настолько сближали тысячника и его охранника, что нельзя было не заметить их очевидного родства.

– Так ты и есть тот самый человек, перед которым наш город отныне в неоплатном долгу? – спокойным низким голосом заговорил Табрак.

– Меня сложно с кем-то перепутать, – также спокойно отозвался Язар. По-видимому, Табрак не лукавил, и сотрудничество с ним казалось естественным продолжением сражения с троллями.

– Не знаю, кто ты, Язар, посланник небес или случайный путник, но наше счастье, что ты пришел в город именно сейчас.

– Не я один помогал солдатам Золотаря удержать троллей, – заметил гость.

На лице Табрака отразилась неприкрытая неприязнь.

– Помощь Иварис мы также признаем, – выдавил он из

себя.

– Но не слишком охотно, – заключил Язар. – Какие разногласия между вами?

Табрак оценивающе взгляделся в глаза собеседнику. У него были веки, временами неторопливо закрывающие темные глаза. Но когда взгляд этих глаз замирал, они становились тяжелы, точно как и глаза безобразного охранника.

– Девочка нелестно высказывается о действиях нашего царя. Конечно, ее бунтарство прощительно и даже присуще столь юному и наивному созданию. Однако ее крамольные речи вызывают смуту среди простых доверчивых людей. Бесстыдные кривотолки разгуливают по городам Бризара, а последняя лож заражает прежде законопослушные уста. Люди свирепеют, люди злятся. И кто распаляет их ненависть? Те, кто носятся с горящими факелами, или те, кто гоняются за ними с ведрами воды?

– Вы называете Иварис ребенком, а вместе с тем признаете величину ее влияния на умы бризарцев, – подметил Язар.

– В том заслуга не самой Иварис, но ее отца. Девочка лишь проповедник, повторяющая его слова. Предположу, что и сама она не всегда понимает вещи, о которых говорит. Каштур – вот настоящий поджигатель. Его дерзость столь велика, что привела его даже в царский дворец. Неслыханная наглость! Однако Вулкард терпелив и милосерден. Он выгнал старика, но позволил ему и дальше болтать вздор в своем лесу. Многие не одобрили это решение, посчитав его

слишком мягким, – Табрак помолчал. – Да, наш царь терпелив и милосерден, но, когда в тебя все время тычут мечом, нельзя допустить, чтобы этот меч был извлечен из твоих собственных ножен.

Язар довольно долго раздумывал над его последними словами, так что Табрак заговорил снова.

– Так о чем ты хотел поговорить со мной, Язар?

– О троллях, – честно признался тот. – Я хочу понять, почему они возвращаются. Что гонит их из леса, что ополчается против людей?

– Трудно сказать, – Табрак пожал плечами. – Ведьмин лес довольно старый. Может быть, он умирает и вынуждает троллей искать добычу в других местах. А может, в их нападениях повинны мы сами. Мы рубим леса и распахиваем поля. Троллям некуда деваться, они не выдерживают натиска людей. В таком случае их легко понять. Но и людям деваться некуда. Не искать же нам новые жилища, отдавая троллям собственные дома? Живи я в лесу, – добавил Табрак после паузы, – может, тогда сумел бы ответить на твой вопрос. – Язар продолжал молчать, и тысячник заявил прямо: – Расспроси Иварис. Поведение троллей для нее должно быть понятней поведения людей. Скажу тебе еще кое-что, но хранить это в тайне или нет, решай сам. – Он отошел к маленькому высоко расположенному оконцу, посмотрел сквозь мутное стекло, затем вновь обернулся к Язару. – По нашему подозрению именно Иварис стоит за нападениями троллей.

– Не может быть! – изумился Язар. – Почему?

– А подумай сам, ведь это очевидно. Она настраивает обывателей против царя, она презирает этезианцев. Она пытается изгнать нас из Бризара, вот и пользуется теми средствами, которые находятся в ее распоряжении.

– В таком случае она подвергает опасности горожан и сама же убивает троллей. Это было бы лицемерно.

– Должно быть, Язар, ты вырос в какой-нибудь маленькой деревушке, где люди грубы, но откровенны и еще не научены лгать. – Табрак вновь повернулся к окну и, не оборачиваясь, спросил: – Ты слышишь колокол?

Язар прислушался. В тишине комнаты он легко узнал гулкий колокольный звон. Звук доносился издалека и звучал столь тихо, что иной человек едва ли мог его уловить.

– Нет, – солгал он.

– Он оплакивает павших воинов и жителей Золотаря. Скоро состоятся похороны.

Внезапно входная дверь распахнулась, запоздало лязгнуло дверное кольцо.

В простенке стоял сухощавый хмурый мужчина. В его осанке и голубых глазах угадывался уроженец Бризара, но длинные соломенные волосы больше подходили жителю Вальфруда. Одновременно с тем мужчина был загорелым, словно ходил под куда более жгучим южным солнцем, и столь истощен, будто жил впроголодь или добывал пищу изнурительным трудом. Свое тщедушное тело он завернул в

желтую выцветшую робу и подпоясался белым длинным кушаком. За пояс он заткнул Поборник Света – оперенный косяной жезл, из которого, расправив крылья, выросстал золотой ястреб.

– Я не разрешал входить! – рявкнул Табрак.

– Только бог может ограничить меня запретами! – в тон ему грозным голосом отозвался гость.

Они смотрели друг на друга, не шевелясь и не моргая, а возникшее между ними напряжение разносилось колоколом и оглушало. Язару хотелось уйти, но он не решался нарушить неподвижность.

– Тебе пора, – обратился к нему Табрак, первым отведя взгляд.

Тогда же к нему обернулся храмовник. Брови его удивленно поползли вверх, и, уже закрыв дверь, Язар услышал:

– Кто этот прокаженный?

Толус сполз по стене и мирно дремал. Дальше по коридору толпились солдаты, мрачно шептались, но не приближались к двери кабинета тысячника и на двадцать шагов. Язара соблазняла возможность подслушать без сомнений важный разговор, однако он не стал испытывать могущества храмовника на себе и вызывать подозрения солдат.

Глава пятая. Огни Золотаря

Близился закат, и Язар направлялся в беседку, как они и договаривались с Иварис. Он не перестал ей доверять после разговора с Табраком, однако и в речах тысячника не находил изъяна.

Колокол продолжал звонить, выводя на улицы все новых людей. Старики медленно ковыляли, опираясь на палки, дети бежали взапуски с собаками. Со стороны могло показаться, что начинается какой-то праздник. Увлеченный толпой изменил направление и Язар, рассудив, что Иварис не пропустит обряда.

Тела уложили плотно друг другу, но величина возведенного костра все равно впечатляла. Остовом ему служили сундуки, лавочки и двери, а также обломки разрушенного чостокола. Горожане без сожаления приносили заготовленные на зиму поленья, ибо хоть и чужими для них оставались этезианцы, а людьми были все одно. Иные собирали в подлеске валежник, однако деревья рубить не решились, – довольно недовольства леса на один день. Проходя круг костра вереницей, люди бросали поверх тел пучки соломы, веточки и горсти сухих листьев.

Когда приготовления были закончены, люди выстроились тремя кольцами. Внешнее самое большое кольцо составляли обыватели. Большинство из них хранили почтительное

молчание, некоторые негромко переговаривались, временами поглядывая в сторону ритуального костра. Многие сокрушенно качали головами, но мало кто из них по-настоящему сочувствовал чужакам.

Посередине в полном обмундировании расположились неподвижные солдаты. Их доспехи по-прежнему были перепачканы черной кровью троллей и красной кровью собственной и кровью товарищей. Лица, хотя и умытые, хранили память боя, глаза смотрели холодно, поджатые губы сдерживали ярость и сулили обидчикам скорую месть. В их стройных рядах чужеродным выглядел огромный кособокий брат тысячника. Даже сгорбленный Толус превосходил и самых высоких соотечественников на целый локоть.

Ближе всех к костру стояли немногочисленные храмовники. В их церемониальных одеяниях легко узнавались служители трех богов. Почитатели солнечного Эсмаида носили желтые рясы. Они не были высокомерными, но во всем их облике, в их осанке, движениях и взглядах явственно читалось, что на их стороне правящий Рошгеосом и Яраилом бог. Последователи богини жизни, богини-матери Лиады пришли босыми и в зеленых робах из крапивы. Они единственные среди бризарцев скорбели о погибших солдатам, глаза их были закрыты, а руки скрещены на груди. А вот адепты хранителя порядка Далиера мало походили на привычных Язару священнослужителей. В этом ордене состояли только мужчины, все они носили усы и бороды, но их воло-

сы еще не были убелены сединой. Они облачились в гладко начищенные посеребренные доспехи, а также имели при себе посеребренные мечи и щиты. Белыми были их длинные шелковые плащи, и окруженные шевронами молний сияли на них вышитые серебром щит и меч. Каждого из трех богов представляли не больше десятка последователей, однако воспламененные божественной искрой эти люди и по отдельности могли оказать существенную помощь в сражении. Ложя Эсмаида являлась самым влиятельным магическим образованием Яраила, жрецы Лиады почитались сильнейшими целителями, а воины Далиера первыми среди солдат. И, тем не менее, Язар не мог вспомнить никого из них на поле брани.

Умолк звучный колокол, и на восточном побережье Синего Луча воцарилась тишина. Эсмаид уходил за горизонт, а его длинные пальцы медленно сползали по костру.

Язар стоял мрачнее тучи. Его чувства легко было принять за скорбь. Вновь и вновь он вспоминал слова Табрака, и его подозрения в отношении Иварис только росли. Если именно она привела троллей, то и невмешательство храмовников легко объяснить. Их общая цель – изгнание этезианцев из города, но они не могут выступить открыто против армии и самого царя.

Толпа расступилась, пропуская вперед голову города Улзума.

Насколько Толус был велик по человеческим меркам, на-

столько же толстым оказался Улзум. Он вышел в просторном парчовом халате, но никакая одежда не могла скрыть его толщины. Опираясь он сразу на две палки, и тогда его жирные руки тряслись от создаваемого напряжения. Распухшие ноги заваливались вовнутрь крестом, соприкасаясь коленями, на коленях расплывалось тестом огромное вислое брюхо. Шея Улзума терялась в многочисленных складках под подбородком, и как именно голова крепилась к туловищу, можно было только предполагать. В жирном месиве, которым являлось лицо Улзума, утопали бесцветные глазки. Рот казался неправдоподобно маленьким, а прижатые уши непонятным углублением щек. Глядя на городского голову, Язар не усомнился в его магическом таланте, ибо не мог найти другого объяснения тому, что существо перед ним по-прежнему живо, способно находиться в вертикальном положении и даже связно говорить.

Все взгляды обратились к голове. В одних читались насмешка и презрение, в других затаенный страх. И только храмовники не проявляли интереса к голове, равно как и к его выступлению.

– Ужасная, ужасная трагедия! – в отсутствие еды жевал слова Улзум, а по его лысому лбу, несмотря на холодное время, катился пот.

– Если отнять у него одну палку, он покатится, как мячик? – хихикнула одна девочка неподалеку. Родители в ужасе зашикали на нее.

– Глупенькая, это посох! Помалкивай, а то голова тебя в лягушку превратит!

Язар продвинулся к началу центрального кольца, чтобы лучше видеть и слышать происходящее. Солдаты ему не препятствовали, а многие, узнавая, приветливо кивали. Среди жрецов Лиады он заметил Иварис; она скрестила руки на груди и откровенно скучала.

– Триста двадцать один бесстрашный муж Золотаря, заботливая мать, невинное дитя и его преданный пес, – продолжал нечленораздельно булькать голова. В этот момент сквозь толпу просочился юркий человек и что-то ему шепнул. – Два верных пса, – поправился голова. Снова человек шептал ему на ухо. – Один пес, два петуха. – Улзум вскинулся, широко открыв слипающиеся глаза. – Я тебя... – он попытался погрозить кулаком, но, лишившись опоры, накренился и едва не упал. Сквозь толпу просочились еще двое. Они выровняли голову, подставили под его руку оброненный посох и также незаметно скрылись. Улзум противно откашлялся и продолжил. – Многие доблестные воины пали сегодня. Они отдали за нас свои жизни, за наши семьи и наши дома. Скорбь наша безгранична, – он закрыл глаза и уронил голову на грудь. Затянувшаяся пауза начала вызывать у собравшихся известные подозрения. – Но мы должны быть сильными! – вскинув голову, резко продолжил Улзум. – Ибо тролли вернуться! Эти беспощадные чудовища не остановятся, пока не опустошат наш город! Или пока не погибнут сами, – он

вновь выдержал паузу, обращая внимание к своим последним словам. – И милостью нашего всеблагого царя Вулкарда тролли падут! Не тревожьтесь, добрые граждане, доверьтесь своему голове и своему царю. Войско Бризариона уже движется в Золотарь. Совсем скоро Ведымин лес будет очищен от этих тварей! Слава царю Вулкарду!

– Слава царю Вулкарду! – единогласно голосили солдаты.

– Слава царю, – робко вторил народ.

Храмовники продолжали молчать.

Окончив речь, голова удалился из круга. Передвигался он невероятно медленно, раскачивался, как ребенок, и при каждом шаге дрожал. Он не стал дожидаться самого сожжения, и люди украдкой посмеивались, что голова почувствовал резкий приступ голода.

Следующим в центр круга вошел Табрак.

– Жители Золотаря: этезианцы и бризарцы! Не важно, кем были мы при рождении, но прежде всего мы были и остаемся людьми. Мы поклоняемся разным богам, мы зовемся разными именами. Надеюсь, эти ничтожные отличия не помешают нам объединиться против общего врага. Этот враг гораздо могущественней любого из нас по отдельности. Но наша сила в многочисленности и сплоченности. Жители Золотаря, бризарцы. Сейчас я обращаюсь только к вам. Наш заботливый царь Вулкард велел мне и моим солдатам беречь ваши семьи. Но мы не справились. Простите нас, – он низко поклонился. – Простите, что не сражались яростней, прости-

те, что позволили троллям пройти частокол. Добрые жители Золотаря. Вы предоставили нам кров, как своим братьям, вы кормите нас подобно радетельным матерям. Мне стыдно, но я вынужден просить вас о новой и еще большей услуге. Встаньте в один строй вместе с нами, выходите на защиту наших общих стен. Пусть те из вас, кто желают разделить со мной эту ношу, приходят в казармы. Мы найдем для вас оружие, мы обучим ремеслу воина и в бою всегда подставим надежное плечо, – Табрак поклонился во второй раз и вернулся на место.

Его проникновенная речь подняла большое волнение среди простых людей. Многим его выступление показалось искренним, а бездумный вояка перед ними раскрылся как самоотверженный и честный человек. Только храмовники остались безучастны словам тысячника. Люди не обсуждали их невмешательства в сражение, как не обсуждали действий царя или волю богов. Однако иные из обывателей уже с неодобрением искоса поглядывали на храмовников, и мысли их шли той же тропой, что и мысли Язара.

Последним держал слово старший теург Эсмаида Кадимир – тот самый мужчина в поблекшей робе, которого Язар видел в казармах. Во время его выступления люди хранили почтительное молчание, но тщательно всматривались в лицо теурга и вслушивались в его слова.

– Всеблагой Эсмаид дарует нам свет и тепло, – важно начал он. – Всевидящий он знает, что происходит у наших

стен, а что творится в лесной глуши. Так попросим же его поделиться этим знанием с нами! – Кадимир воздел руки и обратился вслед уходящему солнцу: – Великий Эсмаид! Не оставляй своих детей на растерзание лесным тварям! Одари знаком и укажи нам путь!

Люди боязливо поднимали взгляды. В трепетном волнении они вглядывались в небо, но небо молчало. Иные недоверчиво хмурились. Кадимир оставался спокоен. Он высоко поднял Поборника Света, а затем наклонился к костру.

Вспыхнувшее желтое пламя вмиг охватило подношение. Оно не чадило, но порождало изумительный золотистый туман. Люди заворуженно наблюдали, как медленно уплывают в небо золотые пылинки, и не заметили, что сами оказались внутри этой искрящейся пелены.

– Не тревожьтесь! – прогремел отовсюду голос теурга. – Доверьтесь нашему богу.

Густой туман вернул Язара в те еще недавние, но стремительно убегаящие вдаль времена, когда он был почти слеп. Люди покорно не шевелились и терпеливо ждали, когда зрение вернется к ним. А Язар желал, чтобы эта золотая пелена никогда его не оставляла. Вокруг приглушенно звучали неразборчивые голоса. Но вдруг на поверхность этого многоголосого океана всплыли слова.

– Кто этот человек, что хватает тебя за локоны и не ведает жара костра? – задавался вопросом сильный мужской голос.

– Это мой ученик и в будущем великий волшебник. Толь-

ко я не уверен, что его породил человек, – отвечал тот же голос, но уже бодрый и звонкий.

– Да, теперь я вижу. У него страшная судьба. Ни один человек такого не вынесет. Он вышел из пламени и в пламени умрет.

– Подожди, мне кажется, он нас слышит. Присмотри за ним, брат.

Язар словно очнулся ото сна. Его по-прежнему окружал золотистый туман, но всякие разговоры теперь смолкли. Им овладевала тревога. Сколько прошло времени с начала церемонии? Почему вокруг такая тишина? Ему казалось, он продолжает спать или хуже того – умер. Может быть, лицемерные этезианские солдаты или храмовники уже приносят его в жертву огню?

Слепо перемещаясь на ощупь, он попытался высвободиться из этой сияющей тюрьмы. Под руки ему беспрерывно что-то попадалось. Вероятно, тела, но тела ли живых? Что, если безумный храмовник, желая освободить город от чужеземцев, решил предать смерти и неповинных горожан? Его руки за что-то ухватились. Кость. И тогда же зрение вернулось к нему.

Он стоял, обращенный на запад, придавив ногой последний закатный луч. В руке он держал Поборника Света. Пламя перекинулось на его ладони, но не обжигало. За его спиной яркой стеной горел костер. Пепел медленно опускался на плечи и на голову Язару; он был почти незаметен в его

серых волосах. Толпа вокруг заворожено молчала. Даже храмовники утратили былую невозмутимость. Кадимир смотрел на него строго и недоверчиво.

– Эсмаид указал нам проводника, – торжественно объявил он.

Догорел погребальный костер, и вдруг поднявшийся ветер забрал его следы. Но память о ярких событиях этого долгого дня не оставляла жителей Золотаря. Они собирались небольшими группами на скамейках. Они плакали и смеялись, вглядывались в небеса и мечтали. Они многого натерпелись от нашествия троллей. Они долго тащили на себе этезианское ярмо. Избранник Эсмаида – всего лишь ребенок, однако он уже проявил себя в бою и, может быть, еще сумеет удивить горожан.

Темными улочками теург вел Язара в Солнечную Колыбель. Он не мог оставить беспризорным избранника своего бога, а тот видел в приглашении Кадимира удачу и возможность лучше разобраться в причинах разногласий храмовников и этезианских солдат. Он не успел переговорить с Иварис, но, поймав его взгляд, она шепнула, что будет ждать. Едва ли кто-то еще различил ее слова в поднявшемся шуме, но и тогда бы не предположил, сколь далекому уху они предназначались.

Эсмаидцы сплотились вокруг Язара кольцом. Считая Кадимира, их было девятеро. Над каждым священнослужителем парил яркий золотистый шар-проводник. В путешествии-

ях это простое колдовство выводило к свету из самой темной пещеры, а сейчас волей заклинателей следовало в Солнечную Колыбель. Несколько больший остальных шар Кадимира вожакom возглавлял эту горящую стаю.

Разговоры дорогой не велись, жрецы хранили торжественное молчание. Длительное время процессию сопровождали обыватели, многие из них в любопытстве дошли до самых храмовых стен.

Солнечная Колыбель оказалась огромным причудливым шатром. На деревянном каркасе стелились кольчужные позолоченные занавеси. У храма не было дверей, но отдернуть полог можно было только в двух местах – строго на востоке и западе. Процессия вошла в храм с западной стороны, ибо восточная сторона предназначалась только для выхода. Шары-проводники сразу же устремились к невысокому потолку главного зала, где заняли отведенные им ниши. А шар Кадимира разместился в центре помещения, опустившись в правую, воздетую к потолку большую медную ладонь.

Скульптор изобразил Эсмаида мужчиной суровым и сухощавым. Брови его были густы, скулы острыми, а нос гордым, как у орла. Его длинные локоны свободно ниспадали далеко за плечи, а ряса доходила до обутых в сандалии стоп. В левой опущенной руке Эсмаид держал сложившего крылья нетленного и никогда не гаснущего воскового ястреба. У подножия изваяния стояла медная чаша с лебяжьими перьями. Сжигая их в пламени свечи, горожане просили Зарока отнести

их слова богу. В каждой детали: в остроте складок материи, в приподнятом подбородке и в отведенных плечах чувствовалось нечто высокое, нечеловеческое. Однако внешне медный Эсмаид мало походил на того златокудрого миловидного юношу, которого Язар наблюдал в небесах. Гораздо больше статуя напоминала старшего теурга Золотаря.

От Кадимира не укрылось недовольство гостя.

– Мне тоже не нравится эта скульптура, – признался он Язару.

– Он должен быть моложе, – ответил тот.

– Кто знает, – пожал плечами Кадимир. – Нестареющим Эсмаида называют альвы. Но разве это слово не применимо ко всем бессмертным? И почему должен быть молодым старейший из девяти первых богов?

– И даже вы, старший теург, никогда не видели Эсмаида? – удивился Язар.

– Я вижу, но не смею на него смотреть. Ибо мой глаз, глаз человека, не способен удержать его божественного света.

– Вас не было в битве, – вспомнил Язар, и сумрак надвинулся ему на лицо. – И никто из храмовников не встал на защиту своего города.

– На то не было воли богов, – спокойно ответил теург.

– Неужели боги хотели, чтобы вы прятались в храмах, пока тролли разрушают город?

– Ты прав, Язар, нам следовало вмешаться, – признался он. – Но прежде чудовища не проходили частокола. Никто не

ожидал появления пещерных троллей. Никто кроме богов, – веско добавил он. – Ибо не появишься они, и мы не обрели бы в тебе избранника Эсмаида. Ты, Язар, потушишь ярость леса и остановишь эти бессмысленные набеги.

Столь громкие слова вконец смутили юношу, еще недавно пасшего коров.

– Но я не знаю...

Кадимир по-отечески положил ему руку на плечо. Обычно суровый взгляд теурга вдруг сделался мягким.

– На тебя, Язар, возложена великая ноша. Она твоя и только твоя. Но ты волен выбирать с кем эту ношу разделить. Ты можешь уйти, когда пожелаешь. Но мы просим тебя хотя бы эту ночь провести с нами. Отдохни в стенах Солнечной Колыбели, а с рассветом укажи нам дорогу. Оставь неуверенность, и решение само найдется.

Жрецы по одному покидали зал, разбредаясь по маленьким кельям. За ними следовали шары-проводники. В помещении быстро темнело, и в слабом свете немногих оставшихся огней уже совсем зловеще блестела медь Эсмаида.

Язару показали его крошечную комнатку, – в ней не было ничего кроме жесткого тюфяка. Обещая вернуться, он вышел погулять, а как только скрылся за поворотом, удлинил шаг.

Иварис дожидалась его в беседке. Она предусмотрительно приоткрыла калитку, так что он проник во двор беззвучно, даже не разбудив сторожевого пса. Усевшись напротив, он

обреченно покачал головой.

– Когда мы разговаривали здесь в прошлый раз, я мало что знал об этом городе. Знаний у меня прибавилось, но еще больше появилось вопросов. Одни только вопросы и никаких ответов.

– И у меня много вопросов, – призналась Иварис. – Так давай искать ответы вместе.

– В чем причина разногласия храмовников и этезианских солдат?

– Это вопрос веры. Боги Этэзии – Тиргуш и Хомира, сребролюбие и обман. Это не те добродетели, которым учат праведники Бризара.

Язар пожал плечами.

– В Виннике чтят только житников. У Эсмаида просят тепла и света, у Дорожа дождя и урожая. Охотники и рыбаки молятся Верозволу и Хаакулу, а всякому мастеровому всех ближе Инита. Никому в селе нет дела до дворцовых богов. Боги-интриганы, так их у нас называют. Они ведут войны руками людей. Они вербуют себе сторонников в Яраиле, ибо, чем выше их влияние в нашем мире, тем могущественнее они в мире собственном.

– Кое-что о рошьяра ты знаешь, – с удовлетворением признала Иварис. – А кого из них можешь ты назвать своим богом?

– Никого, – без раздумий ответил Язар. – Мой дядя полагает, богам нет до нас интереса. Пожелай они нам добра,

и помогли бы без всяких молитв. Ведь наши мысли должны быть известны столь великим сущностям. А кого считаешь ты?

– Фавны чтят природу и поклоняются духам.

– Прежде я не верил в духов, – смущенно признался Язар. – Но теперь вижу их, как вижу людей вокруг себя.

– Я не сомневалась, – Иварис кивнула собственным догадкам. – Я лишь наполовину человек. Но в тебе, Язар, человеческого начала еще меньше. Не знаю, кто ты, но скоро мы это выясним.

– Каким образом? – загорелся он.

– Мы отправимся к моему отцу.

Язар вспомнил все, что слышал о Каштуре от Табрака.

– Я хочу познакомиться с ним, – признался он. – Но сперва объясни. Как случилось, что Вулкард, беспощадный к противникам, разгромивший многочисленных и влиятельных сторонников Седогора, вдруг оставил в живых того, кто открыто порочил царя в его же дворце?

Иварис с вызовом сложила руки на груди.

– Когда ты успел об этом узнать?

– И все-таки... – настаивал он.

– Я ведь говорила, что мой отец как маг гораздо сильнее Вулкарда.

– У царя есть армия, – не удовлетворился ответом Язар. – Неужели он боится пускай очень могущественного, но лишь одного фавна? Может быть, и твой отец король? Или как у

фавнов величают правителей...

– Старейшины, – подсказала Иварис. Она стала заламывать пальцы в нерешительности и наконец нехотя сдалась. – Хорошо, я объясню. Вулкард уже пытался убить моего отца, но не смог. Каштура нельзя убить.

– Почему?

Она склонила голову набок и поджала губы.

– Извини, Язар. Это слишком большая тайна, чтобы я могла доверить ее ветру.

– Это не твоя тайна, – согласился он. – И, если в ее раскрытии есть угроза жизни твоему отцу, мне не нужно о ней знать. Скажи, – добавил он, поразмыслив. – Почему этезианцы набирают ополчение среди простых людей? Разве в Этезии закончились солдаты? Невольно они могут вложить оружие в руки будущего сопротивления.

– Неужели ты готов заколоть мечом того, кто дает тебе этот меч для защиты собственного дома? – усомнилась Иварис. – Это очень сильный ход со стороны этезианцев, даже сильнее божественного избранника жрецов. Но теперь ответь ты, Язар. Что произошло на церемонии?

– Когда от костра распространился золотистый туман, – начал вспоминать он. – Я почувствовал себя неудобно. – В его голове вновь звучали два различных, но таких похожих голоса. Открой тайну своего отца Иварис первой, и он, не задумываясь, рассказал бы о видении. Однако теперь ему захотелось придержать это знание у себя. – Я испугался это-

го слепящего света, как иные боятся крошечной темноты. Я попытался выбраться из него и оказался подле Кадимира. Не понимаю, почему выбор пал на меня. И чей это был выбор.

– Полагаю, твое избрание подстроили храмовники. Они хотят вернуть власть над Золотарем в свои руки, а ты для них инструмент в борьбе с этезианскими захватчиками. У них слишком мало сил для открытого противостояния, но ведь так удобно переложить всю ответственность на бога. Чего именно они от тебя хотят?

– Того же, чего хотят все жители Золотаря: остановить троллей. Они выставили меня избранником и готовы идти за мной. Но куда их вести? В лес? – он с надеждой смотрел на Иварис.

– Помощь храмовников нам не помешает, – быстро отозвалась она. Но также быстро добавила: – Если ты возьмешь и меня с собой.

Язар собрался с мыслями и спросил прямо:

– Зачем ты здесь, Иварис? Это не твой дом, не твой народ.

– Мой дом, Язар, в песках Аунвархата, мой дом среди холодных Снежных гор. Мой дом плывет в небесном океане и закрывается вратами под землей. Мой дом, Язар, – весь Яраил. Да, я причисляю себя к фавнам, но среди моих сестер и братьев найдутся люди, цверги и тритоны.

– А тролли?

Иварис задумалась, но вдруг увидела его улыбку.

– Так ты смеешься надо мной? Постой, кажется, один

тролль мне приходится дядей.

Она звонко рассмеялась, но тут же, спохватившись, прикрыла ладонью рот. Старый сторож во дворе перевернулся на другой бок и лениво тьякнул сквозь сон.

В Солнечную Колыбель Язар вернулся уже за полночь. В темноте после тяжелого дня отсыпались узкие пустынные улочки. Город молчал и мирно посапывал треском цикад. Но даже в ночи не угасала Нетленная свеча в форме ястреба в руке Эсмаида. Ее тусклый свет выплывал из-под кольчужного полога и манил обещанием беспечного сна.

В дремотной задумчивости Язар остановился перед медной статуей. Сумрак сгладил резкость ее лица, и теперь юноша узнавал в ней солнечного бога.

– Что мне делать? – спросил он. Статуя молчала. Только пламя свечи робко дрогнуло от его дыхания. – Я всего лишь хотел убереечь тайну альва. Люди, пришедшие за ней, показались мне злыми. А сейчас мне кажется, они на стороне добра. – Язар тяжело вздохнул. – Что за детские противопоставления! Все они интриганы: и храмовники, и этезианцы, и небоизбранные, и даже мой царь. Это мне не Винник, где люди просты и понятны, где думают то, что и говорят. Ушел бы я из дому, зная, что буду выживать в лесу и окажусь вовлеченным в битву с троллями? Нет, мне бы не хватило решительности. Да и для чего я ушел? – он вытащил послание альва и посмотрел на него на свет. Неразборчивые иероглифы не сложились в понятные слова, письмо оставалось столь

же холодным и непрístupным, как и прежде. – В самом деле, в этом письме не может быть ничего важного, ничего такого, ради чего стоит рисковать жизнью. Но и возвращаться домой я не хочу. Письмо – лишь оправдание... Но куда мне идти? Кому верить? – он с надеждой заглянул в глаза Эсмаиду. – Молчишь, – добавил он после паузы. – Так отмалчиваешься ты и прихожанам. Но они все равно для чего-то приходят, для чего-то с тобой говорят. А меж тем я слышал твой голос. Вы с Эсэтиром говорили обо мне. Я полагал, все дело в глазе альва. Но неужели я и, правда, твой избранный, и во мне есть нечто особенное, нечто отличное от иных людей? Но откуда? Ведь мать моя была самой обыкновенной женщиной, и в роду у меня нет ни магов, ни даже царей. Мой отец, – Язар вдруг запнулся, вспомнив об отце Иварис. Что, если Лежи родился цвергом? Магия цвергов сильнее человеческой, так чего стоило безобразному подземному карлику обратиться прекрасным мужчиной? Тогда понятны и горе Родмилы и ее возвращение в село. – Ты его видел, – почти с укором бросил он статуе. – Ты знаешь, где он живет, и можешь меня провести.

Проснулся Язар необычайно поздно для себя. Солнце уже стояло высоко, и его лучи почти беспрепятственно проходили кольчужный полог, отчего внутри Колыбели света было так же светло, как и снаружи. Главный зал пустовал. Только у статуи Эсмаида молилась женщина, да у стены, запахнув руки в длинные рукава на груди, неподвижно стоял Кадимир.

Язар подошел к нему.

– О чем его обычно просят люди? – негромко спросил он.

Женщина извлекла из чаши у ног Эсмаида лебяжье перо и сожгла в пламени Нетленной свечи.

– Провести близких им людей в другой мир. Эта женщина – мать погибшего вчера ребенка.

Язар кивнул собственным мыслям. Так поступали и в его деревне, ибо верили, что лишённые проводника, души могут заблудиться и остаться призраками или будут пойманы злонамеренными существами других миров. Только в Виннике не было храмов, и к богам обращались под открытым небом.

– Разве за пределами храмов Эсмаид не слышит молитв? – спросил Язар.

– Храмы возводятся не для богов. Они нужны людям. Сжигая свечу в храме или преклоняясь перед статуей, люди ощущают себя полезными. Так они помогают своим близким, так помогают себе. Они разделяют с храмом свое горе, а мы благодарим их в ответ.

Когда прихожанка завершила ритуал, ее место занял Язар. На этот раз он не обращался к Эсмаиду. Голова его была легка, и мысли, не сбиваясь в колтуны и не петляя, подошли к очевидному и самому простому решению.

– Я пойду в лес один, – объявил он Кадимиру.

Старший теург не удивился, но грустно опустил голову.

– Тогда прощай, избранник Эсмаида. У меня нет божественного взора, и мне не прочесть твоей судьбы. Но я ви-

жу, ты не семьянин, ты путник. Как солнце, как луна ты не остановишься на середине небосвода. И путь твой не окончится у двери. Ты одинок. Лишь на мгновение ты озаряешь чужой дом. Ты согреваешь тех, кто на тебя взирают, и обжигает тех, кто прикасаются к тебе. Но ты пока что слаб, твои глаза едва умеют видеть. Возьми, – теург протянул ему свой жезл. – Пускай Поборник Света поможет тебе в нелегкий час. Нет такой тьмы, которую он не сумеет разогнать. Прощай, Язар.

За пологом Солнечной Колыбели его поджидал посыльный мальчик. Судя по его удрученному скучающему виду, он прождал избранника Эсмаида много часов.

– Наш голова Улзум хочет говорить с тобой, – лениво объявил он. – Я проведу.

На улицах царило оживление. Люди высыпали из домов, как пшеница из переполненного лабаза. Они засиделись взаперти и торопились развеять сумрак вчерашних тревог светом нового незапятнанного дня. Они стремились на восток, где еще с рассвета шла уборка города и починка проломленных стен. Многие везли в повозках доски – плотники всю ремонтничали частокол. У бреши в частоколе жителей Золотаря собралось так много, что они мешали и друг другу и плотникам, и, теснясь и толкаясь, начинали ворчать. Одни жители покидали памятное место, другие их сменили, и шум круговорота людей у частокола не утихал.

Мальчишка шел быстрым шагом, сдерживаясь, чтобы не

перейти на бег. Он не отпускал руки Язара, пока тот не пообещал ему, что не убежит. Тогда мальчишка виновато опустил голову.

– Когда Улзум вчера пришел на похороны, я смеялся над ним громче всех. А сегодня родители послали меня за тобой. Они прислуживают Улзуму, готовят ему и помогают содержать его большой дом. И Улзум им хорошо платит. Родители теперь зарабатывают больше, чем с прежним головой. Раньше они торговали на рынке овощами.

– А прежний голова был бризарцем? – уточнил Язар.

– Да, но он был обычным рыбаком. Он часто рыбачил вместе с одним нелюдимым тощим стариком на берегу Синего Луча. Иногда он даже приносил рыбу с красивой жемчужной чешуей, я сам ее видел. Хотя это странно, ведь все знают, в Синем Луче не водятся даже пескари.

– И что с ним случилось?

– Не знаю, – мальчишка пожал плечами. – Одни говорят, сошел с ума и утопился в Синем Луче. Другие, что его убили собственные мысли. Думаю, они фантазируют, ведь нельзя же убить себя собственной мыслью. А как ты думаешь, Язар, это возможно?

– Полагаю, да.

– Значит, он был магом и наложил заклятье на самого себя, – пришел к выводу мальчик. Вдруг он остановился и заглянул Язару в глаза. – А ты, правда, избранник Эсмаида? Мой друг считает тебя полуцвергом, а я думаю, ты полуальв.

– Но ведь я совсем не похож на альва, – удивился такому предположению Язар.

– Зато у тебя характер альва. Они благородные и добрые, а цверги никогда бы не встали на защиту людей. А еще я видел, как ты дрался с пещерным троллем. Я стоял у окна, хотя мама и наказала мне лезть в погреб. Ты двигался очень быстро, совсем как альв. А почему такой серый, так ты, наверное, просто на солнце обгорел.

Окруженные высоким металлическим забором обширные владения головы казались отдельным поселением внутри города. Сюда еще не добралась зима, и магия Улзума хранила в поместье тепло. В саду трудилось множество людей. Они подвязывали и омолаживали кусты, обрезая сухие ветви, пропалывали грядки и собирали богатый урожай. Еще никогда Язар не видел в одном месте такого обилия фруктов и ягод. Некоторые плоды он видел впервые, другие заставляли его недоумевать. Так, на толстых, как бечевки, лианах висели виноградины, размером со сливы, а по утопанной тропинке между грядками мужчина катил огромный как бочонок арбуз. Здесь же росли разноцветные бананы и красные авокадо.

– Откуда все это? – изумленно спросил у работницы сада Язар; она несла корзинку пузатых полосатых груш.

– Сад достался Улзуму от прошлого головы. Правда, тогда он не был и вполовину так красив. Это все магия Улзума и его трепетное отношение к каждому кусту.

– Я смотрю, он большой любитель фруктов.

– Еще какой любитель! – женщина усмехнулась. – Таковую корзинку как у меня он съедает на третий завтрак. А вот только ни молока, ни мяса не употребляет, ни каш не ест, ни супов. Одни только сладости, да фрукты. Станный он, конечно, и капризный, как ребенок. А только мы ему все равно благодарны, – никогда еще простому народу Золотаря не жилось так хорошо, как с ним.

– Но ведь именно Улзум привел в город этезианцев, – возразил Язар.

– Нет, не он, – резко вступилась за голову женщина. – Улзум только исполняет приказы Вулкарда. Сам он заботится о нас как истинный бризарец.

Голова разместился во внушительном, но все еще деревянном поместье. Перед домом был разбит цветник, а в зеркально чистом пруду довольно плескались крапчатые утки. Прозрачная водная гладь отражала безоблачное небо. На берегу были рассыпаны морские ракушки и возведен маленький замок из плоских камней. Утки плавали в пруду по-хозяйски, не боялись людей и кормились прямо из рук. Мама-утка задавала направление кряканьем, а пушистые утята тянулись за ней цепочкой, как маленькие шлюпки за кораблем.

Прислуга содержала дом в чистоте, хотя, очевидно, это и стоило им большого труда. Первый этаж занимала кухня и пекарня Улзума. Готовили здесь и на продажу, и для нужд го-

ловы. Больше того, щедрый голова разрешал прислуге брать продукты своим семьям. Хлеб Улзум любил даже сильнее, нежели фрукты. Весь день он питался сладкой выпечкой, а в перерывах между приемами пищи отдыхал от сладкого и уплетал большой каравай. На закате он съедал большой фруктовый торт, а ночью переходил на фрукты и шоколад. Кушал он столь усердно и ночью, потому что от избытка сахара в крови очень плохо и поверхностно спал. Потому спал он и днем, и ночью: или сидя в огромном кресле или даже за обеденным столом. Если же во сне он сползал на пол, то и десятерым не удавалось его поднять.

– Разойдитесь, беспомощные! – кричал он тогда насмешливо и поднимал себя колдовством.

В воздухе кружил ароматный запах свежего хлеба, а повсюду с подносами, полными рогаликов, булочек и пирожных спешили поварята и повара. Но Язар много дней не ел сладостей и настолько отвык от хлеба, что даже дурманящий голову запах сдобы его совсем не соблазнял.

На втором этаже находились покои Улзума, там же он принимал гостей. Удивительно, но в своем плотном распорядке голова даже выкраивал время для бесед. Нередко к нему приходили представители знати и сетовали на своих бездельников-крестьян. Но чаще у него бывали обычные люди. Они жаловались на жадных господ, на притесняющих их этезианцев, на скверную погоду и неурожай. Многие приходили даже из окрестных сел, ибо слава Улзума как могуществен-

ного колдуна распространялась далеко за пределы Золотаря.

Выслушав просителя, Улзум важно кивал и обещал разрешить неприятность. И хотя никто не замечал, чтобы он эти обещания сдерживал, в то же время никто не мог утверждать, что он искренне не пытался им помогать.

Язара голова встретил у высокого длинного стола, заставленного сладкой выпечкой и свежими соками в кувшинах. Доедая яблочный пирог, Улзум откинулся в огромном дубовом кресле, вероятно, единственном во всем царстве, которое могло выдержать его вес. Из уважения к посетителю он приостановил трапезу. Слуга подобострастно принял пирог из его рук и поставил на стол.

Язар занял свободный стул напротив головы, на котором могли без стеснения уместиться двое таких худощавых людей как он.

– Я рад, что ты согласился зайти ко мне, – неразборчиво, как и всегда, проговорил Улзум. – Бери что хочешь, угощайся.

– Я не голоден, благодарю, – вежливо отозвался Язар.

Раздумывая над значением этих слов, голова съел ватрушку.

– Какое счастье для Золотаря, что ты появился в нашем городе! – продолжил он. – Расскажи о себе, Язар. Откуда ты пришел? Где твой дом?

– Я родом из маленькой деревни Винник.

– Винник! Как же, как же – знаю! Там жила старая колду-

нья, от которой мне и достался этот чудесный сад.

– Здесь была Атаказа? – удивился Язар.

– Верно, так ее звали, – согласился голова. – Сам я ее уже не застал. Говорят, она давно умерла. Так ты о ней слышал?

– Моя мать ее хорошо знала.

Улзум вновь прервал разговор, на этот раз ореховым рулетом и виноградным соком.

– Попробуй хотя бы сок, – предложил он.

Слуга тут же налил гостю бокал.

– Очень вкусный, – признался Язар.

– Это из винограда Атаказы. Может быть, ты хочешь вина? Сам я не пью, у меня от него болит голова.

– Я тоже не пью вина, спасибо.

– Правильно. В деревнях алкоголь первая напасть. Мне это хорошо известно, ведь и сам я родом из села.

– Правда? – удивился Язар.

– Все детство впроголодь жил, тощим был, прямо как ты. Потому сейчас и отъедаюсь. – Улзум намазал на оладик мед. – Семья у меня была большая, да и теперь еще велика. А у тебя много родни, Язар?

– Родственников много. Я даже не всегда знаю, кем мне приходится тот или иной человек.

– Вот и у меня так было, – Улзум проглотил второй оладик. – Ты помог моим людям, а я хочу помочь твоим. Я хочу отблагодарить их за воспитание такого самоотверженного и благородного сына. Сегодня же я распоряжусь доставить

всем жителям Винника золота и серебра.

– Спасибо, – пробормотал Язар. Он окончательно смутился. Улзум как будто действовал бескорыстно, однако юноша все равно ему не доверял. Во всех словах и поступках горожан теперь ему виделись интриги.

– Заходи, когда захочешь поговорить с добрым толстяком Улзумом, – попрощался голова. – Или когда захочешь вкусно поесть. Учти, ты никогда не пробовал таких вкусных десертов и блюд.

Некоторое время в голове Язара еще звучал чавкающий голос Улзума, но городская суэта быстро перекрыла этот неприятный шум. Плотники продолжали работать, но зеваки заканчивали свои дела у частокола и возвращались по домам. Они помнили его геройство в битве, они помнили его избрание в обряде. Но почему-то к нему никто не обращался. Быть может, они смущались его новой роли, а может просто не считали нужным говорить. Царил приятный теплый день. Однако же Язар как будто не выходил из Ведьминого леса. Он мерз, но не от холода посланья альва, и шел по улицам, как по нетореным полям.

Люди расступались перед ним, как мелкие волны перед тяжелым кораблем. И вдруг этот корабль налетел на риф.

Толус Полутроль стоял, широко расставив ноги и уперев руки в бока. Его тело закрывали кожаные доспехи, а голова оставалась непокрыта. В заплечных ножнах великан держал огромный в человеческий рост клеймор.

– Доброе утро, Язар, – вежливо прогудел он и тут же грубо добавил: – Куда это ты собрался?

– Здравствуй, Толус. Хочу выйти из города погулять.

– Эм, нет, – возразил великан. Затем с усилием почесал огромную голову, пытаясь заставить ее работать. – Гуляй лучше в городе.

– Почему? – прямо спросил Язар.

– Гм, – Толус снова замялся. – Ладно, Язар, ты хороший парень и я скажу тебе все начистоту. Брат не хочет выпускать тебя из города. Он не просил меня вмешиваться, но я и сам не глупый и знаю, что нужно предпринять.

– И ты попытаешься удержать меня силой?

– Попытаюсь? – удивился Толус. – Э-э, нет, я тебя удержу. Пожалуй, даже, мне придется убить тебя, Язар. Хотя мне и неприятно это делать. Но я не могу поверить тебе на слово и отпустить: вдруг ты меня обманешь? Тебе нельзя покидать города.

– Чего боится Табрак? – не сдавался Язар.

– Да не знаю я, – нетерпеливо отмахнулся гигант, обнажая клеймор. – В общем, готовься умереть, а то мне как-то неловко убивать тебя без предупреждения.

– А ты не боишься рассердить брата? Вдруг я ему нужен живым?

Толус снова почесал голову.

– Не, не думаю. Иначе он бы мне сказал. Обычно он меня предупреждает, чтобы я случайно не убил кого-то, кого

убивать нельзя.

– С чего бы ему так поступать? – удивился Язар. – Ты часто убиваешь людей?

– Угу. Каждый день выхожу в город и высматриваю себе противника. Но я не какой-то убийца и не закалываю людей подло в спину. Ты не подумай. Я даю им оружие, если у них нет своего, и вызываю на честный бой. Так уж получается, что в бою люди часто погибают. Только народ здесь что-то совсем слабый. Иногда до самой ночи по улицам брожу, да от отчаяния приходится вызвать какого-нибудь слабака.

– И как это ты еще жив? – продолжал удивляться Язар.

– Потому что я сильный, а противники слабые, – терпеливо объяснил Толус. – У меня и право такое есть – местных на бой вызывать, голова наш Улзум распорядился. А бризарцы уже привыкли. Иногда они и сами меня вызывают.

– А храмовники?

– Что храмовники? – не понял Толус. – Нет, мне с ними нельзя сражаться. Но если нужны зрители, их можно позвать.

– Знаешь, Толус, а ведь и ты мне казался хорошим человеком, – разочарованно признался Язар. – Я не хотел с тобой сражаться. А теперь вижу, что это будет полезно для тебя и всего Золотаря.

– Верно, мне полезно будет размять кости, а из тебя может получиться достойный противник, – Толус выставил перед собой меч. – Ладно, начинаем, а то я уже устал стоять.

Язар отложил в сторону вещевой мешок и снял с пояса Волорил и костяной меч небоизбранного. Дуэлянты стояли посередине широкой улицы, а прохожие теперь обтекали их большим кругом. Многие останавливались, чтобы пронаблюдать за ними. Люди в предвкушении высовывались из окон и выстраивались вдоль заборов. Среди зевак были и этезианские солдаты и дети, в их числе и мальчик, что сегодня указывал дорогу Язару.

– Разделайся с ним, Язар! – крикнул он.

– Давай, полуцверг, убей полутролля! – прокричал его сосед.

Дети залились смехом, засмеялись даже этезианцы. Но когда сражение началось, дети замерли, сжав в напряжении кулаки, и затаили дыхание.

Если изначально Язар был настроен миролюбиво, то теперь сомневался в вопросе: достаточно ли ему тяжело ранить Толуса или его необходимо убить. Ему еще не доводилось убивать людей, да и противник его не был откровенным злодеем, а все его злодейство проистекало из недалекого ума. Но оставляя его в живых, он подвергал простых людей смертельной опасности.

Для своего размера Толус оказался неожиданно проворен. Он размахивал огромным грозным клеймором снова и снова и, казалось, совсем не уставал. Длина его оружия удерживала Язара на расстоянии, и атаковать гиганта короткими мечами было все равно, что идти с ножом на быка. Удары Толуса

были размашисты, но слишком стремительны, чтобы Язар мог проскочить в паузы между ними и достать противника. Тем более худосочный юноша не мог заблокировать могучие выпады Полутролля, а потому делал единственное, что ему оставалось – отступал. Он бессильно кружил вокруг Толуса, а тот также бессильно размахивал мечом и рычал.

Противники то приближались к заборам, разгоняя зрителей, то вновь возвращались в центр улицы. Язар осматривался сторонами, выискивая помощь извне, но этезианские солдаты пристально следили за зеваками, пресекая любое вмешательство в бой. А вокруг были только мелкие камни. Дважды Язар швырнул противнику камни в лицо. В первый раз Толус прикрылся рукой, второй камень попал в цель, но вызвал только его недовольство.

Взгляд Язара упал на вещевой мешок, но и там не было ничего подходящего. Тогда же его осенила идея. Подпустив Толуса поближе, он позвал солнечного бога и направил Поборник Света ему в лицо. Он использовал жезл впервые, но почему-то не сомневался, что Эсмаид ему отзовется.

Ослепительный желтый луч проник в черные глаза Толусу. Потеряв зрение, тот стал пятиться и размахивать мечом во все стороны.

– Ты побежден, – спокойно объявил Язар, убирая за пояс жезл.

– Правда? – удивился Толус, продолжая испуганно вертеть головой.

– Запомни! – грозно предостерег Язар. Он говорил громко, чтобы его слышали и зрители. – Ты поднял меч на избранника Эсмаида и за это был ослеплен! Когда зрение к тебе вернется, ты отречешься от своего права требования поединка! И ты перестанешь убивать и калечить простых людей! Если же ты нарушишь это условие, Эсмаид применит к тебе уже свое право жизнетворца. Он заберет тепло твоего тела, как уже забрал свет твоих глаз. Что скажешь, Толус, ты согласен на мои условия?

– А могу я как-то тебя перехитрить? Согласиться, а затем взять слова назад? – с надеждой спросил Полутроль.

– Ты можешь обмануть меня, но не обманешь бога. Он видит тебя и видит все твои мысли.

– Ладно, – Толус разочарованно бросил клеймор. – Придется искать новое увлечение. Может, собак отлавливать и вешать? Или девок крестьянских давить?

– Лучше стань охотником на троллей.

– А это идея! – оживился Толус. – Спасибо тебе, друг Язар! – он подставил запястье, и юноша протянул ему руку в ответ. – Теперь возвращай мои глаза!

– Зрение к тебе скоро вернется, – ответил Язар, искренне надеясь, что говорит правду.

Но и в самом деле после этих слов Толус снова начал видеть. В благодарность он оторвал божественного избранника высоко от земли и крепко обнял, так что едва не сломал ему костей.

Зрители ликовали, восхищенные победой Язара и столь необычной развязкой. Дети выкрикивали в его адрес похвалы, родители хлопали, и улыбались даже этезианцы.

Но, прежде чем покинуть город, уже у бреши в частоколе его вновь остановили и тем же вопросом.

– Куда это ты собрался?

Сложив руки на груди, Иварис смотрела на него осуждающим взглядом.

– Тебе необязательно идти со мной, – отмахнулся Язар.

– Я тебе ничем не обязана, – согласилась она. – Но и ты не мой отец, чтобы мне указывать.

Внутренний холод сразу отпустил его, и Язар только сейчас почувствовал необычайную теплоту этого зимнего дня.

Они подошли к пересохшему руслу Синего Луча, и он вспомнил о духах, магии и других малопонятных ему вещах, о которых рассказывала Иварис или только обещала рассказать.

– Как жарко светит солнце! А ты умеешь вызывать тучи, дождь или метель? – спросил он и поспешил добавить: – Это не просьба.

– Я настоящий маг, Язар, а не какой-нибудь фигляр или шаман дикого племени! – оскорбилась она.

– Я думал, управлять погодой сложно, – признался он. – К нам в Винник приходил один погодный маг...

– Погодный маг! – Иварис даже рассмеялась. – Нет такой магии! Воздействовать на погоду может любая из одина-

дцати колдовских школ.

– И этого я не знал. А чем эти школы отличаются?

– Источником. Животная магия исходит от Раваза – защитника Мирового древа. Четыре школы берут свое начало во внешних мирах, а еще шесть во внутренних.

– Есть мир драконов, мир великанов, – начал вспоминать Язар. – А остальные?

– Мир духов, мир...

Иварис замолчала, увидев, как проскользнуло и спряталось в камнях бесформенное, бесплотное черное пятно. Она осторожно перевернула камень носком босой ноги. Под камнем никого не оказалось.

– Что это было? – насторожился Язар.

– Скользящий лазутчик.

– Он слышит нас?

Иварис опустилась на колени и перекрестила ладони над землей. Когда она развела руки, из-под земли на сто шагов вокруг высвободился белый свет. Этот свет совсем не походил на уютное теплое пламя, которым Кадимир зажегал погребальный костер. Бесчувственный и холодный свет не принадлежал Яраилу и пришел в него из мира теней.

Неподалеку что-то захрипело, как будто клокотала кипящая вода. От земли поднимался разорванным туманом и талял в небе черный чад.

– Теперь нет, – ответила Иварис, когда чад рассеялся.

– А эту тень не могли послать за нами жрецы Золотаря? –

засомневался Язар.

– Исключено. Жрецы черпают силы только от своих богов. А теурги – маги из числа жрецов – не станут возвеличивать враждебные им силы.

– А все-таки я им не доверяю. Они используют меня в своих интригах.

Они поднялись на другой берег. Иварис обернулась к Золотарю. Ее острые уши, подергиваясь, отчетливо различали звуки шумного города, а звериные глаза увидели Кадимира. Старший теург стоял в центре бреши частокола. Руки он сложил за спиной и в своей неподвижности походил на несломленный одинокий зубец.

– Это не храмовники отправляют тебя в лес.

Обернулся и Язар. Он мог рассмотреть Кадимира во всех деталях, так, словно тот стоял прямо перед ним. В глазах старшего теурга притаилась тревога. Язар поднял голову к небу, закрыл глаза и прошептал.

– Веди меня.

Глава шестая. Осквернение леса

В густом лесу зрение не самое полезное чувство. Свет не огибает непрозрачные преграды, тогда как звуки и запахи, расплываясь волнами, наполняют воздух незримыми красочными океанами. Первоначально дорогу выбирал Язар, но вскоре уступил место провожатого вскормленной лесом Иварис. Девушка шла через буреломы как по исхоженным тропам. Она взмывала по отвесным склонам оврагов и перепрыгивала высокие завалы так непринужденно, как это может сделать только дикий зверь. Даже Язар с его большой выносливостью и любовью к бегу едва за ней поспевал. Неуклюже переползая огромный, высотой с него самого валун, через который Иварис только что без труда перемахнула, он завистливо запричитал:

– Невозможно так высоко прыгать! Ты используешь магию.

– Я использую силу ног, – засмеялась она. – Это человеческие стопы сделала слабыми обувь, так точно, как вас сделали слабыми теплые одежды и стены домов. Вы отрешились от земли, солнца и ветра, так откуда же теперь вам взять силы?

Когда Иварис надоело бегать, она стала делиться с Язаром своими знаниями о лесе. Она рассказывала, какие грибы растут в двух верстах в стороне, и не глядя могла найти

их в укрытой снегом палой листве. Она знала, какие звери пробегали здесь вчера, а какие таятся в кустах прямо сейчас. Язар не переставал изумляться.

– Я не нужен тебе в этом расследовании, – заметил он.

– Ошибаешься, – возразила она. – Ведь я уже приходила сюда одна, но отступила ни с чем. Лес подобен дикому зверю. Я чувствую его сердцебиение и слышу его тяжелое дыхание. Я знаю, что его ранили. Он напуган и нападает на людей из страха. Он разъярен и он защищается. Но я не вижу его ран. Кто-то скрывает их, перевязывает магией. Смотри же внимательно, ищи эти раны.

Они поднимались на высокие холмы и спускались в глубокие овраги, прислушивались к животным крикам и к шелесту листвы. И хотя они углублялись в лес, животных в округе почему-то становилось меньше, пока путешественники и вовсе не остались одни. Ветер усилился, и теперь уже и Язару в его протяжных порывах слышались горькие стенания. Для ночлега он хотел подыскать укрытие, но Иварис ему возразила.

– Нет лучшего места для ночлега, чем на лоне природы под открытым небом. Не тревожься, лес тяжело ранен и сегодня не потревожит наших снов.

Они расположились у высокой березы. Ее стройный ствол был раздвоен, и на двадцать саженей поднимались стволы-близнецы. Верхние ветви березы устремлялись в небо, а нижние заботливыми руками нависали над землей. Вокруг,

будто застывшие в танце, закручивались, изгибались дугами и клонились молодые зеленые сосны.

– Прекрасное дерево, не правда ли, Язар? – обратилась к нему Иварис, с восхищением рассматривая березу.

– Да, – согласился он. – Из бересты можно сделать обувь, лукошко, даже книгу. Березовая каша одна из моих любимых, а сок... – он замолчал под сердитым взглядом Иварис.

– Спасибо, что не предлагаешь разжечь с ее помощью костер или сколотить из нее табурет. Я говорю о красоте, Язар! Смотри, какой у них стройный стан, какие плавные изгибы ветвей! Видел бы ты их летом, когда они убраны изумрудной листвой и увешаны малахитовыми серьгами. А как они изящны в танце!

– Они? – переспросил Язар.

– Брат и сестра, близняшки. Они боятся тебя и не показываются, но, быть может, осмелеют утром.

Иварис расчистила колдовством землю от снега, и они легли, привалившись к стволам и закопавшись ногами в листву. Ветер продолжал свою заунывную песнь, и Язар думал, что не сумеет сомкнуть глаз. И в самом деле, он долго ворочался, и ветер даже пробрался в его сон. Он разведал его длинные рыжие волосы и колыхал разноцветные розы вокруг. Язар выбирал только белые и желтые розы. Он собирал их в охапку, срывая легко, словно были они соломой. Шипы роз больно впивались в его плоть и пускали яркую желтую кровь. Руки же Язара были женскими, а кожа красного

оттенка, словно был он уроженкой Хозалиоры – восточного континента степей и песков. Вдруг новая желтая роза в его руке обратилась Поборником Света. Испугавшись, Язар попытался бросить его, но жезл начал погружаться в кисть и утопать в его левой руке. Букет роз в правой руке загорелся и обратился в пепел. Этот пепел окрашивал Язара, покрывая серым его красную плоть.

– Язар, очнись!

Он подскочил и выхватил меч, прежде чем окончательно проснуться. Прерванный сон развеялся и был для него навсегда потерян и забыт.

Их обступили кольцом души десятков зверей и птиц. Волки и олени, белки, ястребы и перепелки, – прежде заклятые враги были одной мертвой семьей. Раскидистыми дубами над ними возвышались лесные тролли, среди них огромными валунами ширились два их пещерных брата. Иварис держала лук наизготовку, готовая выстрелить заклинанием в первую душу, что приблизится к ним еще хотя бы на шаг. Но души не шевелились и не замечали ее, все они безотрывно смотрели на Язара.

– Уходите! – велел он, ничуть не испугавшись, но рассердившись, что его разбудили по такому пустяку. – Следуйте за Луной!

Он поднял над головой Поборник Света и высвободил в небо яркий желтый луч. Души проследили за лучом взглядами. Увидев Луну, они оторвались от земли и медленно по-

плыли к ней. Иварис недоуменно наблюдала за их полетом.

– Почему они пришли к тебе?

– Хотел бы я сам это знать. Такое и прежде бывало. Но теперь я хотя бы могу указать им путь, – он посмотрел на жезл. – Может, потому Эсмаид и вручил его мне.

Встреча с призраками взбодрила их не хуже ключевой воды. Они двинулись засветло и не останавливались на привал до темноты. Но второй день ветер унял тревогу, но лес голосами животных стал настойчивей их куда-то звать.

Иварис прикоснулась к стволу старой сухой ели, нежно провела ладонью по склоненной ветви, собирая сухие иголки.

– Здесь обитал добрый лесной дух, – с горечью в голосе произнесла она. – Помню, как он накрывал меня зимой своими теплыми лохматыми руками. Он погиб недавно, и лес еще скорбит о нем.

– Что его погубило? – спросил Язар, рассматривая сосну.

– Магия, злая и разрушительная.

Вскоре и сам он почувствовал эту магию, но почувствовал иначе. Поборник Света в его руке горел и указывал дорогу. Он вел к источнику тепла и с приближением к нему разгорался сильнее. Язар шел слепо, неуклюже, как заблудившийся скиталец с компасом в руках. Но затем он и сам ухватил эту путеводную нить. Она тянула его прямой стрелой сквозь чащи, сквозь непроходимые кусты. Вначале ступая осторожно, теперь Язар бежал. Иварис передвигалась гораздо тише,

но в ее скрытности больше не было нужды.

– Не теряй разума! – крикнула она ему. – И сам охотник может стать добычей!

Язар бежал быстрее любого человека, но Иварис росла в лесу, она смогла его догнать. Она схватила его за руку.

– Постой!

Он дернулся и глянул на нее пустым взором широко раскрытых глаз.

– Да ты ослеп, – изумилась она. – Что ты увидел?

– Пожар, – пробормотал Язар. Его взгляд прояснился. – Чудовищное пламя.

– Я знаю, – Иварис грустно отвела глаза. – Его уже не погасить.

Они вышли на поляну, на пепелище. На много верст вокруг растянулась ужасная лесная рана. Ожог чернел древесным углем, он давно не тлел, не дымил, но в замогильной тишине хранил безмолвный крик. Под ним скрывалась боль сгоревших вживе тысячи зверей. Бесследно растворились гнезда и не сумевшие из них выпорхнуть птенцы. С золой смешались сонмы младших тварей.

Выйдя на пепелище, путники разрушили незримый магический барьер, скрывавший эту рану. Боль, ужас, кровь и смерть единой стаей обрушились на Иварис. Долгие мгновения она не шевелилась и не умела говорить. Затем в ней пробудилась ярость. Она сцепила зубы.

– Я разорву его.

– Кто это сделал? – спросил Язар, поглядывая на нее с опаской.

– Еще не знаю, – Иварис закрыла глаза и тяжело вздохнула, успокаиваясь. – Он обращался к магии Ядгеоса – мира великанов. Это самая разрушительная колдовская школа, самая беспощадная. Ее использование запрещено в большинстве человеческих стран, в том числе в Бризаре.

В гнетущем молчании они бродили по выжженному полю. Они ворошили ногами пепел и переворачивали истлевшие коряги, под которыми, как надеялись, каким-то чудом сохранилась жизнь.

– Иварис, – негромко позвал Язар; в груди горелых поленьев он заметил движение.

Маленькая солнечная куница была почти незаметна в окружающей ее черноте. Этот редчайший зверек с яркой золотой шубкой появлялся на свет только в полдень в самый жаркий день года – второго Эсмаана месяца Цветения. Если же куница давала потомство в полночь с наступлением второго Эсетиана Познания, шубка ее детенышей приобретала серебристый окрас, а самих таких куниц называли лунными. мех лунных куниц был мягче и пышнее, однако солнечные куницы хранили в себе летнее тепло. Исключительная редкость делала этих куниц почти недоступными на рынках, в них наряжались только самые богатые дворяне и короли.

Сильно обожженная куница не шевелилась, только ее мордочка подергивалась от учащенного дыхания. Иварис

опустилась на колени, нежно провела ладонью по обугленной шубке зверька. Куница задышала ровнее.

– Расскажи мне, – прошептала фавна.

Ее глаза стали глазами зверя, она слышала ушами куницы и жила ее инстинктами. Она дремала в дупле, когда ее разбудил запах гари. Выскочив в страхе, она увидела, как с запада накатывает всепожирающая волна. Дым знаменосцем опережал огромное красное войско. Исконный враг лесов гнал животных из их домов. Он был быстрее лани и сильнее медведя, и он не знал пощады, схватив, он никого не отпускал. Он без разбору пожирал все то, что мог переварить. Кто мог сбежать – сбегал, другие улетали. Упрямые деревья встречали с треском смерть. Напрасно они цеплялись за землю корнями, напрасно силились заглушить вспыхнувшую жажду. Красный враг был гораздо сильнее покорной земли и питавших ее маленьких ручейков. Он не знал насыщения и меры. Злобно шипя, он растапливал снег, крошил камень, легко забегал и на отвесные склоны и переваливался через глубокие овраги.

Иварис бежала, стремительно перепрыгивая горящие обломки и пролезая под завалами. Упершись в огненную стену, она развернулась. Но красный враг уже обогнал ее, он был со всех сторон. Он разбрасывался искрами и больно жалил, дым пробирался в голову и кружил. Иварис металась в огненном кольце. Кольцо сжималось, в нем становилось меньше пищи для ненасытного огня. Пожар слабел, но продолжал

ползти, не пропуская ни одной тростинки. Зверек взобрался на обугленную корягу, цветущую лишь несколько минут назад, вздохнул и повалился в серый пепел.

Мучения опаленной куницы окончились, она утихла. Иварис моргнула и вернулась в сегодняшний день. Кипевшая в ней ярость сменилась тихой грустью.

– Я не нашла его.

– Должно быть, это сделал сильный маг.

– Легко жечь дерево, – возразила колдунья. – Куда сложнее вернуть его из пепла. Великим был бы тот, кто оживил бы этого зверька.

– А твой отец?

– Нет. Даже он не сможет.

Она отвернулась и продолжила отрешенно ворошить ногами пепел, уже ничего в нем не выискивая.

Язар погладил куницу правой рукой. Зверек показался ему необычайно холодным, словно кусочек льда. Юноша подышал на ладонь, согревая ее. К величайшему удивлению, он выдохнул облако пара. Его сковал мертвецкий холод. Губы его онемели, руки дрожали, а пальцы кололи незримые тонкие иглы. Его сердцебиение замедлилось, и словно замедлился весь мир. Изо всех сил Язар вцепил пальцы в ладони. И дрожь внезапно унялась, а с ней ушел внутренний холод. Тепло вернулось, но теперь левая рука Язара вдруг стала наполняться жаром. Ее огонь не обжигал, а был приятен. Он рвался на свободу. Язар погладил куницу левой рукой. Его

пальцы медленно скользили по обугленной шерстке, проходя, они разглаживали ее и заставляли расти вновь. Как только он отнял руку, куница встрепенулась; на ней не было ни царапины, ни ожога, яркая шубка вернула цвет и вновь отливала золотом.

Зверек благодарно посмотрел в глаза спасителю, будто все понимал. Затем потерся об его ногу и убежал. Через сотню шагов он напоследок обернулся, а затем скрылся в нетронутой гуще леса.

– Как? – изумилась Иварис. – Тебе помог Поборник Света? Ты попросил богов?

Язар был растерян не меньше нее, он медленно подбирал слова.

– Тепло было во мне самом. Я просто захотел, чтобы зверек ожил.

– Так не бывает, – не унималась она. – Ведь ты не маг, Язар, в тебе нет магической искры.

– О чем ты? – не понял он.

– Люди не кровные дети Яраила, – начала объяснять Иварис. – Их сотворили боги. В людях не было магии, и они единственные из разумных народов не умели колдовать. Скитаясь по мирам у корней Мирового древа, там, где его питают воды реки времени Абакаду, в бездонном Черном гроте Эсэтир обнаружил проматерь и проотца всех мыслимых чудовищ – ужасного Ашидуша. Тысячеглазый зверь опутал его сотней липких лап и пронзил ядовитым жалом.

Боль Эсэтира принял Эсмаид так, словно сам был ранен. Он отыскал брата и ослепил Ашидуша ярким светом. Тогда ихор Ирилирда попал в Абакаду, став частью цикла жизни и дав начало первым магам Яраила. – Она сделала паузу и убежденно добавила: – В тебе, Язар, нет крови Эсэтира.

Краем глаз он заметил быстрое движение, а повернув голову, успел увидеть уже знакомого черного соглядата. Скользящий лазутчик на этот раз напоминал длинную тень, какую на закате может отбрасывать человек. Он дотянулся до подлеска и растворился в нем. Язар хотел было погнаться за ним, но Иварис схватила его за руку.

– Колдун увидит нас! Бежим! – воскликнул он, недоумевая.

– Поздно, – спокойно отозвалась она. – Мы утратили бдительность. Слышишь?

Язар прислушался: к ним приближалась большая группа людей.

– Ровно дюжина, – определила Иварис.

– Мы легко скроемся от них в лесу.

– Если захотим.

Она совершила простые магические пасы, и вокруг ее ладоней заплясали красные и желтые искры. Одну ладонь она приложила к сердцу, другой прикрыла губы. Предназначение заклинания Язар не знал, а тратить время на расспросы было неуместно. Зато второе заклинание проявилось куда наглядней. Перед ними за клубился красный туман, он быст-

ро густел и принимал человеческие очертания.

– Приди ко мне, сын Орьярота! Служи мне! – заклинала Иварис. – Явись! Ты не останешься голодным!

Металл в голосе колдуньи и ее последние слова заставили Язара содрогнуться. Он знал, что союзниками фавнов выступают лесные духи и животные, но не задумывался, что они могут обращаться и к не самым добрым обитателям иных миров.

Явившееся на ее зов создание принадлежало миру эмоций и чувств Хардару, одному из шести незримых внутренних миров. Воплощение всей ярости и всего когда-либо рожденного в Яргулварде гнева называли Орьяротом, а его частицы ирдавами. Стоящая перед Иварис эманация размером не превышала ребенка. Черная и тлеющая всполохами красного пламени, как догорающий костер, она имела песью морду с огромными выступающими клыками и длинные доходящие до земли руки с острыми иглами-когтями. Из приоткрытой пасти ирдава медленно стекала оранжевая пена, огромные лишенные зрачков красные глаза, не отрываясь, следили за хозяйкой.

На поляну вышли этезианские солдаты: все в доспехах, с мечами и луками. Среди них был Любраг, он выглядел мрачнее и тревожнее остальных. Отряд возглавлял Янгир, он единственный вместо лука имел кинжал.

Язар отложил вещевой мешок, Иварис сняла со спины лук. Она держала стрелу на тетиве, но не спешила стрелять,

позволяя солдатам приблизиться. Никто не начинал атаку, расстояние между сторонами сокращалось.

– Достаточно! – крикнула она, когда между ними осталось двадцать шагов.

Солдаты остановились.

– Напрасно ты пришел в наш город, парень, – обратился к Язару сотник. – Теперь придется тебе умереть. – Он перевел взгляд на ирдава и усмехнулся. – Думаете, вас защитит этот младенец, сын кобеля и портовой девки?

Этезианцы оценили его шутку глумливым смехом. Смолчал только Любраг.

– Кто поджигает лес? – требовательно спросила Иварис.

– Улзум.

Янгир ответил сразу, ибо заклинание искренности не позволяло ему ни отмолчаться, ни солгать. Проговорившись, он запоздало прикрыл ладонью рот.

– Ах ты, лесная тварь... – прошипел он злобно. – Убить обоих!

Он обнажил меч, но, не спеша атаковать, пропустил подчиненных. Первый из его людей был застрелен на месте точным попаданием в горло стрелы Иварис. В ногу второму вцепился ирдав. Четверо выбрали целью Язара. Остальные, в их числе Янгир и Любраг, пожелали сразу разделаться с главной угрозой в лице колдуньи.

Высокая скорость позволяла Язару избегать ранений. Он подныривал под вражеские мечи, отскакивал в стороны и не

давал себя окружать. И Волорил, и костяной меч, как вскоре выяснилось, без вреда для себя принимали выпады стальных клинков. Однако ответных атак Язар не успевал наносить и постоянно находился на тонкой грани.

Иварис встретила нападавших порывом ветра. Заклинание сбilo людей с ног, дав ей время застрелить уже второго солдата. Интуиция советовала ей бежать, а затем повторить маневр. Но, уже убирая лук, девушка отметила тяжелое положение Язара. Она поспешила выстрелить, но не сумела должным образом прицелиться. Стрела впиалась в бок одному из противников Язара, и в тот же момент меч подоспевшего сотника перерубил ей лук.

Ирдав глубоко впиался в ногу своему противнику. Когда воин попытался разрубить его, он проворно отскочил, не пострадав. Злобное создание рычало, брызгало слюной и не оставляло жертву в покое. Сначала ирдав напоминал лишь мелкую назойливую шавку. Но он питался яростью и боевым запалом, и чем сильнее свирепели солдаты, тем больше он становился. Очень скоро он сравнялся размерами со своим противником и тогда повалил его наземь, обезоружил и загрыз.

Иварис лишилась лука, однако в ее распоряжении еще оставалась магия. Облаченная в легкую тунику она перемещалась гораздо быстрее закованных в доспехи воинов и могла сражаться с ними на расстоянии. Но оторвавшись от солдат, она рисковала быть застреленной, а кроме того, подстав-

ляла под удар Язара.

Этезианцы уже натягивали луки, когда цель перед ними вдруг исчезла.

– Стреляйте, стреляйте! – поторопил их Янгир. – Она невидимая, но ее можно ранить!

Они дали залп, но поразили только пустоту.

– Она оставляет следы, смотрите под ноги! – подсказал сотник.

Иварис выдало свечение красных нитей паутины нового колдовства. Два солдата выстрелили, но промахнулись. А третий почему-то обернулся к Янгире и навел на него стрелу; глаза его были широко раскрыты и пусты.

Янгир бросил кинжал на опережение. Лезвие легко пробило кожаную перчатку, войдя в правую ладонь стрелка по самую рукоять. Стрела сорвалась. Однако ни один мускул не дрогнул на лице околдованного солдата. Он не стал извлекать кинжала, а меч вытащил из ножен левой рукой. Непродолжительное время он блокировал атаки Янгира. Но почти сразу в сражение вмешались еще двое солдат и закололи невольного предателя одновременно и с разных сторон.

Раненый стрелой воин не оставил Язара, но теперь двигался медленней. Потому юноша сумел выкроить момент и поразить самого настырного из преследователей. Волорил скользнул по переносице шлема и провалился в глаз. Этезианец безвольно, как тряпичная кукла, дернул руками и бездыханный упал.

Новая смерть только сильнее разозлила солдат, противники Язара насели на него с двойным рвением. Даже раненый этезианец стиснул зубы и, преодолевая боль, теперь сражался на равных с товарищами.

Ирдав продолжал расти и размерами уже приближался к медведю. Он встал на защиту хозяйки, и, отбрасывая солдат, не позволял к ней подойти. Сила ирдава была такова, что один из несчастливцев, попав под его удар, пролетел две сажени, прежде чем упал и сломал в падении шею. Теперь Иварис атаковали трое, и трое же сражались с Язаром.

– Все ко мне! – распорядился Янгир. – Убейте это чудовище, пока оно не выросло еще больше!

Навалившись впятером, царапина за царапиной этезианцы побеждали ирдава. Теряя кровь, тот становился меньше и угасал. При этом сам Янгир успешно в одиночку противостоял Язару. Ирдав подмял еще одного противника. Но вскоре изрубленный он вернул первоначальный размер, а с очередным ранением рассыпался кровавыми брызгами, с головы до ног оросившими солдат.

Повелительным голосом Иварис приказала:

– Стойте!

Больше не скрываемая невидимостью, она стояла, держа перед собой ладони, обращенные друг к другу согнутыми пальцами. К удивлению сотника, солдаты ее послушались. Тогда и сам он из осторожности опустил меч. Подняв взгляд, он увидел гигантскую призрачную голову леопарда; ее раз-

верстая пасть нависала прямо над ним.

– Вы проиграли, – объявила Иварис. – Но это не значит, что все вы должны умереть.

– Я не могу вернуться без твоей головы, – объяснил Янгир. – А, кроме того, если убьешь меня, тебя тут же застрелят.

– Не шевелитесь, – предостерегла она солдат. – Не сомневайтесь, я успею убить вашего командира и увернуться от ваших стрел. – Она вновь повернулась к Янгиру. – Расскажи мне все, что знаешь о замыслах Улзума. Для чего он стравливает троллей и людей?

– Хорошо, я расскажу.

Янгир опустил голову, будто собирался с мыслями. В следующее мгновение его рука выхватила кинжал.

Иварис сомкнула ладони так, что ее пальцы сложились в замок. Повторяя жест, над Янгиром сомкнулась призрачная пасть. Совершив укус, она растаяла. Из-под прокушенных и смятых доспехов проступила кровь. Глаза сотника замерли, спустя мгновение он развалился пополам.

Устрашенные жутким зрелищем солдаты оцепенели и не сразу заметили, что кинжал их предводителя настиг свою жертву.

Язар уже склонился над Иварис. Ранение в живот не было смертельным, но вывело колдунью из боя. Солдаты натягивали луки.

– Пойдите! – попросил Язар, выпрастывая руку.

Он обвел их пронизательным взглядом, заглядывая каждому в глаза и оценивая силы. Из двенадцати этезианских солдат в живых остались всего четверо. Двое из них серьезно ранены, у третьего лишь рассечение брови, но обильное кровотечение заливает глаз. Невредимым оставался только Любраг, но и он тяжело дышал и не мог долго продолжать бой.

– Вы знаете меня, вы помните, как я одолел пещерного тролля, – продолжил Язар. – Да, я не успею остановить ваших стрел, но клянусь всеми богами, что не выпущу вас из этого леса живыми.

Этезианцы медлили.

– Нас казнят за трусость, – возразил один из них.

– Мы не можем вернуться, – неловко согласился Любраг.

Его руки дрожали, а взгляд просил его переубедить.

– Скажите, мы бежали, – предложил Язар.

– Не поверят, – вновь говорил первый. – Видели скользящего лазутчика? Он следит не только за вами. Ты угрожаешь нам и, вероятно, сдержишь клятву. Но между тобой и Улзумом выбор очевиден.

– Вы можете пойти с нами! – вдруг осенило Язара. – Иварис защитит вас от колдуна!

Солдаты еще сомневались. Любраг первым опустил лук.

– У меня есть немного красной корпии, – сказал он.

Из поясной сумочки он достал сухие красные стебельки. Эта трава, растущая повсеместно в Семарде, в полевых

условиях использовалась солдатами для остановки кровотечения. Свежей корпией делали перевязки, засушенную перетирали в порошок и посыпали им раны.

Солдаты уложили Иварис на спину, разрезали ее тунику на животе и осторожно извлекли кинжал. Из раны хлынул быстрый поток крови, а красная корпия хоть и замедлила его, но не сумела остановить. Острая боль не позволяла колдунье сконцентрироваться, чтобы излечиться собственными силами. И тогда это попробовал сделать Язар. Он накрыл рану правой ладонью и представил, как рана под его пальцами затягивается. Иварис вздрогнула.

– Холодно... перестань, – попросила она, отстраняя его руку.

Язар недоуменно потер окровавленными пальцами, чувствуя в них только жар. Тогда он накрыл рану левой ладонью. Иварис ощутила приятное тепло, а совсем скоро уже была на ногах. От глубокой раны не осталось даже шрама.

Язар предложил свою помощь солдатам, но Иварис его остановила.

– Твоя помощь была мне необходима, но здесь я справлюсь сама. Не нужно обращаться к силе, источник которой нам неведом.

Она излечила солдат и даже отравила их тревоги в Хардару, заменив решительностью и бодростью.

– Как теперь себя чувствуете? – поинтересовалась она.

– Лучше, чем когда-либо, – изумился один.

– Давно я не ощущал в себе таких сил, – согласился второй и стыдливо опустил глаза. – Спасибо.

Она восстановила магией свои одежды и даже починила лук. Затем она с неодобрением осмотрела облачение Язара, словно увидела его только сейчас. На нем по-прежнему были изрядно поношенные и не по размеру большие меховые штаны и суконная рубаха, а на ногах истоптанные берестяники. Вся эта грубая деревенская одежда совершенно не сочеталась с отороченным белой тесьмой черным плащом небоизбранных.

– Эта рубаха выглядит старше тебя, – отметила она.

– Она дядина, – Язар рассмеялся. – Когда-то он в нее помещался.

Водя рукой по его старым одеждам, Иварис передела его в стеганный бычий колет глубокого красного цвета с подкладкой из шерсти яка, в хлопковые штаны такой же расцветки и высокие кожаные сапоги с медной шнуровкой. Также она перекрасила кромку плаща в красный цвет.

Преображению Язара солдаты изумлялись не меньше его самого.

– Почему так много красного? – спросил он.

– Это твой цвет, – убежденно ответила она.

Без всякого смущения она сняла светлые дубленые перчатки с ближайшего трупа и преобразила их в черную кожу с такой же, как и на сапогах Язара медной шнуровкой.

– Чувствую себя дворянином, – признался деревенский

пастух. – Но одежда очень удобная и мне нравится.

– И почему наши волшебники никогда не помогают простым воинам? – возмутился один этезианец. – Знаете, что, мне надоело защищать чужих людей в чужой стране от них же самих! Довольно с меня этой глупой службы! Вернусь в Плуторис, наймусь какому-нибудь толстосуму!

– На родине уж проще сколотить денег, – согласился его товарищ. – И там до нас не дотянутся ни Улзум, ни сам Вулкард.

– Я слышал, в Мёдаре одному богатому цвергу нужны люди, – вспомнил Любраг.

– Цвергу? Ты чего, не связывайся...

Получив помощь, солдаты стали куда дружелюбней и охотно ответили на расспросы Иварис. Знали, правда, они немного. Из их слов выходило, что этезианские солдаты не слишком преданы своим командирам, но не задаются вопросами, пока исправно получают жалование. Табрак и Улзум принимают приказы непосредственно из Бризариона, а значит, от Вулкарда. Действия же царя все одобряют, ведь он дает им возможность заработать. Нападения на Золотарь не являлись уникальным случаем. На западной границе царства уже давно происходят столкновения с родственным Бризару вальфрудским народом, а юг страны не прекращает осаждать дикий народ юд-ха. Расположенный внутри страны Золотарь не имеет естественных врагов, потому их и пришлось придумать.

– Солдатов не отправишь убирать поле, солдаты кормятся войной, – закончил рассказ Любраг.

– Но для чего царю такая большая армия? – спросил Язар. Этезианцы даже удивились такому простому вопросу.

– Чтобы удерживать власть. Тролли, юд-ха, вальфрудцы – эти угрозы надуманные. Настоящие враги Вулкарда живут с ним под одной крышей. Политика Седогора набирает силу, она проникает в умы простого народа.

– Правлению Вулкарда ничего не угрожает, – тут же поспорил другой солдат. – А зачинщики мятежа, – он с извинением посмотрел на Иварис. – Такие как твой отец, будут убиты.

– Ему часто угрожают, – отмахнулась она. – Мой отец остановит любую армию.

– Если Каштур и впрямь столь могущественный маг, как о нем говорят, почему он не положит конец правлению Вулкарда? – спросил Язар.

Иварис посмотрела на него сердито, но промолчала.

Для солдат возвращение в Золотарь было невозможно. Язар хотел поговорить с Кадимиром, но Иварис его отговорила.

– Ты не скажешь теургу ничего такого, о чем он не догадывается. И даже если у вас получится собрать ополчение и прогнать этезианцев, Вулкард пришлет новую, еще большую армию. Мятежников объявят врагами короны, и чтобы защитить царя против ополченцев выступят их собственные

братья из других городов.

– Ты не можешь этого знать, – упрямылся Язар. – А я не могу оставить людей в неведении.

– Я хорошо понимаю твои чувства. Ты сам прозрел только сейчас, и потому в тебе клокочет желание пробудить остальных. Это благородный порыв, но бессмысленный. Нам нечего противопоставить войску Вулкарда. Седогор ни с кем не воевал и не имел армии, – Вулкарду даже не пришлось никого разоружать.

– А как же небоизбранные?

– Они слишком малочисленны для открытого противостояния этезианцам и только потому до сих пор остаются в живых. Как скоро они начнут представлять угрозу его правлению, это изменится.

– Тогда что же нам делать? Просить помощи у других народов?

– И что мы предложим взамен? – Иварис покачала головой. – Полагаться можно лишь на себя. Идем к моему отцу, только у него сейчас мы будем в безопасности. Возможно, он все же сумеет прочесть твою тайну и поможет этезианцам вернуться домой.

Глава седьмая. Старый каштан

Могущественный колдун и отец Иварис Каштур жил к востоку от Семарда на маленьком Деревянном острове. Дорога к нему должна была занять у них всего неделю. Лесная дева оставила отца совсем недавно, но сейчас, приняв решение возвращаться, она почувствовала, насколько сильна в ней тоска по дому. С каждым днем огонь в ее глазах разгорался сильнее, и она без устали расписывала красоты родных краев.

– Это чудесное место! – в который уже раз повторяла она. – Остров соединен с континентом ветвями плакучей ивы. Десять верст они стелются по воде ажурным мостом. На парапете моста гнездятся птицы, и часто в солнечных лучах над ним, играясь, пролетают летучие рыбы. Мост не замерзает и круглый год цветет яркими цветами и травами.

– Ива в десять верст? – недоверчиво переспросил Язар.

Девушка задорно рассмеялась.

– Ты еще не видел Старого каштана! Корни его уходят в Тревожный океан и цепляются в подводные скалы. Там в них обитают тритоны, а еще моя подруга Ночка.

– Кто это? – заинтересовался Язар. Воображение рисовало ему корову с рыбьим хвостом.

– Я вас познакомлю, – уклонилась от ответа Иварис, и в ее голосе прозвучало лукавство. – Может быть, мы побываем и

у тритонов. Они не слишком жалуют надводных жителей, но иногда поднимаются погостить у отца.

– Это магия Каштура сотворила Деревянный остров, – догадался Язар. – Кто еще живет вместе с вами?

– О-о, – протянула Иварис и покачала головой. – Моих братьев и сестер не сосчитать. Одни ветрены и наивны, другие молчаливы и мрачны. Они все мне близки, но всех ближе моя старшая сестра Сапфира. Еще девочками мы мечтали сбежать на континент. – Она задумчиво помолчала, а затем пробормотала так тихо, что ее расслышал только Язар. – Я ушла одна. Но теперь, – она вернула голос. – Мы уйдем вместе.

– Расскажи о Сапфире, – попросил Язар.

– Она чудесна! – воскликнула Иварис, и глаза ее наполнились безмерным восторгом. – Я никогда не встречала другого столь прекраснородушного создания. Она чиста, как младенец, как стремительный зимний ручей. Ее порывы возвышенны и благородны, а милосердие не знает границ. Она отдаст жизнь ради последнего негодяя, ибо и в нем увидит человека, и в нем увидит жизнь.

Фавна не стеснялось говорить откровенно в присутствии этезианцев. Впрочем, их поведение не вызывало беспокойств. Изначально они побаивались колдуньи, ибо знали ее лишь из домыслов и слухов. Но убедившись, что она только внешне отлична от человека, они быстро осмелели. Теперь они добровольно шли впереди отряда, подставляя незащи-

ценные спины, и ложились спать, не выставляя часовых.

В первую ночь Язар дежурил вместе с Иварис, но второй раз уже не смог устоять против зова повелителя снов Со-мури. Отправившись в Нидрару, его душа беззаботно смеялась, увлеченная фантазмагорическими представлениями соней. Эти проказники мира снов обращались его друзьями детства, его дядей Далииром и тетей Ильгой. Сони показывали ему Каштура суровым магом, живущим в гигантском каштане, а также летучую черную корову, которая, разбега-ясь по воде, перемахивала плетеный деревянный мост. Во сне он слышал задорный смех Иварис и, может быть, именно потому проснулся с улыбкой.

Одеваясь, он обнаружил, что одна крупная вена, проходящая с внутренней стороны его правого локтя, почернела и надулась. Согнув руку в локте, он почувствовал боль, но это ощущение быстро прошло. Он хотел обратиться к Иварис с вопросом, но девушка его опередила. Она тщательно осмотрела необычное явление, применила одно заклинание, второе и третье. Вена не возвращала своего привычного облика.

– Не понимаю, что это, – призналась Иварис. – Впрочем, я всегда была плохой целительницей. Не переживай, отец легко тебя излечит.

Не ложились спать и все последующие дни похода и при этом совершенно не утрачивала бодрости.

– Я и так очень долго спала, – грустно призналась она. – Я проспала большую часть своей жизни.

– А сколько тебе лет? – вдруг спросил Язар. Иварис выглядела молодо, но он знал, что фавны живут сотнями лет и стареют очень медленно.

– Не знаю, – честно ответила она. – Я не считала.

В начале пути солдаты беспрерывно ждали внезапного появления Улзума или нападения его чужеземных приспешников. Они вздрагивали от всякого лесного шороха и с одним и тем же вопросом обращались к Иварис.

– Никто не идет по нашим следам, – устало отвечала она.

На третий день тревога оставила их, ибо они рассудили, что у головы Золотаря есть и другие обязанности помимо преследования четырех дезертиров. А Любраг даже смело предположил, будто толстый дворцовый маг боится настоящей дикой колдуньи.

Язар же часто думал о контрасте между ужасным преступлением Улзума и тем образом добродушного сластены, что сложился о толстом маге в его голове. Вновь он убеждался, как много лжи и лицемерия в людях. И в крошечном Виннике не все были кристально чистыми, но чем большей властью обладал человек, тем больше лжи содержалось в его словах. Втайне Язару даже хотелось новой встречи с головой. Он желал заглянуть в маленькие глаза Улзума и услышать признание из его уст.

Чем глубже они продвигались в лес, тем сильнее он густел. Исчезали в сугробах звериные тропы, частоколом высились столетние сосны, колючим плетенью между которыми полз-

ли непролазные кусты шиповника. Продираясь сквозь них, этезианцы непрерывно стонали и ахали, однако в присутствии Иварис не смели прорубать себе дорогу мечами. Не удавалось оставаться невредимым и Язару, терням же не было конца. И когда Иварис наконец сжалилась и превратила их кожу в древесную кору, Ведьмин лес вдруг расступился.

На лесной опушке белой пеленой стоял туман. Снег, медленно кружа, собирался в большие сугробы. Ближе к берегу сказочной оградой возвышалась роща серебристых тополей. До Тревожного океана оставалось всего двадцать верст.

– Язар, ты не видишь впереди большого дерева? – с волнением в голосе спросила Иварис.

– Нет, – извинился тот. – Туман слишком густой.

Они медленно переставляли ноги, увязая по колено в снегу. Этезианцы дрожали от холода, а вот Язар совсем не замерзал. Он не знал, что его согревает: глаз альва, Поборник Света или его собственный скрытый огонь. Втайне же он надеялся, что это Иварис заключила в его новые одежды тепло. Сама фавна непрерывно отряхивала босые ноги, она кусала губы, и ее тревога росла.

– Как холодно, – вновь заговорила она. – Я не помню здесь такой ранней зимы.

– Я думал, подобно альвам фавны не чувствуют холода, – признался Язар. – Тогда почему же ты не носишь обуви?

– Я чувствую холод, но также слышу дыхание земли. Обуться для меня, что завязать повязкой глаза. Ты видишь

что-нибудь впереди?

Он присмотрелся. Его взгляд проскользнул между стройными тополями и выхватил заснеженный океан.

– Я вижу мост.

Тон, каким это было сказано, подтвердил ее опасения. Она бросилась бежать и остаток пути миновала на одном дыхании. Тяжеловооруженные солдаты быстро отстали и потеряли ее в тумане. Даже Язар с трудом за ней поспевал. Когда они остановились у моста, густой туман как по мановению растворился.

Ивовые ветви во многих местах вздыбились и вырвались из земли. Казалось, они из последних сил цепляются за континент. Сам мост обледенел и под снежной ношей проваливался в воду. Вокруг пестрели сорванные ветром лепестки погибших цветов, а на парапете угадывались очертания опустевших птичьих гнезд. Повсюду: на побережье, на мосту и в океане были разбросаны десятки и сотни этезианских солдат. Лишь немногие из них имели зримые раны, и очевидно, их погубила не сталь. Саванами им служили огромные листья каштана, они кружили в воздухе и устилали океан пожелтевшим ковром. А впереди расколотое надвое лежало исполинское древо: оно было так велико, что кроной накрывало весь остров. Одна его часть медленно погружалась в океан. Над островом поднимался черный дым, а пронзительный треск горящей древесины слышался даже с континента.

Иварис с придыханием вздохнула и побежала снова, – в

ее глазах стояли слезы. Она перемещалась по льду, не оступаясь, по щиколотку утопала в стылой воде, но больше не замечала холода. Она перепрыгивала свежие шрамы земли шириною в две сажени, она перемахивала огромные в ее собственный рост ветви, не опираясь о них руками. Она увидела сложившего крылья лебедя и оленя, присыпанного трухой. Но она не остановилась, чтобы попрощаться с ними и прочитать их истории. Она бежала дальше, пока не оказалась на берегу опустевшего озера.

Диаметром провал не превышал версты, а глубину имел всего пять сажений. Каймой его окружала поникшая высокая трава; она еще не потускнела и переливалась яркими цветами. На дне заметенные исполинскими листьями каштана на боку лежали пестрые рыбки. Над озером висел густой туман и сочился по отлогим склонам тоненькими ручейками.

Иварис обернулась к Язару, по ее щеке катилась слеза, в глазах читались испуг и растерянность.

– Ее нет, – прошептала она. – Сапфира ушла.

И не давая ему времени ответить, она вновь побежала. Она пересекла озеро и вернулась под защиту листвы. Язар бежал по ее влажным следам. Порыв сильного ветра бросил в него ворох потемневшей опаленной листвы. Рядом упал огромный каштан, словно с небес сорвался взрослый колючий еж. Лишь на мгновение Язар потерял фавну в густых зарослях, а когда нашел, она уже стояла в окружении тридцати этезианских лучников. Среди прочих, опираясь на два посо-

ха одновременно, громоздилась необъятная туша их предводителя.

Улзум мерзко скалился. Неторопливо падал снег, с каштана срывалась и кружила желтая и красная листва. Невдалеке с грохотом обрушилась в океан большая ветвь. Деревянный остров дрогнул, пенистыми пальцами к ногам Улзума отчаянно потянулась и бессильно отступила волна.

– Что ты сделал с моим отцом?! – гневно бросила ему в лицо Иварис. Она с трудом удерживала себя на месте и сейчас походила на дикого раненого зверя.

– Кто ты такая, чтобы задавать мне вопросы?! – надменно отозвался он. Улзум жевал слова и выплевывал только те звуки, которые не мог проглотить. – Не утруждайся, я отвечу сам. Ты покойница, как и твой отец.

Солдаты рассмеялись, Улзум удовлетворенно скривил рот. В чащу с клинками наголо ворвались дезертиры. Осознав тяжесть положения, они покорно опустили мечи. Жирное месиво лица колдуна изобразило притворное радушие.

– А, мои верные воины, вы вернулись! Вас подчинили ведьмины чары, но теперь я их снимаю и возвращаю вам свободу воли! – он пошевелил посохом, будто творил колдовство. – Осознайте мою правоту и возвращайтесь к своим товарищам!

Трое солдат стыдливо склонили головы и перешли на его сторону. Они не оборачивались и боялись взглянуть в глаза Иварис. Только Любраг послушался приказа. Улзум нахму-

рился и присмотрелся к нему.

– Что с тобой, мальчик, вы едва знакомы, а ты уже готов за нее умереть? Молодость, – быстро догадался он, и его рот растянулся в мерзкой улыбке. – Сколько безвинных сердец она погубила?

– Воины Этезии! – громко обратилась к ним Иварис. – Ваш предводитель поджог Ведьмин лес и натравил троллей на ваших друзей и собратьев! Он подверг опасности ваши жизни и жизни мирных жителей Золотаря!

– Умолкни! – гневно крикнул Улзум, но его слабый сдавленный голосок не мог ее перекричать.

– Где был Улзум, когда вы защищали город? – продолжала Иварис. – Мирно спал на золотой кровати или набивал свое безмерное брюхо яствами, ему в угоду выращенными нищими бризарцами?

Солдаты не опускали луков, но некоторые пристыжено отводили глаза.

– Здесь ты неправ, – неожиданно оскорбился Улзум. – Я даю простым бризарцам работу. Они служат мне не столько ради меня, сколько ради своих семей и самих себя. Я не угнетаю их и не заставляю служить мне насильно. Это их добровольный выбор, за который я благодарен им, а они благодарны мне. Спроси Язара, твой честный друг не приемлет лжи и не позволит мне солгать.

Иварис повернулась к Язару. Ей было интересно, найдется ли ему что возразить.

– Зачем ты поджигал лес? – спросил он. – Это был твой выбор или приказ Вулкарда?

– Я взял на себя смелость совершить то, чего боялся совершить даже царь. Но сделать это было необходимо. Пойми, Язар, людям не нужен выбор. В массе своей они глупы, а потому всегда ошибутся. Вулкард ведет твой народ к благополучию. Он возвращает исконные земли Бризара и покоряет его врагов. Робкая болтовня Седогора о добре и мире обезоружила бризарцев перед остальным миром. Знал ли ты, что прежний царь платил дань Вальфруду? Что перегонял коров для недочеловеков юд-ха? Еще ни один царь-маг Бризара не омывал себя таким позором! И когда Вулкард, придя к власти, пресек этот позор, задабриваемые недруги на него обозлились. Нет, Язар, это не Вулкард развязал войну с соседями. Он лишь желает ее прекратить. Но чтобы одолеть недругов Бризара, его народ должен быть един. Борьба за трон и раздоры, какие вызывают слова сторонников Седогора, должны быть прекращены.

Я не желал подвергать опасности жителей Золотаря. Но общий враг сплотил коренных бризарцев и солдат царя. Еще вчера проклинаящие этезианцев обыватели сегодня взяли у них оружие и встали под одни знамена. Тролли больше не нападут на город, но доверие людей сохранится. Я искренне скорблю о погибших, но понимаю, что это ничтожная плата за благополучие всей страны. Понимаешь ли ты это, Язар?

– Я понимаю, что ты называешь убийство благод-

ством, – ответила за него Иварис. – Но также я вижу, что ты держишь в страхе своих солдат. Они бы и рады тебе возразить, но они боятся. А еще они боятся меня. – Поверьте, – обратилась она к солдатам, заглядывая в глаза каждого из них. – Во мне больше человечности, чем в этом бурдюке из шкуры хряка. Я сражалась вместе с вами против троллей. Я пощадила ваших товарищей, и пощажу вас. Потому что вы не враги мне, и я не желаю вас убивать.

– Ведьмочка понимает, что не выберется отсюда живой, вот и пытается завладеть вашими умами, – заметил Улзум. – Но я знаю вас, дети Этезии, лучше, чем она. И я знаю, что вы преданы своему царю и выполняете его приказы. Никто не любит пачкать рук, но это необходимо для нашего общего блага. Эта мятежница настраивает бризарцев против нашего общего царя. Сохранить ей жизнь, значит подсыпать в кубок Вулкарду яда.

Его слова изгнали сомнения этезианцев. Только перебежчики сохраняли мрачность.

– Прежде я уважал Вулкарда, – признался Язар. – Просто потому, что он наш царь, а царь всегда прав. Но теперь я прозрел. Я осмелился судить царя по его поступкам и вот что я увидел. Он такой же трус, как и ты, Улзум. И как ты бесчестно используешь защитников Золотаря в своих целях, так и он ведет войну с народом твоими руками и руками подобных тебе негодяев.

– Негодяй! – повторил Улзум и засмеялся. – Сильно ска-

зано и, знаешь ли, оскорбительно. Я разочарован, Язар. Я так старательно перед тобой распялся, потому что верил, ты достаточно разумен, чтобы меня понять. И, конечно же, я не собирался и не собираюсь тебя убивать. Однако не заставляй меня усомниться в этом решении.

– Оставь моих спутников, – попросила Иварис и сделала шаг вперед. – Тебе нужна только я, так послушай. Именем Эсмаида Светлоликого, брата его Эсэтира Сокрытого, а также отца их Нигдарабо Странствующего я, Иварис дочь Каштура, вызываю тебя, Улзум из Плуториса, на магическую дуэль!

– Убить дезертира! – вдруг выкрикнул Улзум.

Поздно Иварис обратилась к магии, стрелы летели быстрее колдовства. Исколотый стрелами, Любраг умер мгновенно. Она опустила руки и перевела на Улзума холодный взгляд.

– Это отказ? – требовательно спросила она.

Голова засмеялся, а вместе с ним рассмеялись остальные этезианцы. Однако он медлил с ответом, и солдаты уже начали осуждающе переглядываться. Ничто не запрещало ему отказать в дуэли, разве гордость. Он, ставленник Вулкарда, голова Золотаря, не мог выказать слабость безродной лесной девчонке.

– Я, Улзум из Плоториса, принимаю твой вызов, Иварис дочь Каштура. Да будут свидетелями нашего поединка солнечные боги. Да рассудит нас беспристрастный Йерей.

– Я требую, – продолжала Иварис. – Чтобы победитель дуэли проявил милосердие к побежденной стороне. Если я проиграю, ты, Улзум, отпустишь Язара.

– Ты проиграешь, – пообещал Улзум. – Но я принимаю твои условия.

Противники разошлись на сто шагов. Зрители попрятались еще дальше за поваленными ветвями каштана, встав за ними, как за надежной стеной. Язар не отходил от Иварис до последнего момента.

– Я чувствую ловушку, – прошептал он. – Улзум тебя обманет.

– Не переживай. Это мой дом, здесь он не сможет победить, – уверила она, затем заглянула ему в глаза и внушительно добавила: – Не вмешивайся, что бы ни произошло. Иначе боги тебя покарают.

До самого начала поединка Язар был уверен, что облик Улзума это иллюзия. Он ждал, что волшебник вот-вот надменно рассмеется и покажет свой истинный вид. Невозможно сражаться, когда ты с трудом держишься на ногах, невозможно читать заклинания, когда любое движение грозит завалить тебя набок. Однако все шутки про голову Золотаря оказались правдивы, он действительно любил поесть, но в бою даже научился использовать свой чудовищный вес себе на пользу.

– охар роудадэхатик, – прокричал Улзум.

Заклинание он произнес отчетливо и внятно. Так точно

он мог бы разговаривать и в повседневной жизни и лишь ле-
нился без надобности ворочать языком.

Как всякий человек он вынужден был обращаться к магии
посредством языка богов рошъянтиса. Именно сейчас Ул-
зум использовал его диалект школы ядьяра. Необходимость
озвучивать заклинания делало его несколько медлительней
и предсказуемей противницы, позволяя ей опознать колдов-
ство уже по первым произнесенным слогам. Именно на про-
нищательности во многом и строилась магическая дуэль. Маг
с большим кругозором действовал на опережение, уходил в
требуемую защиту еще до сотворения враждебного колдов-
ства, либо контратаковал.

Кожа Улзума потемнела черным камнем, а само его ли-
цо теперь казалось высеченным из скалы. Его покрыл шело-
нит – камень Ядгеоса вдесятеро тяжелее золота и вдесятеро
прочнее гранита. Теперь Улзум был неуязвим для простого
оружия, звериных клыков и большинства заклинаний огня.
Он стал незыблем, как скала, но также неподвижен.

Иварис воспользовалась этой слабостью прежде, чем от-
звучало его колдовство. На ее стороне сейчас было не только
умение невербального колдовства, но животные рефлексy и
острый слух.

Земля под ногами Улзума начала сползать и проваливать-
ся. Беспомощный Улзум быстро утопал. Завались он сейчас,
и на этом дуэль бы закончилась, ибо он не имел физических
сил себя поднять.

Однако царь не доверил бы управление города случайному неумехе и неофиту. Пускай Улзум не слышал заклинания Иварис ушами, но с опытом научился распознавать природу магических завихрений и токов. Закончив первое заклинание, он сразу принялся за второе. По его окончании он оказался в центре небольшой мерцающей сферы. Она высвободила его ноги из земли, и оползень бессильно отступил.

Теперь волшебника защищала сфера погодного постоянства. Дождь, ветер и другие буйства стихий почти не могли ей навредить. Как всякую защиту ее можно разбить подходящей магией, но Иварис решила зайти с другой стороны. Для начала ей требовалось отвлечь противника.

Из ее рук вырвалось и устремилось к цели огромное призрачное копье. Заклинание игнорировало физическую защиту и обладало достаточной разрушительной силой, чтобы точным попаданием свалить медведя. Но в отличие от медведя, Улзум не мог увернуться.

Копье уже почти уткнулось в неподвижную тушу, но в последний момент дорогу ему преградил такой же неосязаемый большой призрачный щит. Оно раскололо щит на четыре части, но и само разбилось мириадами искр. Улзум оставался невредим, и еще два подобных щита продолжали его оберегать.

Разбивать их по очереди было слишком медленно, и потому Иварис сразу обратилась к более могущественному колдовству. Уровень защищенности противника рос, и ей

ничего не оставалось, как продолжать выступление первым номером. Переход из нападения в защиту теперь для нее сулил почти неизбежное поражение.

Над головой этезианского мага раскрывалась пасть Раваза, смертоносную силу которой уже испытал на себе Янгир. Но и Улзум в ответ уже что-то шептал. Сосредоточенная на собственном колдовстве Иварис не смогла распознать враждебное заклинание. Заключительным жестом она сомкнула пальцы в замок. И тут же инстинкты бросили ее наземь. Что-то болезненно оцарапало ее плечи и срезало подхваченную резким движением косу. Подняв взгляд, она запоздало осознала, что этезианский волшебник поменял их местами. Подскочив, она укрылась за ближайшей свисающей веткой каштана. Но инициатива уже была потеряна.

Солдаты поддержали соотечественника громкими выкриками. Язар стиснул рукоять Волорила сильнее; он верил в победу Иварис, но сомневался, что, если подобное повторится, он сумеет себя удержать.

Теперь атаковал Улзум, он даже находил время сипло смеяться. Он разбрасывался огненными стрелами и вырывал из земли острые сталагмиты. Он опалил противнице тунику и волосы, так что обнажился один ее рог. Солдаты глумливо рассмеялись.

– Жги уродку!

– Добивай!

Ослепительная молния сверкнула всего в шаге от Иварис.

Заклинание вырвало из дерева щепки, разметало листья и подожгло кору. К ее ногам упал огромный каштан размером с кокос.

– Что мне делать, отец? – шепотом спросила она, разглядывая колючий плод.

И образ каштана дал ей подсказку. Ни магией, ни оружием она не могла поразить Улзума, но перед деревом расступается и самый крепкий камень. Она выглянула из-за ветви и выстрелила. Стрела угодила в землю позади Улзума.

– Промазала! – засмеялись солдаты.

Волшебник проследил за стрелой подозрительным взглядом. Вонзившись, стрела начала стремительно расти и разветвляться. Недовольно ворча, Улзум развернул свою огромную тушу.

Перед ним высился ашториль – ни дерево, ни человек. Он был искривлен, как изувеченный ствол, и черен, как уголь. Он не имел головы, а только подобие короны из ветвистых рогов. Множественные длинные конечности его напоминали склизкие когтистые корни, кожа походила на кору, но не имела характерного ярко выраженного рельефа. Горбатый ашториль стоял на четырех кривых ногах, оканчивающихся каменными копытами.

Древочудищ сотворили фавны, посадив на могилы своих братьев семена лесного духа Родвуда. Они искали союзников в борьбе с чудовищами западного континента Алиора, а получили новых еще более могущественных врагов. Ашторили

не боялись огня, ибо содержали много влаги. Но что важнее, они умели поглощать волшебство.

– Проверим, – с вызовом в голосе озлобленно пробормотал Улзум. Он не испугался ашториля, однако не располагал большой выносливостью, и затянувшийся поединок начинал его утомлять.

С жутким скрежетом древочудище протянуло к нему руки-ветви. Маг ответил ему потоком жидкого серебра. Это заклинание вскорости превратило бы и тролля в серебряную статую, но ашториль сопротивлялся колдовству и очень медленно застывал. Он царапал шелонитовую плоть когтями, пытался забраться магу в рот, уши и глаза. Нерушимый камень другого мира раскалывался и осыпался, из-под него проступала обыкновенная человеческая кровь. Магические защиты Улзума гасли одна за другой.

Осознавая тяжесть своего положения, Улзум остановил поток серебра. Ашториль застыл лишь наполовину.

– тасуц иит-хэк

Все его защиты разрушились, ашториль глубоко впился ему в плоть. Последние слова заклинания Улзум выплевывал с кровью. Но все это было уже не важно. Маг обратился тяжелым черным туманом и стремительным порывом перенесся к Иварис.

Треск ашториля заглушил слова Улзума, и слишком поздно фавна распознала вражеское колдовство. Она обратилась к ветру погодного постоянства, чтобы развеять мага в его

бестелесной оболочке. Закончи она колдовать и оказалась бы победительницей. Тогда от необъятной туши Улзума не осталось бы и следа, и его людям некого было бы хоронить. Но когда последняя нить волшебства уже вплеталась в сотканное полотно, огромная рука схватила колдунью за горло. Вслед за рукой из тумана вышел и сам тучный этезианский маг. Он тяжело и хрипло дышал, словно в груди его работали мельничные жернова. Из его ушей и рта выступала кровь, а раздутая туша была изодрана во многих местах. Но даже раненый он мог удержать стройную девушку в своих необъятных лапах-руках. Иварис отчаянно сопротивлялась, однако, понимая, что не сумеет его пересилить, попутно доставала из колчана стрелу. Улзум протянул одну руку в сторону, и вдруг в ней оказался Волорил.

Язар запоздало схватился за пояс.

– Не смей! – крикнул он и бросился на помощь Иварис.

– Я же говорил, – назидательно прохрипел Улзум. – Ты проиграешь, – он взмахнул мечом и нанес удар.

Иварис вскрикнула, Язар в замешательстве остановился, не пробежав десяти шагов. Волорил вошел в грудь могучего длиннородого старца, вдруг появившегося между фавной и деревянным мечом. Каштур был подобен медведю и казался самым воплощением мощи земли. Шириной рук он не уступал Улзуму, но в этих руках без сомнения хранилось куда больше сил. Грудь его была огромной, как у лесоруба, а борода курчавая и дремучая – даже мех, а не борода. Боль-

шие глаза Каштура горели малахитами, босые коренья-ноги утопали глубоко в земле. Одежд он не носил, но весь был покрыт одеянием из густой листвы.

Улзум довольно улыбнулся и вскинул взгляд к небу.

– Йерей, ты видел?! Он преступил обеты!

– Он видел, – ответила за бога Иварис. – А ты ослеп?

Только сейчас Улзум почувствовал боль в собственной груди. Его хватка ослабевала, а Иварис упрямо проталкивала сквозь его жирную тушу стрелу.

Солдаты пришли в волнение, многие с проклятьями натягивали луки. Язар предупредительно поднял руку.

– Не приближайтесь! С нами хозяин этого острова. Каштур ранен, но его сил хватит, чтобы уничтожить всех вас!

Этезианцы в нерешительности переминались. Но тут начал дрожать остров, и выбор их был predetermined. Они бежали к мосту.

Улзум обмяк, стрела достигла его сердца. Но Иварис не останавливалась, она проталкивала стрелу до тех пор, пока ее оперение не вышло из его спины. Когда она извлекла руку, та оказалась столь склизкой, словно побывала в кастрюле с жиром. По жирной пленке стекали ручьи крови, а к пальцам фавны прилипли комки раздутых легких и куски рыхлого сердца. Улзум умел принимать устойчивое положение, – даже умерев, он остался на ногах.

Заскрипел и разорвался на части, пытаясь высвободиться из серебряной тюрьмы ашториль. Его осколки упали к но-

гам Иварис. Тогда же к ней подбежал Язар и начал что-то сбивчиво и торопливо говорить. Но она видела только отца и слышала только его слабеющий голос.

При первом же взгляде на Каштура Язару стало понятно, что никакой он не фавн. И только сейчас он разгадал замысел Улзума. Маг не имел сил одолеть лесного духа, однако нашел хитрый способ его победить. Волорил бесследно утонул в своем хозяине, вернувшись в его тело. Теперь Каштур не имел видимых ран, а все-таки он умирал.

Иварис бережно уложила отца на спину.

– Не шевелись, – велела она. – Я тебя вылечу.

– Я нарушил закон, – прогудел он. Так в сильную бурю трещит старый каштан. – Боги свидетели.

Иварис вновь и вновь упрямо обращалась к магии. Но здесь ее дар был беспомощен, он не мог превозмочь воли богов. В отчаянии она кусала губы, на глазах ее выступали крупные слезы. Каштур нежно взял ее за руку и лучезарно улыбнулся.

– Доченька моя, Ивушка. Не надо.

Иварис бросила на Язара умоляющий взгляд. Но когда Каштур увидел юношу над собой, он вдруг вздрогнул и отстранился.

– Иварис, кто эта страшная женщина в кровавых одеждах?

– Это мой друг Язар, – удивилась она. – У него великий дар. Позволь...

– Язара? – переспросил Каштур. Его кустистые длинные

брови опустились к глазам. – Нет, ее звали иначе, – он задумался. – Старая bestия, ты меня все-таки пережила... – его голос начал слабеть, глаза обращались в сторону.

– Папа! – испуганно позвала Иварис, встряхивая его за плечи. Видя, что он еще жив, она поторопила Язара. – Не стой же, помоги!

Но едва Язар прикоснулся к лешему, тот в ужасе вскрикнул.

– Прочь! Прочь от меня! – он стал размахивать руками, совсем как ребенок, и вдруг заплакал. Так неожиданно было увидеть это могучее древнее создание в слезах. Но вместо слез из его глаз вытекал густой древесный сок. – Зачем ты здесь? – продолжил он. – Зачем ты пришла в мой дом? Ты приносишь смерть, ты приносишь пепел. Оставь мою дочь, не губи... – Он повернулся к Иварис и нежно взял ее ладонь обеими руками. – Это не вина Язара, это его судьба. Он и сам умрет и тебя убьет. Ивушка, дорогая, послушай совета любящего отца. Не води дружбы с Язаром, не подпускай к своему сердцу.

– Об этом позже, – перебила она. – Сначала нужно исцелить тебя. Где Сапфира? Где моя семья? Они помогут...

– Не перечь мне! – Каштур нетерпеливо потряс ее за руку. – Послушай! Мой песок истекает, мои корни выходят из тверди. Следуй за ними и найдешь Рудый грот. Ночка знает дорогу. Назови цвергам мое имя, и они пропустят тебя через Драконий котлован. В Кзар-Кханаре живет моя подруга

Елиара, в Сигиллоре лик духа Истамир. Ты всех знаешь... Под землей о тебе позаботится Разуимиз, а на небе старший альв Онурис. Сколько лет, сидя на моих ветвях он еще юнцом смотрел на небо... Везде тебе будут рады, везде ты сможешь найти себе новый дом.

– Мне не нужен другой дом! – возмутилась она. – Я хочу жить здесь!

– Вулкард не простит тебе смерти Улзума. Ты должна покинуть Бризар.

– Я могу обратиться к брату.

– Нет! – ужаснулся Каштур. – Вы умрете оба. А теперь ступай, – его могучий голос теперь был едва различим. – Плоть уже оставляет меня...

Сказав так, он откинулся на спину и вмиг развеялся трухой.

Иварис уронила руки и заплакала. Язар еще никогда не видел ее такой беспомощной. Он пытался ее поднять, но она упрямялась и бессмысленно загребала пальцами труху. Так она и стояла на коленях, а вокруг рушился ее мир, осыпался и утопал в холодном океане. Наконец она поднялась и отерла рукавом слезы. Она обернулась, и теперь уже Язар поразился жесточенности ее лица и ненависти, с какой она произнесла:

– Язар, я его убью. Я убью Вулкарда.

Деревянный остров был сотворен наметенной ветром пылью и держался ветвями Старого каштана. Когда ветви стали

раскалываться и обваливаться в воду, с ними вместе начал рушиться и тонуть остров. На землю напозал океан и будто любящими ладонями огромными листьями Каштура вытирал пролитую кровь и забирал покойников.

Проворно перепрыгивая завалы и пролезая под упавшими ветвями, путники бежали к побережью. Иварис осматривалась по сторонам, но не видела ни одной живой души. Деревянный остров дрожал и раскачивался, а с небес шел настоящий град из гигантских каштанов. Иварис подняла один из них, другой протянула Язару.

– Даже умерев, он продолжит о нас заботиться.

Обрушился мост, и ветви Ивы сорвались и утонули в Тревожном океане. Этезианские солдаты бежали на континент. Некоторые из них оказались в воде. Они отчаянно барахтались и звали на помощь, но облаченные в тяжелые доспехи обречены были утонуть. Товарищи не могли и не пытались им помочь. Обломки Каштура касались Семарда, раскалываясь с громоподобным треском, ветви вспарывали припорошенный снегом берег. Нескольких беглецов они ухватили и утащили в океан, некоторых похоронили заживо. Многим этезианцам все же удалось спастись, но перебежчики, прежде сопровождавшие Иварис и Язара, не покинули остров живыми.

Земля ушла из-под ног, путники стояли на краю одинокой тонущей ветви, как на носу получившего течь корабля. Иварис опустила ладони в воду и позвала:

– Ночка, подружка моя, забери нас отсюда.

Они опустились по колено в океан. Не дожидаясь, когда ее руки скует толща воды, Иварис надела себя и Язара способностью дышать под водой. Океан уже тянул их за плечи. Бросив вещи, они могли бы еще долго оставаться на плаву, но уставшие и озябшие не надеялись добраться до берега.

Вдруг что-то огромное и темное подняло их над водой. Как только Язар узнал это существо, его глаза наполнились ужасом.

Бич моряков, гроза южных морей, исполинская рыба дандан была способна проглотить целый корабль. Не боялась она ни кракенов, ни морских змеев, ибо покрывала ее черная прочнейшая чешуя. Каждая ее чешуйка походила на панцирь гигантской черепахи и была столь же крепка, а длинные тонкие лезвия-зубы дандан одинаково легко перемалывали дерево, камень и металл.

– Не пугайся, Ночка не причинит тебе вреда, – успокоила его Иварис, но предостерегла. – Только держись крепко.

Они рухнули на колени и ухватились за плавник чудовища; дандан камнем погружалась в океан.

Вода принимала всю тяжесть великого каштана, она давала ему жизнь прежде и пыталась удержать в нем жизнь сейчас. В отчаянии и скорби океан выбрасывал стремительные волны, он горевал и после того, как преклонил старец голову к его ногам.

Среди обломков Каштура в потревоженных водах Язар

успел разглядеть и гибель другого мира – подводного. Лишь голова лешего возвышалась над океаном, тогда как здесь стоял он сам. В его заботливых руках в его ладонях обитали тритоны. В океаническом древесном городе тысячелетиями сменялись поколения, но нерушимым оставался сам древний град. Теперь тритоны бежали. Одни доверились собственным плавникам и рыбьим хвостам, другие седлали гиппокампусов – стремительных морских коней. Большинство тритонов не носили одежд, а только украшались раковинами моллюсков, костяными браслетами или жемчужными ожерельями. Но воины тритонов облачались в костяные доспехи и вооружались костяными копьями и мечами. Эти мечи в точности походили на костяные мечи небоизбранных.

Ночка опустилась на дно океана и устремилась дальше, вдоль исполинских корней, вырванных из подводных скал. Каштур указывал им направление даже сейчас. Они плыли сквозь водную муть, не различая острых камней и метущихся в панике рыб. Они уплывали все глубже, оставляя позади родной мир Иварис и родной мир Язара.

Дандан остановилась перед широким лазом в скале, окаймленном ядовитым искрасна-синим лишайником ушуром. Тогда же вздрогнули в последний раз, потянулись к Иварис и уже навсегда замерли корни Старого каштана.

Глава восьмая. Отзвуки слепой тишины

Протеснившись в расселину, путники оказались в отвороте одного из бесчисленных подземных рукавов, когда-то давно прорытых бронзовыми цвергами Гортунгаша. Проклятые Эсмайдом за противление нынешним богам цверги теперь боялись солнечного света и плавилась подобно металлу в его пламенных лучах. Лишь изредка ночами они выбирались на поверхность. В большинстве своем, проживая по четыреста лет, они никогда не встречали людей и представителей других надземных народов, ибо любили уединение и ненавидели чужаков. Они произошли из костей и плоти павших в битвах за Яраил гигантов-ядьяра, раскаленных светом Нигдарабо и жаром белых песков пустыни Белрах. Потому с рождения цверги любили огонь и любили солнце. Они грелись в его лучах, сидя под руки с первыми альвами на ветвях великого древа Вальториль. Но оба народа хотели подняться ближе к солнцу. И когда места на вершине для всех перестало хватать, между двумя народами разгорелась кровавая битва. Победителями вышли альвы, но в своем великодушии они позволили цвергам жить в корнях Вальториля. Цверги затаили обиду и украдкой стали рубить ствол великого древа. Когда оно обрушилось, часть альвов сумела перебраться на

небеса, где их потомки живут и поныне. Другие изувеченные попрятались в лесах и обратились фавнами.

Прошли десятки тысяч лет, но ненависть цвергов к альвам лишь возросла. Когда ремесленница Инита вылепила первых людей из глины, цверги рассмеялись человеческой хрупкости. Они выковали железных големов и указали богам – так должен выглядеть человек. Когда человек сложил соломенную лачугу, цверги рассмеялись. Они возвели каменную крепость и указали ему – здесь должен жить человек. Когда человек начал нескладно читать по слогам, цверги махнули на него рукой – из этого существа не выйдет человека.

Прошли тысячелетия, и человек потеснил цверга на земле. Но не угасло презрение цвергов к людям, а сменилось ненавистью. Они жили рядом с людьми, но люди об этом часто не догадывались. Убийство человека для цверга не считалось преступлением, воровство у человека называлось делом разумным – негоже драгоценностям пропадать в животных руках. Собственных же богатств у них имелось так много, что порою ими прельщались другие алчные и куда более грозные обитатели подземелий.

Прямая дорога из Рудого грота в Бризарион занимала две недели, но, не зная подземных троп, здесь легко можно было скитаться годами. О намерении идти в столицу Иварис объявила сразу, едва лишь океан выпустил их из плена молчаливой тюрьмы. Обещание отомстить за убийство отца не было скоротечным порывом, и ничто не могло сломить ее реше-

мость или столкнуть с выбранного пути. Дорогу им указывал Поборник Света, он разгорался ярче, когда они шли верной тропой, и тускнел, когда выбирали неверный путь. Но его божественный свет чужеродной лучиной горел в ненавидящем солнце мрачном царстве. Чем сильнее разгорался Поборник Света, тем сильнее на него наваливалась тьма. Она привечала иной свет, но не свет проклинаемого здесь Эсмаида.

Цверги хорошо видели в темноте и не нуждались в освещении, но подземелье, словно ожидая иных гостей, встретило их многочисленными разноцветными огнями.

Прежде всего, свет излучал сильгис – подземный сине-зеленый минерал. Цвергам он заменял стекло, они выдували из него украшения и посуду. Его свечение вбирали и усиливали грибы сильгисовики. Синие сильгисовики произрастали прямо на кристаллах, красные поодаль, в их тени.

Свет испускали и огненные грибы крогъярхи. Они топорщились факелами из стен и влекли к себе светолюбивых подземных мотыльков. Кругъярхи с большими плоскими шляпками часто росли в домах цвергов и выполняли роль сковород и печей. На них цверги поджаривали пищу или запекали блюда прямо в грибах.

Здесь, на границе земли и океана, вдали от хищников и алчных цвергов грибницы достигали невероятных размеров. Испускаемые ими красный, синий и желтые цвета объединялись в сказочное марево. Оно наполняло грот теплотой и уютom и приукрашивало и без того чудесные подземные пей-

зажи. В этом ярком свете гости хорошо рассмотрели маленькие беззаботные озерца.

Тревожный океан разливался сетью подземных озер, порождая множество маленьких уникальных миров. В одном озере обитали только рыбешки с жемчужной чешуей, в другом плавали рыбы из золота и серебра. На их берегах подобные пестрым камням неподвижно сидели жуки-кристалловики. Их окрас определял поедаемый жуками минерал. Новорожденные крошечными песчинками через сотни лет они вырастали огромными валунами. Многие цверги содержали домашних питомцев, но особенно они любили кристалловиков. Они кормили их соответствующими минералами, чтобы к смерти жуков получить скульптуры желаемых цветов.

В поросшем высоким ушуром болоте в тени сильгисовых сталагмитов пятнистые саламандры охотились на рубиновых жаб. Лишь эти маленькие ящерики могли погасить заключенный в них огонь. Были они настолько холодными, что обитали даже в недрах вулканов, где маленькими перепончатыми лапками остужали раскаленные угли. Кожа саламандр не нагревалась и с их смертью, отчего лекари часто использовали ее для борьбы с лихорадкой и жаром.

Путники сели на каменистый берег прозрачного озера и вытянули ноги к воде. Серебристая гладь молчала, в пещере стояла удивительная тишина. Не гнетущая, не пугающая, — тишина укорачивала движения сердца и даровала блаженный покой.

– Такой была Сапфира, – нарушила тишину Иварис. – Прекрасная, как это озеро, безгрешная и непорочная. Где теперь мои сестры и братья? Живы ли они?

Язар сочувствовал утратам Иварис, но его занимали иные тревоги. И теперь, спустя много часов после смерти Каштура, он по-прежнему слышал его последние слова. Он не верил, что старый лесной дух вдруг лишился разума, но не понимал, почему его приняли за кого-то еще. Внешностью он мало походил на женщину и даже не носил красных одежд.

– Как думаешь, кого увидел во мне твой отец? – спросил он.

– Не думай об этом, – отмахнулась она. – Даже мне не всегда удавалось его понять.

Но в его душе давно жила догадка, однако столь пугающая, что он не мог ее осмыслить, а тем более боялся произнести.

Они долго молчали, и вновь пещера погрузилась в чарующую тишину.

– В таком прекрасном месте я мог бы остаться жить, – расчувствовался Язар.

– И ты бы не скучал по Солнцу и Луне? – усомнилась Иварис.

Ему вспомнился разговор рошъяра, который он услышал во время похоронного ритуала.

– Нет, – почему-то сказал он, а затем посмотрел на жезл в своей руке. – К тому же свет Эсмаида всегда со мной.

– Будем надеяться, он приведет нас в Гортунгаш.

– Так ты не знаешь дороги?

– Я никогда не выходила за пределы Ведьминого леса, – призналась Иварис. – И никогда надолго не оставляла дома.

– Но ты не хочешь покидать Бризар, как советовал Каштур.

– А ты? – с вызовом спросила она и уже спокойней добавила. – Я не человек, Язар, и только наполовину фавн. Но разве от этого Бризар перестает быть моим домом?

– Ты хочешь пойти к брату, – догадался он, понимая, что в противостоянии с Вулкардом ей нужна помощь. – Расскажи мне о нем.

– Он наполовину альв и, – она грустно вздохнула, – родной брат Сапфиры. Они очень похожи, но такие разные. Они родились в одном цветке, распустившемся на самой верхней ветви нашего отца. Неберис пробудился первым и случайно столкнул сестру в океан. С тех пор она всегда тянулась к воде, а когда повзрослела, разлилась глубоким синим озером. Неберис с детства кружил вместе с буйными горными ветрами, но и теперь не нашел покоя.

Вдруг озеро подернулось мелкой рябью. Над серебристой водой показалась мужская голова, и словно поднимаясь из озера по ступеням, из него начал медленно выходить хозяин этих вод. Внешностью водяной напоминал тритона, он имел человеческий торс, переходящий в рыбий хвост и голубые плавники на спине и тыльной стороне рук. Перепонча-

тыми были его пальцы, серебряная чешуя полностью укрывала его тело, а глаза блестели огромными белыми жемчужинами. Водяной подплыл к берегу и оперся о большие выступающие камни руками.

– Давно я не видел скорби, – заговорил он чистым и мелодичным голосом. – Ибо в моих владениях живет только благодать. Отриньте боль. Оставьте печали на берегу и войдите в мой дом. Я заберу ваше несчастье и дарую вам покой.

– Спасибо тебе, брат, – проникновенно прошептала Иварис.

Водяной отер ее слезы рукой, и она улыбнулась. Не стесняясь Язара, она начала раздеваться и вскоре осталась совсем без одежд. Тот смущенно отвел взгляд. Обнаженная в мягком свете грибов и кристаллов Иварис была красива как никогда. Ему не хотелось, чтобы она прочитала его мысли, и он смутился еще сильнее.

– Пойдем, – позвала она и взяла его за руку. – В наготу нет ничего постыдного, ибо лишь без одежд мы становимся сами собой, – такими, какими нас замыслила природа.

Они окунулись в воду, и озерный дух забрал их тревоги. Они плавали и смеялись, ныряли и брызгались водой. Водяной наделил их подводным дыханием и усладил их взор причудливым танцем пестрых рыб. С восторгом они рассматривали разноцветные гладкие камни, усеивающие озерное дно. Были среди них и самоцветы, но ни Язару, ни тем более Иварис не приходило мыслей отнять их у водяного.

Наплававшись вдоволь, Язар выбрался на берег. Улыбка еще долго не сходила с его лица. Однако он уже успел высухнуть и одеться, а Иварис все не возвращалась. Им начала овладевать тревога, и ее сила стремительно росла.

Скинув одежды, он снова бросился в воду. На этот раз водяной не был ему столь гостеприимен. Над озером вдруг поднялся пар, а толща воды, став неожиданно плотной, теперь выталкивала Язара и гнала к берегу. Его грудь сдавливали тисками, но он, задержав дыхание, упрямо греб туда, где видел Иварис в последний раз. Вокруг него кружили хищные рыбы, они глубоко впивались в него длинными зубами и отрывали от него целые куски. Он лишился двух пальцев на ногах, но сдерживал боль, не отчаивался и не выплывал.

На прежнем месте Иварис не оказалось. Язару пришлось нырнуть во второй и в третий раз, прежде чем ее найти. Закрыв глаза, она лежала в объятьях водяного. Озерный дух легко придерживал ее руками и что-то настойчиво шептал на ухо. Заметив Язара, он попытался увлечь ее за собой и бежать. Но юноша успел ухватить его за хвост. Чешуя под его пальцами мгновенно почернела, огромные глаза водяного от ужаса и боли расшились еще сильнее. Он резко выпустил Иварис и поспешно оттолкнул их потоком. Волна, набирая силу, выбросила их на берег. Язар неприятно ушибся о камни, Иварис продолжала дремать. Пар над озером медленно опускался.

Как только Язар оттащил ее подальше от озера, она при-

шла в чувства. Не проронив ни слова, она залечила ему раны и даже вернула откушенные пальцы. Но когда они уже оделись и собирались уйти, водяной вновь обратился к ним. Он смущенно стоял на берегу, смиренно опустив голову на грудь.

– Я не желал причинять вам зла. Простите, мне здесь так одиноко.

Иварис помедлила. Язар потянул ее за руку, но она высвободилась и обернулась.

– Я тебя прощаю, брат, – искренне сказала она.

Лишь только волшебство озер осталось позади, как путники стали очевидцами нового чуда – перерождения бабочки-феникса. Эти красочные насекомые резвились восемь месяцев года, а к последнему девятому месяцу их крылья опадали. Тогда они забирались в молодые деревянные грибы, пока те еще оставались мягкими и не обратились деревом. Там они заворачивались в коконы из переработанной грибной мякоти, чтобы в новом году вновь пробудиться детьми.

По мере удаления от океана источники воды мельчали, воздух становился суше, а краски природы тускнели. Высокие оскалившиеся сталактитами своды почти не освещались редкими кристаллами сильгиса, и теперь главным источником света путешественникам служил солнечный жезл. Родственные паукам тонконогие размером с ребенка сукновалы и аршинные волосатые моховики уступали дорогу Поборни-

ку Света и прятались в темные норы и дальние углы. По меркам подземелий то были одни из самых безобидных охотников.

– Я снова чувствую себя слепцом, – отметил Язар. – Но темнота меня не пугает. Мне здесь уютно, словно я вырос под землей.

Следующий встреченный ими подземный житель был гораздо опасней прежних.

Трунгалы не имеют глаз, бесстрашны, как россомахи, а размерами превосходят медведей. Их имя с языка цвергов переводится как глубинный копатель, а образ жизни роднит с кротами. Ни цверги, ни гигантские черви, но именно трунгалы своими жуткими серповидными когтями прокладывают лабиринты подземных ходов. Трунгал устойчив к яду и не боится огня. Он предпочитает грибы и падаль, однако в голод нападает на все живое. Обладает он несоразмерной для себя мощью и часто убивает противников, многократно превосходящих его размерами. Оттого трунгала сторонятся и шестисаженные угольные сколопендры, и великаны подземелий – ванапаганы. К трунгалу отношение цвергов особенное, они пугают его именем непослушных детей, но уважают за любовь к воле и свирепый нрав. Цверги мастера укрощать зверей, но еще ни один трунгал по указу не прятал клыков. Напротив, словно в отмщение за попытки их приручить, трунгалы подкапываются в дома цвергов и таскают разводимых ими бледных гигантских червей прихтов.

За углом их поджидала кормящая трунгала с выводком – самое агрессивное существо, какое только можно представить. Готовясь к нападению, она жутко рычала и скребла когтями. Иварис не успевала сотворить заклинания, а Язар, даже сумей нанести удар, неизбежно оказался бы подмятым зверем. Трунгала не останавливали раны, он сражался, пока не оказывался победителем или пока не умирал. Кормящая мать без раздумий напала бы и на альвов – народ, умиротворение которого успокаивало даже бешеных псов.

В один миг трунгала подскочила на дыбы и нависла над добычей. Язар выхватил меч, но Иварис успела его удержать. Вдруг животное замерло. Шевеля тонким носом, оно обнюхивало Иварис, покалывая ее щеки жесткой щетиной. А затем оно с примирением опустилось на лапы и вернулось к детям. Оно сердито ворчало и провожало путников недоверчивым взглядом, однако еще никто не находил у трунгала подобного радушия.

– Даже беспощадный трунгал распознал в тебе союзника, – поразился Язар. – А люди, которым ты пыталась помочь, видели в тебе только врага.

– Люди имеют видеть только глазами, и только то, что хотят увидеть.

Путники не обладали стойкостью трунгала, потому продвигались медленно, с осторожностью поглядывая под ноги и по сторонам. Ядовитый лишайник, подземные твари и сам камень – для чужаков в подземном мире все могло быть

смертельно опасно.

– Стой! – предостерегла Иварис, крепко схватив Язара.

Она увлекла его за собой, проведя в сторону, а затем, развернувшись, выстрелила. Громыкнуло, будто в небе столкнулись тучи, или раскололся, сверзившись со скалы огромный валун. Но это лишь лопнул скрытый ушуром крогбаш. Этот неприметный серый гриб избегал света и таился в сухих темных расселинах. Хрупкий он разрывался от малейшего прикосновения, забивал дыхательную систему спорами и произрастал в теле жертвы. Однако и его цверги сумели обратить себе в союзники. Маленький от природы в колдовских грибницах он достигал именно такого размера, чтобы его, с уже отвердевшей кожей можно было удобно бросить во врага. Из него же, равно как из других грибов, цверги делали алкогольные настойки.

Ядовитое облако Иварис прогнала порывом ветра. Язар покачал головой.

– Нас не тронуло самое свирепое подземное создание, и едва не погубил неприметный крошечный гриб.

Редкие поначалу крогбаши стали попадаться чаще, пока не привели их к огромной грибнице. Это было поле брани цвергов и нагов, а победителем в том далеком сражении вышел маленький серый гриб. Трупы давно сгнили и ушли в землю, лишь кое-где топорщились клинки и кости, да ржавели обломки древних истлевших лат. Могильник тянулся и тянулся, а все не заканчивался.

– Сколько же их здесь, – поразился Язар. Он держал Поборника Света близко к земле и ступал осторожно, боясь наступить на грибы и потревожить кости.

– Лучше спроси, сколько они здесь, – поправила Иварис и добавила: – Давай поищем другой путь. Здесь слишком опасно. Неосторожное движение, падение случайного камня с потолка и мы останемся погребенными заживо. Я не смогу сдержать обвала.

– Ничего не упадет, – упрямылся Язар, но уверенности в нем поубавилось. – К тому же эту дорогу нам показывает Эсмайд.

– Должны быть и другие дороги.

Он сомневался. Ему не хотелось поворачивать назад, и еще меньше хотелось заблудиться. Но и справедливость ее слов он понимал.

– Можешь что-нибудь наколдовать? – спросил он, остановившись.

Она задумалась.

– Я могу защитить нас от отравления и поднять в воздух. Но если начнется обвал, мы все равно погибнем.

– Этого не произойдет, – убежденно ответил Язар.

Но едва Иварис закончила первое колдовство, оберегающее от ядовитых спор, как прямо перед ней над переплетением костей нага и цверга появился призрак. Он еще хранил в себе очертания прежнего тела. Его красивое лицо окружали шевелящиеся сплетенные в клубок змеи, а мужественный

подбородок обрамляли щетиной мелкие оранжевые чешуйки. Стройный атлетический торс нага переходил в длинный змеиный хвост. Змеиными были и его большие оранжевые глаза. Наг имел четыре руки, а размером превосходил всякого человека, – разве Толус мог сойти за его уродливого брата. Единственной одеждой нагу служили изящные из золота и драгоценных камней многослойные браслеты. Большие нательные браслеты цепочками соединялись с ошейником и наручами. Наручные браслеты соединялись меньшими цепочками с кольцами, которых наг носил по два, а то и три на каждом пальце.

– Какое очаровательное юное создание играет в колдунью! Как мило! – нежным голосом пропел он на чистом общесемардском. Наг сильно жестикулировал, отчего высоко позванивали кольца его призрачных цепочек.

– Я совсем не юная, – возразила Иварис; призрака она ничуть не испугалась.

– По сравнению со мной ты еще младенец. А вот он, – наг неуверенно посмотрел на Язара, – старик, который много раз умирал, а почему-то живее всех живых. Живее меня-то уж точно! – он усмехнулся.

– Что ты знаешь обо мне? – живо заинтересовался Язар. Наг не казался ему ни злым, ни грозным, но даже почему-то к себе располагал.

– Только то, что уже сказал, – почти извинялся наг. – В каждом живом создании есть и жизнь, и смерть. Когда сла-

беет одно начало, другое побеждает. Но в тебе я не чувствую смерти. Ты ее где-то спрятал, верно?

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – ответил Язар. Однако слова нага его пугали, ибо соответствовали той догадке, которую он упрямо не желал озвучивать даже в мыслях.

– Что здесь произошло? – спросила Иварис.

– Объясню с удовольствием, здесь ведь редко с кем удастся поговорить. Последние лет сто так и вовсе живые обходят эту поляну. Я их не виню, – к живым нужно относиться снисходительно. Так вот. Меня зовут Орбшиамом, – наг величественно поклонился. – Я старший сын царя Сайшиама. Мы шли войной на Гортуйна Ничтожного, когда его комары на нас напали, – он с надеждой перевел взгляд с Иварис на Язара и обратно. – Скажите мне, странники, клоп Гортуйн уже раздавлен моим достославным отцом?

– Насколько мне известно, еще жив король Гортунгаша.

– Ах! – наг раздосадовано всплеснул руками. – Тогда скажите, что идете за его головой. Я благословлю вас на это правое дело, а благословение нага, даже умершего, дорогого стоит. Под моими костями нетленная книга, а в ней все знания, что копил я долгие пять сотен лет. Возьмите ее, она вам поможет.

Эта книга была Язару без надобности, но для Иварис представляла большой интерес. С ней она могла бы тут же перенестись в Бризарион, уничтожить Вулкарда и разогнать его людей. Но Иварис только сказала:

– Это щедрый подарок, царевич Орбшиам, но король Гортунгаша нам не враг.

Тогда беззвучно поднялся другой призрак, он вышел из костей цверга, лежащего в объятьях нага. Ростом он был ниже Иварис, а сложение имел еще более тщедушное. Голова его казалась несоразмерно большой, а руки вытянутыми, при том его большие бугристые кисти и стопы могли принадлежать и крупным человеческим мужам. Над его широким носом темнели глубокие глазные провалы, и наполовину их закрывали кустистые брови. Волос на голове, как и всякий мужчина-цверг при жизни он не имел, а заостренные звериные уши также роднили его с Иварис. Неупокоенный цверг облачился в серебряную ладно выкованную кольчугу и перчатки, выделанные из шелка сукновала. Обуви, однако, он не носил – прочная и устойчивая к огню кожа избавляла цвергов от этой необходимости. В одной его руке был круглый величиной с него самого инкрустированный самоцветами бронзовый щит, в другой короткий красочный меч из серебра. Цверг беспрерывно хмурился, так что его густые брови почти полностью закрывали искрасна-черные глаза. Он упер призрачный меч в голый торс нага.

– Какой обходительный, как слова складывает, аж заслушаешься! – презрительно хмыкнул цверг. На общесемардском он разговаривал неразборчиво и неохотно. – А видели бы, как моих солдат в клочья рвет! Вот тогда почему-то не разговаривал.

– О чем можно говорить с камнем? – надменно отозвался наг, не поворачивая головы.

– Верно. У камня со змеей разговор короткий. – Цверг опустил меч и обратился к путникам. – Слышал я ваши разглагольствования, мой черед говорить. Звать меня Кхангурдом, я был старшим сыном короля Гортуина Деревянного. Я шел за головой Сайшиама Склизкого, царя Ашманашиама, пока не был застигнут врасплох его головастиками в этих стенах. Говорите, во здравии мой отец, да иначе и быть не могло. Но ответьте, странники, жив ли еще трупный червь Сайшиам?

– Этого мы не знаем, – извинилась Иварис.

– Что ж, не беда, – не расстроился цверг. – Коли жив, так убейте его. Возьмите мой меч и мой щит, они лежат прямо под моими костями. Они волшебные и помогут вам.

Устоять против этого предложения Язару было уже сложнее. В самом деле, магическое оружие ему еще пригодится. Но он только посмотрел на Иварис, вздохнул и сказал:

– Спасибо тебе за доверие, Кхангурд сын короля Гортуина. Но я не посмею тебя обмануть, ведь и царь Ашманашиама нам не враг.

– Тогда кто ваш враг? – одновременно спросили призраки.

– Узурпатор Вулкард, король Бризара.

– Человек, – понимающе кивнул Сайшиам.

– Цверги воюют с нагами, фавны с великанами. Человек убивает человека. В Яраиле все по-старому, – рассудил

Кхангурд. – Будто и не умирал. Только знаете, – добавил он, понизив голос. – Королевские особы не просят, они приказывают.

Он взмахнул мечом, но внезапно Сайшиам остановил его удар браслетами.

– Я не позволю тебе убить их, жалкий цверг! – зашипел наг. – Они послужат мне, они убьют твоего отца!

– А! Змея пытается говорить с камнем! – засмеялся Кхангурд, а затем позвал. – Ко мне сыны Гортунгаша! Ко мне дети земли!

Один за другим на поле брани поднимались призраки цвергов. Все то были немолодые тощие скуластые мужи, безволосые и безбородые. На головы их были низко надвинуты тяжелые шлемы, тела укрывали искусные латы, надетые поверх одежд из шелка сукновалов. Под каждого солдата латы подгонялись отдельно, так же отдельно для них подбиралось оружие. Цверги имели короткие копья из бронзы, серебра или кости, их щиты создавались из жучиных панцирей, металла и больших костяных пластин. Вторым оружием цвергам служили легкие топоры или короткие мечи. Воины не шевелились, спокойно ожидая приказа.

– Хорошо, – вызывающе улыбнулся наг. – Сотню лет не сражались! С той поры как доверчивый путник нашел под твоими костями обломок меча.

– У меня хотя бы этот меч был!

– Ко мне воины Ашманашиама! – крикнул Сайшиам; его

голос больше не звучал дружелюбно. — Пришло время отправить ничтожных цвергов в бесконечные странствия по далеким мирам!

Его солдаты, в большинстве своем младшие наги, походили на ужасных питонов с человеческими головами. Воинственные и ядовитые они еще не умели колдовать и даже не владели речью. Младшие наги носили только нашейные браслеты, но с годами они украшались сильнее. К столетию наги взрослели, верхней частью уподоблялись людям, а колдовством уже могли в них перевоплощаться. Нередко в сказках под обликами прекрасных принцесс скрывались коварные нагини, они подчиняли своей воле принцев и королей и присваивали себе их богатства. С возраста четырехсот лет наги назывались старшими, их легко можно было узнать по четырем рукам и шевелящимся змеям-волосам. К старости чешуя нагов твердела и покрывала тела даже в их человеческих частях. С годами росло и колдовское мастерство нагов, они поднимали мертвых, убивали взглядом и даже дыханием.

Давно оконченная битва разгорелась с новой силой. Вновь зазвенели истлевшие мечи, вновь засверкали померкнувшие заклинания. Отголоски туманов и призрачных огней наполнили подземные своды разноцветным маревом. Цверги многократно превосходили нагов численностью, но столь же значительно уступали им силой. Призраки не могли умереть, но поражение их развоплощало. Тогда безвинные и чистые они

распускались с почками Яргулварда, чтобы войти в стремительную Абакаду и влиться в новый цикл рождения. Опытный проводник мог вернуть их во внешний мир и даже наделить телом. Но если души не знали пути, стражи мирового древа могли выследить их и насильно вернуть в поток.

Сотню лет крогбаши хранили покой этой подземной поляны и громовыми выкриками извергли утрату тишины. Наги черпали силу у своих прародителей канафъяра: создавали ядовитые и медные потоки, обращали цвергов-призраков в гадюк и червей. Иные наги предпочитали колдовству поединки и тогда вооружались темными мечами из металлов чужих миров. Цверги не могли отразить удары этих мечей, они лишались своих призрачных рук и голов, рассыпались бледным туманом, но тут же зовом Кхангурда невредимые возвращались в бой. Магов среди них было гораздо меньше, но и каждый из них мог побороться с Улзумом наравне. Они обращались к силе огня, земли и камня, они жалили нагов сталагмитами, обрушивали их в пропасти и обращали в дым столбами красного огня.

Наги сотворили подземную бурю. Темная туча заволокла воздух, гром заглушил остальные звуки, и от свода к подножью долины потянулись извилистые красные молнии. Молнии поражали цвергов, они разрывались с треском и рассыпались оранжевыми слепящими искрами. Воздух наполнился несмолкаемым жужжанием, словно каждая молния была огромной шумной пчелой.

Цверги открыли врата в мир духов Атмару. Из огромных красных в десять сажений врат вырвалось полчище огненных элементарей. Одни были размером не больше цвергов, другие многократно превосходили их врагов. Элементарии обрушивались на противников огромными птицами, обращались в медведей и львов. Иные выбирали образы кружащих смерчей, иные огненных волн.

Хаос, выросший из перепалки двух принцев, продолжал набирать силу. Клубы пыли взметались к потолку, несмолкаемый грохот оглушал. Уже невозможно было определить, какая сторона побеждает, и какой стороне принадлежит то или иное колдовство. Язар тащил Иварис за руку, не пытаясь переступить крогбаши и не разбирая пути. Как челнок, застигнутый бурей, они металась между безумствующими призраками и маневрировали, словно между рифами в океане. Язар не сводил глаз с жезла, чей яркий свет в этом пестром ослепительном безумстве был маленьким едва заметным маяком. Уже на ходу Иварис заключила их обоих в сферу погодного постоянства, и только эта защита отдаляла их смерть. О сферу бессильно разбивались сотворенные цвергами камни, и, злобно шипя, расползались разноцветные молнии нагов. Удача сопутствовала попавшим в бедствие путешественникам, но вечно так продолжаться не могло.

Вдруг из полыхающего огня впереди вырвалась и накатила на них огромная ледяная волна. Язар закрыл голову руками. Но и теперь колдовство Иварис уберегло их. Волна с

треском раскололась надвое, расступилась и угасла в пылевых облаках.

В отдалении что-то взвыло и дрогнуло, ветер толкнул сферу словно пузырь. Язар остутился, не удержал равновесия и упал. Он оказался за пределами сферы, а когда поднимался, что-то болезненно ударило его в плечо. Это с потолка откололся первый камень. Начинался обвал. Сфера сдерживала буйство земли, но земля не сдавалась. Маленькие камешки сменились огромными валунами, а затем от потолка стали отваливаться целые пласты. Грохот обвала перекрывал шум сражения, тьма побеждала свет, вспышки магии тускнели и угасали.

Но одна упрямая зеленая молния не хотела умирать. Она ловко прыгала по камням и прорезала завесы тумана. Она проходила сквозь призраков, не причиняя им вреда, ибо ее целью могли стать только живые существа. Иссущающая молния разверзла свою змеиную пасть и впилась в сферу погодного постоянства. Одно заклинание утолило голод, другое в последний раз исполнило свой долг. Они погибли вместе. Тогда же водопад пыли свалил Иварис с ног. Язар попытался вызволить ее, но теперь засыпало их обоих.

– Направление! – закричала она, закрывая от обломков голову руками. – Укажи дорогу!

Земля поглотила их уже по пояс, они увязли намертво, как в зыбучих песках, и продолжали тонуть. Отчаянно выпрастывая сторонами жезл, Язар с последней надеждой сле-

дил за его сиянием. В какой-то момент Поборник Света разгорелся с невиданной прежде силой.

Колдовство Иварис высвободило их из тюрьмы и швырнуло в указанную сторону. Они пролетели десять саженей и упали в густые заросли ушура. Оба подскочили мгновенно. Они не чувствовали ни ушибов, ни ожогов, оставленных ядовитым лишайником, и готовы были продолжать бегство. Однако обвал в этот самый момент утих. Посветив жезлом, Язар увидел, что они сверзились с большого скального уступа, и обратный лаз завалило землей. Первым делом он с волнением проверил карманы: и глаз альва и его послание остались с ним.

Они сели перевести дыхание на большой плоский камень. В темной холодной пещере царила гнетущая тишина. Лишь изредка ее нарушал размеренный плеск падающих капель, звук отражался в стенах и разбегался пустынными коридорами. Жезл Кадимира был единственным источником света, но теперь в одиночестве он проигрывал темноте. Пещера сдавливала его своей громадой, желая поглотить и заставить навсегда погаснуть. Маленький огонек Поборника Света дрожал, мрак вокруг него стоял стеною плотнее любого тумана.

– Магия призраков истощила меня, – уставшим голосом призналась Иварис. – Посторожи мой сон, я ненадолго.

Язар еще никогда не видел ее такой усталой. Он постелил ей плед, взятый у лесного отшельника, и она быстро уснула. словно бабочка, завернутая в кокон, ее обманчиво хруп-

кое тело утопало в плеле. Душа Иварис теперь блуждала в Нидрару, где резвилась с беспечными сонями, воплотившими образы ее родственников и друзей.

Но сам Язар, взволнованный близостью смерти, не знал покоя. Он ходил вокруг постели Иварис кругами, садился на камень, но тут же вставал и вновь начинал ходить. С небывалой прежде тоской он подумал о Виннике, о дяде и тете. Что чувствовали они, когда он оставил их? Пытались ли его искать? И правильно ли он поступил, бежав вот так внезапно, никого не предупредив? Имел ли он на это право? Чем больше он думал об этом, тем больше скучал по родственникам и размеренной деревенской жизни. Путешествие затягивалось, все происходило совсем не так, как он себе представлял, не так, как ему бы хотелось. Кем он, ничтожный деревенский пастух, себя возомнил? С какими силами связался? Его отец никакой не маг, но обыкновенный жуир и пьяница – он это знает. Так для чего упрямо, невзирая на преграды, он продолжает идти в Бризарион? Отнести письмо альва? Он может выбросить его прямо сейчас, в нем нет ничего важного. Небоизбранные не знали о письме, они видели гибель альва и пришли в Винник только за его глазами.

В безмолвной темноте ему начинали слышаться шорохи. Ему представлялось, как со стен сползают и тянут к ним ворсистые лапки гигантские многоножки и пауки. Он видел огромные черные туши в сгустках мрака и видел в неверном свете жезла отблески сотен горящих глаз. Ощущение чье-

го-то присутствия становилось невыносимым. Язар уже не присаживался на камень, но, не выпуская меча, лихорадочно кружил в поисках незримого врага. И вдруг у ног беспечно спящей Иварис он увидел большие лопатообразные педипальпы.

Гробовщик мог перекусить человеку ногу, однако живой добыче предпочитал падаль. Нередко этих жуков можно было встретить в заброшенных склепах и могильниках, где в поисках пищи они откапывали мертвые тела. Питались они в первую очередь костями, но могли переварить и мясо, и спальник, в который на ночь заворачивался неосторожный путник.

Жук тянулся лапками и уже прощупывал плед в поисках лакомых костей.

– Прочь! – крикнул Язар, отгоняя гробовщика жезлом.

Жука его крик не напугал, однако он разбудил Иварис. Девушка мгновенно стряхнула паутину сна и спрыгнула с камня. Жук разочарованно развернулся и уполз в темноту. Он не отличался скоростью и не любил, когда пища от него убегала.

Крепкий сон забрал усталость Иварис, а взамен оделил ее жутким голодом. Она съела едва ли не половину их припасов, не притронувшись только к каштуру. На осторожное замечание Язара она сказала:

– Тогда будем питаться гробовщиками, – и улыбнулась.

Ее бодрость и беззаботность исцелили Язара лучше любо-

го сна. Пещера больше не казалась ему столь мрачной, а положение безнадежным. Он пожал плечами и последовал ее примеру, начав с большого каштана. Однако, откусив и прожевав всего один кусок, он быстро насытился и недовольно заметил:

– Так нечестно, я хотел съесть больше.

Еще много дней они блуждали в потемках. Их вел Поборник Света, а острый слух фавны позволял избежать неприятных встреч. Наибольшую угрозу для них представляли мелкие и средних размеров ядовитые бесшумные насекомые. Самые же крупные обитатели подземелий выдавали себя издали. Но не все из них боялись света, подобно моховикам и сукновалам, и не все отступали безропотно, подобно гробовщикам.

Безоглядная темнота давила своей громадой крошечных путников, а длительное одиночество угнетало и вызывало тоску. После многих дней тишины даже общество воинственных призраков вспоминалось Язаром сладкой мелодией. Иварис, в отличие от него, не была привязана к человечеству, но ее повергала в уныние жалкая растительность подземного мира и его жуткие обитатели, которые не внимали ее голосу, и мыслей которых она не могла понять.

Они уже довольно долго шли в затянувшемся мрачном молчании, когда вдруг услышали звук: казалось, где-то поблизости спешит и переливается через камни ручей. Но звук неожиданно привел их к ведьминой губе. Распухший как

слизень отвратительный черный гриб свисал с маленького ссохшегося корня, пробившегося сквозь сотни саженей стен. При виде этого гриба Язар улыбнулся и сразу понял, откуда исходит звук. Перед его глазами вновь возникли живописные картины Ведьминого леса, он вновь увидел морщинистое лицо Аболура и почувствовал бодрящий холод вод Кальдии. Он покинул их совсем недавно, а уже проделал такой длинный путь. Он погрузил Поборника Света в рыхлую стену и попросил Эсмаида присмотреть за их сном. В эту ночь, а может быть, день, путешественники спали беззаботно и безоблачно. Им снился общий сон, в котором они сидели на берегу ручья в лесу, а рядом с ними в ореоле солнечного света сухой ясень шевелил ведьминой губой.

Возобновив путь после долгого привала, они услышали шорох в тенях. Незримые враги подбирались ближе. Они двигались вместе со своими жертвами, подстраиваясь под их шаг.

Иварис призвала большой шар лунного света. Он поднялся к потолку пещеры и осветил врага. Сотни мелких всего лишь по колено паучков окружали добычу, наплывая со всех сторон единой черной массой. Они выползали из нор и стекали по стенам. Свет не испугал их, но только разозлил. Появление лунного шара они восприняли сигналом к атаке.

Иварис укрылась огненным щитом. Частокол желтого огня не подпускал к ней пауков, при этом не обжигал ее саму и не мешал колдовать. Язар зарубил первых пауков авангар-

да. Чтобы достать их, ему пришлось неудобно согнуться, он широко расставил ноги, и теперь пауки уже ползли по ним. Иварис сотворила огненный щит повторно. Пламя закружило вокруг Язара и вдруг бесследно, не опалив, вошло в него. А в следующее мгновение кто-то набросил на него паутину. Незримый ловец сматывал сеть и поднимал добычу к затененному уступу под потолком. Язар отчаянно трепыхался, как рыба в сетях. Поборник Света выпал из его бессильных рук и скрылся в паучьем океане.

Вторую сеть набросили на Иварис. Но пламя защитило ее, и паутина рассыпалась в пепел. Проследив за толстой нитью, колдунья увидела затаившегося врага.

Со сталактита свисал родственный фринам сливающийся с камнем удильщик. Его длинные, как лианы, передние лапы держали концы шелковых тенет. На этих лапах горели огнем два больших красных глаза. Еще восемь глаз располагались кольцом по его серому телу. Двумя меньшими лапами удильщик сматывал опаленную паутину, на четырех остальных удерживался навису.

Иварис вскинул лук, поцеловала стрелу и прошептала:
– Лети, стрела Яра, найди свою цель.

Деревянная стрела обратилась костью и теперь испускала таинственный красный свет. Удильщик, словно почувствовав угрозу, бросил сматывать паутину и бежал. Он укрылся на другой стороне сталактита, но и там стрела его нашла. Она погрузилась в его тело и растворилась в нем. Удильщик

одновременно дернул всеми конечностями и тут же поник. Сверзившись с высоты, он утонул в паучьем океане.

Но другой ловец уже затащил свою добычу на уступ. Тщетно Язар сопротивлялся, он намертво прилип. Чудо-вище склонилось над ним и протянуло к нему острые ножи-жвала. Через мгновение удильщик прокусил ему грудь.

Язар не вскрикнул, ужас лишил его даже боли. Он думал о смерти и о том, что должен умереть прямо сейчас. Не будет никакой отсрочки, он не дожидается помощи Иварис. Он не мог вдохнуть, ибо жвала удильщика пробили ему легкие и даже сердце.

Но вдруг удильщик отпрянул, словно это его самого укусил Язар. Он лихорадочно трясся и чистил ногами жвала. Вздрогнув, он упал, распластавшись ничком на камне. С уступа далеко свесились его передние лапы-лианы, красные глаза на них провернулись вокруг себя и угасли.

Язар тяжело вздохнул. Должно быть, ему показалось, и это от страха он прежде не мог дышать. Изворачиваясь, как гусеница, он выполз из плаща, нащупал меч и вырезал себя из паутины. Он услышал ледяной треск, а подойдя к краю уступа, увидел, как во все стороны от Иварис распространяется кольцо из колкого льда. Заклинание обращало паучков в снежные скульптуры, холод сделал то, чего не сумел сделать жар. Выжившие пауки бежали, прятались под камнями и в норах.

Он высвободил из паутины свой плащ, сполз по отвесному

своду, а когда больше не мог удерживаться прыгнул.

– Ты не ранен? – подбежав, обеспокоенно спросила Иварис, движениями рук рассеивая огненный щит.

Он неуверенно опустил глаза. След от укуса удильщика был едва заметен, он уже покрылся толстой коростой и затягивался на глазах. Фавна в изумлении осторожно прикоснулась к его груди. Ее пальцы оказались шершавыми и грубыми, какие подошли бы не юной деве, но каторжнику или сухому старику. Через мгновение она одернула руку.

– Какой ты горячий. Ты точно хорошо себя чувствуешь?

– Удивительно, но что бы со мной не происходило, а день ото дня я чувствую себя только лучше. Я думал, что умру, а теперь даже не уверен, что могу умереть.

– Не теряй бдительности, – остудила его Иварис. – Вряд ли если тебе откусят голову, она прирастет к телу так же легко.

Жезл старшего теурга вывел их в длинный туннель. Своды его были выгнуты изнутри и так гладко стесаны, что не могли быть сотворены природой. По его стенам и потолку стекала густая белая и дурно пахнущая слизь. Сырая земля не успевала ее впитать, и слизь наполняла туннель по колени болотом. Несмотря на обилие влаги, здесь водились только мелкие насекомые.

Сфера погодного постоянства могла сохранить им ноги сухими и даже защитить от едких испарений белой жижи. Но Иварис не стала обращаться к магии, ведь она не знала протяженности туннеля и того, что могло поджидать их впе-

реди.

– Что сотворило эти своды? – спросил Язар, рассматривая стены в желтых лучах Поборника Света. – И откуда взялась вся эта слизь?

– Есть только одно объяснение, – Иварис замолчала, прислушиваясь. Язар настороженно смотрел на нее. – Назад!

Земля задрожала, будто вновь начинался обвал. От подземных толчков по бледной жиже побежали круги. Путники устремились к отнорке, из которой попали в туннель. Грохот нарастал и быстро приближался.

Они не успели зайти глубоко в туннель, но густая слизь значительно сковывала движения, а дрожь земли только росла. Грохот уже наступал им на пятки, когда ноги наконец вынесли их в долгожданный проем.

Язар отбежал еще немного и обернулся. Мимо проносились нечто невообразимое, нечто исполинское. Оно заполняло собой все пространство в туннеле, все тянулось и тянулось, и никак не заканчивалось. Сначала Язар подумал, что это селевой поток, потом, что перед ним чудовищный белый змей. Когда существо проползло, он осмелился выглянуть, и Поборник Света успел выхватить образ, убегающий в темноту.

Это был яргыхт, или мировой червь на языке цвергов. Эти создания обитали глубоко в недрах внешних миров и питались их соками. Они не нападали на иных созданий, ибо никакая животная пища не могла насытить их неумемного аппе-

тита, однако почти любое создание могло оказаться пищей яргихтов, если вставало у них на пути. Вырастали они до трех верст, а порою и больше, оттого, объявившись в городе цвергов, могли стать настоящим бедствием.

Обвал прекратился, грохот унес с собой мировой червь. Путники вернулись в туннель. Теперь они не боялись внезапных встреч, ведь если кто-то и подкарауливал их, он либо бежал, либо был проглочен или раздавлен яргихтом.

Туннель круто забирал вверх и выводил к свету. Нет, это был далеко не яркий дневной свет наземного мира, но тусклое подземное свечение сильгиса и подземных грибов. Однако после кромешного мрака путники радовались ему словно солнцу. Сырость сменилась теплом. В сухом ушуре все чаще попадались огненные крогъярхи, воздух становился тяжелее, а из разломов скал медленно поднимался дым. Природные пещеры и норы переходили в рукотворные туннели, своды подпирали огромные металлические балки, пол выстилали каменные тесаные плиты.

В пустынных коридорах звуки передвижения усиливались и быстро распространялись по плитам. О приближении патрульных цвергов путники узнали издалека и с волнительным нетерпением бросились им навстречу. После многих дней жизни в одинокой молчаливой темноте они были рады обществу пускай и негостеприимных, но разумных существ.

Их встретил отряд из дюжины цвергов. Внешностью они мало отличались от солдат покойного Кхангура, кожу имели

бронзовую, а глаза цвета темных камней. На первый взгляд вооружились цверги одними только мечами и кинжалами, но при ближайшем рассмотрении оказались передвижными универсальными убийцами. Прежде всего, они имели по маленькому наручному арбалету. Эти арбалеты цверги крепили на запястьях и часто скрывали под одеждой. Болты в них казались игрушечными, не длиннее пальцев, но ковались они из особо прочных металлов. Их обмакивали в яды подземных тварей, что позволяло им прожигать и панцири гигантских жуков, и чешую нагов. Справились они бы и с лучшими человеческими латами, если б когда-нибудь цверги пожелали объявить людям войну. В поясных мешочках цверги носили флакончики с ядами, воспламеняющиеся масла, целебные корни, травы и различные порошки. Один порошок усыплял, другой избавлял от боли, третий придавал бодрости и сил. Сами цверги легко переносили отравления, а их невероятная выносливость не нуждалась в обрамлении сказками. Они никогда не болели, будучи в тяжелых доспехах могли без усталости бежать часами, выживали на самой скудной, непригодной для человека пище и обходились почти без воды. Кости их были гораздо прочнее человеческих, но даже если цвергам случалось их ломать, они срастались в считанные дни. Кожа их была дубленой с рождения, а слух почти столь же остер, как у фавнов. Но в первую очередь цверги ориентировались на нюх, который у них был развит столь же сильно, как у медведей. Не боялись они ни огня, и ни жара,

а вот глубокой воды сторонились: тяжелые кости делали их плохими пловцами и камнем уводили на дно.

Не обделены они были и магией, но волшебство давалось им нелегко. Оно медленно откликалось на зов цвергов, так что лишь немногие умели пользоваться им в бою. Гораздо большее значение они уделяли магической подготовке и зачарованию. У каждого цверга была, по меньшей мере, одна выкованная им вещь, в которую он заключал собственные чары. На доспехи накладывали защитное колдовство, оружие благословляли. Потому кузнечество высоко ценилось цвергами, верховный кузнец занимал место подле короля, а часто и одновременно был королем.

Другим вложением магии цвергов были камни слов. Сотворенные из хрупких камней при раскалывании они высвобождали заключенные в них заклинания. Обыкновенно их крошили в руках, но хранящие самые опасные заклинания срабатывали при воздействии заклинаний-ключей или необходимых волшебных слов.

Патрульные цверги встретили нежданных гостей недоброжелательно. Они беспрерывно хмурились и что-то недовольно бормотали. Говорили они на языке своего народа, сухом и черством, в котором не было места мелодичности. Язар не мог разобрать и слова, однако Иварис, к его удивлению, владела этим языком.

– А ну назовитесь! – пригрозил им мечом самый старый цверг, по-видимому, предводитель отряда. – Кто вы такие?

Чего вам здесь надо?

– Я Иварис, дочь Каштура, а это Язар из Винника, – представилась она их. – Мы ищем дорогу в Бризарион.

– Пусть уберет свою палку! – проворчал другой цверг. – Слепит жутко!

Иварис перевела, а когда Язар погасил жезл, предводитель продолжил допрос.

– Меня называй прелагатай Латбир. Так и с чего это вы, наземники, решили, что мы вас пропустим?

– Мой отец... – начала Иварис, но цверг ее перебил.

– Я знаю, кто такой Каштур. Он спас нашего короля Гортунга Деревянного, укрыв его своими корнями, после того как его мать разорвали трунгалы. Каштур кормил младенца своими соками до тех пор, пока тот не окреп достаточно, чтобы вернуться в Гортунгаш. Любой младенец в городе об этом знает. Только я не знаю, правда ли ты дочь Старого каштана или ты очередной разведчик наг, принявший чужой облик.

– Мне нечем доказать свои слова, – призналась Иварис. – Но пусть король посмотрит на меня: он вспомнит.

– А, по-моему, она все-таки наг, – рассудил еще один цверг.

– В Бризарион можно пройти и по верху, – напомнил Латбир. – Для чего вам понадобилось идти под землей?

– На мой дом напали, а моего отца убили, – не дрогнув, ответила Иварис. – Человек, ответственный за его смерть, живет в Бризарионе. Я иду за его головой, но над землей для

меня больше нет дорог.

Прелагатай сразу смягчился в лице.

– Месть дело благородное, – заключил он, а потом перевел подозрительный взгляд на Язара, рассмотрев его только сейчас. – А ты откуда такой?

– Язар не знаком с языком цвергов, – извинилась за него Иварис. – Но у нас общий путь, и я прошу пропустить его вместе со мной.

– Не знает нашего языка, – Латбир удивленно почесал лысую голову. – А должен знать! Клянусь Арахад, да ведь у него глаза пепельного цверга!

Пепельные цверги являлись самими жестокими представителями своей расы. Будучи низкорослыми и слабыми, они не брезговали никакой пищей для выживания, питаясь и падалью, и телами собственных братьев. Среди пепельных цвергов часто рождались маги.

Когда Иварис перевела его слова, Язар подумал, что лучше бы его отец оказался обыкновенным человеческим пьяницей.

Глава девятая. Бронзовый город

Вход в Гортунгаш запечатывали огромные ансуровые ворота в локоть толщиной. Этот иссиня-черный металл с оранжевыми прожилками является прочнейшим материалом в Яраиле, а работать с ним умеют только цверги. Ворота соединяли две подземные скалы и полностью перекрывали проход в город, делая его непреступным даже для самых могущественных подземных тварей. Замком им служил большой темный рубин. Магия, заключенная в нем, намертво соединяла створки между собой, и одновременно камень служил наблюдательным шаром. Он был связан с четырьмя меньшими шарами. Один хранился у короля, остальные три у дозорных в разных частях города. Шары показывали прибывших в Гортунгаш и даже позволяли с ними говорить.

Латбир выступил вперед и низко поклонился рубину.

– Ваше Величество, – заговорил он. – Мы встретили чужеземцев. Они просят пропустить их к северной дороге в Бризарион. Женщина утверждает, что приходится дочерью Старому каштану.

Прошло какое-то время, прежде чем из камня донесся повелительный низкий голос.

– Пусть подойдет ближе.

Иварис подошла вплотную к воротам и заглянула вглубь камня.

– Пропустите и приведите их ко мне, – распорядился Гортунин.

Рубин загорелся ярким алым светом. Три группы дозорных получили приказ, и когда все наблюдательные ключи-камни были повернуты, створки поползли в стороны. С грохотом врата медленно скрылись в недрах скал, открыв взору путешественников величие Драконьего котлована.

Котлован был столь огромен, что со своего места, находясь на широком уступе позади врат, путники не могли увидеть ни его стен, ни дна, ни потолка. Повсюду темноту прорезал мягкий свет подземных кристаллов и грибов, но он был слишком слаб, чтобы объять эти чертоги. Неудивительно, что котлован облюбовали первые пещерные драконы. Они поселились здесь с поры, когда их родители канафьяра вернулись поверженные в собственный мир. А затем с юга сюда пришли первые бронзовые цверги. Заручившись поддержкой ванапаганов, они изгнали драконов и захватили котлован. В благодарность цверги научили ванапаганов кузнечному ремеслу, а великаны помогли им возвести Рудый град, нынешний Гортунгаш.

Ванапаганы и сейчас обитали в Драконьем котловане, но дозорные провели гостей мимо их поселения. Лишь вдалеке Язар успел рассмотреть массивные каменные, но ладно сложенные мрачные дома.

Они спустились по вырубленным в отлогом склоне низеньким гранитным ступеням и только через две версты до-

стигли дна. Далеко впереди в самом центре Драконьего котлована горело лавовое озеро Атнамор, на его берегу и разместился Гортунгаш.

На десятки верст раскинулись его предместья, они топорщились в человеческий рост грибами и высились стенами темных камней. На стенах сидели неподвижными горгульями и медленно точили их пестрые кристалловики. Слабый свет сильгисовиков обрисовывал контуры прихтов – бледных червей подземелий и пищу цвергов на каждый день, а также хуртов – огненных в две пяди мокриц. Этих существ кормили красным ушуром и держали в загонах, не позволяя приближаться к грибам. А под шляпками деревянного гриба счастливый цверг порою находил вкуснейшего грибного слизня крогхта. Содержание этого нежнейшего существа было делом кропотливым. Привередливый крогхт выбирал только сочные молодые деревянные грибы, поверх которых росли крогъярхи, но недостаточно близко, чтобы высушить деревянный гриб, и недостаточно далеко, чтобы крогхт замерз и погиб. Потому крогхты разводились только волшебниками в королевской грибнице. Ценились они и лекарями, ибо крогхт мог впитать в себя даже самый сильный яд. Прельщенные их вкусом, цверги нередко воровали грибных слизней. Удачной вылазке радовалось все семейство, если же вора ловили, то лишали головы без суда.

Иные цверги держали в хозяйстве каменных жуков, гигантских жуков-олений и жуков-носорогов. Но настоящим

кормильцем цвергов считался офунгал, или глубинная тля. Это крупное медлительное насекомое давало сладкое питательное молоко, которым кормили и семью цвергов, и любимцев детей – саламандр и рубиновых жаб.

Грибничеством и слизневодством занимались почти все цверги, они копошились внутри собственных стен и никогда не покидали своих городов. Иные, однако, домашнему хозяйству предпочитали охоту. Мясо трунгала и ушурканфа подавалось самому королю, охотники получали из его рук щедрые награды, но обыватели их считали надменными хвастунами и нередко отрекались от них как от родни.

Семьи цвергов были обширными. Все они друг другу приходились сестрами и братьями, а потому родство для них, кроме самого близкого, ничего не значило. Пакостить родителям и обворовывать своих детей цвергам запрещалось совестью. Но уже в убийстве двоюродного брата не было ничего преступного, если этот брат оказывался твоим обидчиком или должником. Цверги никогда и ничего не прощали, обида же их переходила к детям с молоком.

Они жили в огромных сталагмитах, а когда места в доме растущей семье не хватало, с удовольствием его перестраивали. Цверги любили творить, и строительство было одним из главных выражений этой любви. В этом ремесле они использовали не только камень, но все, что удавалось им разыскать. Дверями и навесами часто служили жучиные панцири, гигантские кости шли опорами и перекрытиями. Цверги за-

жигали глаза подземных тварей магией и подвешивали фонарями, украшали дома ожерельями из нанизанных на жилы огромных зубов и когтей. Они выдували из сильгиса животные фигурки и ставили их под шляпки гигантских грибов в садах. Они возводили статуи из камней и металлов, расширяли и наряжали в одежды из шелка сукновалов. Они мостили дворы разноцветными камнями. Но больше всего они любили сооружать стены. Каждый цверг считал своим долгом укрепить кладку и увеличить высоту стены своих предков. Прежде низенькие заборы спустя тысячелетия со своего основания сейчас походили на стены неприступных замков. За ними цверги прятали от соседей секреты и внутри одного замкнутого мира возводили второй. Но самый ценный третий мир, находился в их домах. Здесь жили их семьи и хранились ценности, которые прижимистые цверги держали в огромных сундуках. Помимо высоких стен их оберегали защитные чары и верные приживалы-сторожа.

Однако нередко цверги жили анахоретами, столь велика была в них любовь к одиночеству. В их крошечных домах хватало место только для сна, а свои пустые жилища они никогда не расширяли и не обустроивали. Питались они подножным кормом, а разговаривали только с духами. Отшельники выражали свою волю через пращуров.

Пращурами становились самые старые цверги, которые доживали до четырехсот лет. Считалось, что срок выше этого даруется духами неслучайно и таким цвергам есть чему

поучить других. Пращуры являлись советниками короля и носителями воли народа. Они подчинялись королю, но общим согласием могли его сменять.

Отдельным чином стояли кузнецы цвергов. Они не участвовали в политике, но являлись военной вершиной города, и в их руках была сосредоточена вся истинная народная власть. Они стояли выше военачальников, ибо решали, чем оснащать армию. Кузнец мог отказать в просьбе и простому обывателю и королю, и даже решение пращуров не могло на него повлиять. Жили кузнецы в сталагмитах, выступающих из кипящего озера и называемых клыками Атнамора.

Латбир вел гостей лабиринтами Гортунгаша. Теперь уже высокие стены полностью скрывали признаки его обитаемости, и Язару представлялось, что хотя он и спускался в город, но оказался на дне ущелья или глубокого рва. Порою на улицах все же мелькали вывески, указывающие на занятия их жильцов, – здесь жил зелейник, там гончар, здесь портной, там стряпчий. Но обыкновенно цверги столь старательно хранили свои секреты, что часто с улиц невозможно было понять, как попасть к ним во двор, и живет ли вообще кто-то за высокими стенами. Цверги редко покидали дома, а разговаривали мало и негромко, так что по многу дней кряду в Гортунгаше стояла кладбищенская тишина.

Пустынными закоулками они вышли к озеру. Здесь уже было гораздо светлей. Лава Атнамора бурлила и шумно перекачивалась, словно в огне обитал невиданный исполинский

зверь. Сталагмиты кузнецов цеплялись за берег каменными узенькими мостками, а в центре озера лежал островок Короля, полностью занимаемый дворцом Орховуром.

Это была огромная базальтовая глыба, поднятая из недр Атнамора. Над ней звенели кирки цвергов, ее обтачивали молоты ванапаганов. И как всякий горожанин Гортунгаша король перестраивал и облагораживал свой дворец. Орховур сиял большими сильгисовыми глазами-окнами и подобно ежу щерился множеством зубчатых шпилей. Они венчались золотыми коронами, и от каждого шпиля к озеру тянулась ансуровая цепь. Самый крупный из них был колокольней, огромный бронзовый колокол которой виднелся даже с берега. Он назывался Горевестником, ибо созывал цвергов лишь в тревожный час.

– Для чего эти цепи? – спросил Язар, а Иварис перевела Латбиру его вопрос. Их назначение для гостей было непонятным, ибо едва ли король в своих капризах столь расточительно использовал этот ценнейший металл.

– Они защищают город с севера, – недовольно буркнул тот и ничего не пояснил.

Берег топорщился маленькими иглами-сталагмитами. Язару и в обуви было неприятно по ним ступать, ходьба по горячим иглам отдавалась и на лице Иварис. Но босоногие цверги не укорачивали шага и даже не смотрели под ноги.

У черной круглой лодки их дожидался ванапаган. Ростом он был трех сажень, лицом человек, а сложением цверг.

Его смуглая кожа была темнее кожи бронзовых цвергов, глаза же, напротив, горели желтым огнем. Его густые курчавые рыжие волосы переходили во всклокоченную бороду и висели пышной гривой на спине. Одеждой ванапаган носил шкуры трунгалов, из них же были его длинные перчатки и высокие с отворотами сапоги. Хотя собственная кожа великана была крепче шкуры этого зверя, она оставалась беззащитной перед жаром огня. В руке ванапаган держал большое соразмерное ему костяное весло, на которое опирался как на посох.

При ближайшем рассмотрении лодка оказалась карапаксом, или верхней частью панциря угольной черепахи. Это еще одно удивительное подземное создание обитало в огненных водах. Оно росло с каждым годом, а доживало до тысячи лет, так что к старости достигало размеров слона.

Гостей усадили в панцирь. Оказавшись внутри, они могли дотянуться до его краев лишь вытянутыми руками, и для них стало очевидно, почему лодкой правит именно великан. Здесь хватало места для всех цвергов, но как только дозорные начали забираться, ванапаган несогласно покачал головой.

– Атнамор сегодня неспокоен. Я повезу только людей.

Цверги мгновенно пришли в негодование, они стали шуметь, ворчать, потрясать кулаками и недовольно переглядываться.

– Вези всех, – распорядился Латбир.

– Всех не повезу, – упрямо повторил ванапаган.

Прелагатай сдвинул брови, великан оставался спокоен.

– Я должен доставить их в Орховур по приказу короля, – напомнил цверг. – Тхунган, ты чего, приказа не слышал?

– Мне приказано переправить наземных гостей, а не цвергов, – возразил ванапаган.

– Ладно! – сдался Латбир. – Переправь только меня. Плы-
вим!

Он прыгнул в лодку, но великан даже не повернулся.

– Я повезу только наземных гостей.

– Чтоб ты в Абакаду утонул, упрямец! – выругался цверг. Ему ничего не оставалось, как уступить.

Тхунган оттолкнул лодку веслом, она покачнулась и медленно поплыла. Цверги стояли на берегу и с недовольством следили за удалением лодки из-под густых надвинутых бровей.

Озеро и, правда, волновалось. Оно раскачивало лодку и разбрасывалось огненными брызгами, некоторые из них перепрыгивали высокие борта и забирались внутрь. Одни, быстро остывая, обращались черной магмой, но другие вдруг оказывались рубиновыми жабами. Половину пути Тхунган безучастно молчал, но когда нашествие жаб усилилось, он сокрушенно покачал головой и произнес на общесемардском:

– Атнамор хочет говорить с вами. Если он обратится к вам за помощью, – не отказывайте.

– Что мы можем сделать для озера? – спросил Язар, счастливый уже и тому, что родной ему язык здесь кому-то знаком.

– Цверги удерживают его цепями. Ни одно существо не заслуживает того, чтобы находиться на привязи.

– Зачем им это?

– Атнамор стережет вход в котлован на севере. Если его отпустить, наги вторгнутся в Гортунгаш.

– Но тогда положение безвыходное, – разочарованно заключил Язар.

– Так было не всегда, – вспомнила Иварис. – Прежде цверги обходились собственными силами.

– Так было еще в юности моего деда, – согласился Тхунган. – А затем наги заключили союз с могущественным пещерным драконом Бечетабисом, пообещав ему половину сокровищ цвергов. Лишь совместными усилиями моему народу и цвергам удалось прогнать дракона. Разрушения были ужасными, половина Гортунгаша ушла на дно озера. Цверги бросались в лаву вслед за своими сундуками. Никто не выплыл. Они просили защиты Атнамора. Дух ответил, что не делает различий между подземными жителями, Бечетабис ему не враг, и наги ему не враги. Тогда Гортуин приказал собрать весь ансур в Драконьем котловане, сложить ансуровое оружие, доспехи и кубки, и выковать цепи, какие удержат непокорного духа. С тех пор наги не осмеливаются появляться в котловане, а беззаботная жизнь цвергов обходит-

ся страданием всего лишь одного духа. Я много размышлял об этом, – вздохнул ванапаган. – Что стоит бессмертному духу пробыть и десять тысяч лет на цепи? Он был в котловане прежде, чем здесь завелись драконы. Он переживет цвергов и будет здесь при других королях. А все-таки держать его на привязи бесчестно.

– Я поговорю с духом, – пообещала Иварис.

– Но что случится, если освободить Атнамора? – спросил Язар.

– Не знаю, – великан покачал головой. – Он недоволен. Цверги боятся, он разрушит город, если вернет свободу. В нем клокочет злоба, и даже духовидцы теперь не слышат его слов. Если ты, Иварис, действительно дочь Каштура, может быть, тебе удастся поговорить с ним. Цвергов и Атнамора необходимо примерить. Полагаю, и король попросит тебя о том же.

Они причалили. Тхунган помог гостям вылезти и проводил к большим бронзовым воротам Орховура.

Перед ними стояли навтыжку, положив костяные копыя на плечи два цверга-стражника. Глаза их были закрыты, так что они, очевидно, спали прямо на службе.

Пробудившись на шум, стражники оттянули тяжелый молот-било. Грохот, словно раскат гонга, разнесся по замку. Врата медленно, как челюсть сонного зверя, опускались на цепях.

Высота свода позволяла пройти во дворец даже суще-

ству крупнее ванапагана и заставляла задуматься, привечали ли Орховур столь высокорослых гостей. Тхунган не вошел внутрь, но вернулся на берег. Там он сел на острые сталагмиты, вытянул ноги, едва не касаясь лавы, и уронил в глубину озера задумчивый взгляд.

По другую сторону врат гостей встретил иссушенный годами старец. Был он осанист, как тростник, с глазами яркими, как рубины, в доспехах из черной чешуи подземных нагов. Кожа цверга туго обтягивала череп, словно он много лет ничего не ел. Так оно, вероятно, и было. С годами цверги, как и ненавистные им альвы, отказывались от пищи и даже от воды, и точно также к старости становились сильнее. Но если старшие альвы оставались воздушными и наполнились жизнью, то цверги-пращуры постепенно мумифицировались, застывали камнями и рассыпались в пыль. Только тогда от них оставались глаза – драгоценные камни. Глаза цверга позволяли видеть в темноте и даровали устойчивость к огню, за ними также охотились алчные маги, создавая из них могущественные камни слов.

В руках старец держал глефу выше него самого из необычного темного серебра. Ее рукоять извивалась длинным змеем, из пасти которого торчал лезвием клык. Прежде он принадлежал вуивру, за царский облик называемому королем змеев. Вуивры умели дышать пламенем и даже после смерти хранили в себе силу огня. За пояс цверга был заправлен церемониальный бронзовый крис с инкрустированной руби-

нами костяной гардой.

– Я пращур Войхарен, – представился цверг на хорошем общесемардском. Голос его звенел металлом, и мощи в нем звучало даже больше, чем в голосе самого короля. – Идите за мной.

Все цверги склонны к накопительству. Молодые и бедные обходились шкатулками, зажиточные набивали ценностями сундуки. А те, кому богатства доставались по наследству, и кто умело его преумножали, рыли погреба, размеры которых часто превосходили сами жилища. С возможностями короля эта любовь к богатствам достигла апогея. Орховур являл собой огромную сокровищницу, сравниться с которой не могла казна ни одного наземного владыки. В золотых шкафах и на платиновых столах громоздились пирамиды драгоценной посуды. На стенах висели инкрустированные самоцветами церемониальные доспехи, оружие и щиты. Вдоль стен, развернув пасти, тянулись огромные сундуки, их чрева были переполнены, и драгоценности извергались на вымощенный драгоценными камнями пол.

Минуя залы сокровищ, Язар подумал, что Гортуину ничего не стоит перекупить этезианских солдат и отобрать у Вулкарда Бризар. И тогда же он со страхом понял, что поступить так цвергам не позволяет только призор Эсмаида. Если однажды солнечный бог умрет, если его повергнут или пленят, полчища ненасытных цвергов пойдут на людей войной. Людей в Яраиле гораздо больше, но перед лицом общего на-

земного врага цверги объединятся и забудут о своих мелких раздорах с нагами.

Орховур стерегла гранитная сотня – несокрушимая личная гвардия короля. Сейчас воины дремали, расставленные в залах по шести углам. Внешностью они напоминали цвергов, но были гораздо крупней, а четыре рубиновых глаза наделяли големов полным обзором и видением в темноте. Другие скульптуры были выполнены из золота, кости, бронзы или серебра, некоторые даже выплавляли из сильгиса. Но все они служили только куклами для показа нарядов и украшений дворца. Многие куклы имели внешность женщин-цвергов, столь же хмурых, но менее высушенных и угловатых. Кроме того, в отличие от мужчин у них росли волосы на голове. Женщины этого народа никогда не стриглись, но заплетали волосы, а когда они опускались до пят, оборачивали их вокруг талий. Длина волос указывала на возраст женщины, а значит, придавала веса ее словам. Неудивительно, что женщины-цверги шли на всевозможные хитрости, чтобы выдать себя старше своих лет.

– У короля есть жена и дети? – с очевидным вопросом обратился к провожатому Язар.

– Жены Гортуина Деревянного, дети и другие потомки занимают верхние этажи дворца, – отозвался Войхарен.

Они подошли в большой парадной лестнице. Ее высокие ступени были выколоты из красных камней. Восходящие ступени постепенно желтели, нисходящие темнели, ста-

новьясь почти черными. К удивлению гостей, Войхарен повел их вниз.

Весь подземный этаж занимал трофейный зал. Здесь зашитые и засмоленные собрались представители едва ли не всех подземных обитателей. Некоторые, вполне безобидные, такие как прихты и рубиновые жабы, находились в трофейной исключительно для композиции. Другие же своими размерами и обликами вызывали неподдельный страх. Был здесь огромный вдвое больше виденного гостями трунгал, и редкий вид угольной сколопендры с белой чешуей. Эта жуткая тварь приводила в ужас даже после смерти: ее огромное туловище, извиваясь, тянулось на восемь саженей, а в локоть длиной зубчатые ногочелюсти могли откусить человеку конечность. Но страшнее всего для жертвы был яд угольной сколопендры. Попадая в кровь, он испарял ее, сжигая добычу изнутри. Он прожигал и камень, и металл и был смертоносным даже для стойких цвергов. Сколопендра извивалась, словно река, между обомшелыми валунами, пронзив острыми ногами крупного прихта.

Против сколопендры в окружении меньших братьев стоял драконий паук – одно из немногих существ, способных дать этой твари отпор. Самый крупный из представителей своего вида, распрямившись, он возвышался над землей на три сажени. Он имел массивное сложение, длинное как меч жало и острейшие жвала-серпы. Драконий паук не плел паутины и не обладал сильным ядом, охотясь, он нависал над жерт-

вой, и та обычно даже не успевала увидеть паука на вершине его длинных лап. Не опасался он сражений и с другими принцами подземелий, ибо его надежно укрывали прочный панцирь и густая ядовитая шерсть.

Среди прочих редких существ был здесь и разумный паук кумо. Он умел оборачиваться людьми и цвергами, а сейчас застыл в моменте превращения. Его голова и торс еще оставались человеческими, а ноги уже обратились паучьими лапками.

Путники обнаружили и застывшего камнем пещерного тролля, хотя поначалу и спутали его с обыкновенным валуном. Однако и тролль оказался не самым большим созданием этого спящего мира.

Из всех ядъяра самый огромный это великан Бремирул. Он столь силен, что не может поднять своей силы, в нем все бремя Ядгеоса, потому он не может встать. Но и упрямство его безгранично, потому Бремирул не прекращает попыток подняться. Падая, он порождает землетрясения и заставляет океаны выходить из берегов. Коротая время, он бросает огромные глыбы в небо; они проносятся кометами или падают метеоритами в других мирах. Желая принять участие в битве за обладание новым созревшим миром, Яраилом, он попросил ядъяра-кузнеца Буагорна вооружить и его. Буагорн выковал для него менкв – остроголовых железных великанов, которых Бремирул подобно копьям бросал в Яраил. Менквы глупы, не понимают речи и не живут общинами.

Но победить их очень сложно, ибо даже теперь, когда они выродились и измельчали, высотой они втрое превосходят ванапаганов.

Войхарен не торопил гостей, позволяя им рассмотреть экспонаты. Ему был приятен восторг Язара, однако мышления Иварис он не сумел понять.

– Зачем королю держать кладбище прямо во дворце? – искренне недоумевала она. – Почему бы не закопать все эти трупы?

– Закопать?! – ошеломленно переспросил Войхарен, затем презрительно хмыкнул. – Многое ты понимаешь в красоте! Перед тобой зал Доблести! Это творение лучших чучельников Гортунгаша и самое полное в Яраиле собрание подземных существ! Это не какой-то иллюстрированный изборник, это застывшая во времени природа в ее подлинном виде! Зал Доблести, это гордость любого короля цверга, ведь все его трофеи добыты собственноручно им самим!

– А что происходит с этим залом, когда приходит новый король? – спросил Язар.

– Старые чучела бросают в озеро, и все начинается сызнова, с первого прихта, крогхта и кристалловика. Следить за наполнением зала Доблести одно удовольствие. С годами король становится сильнее и повергает все более опасных существ.

– Здесь не только обитатели подземного мира, – возразил Язар, заметив чучело обыкновенного некрупного каба-

на, скорее даже подсвинка.

– Собрание Гортуина Деревянного почти полное. Ему осталось добыть пещерного дракона и царя нагов. Потому король уже обращает взор на наземный мир.

– Разнообразие наземных существ слишком велико, чтобы поместиться в трофейном склепе вашего короля, – выпалила Иварис, оскорбленная последней фразой пращура.

– Тогда он выберет самых грозных, – спокойно ответил Войхарен.

– Значит, другие представители нагов уже пойманы королем? – спросил Язар.

Цверг подвел их к композиции из четырех золотых постаментов. Первый занимал младший наг с человеческой головой и змеиным телом. Следующий за ним взрослый наг имел уже человеческие руки и торс. На голове старшего нага застыли извивающиеся змеи, а четвертый постамент пустовал.

– Король превращает в чучела и разумных существ, – ужаснулась Иварис. – Где же предел его жестокости?

– А в чем здесь жестокость? – в очередной раз не сумел ее понять Войхарен. – Они все равно мертвы. Так почему они должны служить кормом гробовщикам, когда могут украшать имя короля?

Рядом с нагами Язар увидел еще одно необычное существо. Оно походило на человека, стройного, даже иссушенного, длинноволосого и с кожей белой, как мел. На нем были одежды из шелка сукновалов, в руках сильгисовые клинки.

Присмотревшись, Язар пришел к выводу, что это женщина. Белые лишённые зрачков глаза указывали на то, что женщина и при жизни была слепа.

– Это тальинд, точнее, тальинда, – объяснил цверг. – Представительница малоизученного дикого народа. Они появились совсем недавно, вероятно, произошли от людей, которые оценили красоту подземного мира и отрешились от неба.

– А это, – выдохнула Иварис и замолчала, не веря своим глазам.

Перед ней, опираясь сухими руками о костяной посох стоял маленький человечек. Ростом он был на пядь ниже Войхарена, а сложение имел еще более хрупкое. Кожа его была пепельного цвета, глаза серые, как у Язара, уши звериные, как у нее самой.

– Пепельный цверг, – спокойно закончил за нее пращур.

– Что? – переспросила она в недоумении.

– Я говорю, это пепельный цверг, – все также бесстрастно повторил Войхарен. – Самый низкорослый представитель нашего вида и самый злобный. Хотя с последним утверждением не все согласятся. Некоторые наши умы ставят безумие угольного цверга выше злонамеренности пепельного, но, на мой взгляд, это неуместное противопоставление.

– А другие цверги: медные, оловянные, – отстраненно бормотала Иварис. – Они тоже здесь? – в этом могильнике она уже готова была увидеть кого угодно.

– Кто мы, по-твоему, животные? – оскорбился Войхарен.

– Нет, – возразила она. – Животные убивают, чтобы есть.

Остаток пути прошел в гнетущем молчании, Язар почти ощущал на себе плети ненависти, которыми перебрасывались глаза его спутников.

Они спустились на второй подземный этаж. Здесь вдоль парадной лестницы уже стояли живые солдаты. Все они походили друг на друга, так что легко можно было заподозрить их в близком родстве. Все они были детьми, внуками и правнуками короля.

Деревянный цверг восседал на бронзовом троне, на голове его была Гранитная корона, в руках молот судеб, молот-скипетр Гуртангар. Этот молот был ремесленным орудием верховного кузнеца и основателя Рудого града Гуртаниша Первого Мудрого. А уже его приемники перековали молот, превратив не только в произведение искусства, но и в могущественный боевой артефакт. Вторая регалия власти не принадлежала народу бронзовых цвергов. Пять разнометаллических зубцов Гранитной короны символизировали пять основных народов цвергов: медных, бронзовых, оловянных, серебряных и золотых. Ее создатель, цверг смешанных кровей Кхангурд, желал объединить разобщенные народы. Но ни один король не уступил другому трона, Гранитная корона породила новые войны и стала символом превосходством одного народа над остальными. Она не принадлежала по праву ни одну из них и, невзирая на все ухищрения владельцев,

часто меняла дома.

Король Гортуин Деревянный сидел, непринужденно развалившись на бронзовом троне и подперев большую голову рукой. Крепостью тела он превосходил любого из своих подданных, ростом не уступал человеку. В нем жилистость цвергов соседствовала с мышечной силой, а мощную грудь не скрывал даже бронзовый доспех. Пурпурная порфира накрывала его плечи и опускалась до пят. Грубая рельефная кожа-кора древесного цвета подтверждала легенду его младенчества. Гортуин полнился жизнью и мало походил на сухих цвергов, но его глаза уже загорались алым, и возрастом он приближался к пращурам.

Войхарен встал по правую руку от короля, гости остановились перед ним в сажени. Гортуин изучал Иварис недоверчивым взглядом, не достаивая ее спутника и мимолетным вниманием. Затем он распрямился, оторвав голову от ладони, и сказал на понятном для всех присутствующих языке:

– Если ты дочь Старого каштана, как утверждаешь, я позволю вам находиться в моем городе. Если ты солгала, то не выберешься отсюда живой.

Он дал знак Войхарену. Пращур вытащил из-за пояса бронзовый крис и подошел к Иварис. Девушка подала ему раскрытую ладонь. Цверг сделал быстрый укол, поднял кинжал вертикально, чтобы кровь не стекала на пол, и опустил на колено перед королем. Гортуин принял кинжал и облизнул лезвие. Смакуя кровь, он закрыл глаза и погрузился

в воспоминания.

– Тот самый вкус, – заключил он, открывая глаза. – Я никогда его не забуду. Ты сказала мне правду, Иварис, сок, что выкормил меня, течет и в твоих жилах. Ты и твой друг можете остаться в Гортунгаше столько, сколько сочтете нужным.

Гости коротко поклонились.

– Развей мои тревоги, приемная сестра, – снова заговорил король. – Мне сообщили, что наш отец убит.

– Он умирал на моих глазах, – она моргнула.

– Мне тяжело это принять, – признался Гортуин. – Каштур казался для меня незыблемым и вечным: как небо для птиц, как земля для цвергов. Твоя благородная месть мне близка и понятна. Я убил бы Вулкарда и сам, если бы мог подняться на землю. Я распорядюсь пропустить вас северной дорогой в Бризарион, – он сделал паузу и многозначительно добавил: – как только вы того пожелаете. Но пока вы здесь, я, самый могущественный среди королей цвергов, вынужден просить вас о помощи. Мы воюем с нагами Ашманашиама тысячи лет. С ними воевали мои предшественники и первые короли Гортунгаша. Каждый год в столкновениях с нагами гибнут сотни цвергов. Я хочу положить конец этой войне. Я хочу принести мир нашему народу. Но для этого мне нужна твоя помощь, Иварис, и твоя помощь, Язар, – он впервые посмотрел на юношу. – А когда война будет окончена, я дам вам оружие, чтобы победить Вулкарда, и деньги, чтобы купить его солдат. А кроме того, я дам вам Войхарена, – он

указал на прашура, тот вежливо поклонился.

– Мне уже поздно бояться солнечного света, – заговорил тот. – Я приведу с собой подземных тварей и сам склоню голову, если придется.

– Но какой прок вашей армии от двух наземных странников? – спросил Язар. Его прельщали обещания Гортуина, и он ему доверял.

– Я не прошу вас быть моими солдатами, в том мало смысла, – согласился король. – Прошу лишь одного, – поочередно он посмотрел в глаза собеседников. – Убейте Сайшиама.

Иварис молчала, предложение Гортуина не пришлось ей по душе.

– Мы не сумеем, – убежденно ответил Язар. – Нас даже не пропустят в Ашманашиама.

– Пропустят, – возразила ему Иварис, но голос ее был почему-то грустным. Язар удивленно повернулся к ней. – Если я назову имя своего отца. Он вырвал Орбшиама из корней чудовищного ашториля, и с тех пор царь нагов перед ним в долгу.

– Того нага, которого мы встретили призраком? – изумился Язар.

– Так вы прошли поляной Призраков? – вмешался Гортуин. – Вы видели моего сына Кхангурда? – гости кивнули. – Несчастный, – пробормотал король. Затем добавил громче: – Призраки не могут обрести покоя, покуда не умрет один из нас: я или Сайшиам.

– Я хочу поговорить об Атнаморе, – пользуясь моментом, переменяла тему Иварис. – Что будет с ним, когда умрет Сайшиам?

– Поверь мне, дочь Каштура, мне самому мучительно держать великий дух в цепях. Он вернет свободу, как только падет Сайшиам.

– Я думала, угроза исходит от дракона.

– Бечетабис служит не нагам, но только их царю. Так вы поможете мне и всему народу цвергов? – выждав паузу, вновь спросил король.

– В этих стенах мы узнали многое. Я прошу время все обдумать и возможность увидеть Атнамора.

– Войхарен проводит вас, – согласился Гортуин. Его голос не выражал недовольства, но что-то в лице короля вызвало у Язара смутную тревогу.

Они опускались на последний этаж. С каждой ступенькой жар усиливался, воздух обжигал и песком ложился в груди. Он душил Иварис и пробирался в глаза. Она призвала колдовской дар, но он не откликнулся. Впервые она оказалась бессильна. Другая, гораздо более могущественная сила подавляла ее способности. Вытирая испарину, девушка с удивлением заметила, что Язар совершенно не выказывает изнурения.

– Разве ты не чувствуешь жара? – спросила она.

– Здесь гораздо теплее, – согласился он. – Но я всегда любил тепло. Огонь напоминает мне о доме.

Они сошли в большой пустынный зал. В воздухе стояла дымовая пелена. Атнамор неотвратимо утаскивал дворец на дно, тот предсмертно вздрагивал и медленно утопал. По высоким базальтовым стенам сочилась лава, из расщелин в полу вырывался огонь. В отдалении раздавался низкий гул. Войхарен указал рукой.

– Ступайте прямо, здесь одна дорога. Вы не пройдете мимо Атнамора. Но будьте бдительны, не подходите к нему близко.

Пол уводил вниз, и чем дальше, тем сильнее расплзался крошечными островками. Путешественники перемещались длинными шагами, осторожно переступая лавовые ручейки. Грохот нарастал и приближался, теперь в нем отчетливо угадывалась неуклюжая поступь исполинского существа. Устрашающе звенели тяжелые цепи, и низко звучал утробный рев.

– Я чувствую себя уязвимой, – призналась Иварис, когда Войхарен уже не мог их услышать. – Атнамор рассержен, в нем клокочет безумная ярость. Я уже не уверена, что сумею его примерить.

Язар зажег Поборник Света, ему хотелось убедиться, что они движутся в верном направлении. Жезл слабо замерцал и погас.

– Он больше не видит нас, – понял Язар.

Помещение содрогнулось с новой силой, с потолка посыпалась базальтовая крошка. Язар покачнулся и едва не на-

ступил в лаву. Однако и тогда им не завладело беспокойство. В его памяти всплывали смутные образы другой раскаленной пещеры. Он снова находился в ней. В воздухе стоял густой чад, а издали доносился звон цепей. Его звал низкий нечеловеческий, исполненный силы голос.

– Язар... отбрось чужое имя, отбрось чужую плоть! Разбей часы...

Он увидел длинный гранитный стол, заставленный медной посудой. На нем расположились различные, но приготовленные без изысков и по-домашнему простые блюда: запеченное мясо и рыба, толченый картофель и салаты. Среди прочих кушаний выделялось большое количество выпечки. Стопкой возвышались блины из ржаной муки, в трех местах покоились фруктовые пироги, да большой поднос занимали булочки со сладкой начинкой. В центре стоял пузатый медный кувшин, а у каждой тарелки горела красная свеча. Приставленные к столу низенькие медные стулья могли уместить на себе разве детей.

– Дети! – громко позвал тот же низкий голос. – Мать накрыла на стол!

Раздался звонкий смех, и застучали быстрые торопливые ноги.

– Язар?

Иварис держала его за плечи, с тревогой заглядывая ему в глаза. Он моргнул, крепко зажмурившись.

– Мне что-то привиделось. Кажется, со мной говорил Ат-

намор. Как будто он меня знает: истинного меня.

Они продолжали идти. Землетрясение прекратилось, и цепи перестали звенеть. Но теперь в возникшей тишине кузнечными мехами звучало тяжелое дыхание огненного духа. Горячие порывы ветра то подтягивали путников вперед, то удерживали, не позволяя приблизиться. Когда дыхание стихло, расступился дым, и они увидели Атнамора.

Он не походил ни на одно животное, но одновременно совмещал в себе черты множества существ. Его огромная бегемотоподобная морда щетинилась ониксовыми бивнями, длины которых хватало, чтобы нанизать как на вертел слона. Бронзовый рельефный панцирь, на котором мог уместиться небольшой дом, закрывал ему спину, а из головы вырастали загнутые ониксовые рога. Атнамор стоял на четырех ногах-колоннах и размахивал длинным, разделяющимся тремя гигантскими питонами хвостом. Его громоздкие платиновые клешни оставляли глубокие борозды в полу. Но даже их силы не хватало, чтобы перекусить ансуровые цепи, которыми он был скован. Это были те самые цепи, что спускались со шпилей Орховура и утопали в лаве. Здесь они вновь возвращались во дворец и, как невод, удерживали древнего озерного духа.

Атнамор склонил голову, насколько это ему позволяли цепи, и выпустил через ноздри клубы черного чада. Его медные глаза без зрачков обратились к посетителям. Он молчал, и в пустынном зале гулко разносилось его тяжелое размеренное

дыхание.

– Великий Атнамор! – Иварис почтительно поклонилась. – Сын бездонного Абимора и ненасытной Атны. Я пришла с миром! И этот мир я хочу разделить с тобой. Не сердись, но поделись со мной своей болью. Подскажи, как я могу тебе помочь.

– Иварис, дочь Старого каштана, – прогудел озерный дух. – Почти такого же старого, как и я. Земля уже поведала мне о его смерти. И кто сразил могущественного лешего? Ни бог, ни герой, – ничтожный человеческий обман! – Атнамор гневно ударил ногой, выбив из камня брызги лавы.

– Поэтому я здесь, – продолжала Иварис. – Мой отец будет отомщен.

Древний дух рассмеялся, во всяком случае, его жуткий прерывистый рев отдаленно походил на смех.

– Ты говорила о мире, но наполнена гневом! Сжечь старый мир, чтобы взрастить в пепле мир новый! Мне это близко. И твоему другу, я полагаю, тоже, – он посмотрел на Язара.

– О чем ты говоришь, великий дух? – недоуменно спросил тот.

– Ты, Язар, приносишь боль и разрушения. Если ты не убиваешь других, ты убиваешь себя. Но ты восстаешь из пепла. Кто ты? Вот чего я не могу понять. Я не вижу в Атмару ни одного огненного духа, похожего на тебя.

– Но ведь ты меня знаешь. Ты говорил со мной, упоминал часы.

– Я никогда не говорил с тобой прежде.

– Тогда кто это был? – Язар совсем растерялся. – Я вспомнил звон цепей, прежде чем его услышал. Вокруг красный огонь, туман и голос... Это был не ты, – потрясенно понял он. Голос, который он слышал, определенно принадлежал существу подобному человеку, но никак ни зверю.

– У Яргулварда много пленников, – заметил Атнамор. – Но я смогу его найти, когда обрету свободу. Или я могу сокрушить Вулкарда, – он вновь повернулся к Иварис.

– Как нам тебя освободить? – живо заинтересовалась она.

– Приведите ко мне короля Гортуина, и я его утоплю. Скажите, я буду служить добровольно, без заклинаний и цепей, если он сумеет пройти испытание Гуртаниша.

– Он ни за что не согласится, – убежденно заявила Иварис.

– Тогда я утоплю Орховур.

– Думаешь, смерть Вулкарда сделает тебя счастливей? – с большим сомнением спросил Язар, когда они шли обратной дорогой к Войхарену.

– Я желаю его смерти не только для себя, но для всего Бризара, – резко возразила Иварис. – Этезианцы должны вернуться в свое государство, а наше золото, напротив, должно перестать убегать в кошельки этезианских богачей.

– И что будет потом? Кто сядет на трон Бризара?

– Есть достойные люди, – уклончиво ответила она.

– Лишь сильнейший маг может удержать царский трон, – напомнил Язар. – Что помешает очередному тирану сме-

стить твоего достойного человека?

– Ты не прав, Язар. – Иварис остановилась и многоречиво посмотрела ему в глаза. – Вулкард не сильнейший маг Бризара. Ему помогают многочисленные сторонники, такие как Улзум. Только совместными усилиями он удерживает власть.

– Тогда его смерть тем более ничего не изменит! – воскликнул Язар. – Они посадят на трон другого Вулкарда!

– Человек, которого мы приведем к власти, этого не допустит. Он достаточно могущественный, чтобы удержать ее десять, сто или тысячу лет.

– Человек? – недоверчиво переспросил Язар.

– Не совсем, – поправились она. – Я говорю о своем брате, Неберисе. Он входит в окружение Вулкарда, и царь ни в чем его не подозревает.

– Вот как. – Почему-то от последнего заявления Иварис ему сделалось грустно. Он вновь подумал, как много интриг в большом мире, и как этот мир не похож на ту бесхитростную наивную деревню, в которой он рос. – Но Каштур был против этой затеи.

– Он тревожился за нас обоих, как и всякий любящий отец. Я понимаю, – добавила она после паузы. – Атнамор способен раскрыть тайну твоего происхождения. И если хочешь, мы попросим его именно об этом.

– Ты же знаешь, я не могу на это согласиться.

– Знаю. Но я должна была спросить.

Войхарен дожидался их там же, где они расстались, не сдвинувшись ни на шаг. Он бесстрастно сопровождал их к королю, ни о чем не спросив.

Деревянный цверг, выслушав предложение Атнамора, погрузился в мрачное раздумье. Зато пращур воспламенился в негодовании. Обычно спокойный он бурно размахивал руками и кричал.

– Ваше Величество, вам следует отказаться! – повторял он. – Мы найдем другой способ обуздать Атнамора!

Король повернулся и пристально посмотрел пращуру в глаза.

– Ты не веришь в меня, Войхарен?

– Еще ни одному цвергу не удавалось пройти испытания Гуртаниша! Вы знаете это не хуже меня. Откажитесь.

– И что обо мне скажут подданные?! – грозно спросил король. – В нашем роду довольно трусливых королей!

– О вас будут говорить как о разумном правителе, который владеет своими чувствами и не потакает гордыне!

– Ты не веришь в меня, – мрачно повторил Гортуин. – Даже ты, мой самый давний и преданный друг.

– Ваше Величество, – примирительно заговорил пращур. – Сам Гуртаниш не переплыл озера. Не прошел испытания и ваш отец. Я хорошо помню тот день. Вас еще носила мать, когда Пелруин бросился в Атнамор. Он не был королем, но только мечтал им стать. Вам незачем повторять ошибок предков.

– Никто из королей не был выкормлен соком Старого каштана, – упрямылся Гуртуин.

– Каштур дал вам силу, – согласился Войхарен. – Но также уязвимость к пламени. Я не желаю наблюдать за вашей мучительной смертью.

– Во имя своего народа я обязан попытаться.

– Ваша смерть откроет нагам дорогу в Дракониий котлован. Атнамор больше не станет нас защищать.

– Он будет служить нам и впредь, если мы принесем ему достойную жертву. Что может быть достойней жертвы короля? Не возражай мне больше, Войхарен, я принял решение. Объяви о нем жителям Гуртуина.

Пращур безнадежно покачал головой.

– Король – это достояние народа, – холодно отметил он. – А достоянием цвергов распоряжается совет пращуров. Мы заставим вас изменить свое решение.

Сказав так, Войхарен развернулся и, не прощаясь с королем, быстрым шагом покинул тронный зал.

– А что думаете вы? – мрачно обратился Гуртуин к путешественникам.

– Расскажите подробнее про испытание Гуртаниша, – попросил Язар.

– Если цверг сумеет преодолеть вплавь озеро от берега до Орховура, то Атнамор будет служить ему до конца его дней, а весь Гуртунгаш наречет его королем. Я уже три сотни лет король этого города, а древний дух и так у меня на службе.

Так правильно ли я поступаю, делая этот шаг?

– Нельзя сравнить службу раба и верность друга, – заметила Иварис. – Особенно, если этот раб противостоит хозяину, подтачивая ночами господский дом. Может быть, дом переживет своего хозяина, но вы поступаете смело и благородно, не перекладывая ответственности на его будущих жильцов.

– Пращуры попытаются остановить меня, но я не стану дожидаться их решения. Возвращайтесь в город. Ждите меня завтрашним утром на берегу.

Гортуин отослал прочь добросердечных советников, которые все как один отговаривали его от испытания Гуртаниша. Отказывался он и слушать своих жен и детей. Он закрылся в королевских покоях, чтобы попрощаться с народом цвергов. Он сидел за гранитным столом на высоком гранитном кресле и ониксовым стилусом на пергаменте из шкуры трунгала аккуратно выводил слова. Чуть выше его глаз с потолка на лиане свисал красный сильгисовик. Позади потрескивал, пожирая сам себя, красный сильгисовый камин. Гортуин подолгу разглядывал светящийся гриб и лишь на короткое время обращал взгляд письму. Последние слова давались ему неохотно, три сотни лет он правил Гортунгашем, но теперь не знал, что сказать. Рассердившись, он вскочил с места, смял пергамент и швырнул в камин, – он не намерен завтра погибать, а значит, и завещание ему без надобности.

Тхунган вез путешественников обратной дорогой. Теперь озеро было спокойно, казалось, оно замерло в предвкуше-

нии. Выслушав их, ванапаган обреченно покачал головой. Он не сомневался, что станет свидетелем самосожжения короля и только задавался вопросом, кто займет его место.

– Король намерен бросить вызов озеру завтрашним утром, но как нам узнать, что наступил новый день? – спросил провожатого Язар.

– Я покажу вам часы, – пообещал Тхунган.

Он привел их на единственную в городе площадь. Размерами она уступала любому залу Орховура, а все что здесь находилось, это гигантский двухцветный сильгисовик. Под его огромной шляпкой могли уместиться четыре ванапагана. Она была разграничена на равные доли бронзовыми делениями, восемь частей горели синим, и одна часть испускала красный цвет. В каждом сегменте гриба бронзой выложили определенный символ.

– Это и есть знаменитые грибные часы Гортунгаша, – объяснил Тхунган. – Люди разделяют день на двадцать восемь часов, цверги только на девять: час Цверга, Трунгала, Арахад, Угольной сколопендры, Крогъярха, Аланара, Сильгиса, Офунгала, Ансу. Часом Цверга начинается новый день, но час Аланара соответствует полудню над землей. Сейчас, – ванапаган указал на красную часть гриба, – только час Сильгиса.

– В городе есть какая-нибудь таверна или постоянный двор? – спросил Язар.

– Цверги не ищут общения и не привечают гостей, но, по-

лагаю, «Хризолитовая черепаха» вам не откажет.

«Хризолитовой черепахой» называлась корчма, и в самом деле походившая на огромный черепаший панцирь. Она располагалась на окраине города и необычной формой и яркой зеленью разительно выделялась среди однотипных серых сталагмитов Гортунгаша. Она не пряталась за высокими стенами, напротив, показывая, что происходило внутри ее прозрачных зеленых стен. Присмотревшись, еще издали Язар увидел шумное празднество: цверги танцевали, пили, стучали на барабанах и площадках.

– Цверги веселятся, – изумился Язар. – Быть такого не может.

– Изгой, – посочувствовал им Тхунган. – От многих из них уже отказались семьи, а родственники других просто не знают правды, ибо не покидают своих стен.

– Что же плохого в пении и танцах? – изумился Язар.

– Это увлечения альвов и, – великан посмотрел на Иварис, словно извинялся, – фавнов, которых цверги ненавидят. Жизнь под землей должна быть суровой, и нельзя веселиться, когда тебя прокляли и загнали во тьму. Так считают цверги.

– А как считают ванапаганы? – заинтересовалась Иварис.

– Наши предки выступали против богов, но мы давно не держим на них зла. И хотя Эсмаид не запрещает нам ходить под его светом, мы предпочитаем жизнь под землей. Мы любим цвергов и защищаем их, как наших меньших обидчивых

братьев.

Тхунган оставил гостей у корчмы, ибо сам не мог в ней уместиться. Когда путники подошли к низенькой кварцевой двери, из нее вдруг выскочила молодая цверга. Она рыдала навзрыд и закрывала заплаканное лицо руками. Следом за ней выбежал мужчина, он схватил ее за руку и остановил.

– Дорогая, подожди! – взмолился он.

– Что я скажу детям? – выкрикнула женщина, обернувшись. – Что их отец балагур? И откуда в тебе столько бесстыдства, чтобы после всего, что ты здесь делал, смотреть им в глаза? – Она вырвалась из рук мужа и в отчаянии обхватила голову руками. – Горе мне! Какой позор! Что скажут домочадцы, что скажут соседи! – и, заливаясь слезами и продолжая рыдать, она убежала. Мужчина поспешил за ней, его бронзовое лицо было мрачнее подземных скал.

«Хризолитовую черепаху» наполнял теплый свет большой бронзовой люстры. Вдоль низеньких стен овального зала тянулись каменные столы, заставленные выпивкой и блюдами, цверги сидели за ними большими компаниями, и ни один стол не пустовал. Между столами проворно сновали разносчики с каменными кружками, тарелками и блюдами. Они внезапно появлялись и также внезапно исчезали в смежной с большим залом кухне, – каменной пристройки, полной сильгисовых огней. В центре большого зала мужчины и женщины танцевали парами, вращались друг вокруг друга, сходились и расходились, выстраивались двумя це-

пями, перемешивались и менялись партнерами. Быстрый и незамысловатый танец подгоняла задорная музыка: гудели бронзовые барабаны, обтянутые кожей трунгалов, и трещали костяные ложки. Ложкари сидели за столами и для своих нужд использовали случайную посудную утварь, собственные кости или плечи соседей. Нередко после этих нападков соседи и сами вовлекались в игру и начинали стучать посудой по лысым лбам ложкарей, – ложкари только пуще улыбались.

На стенах висели и другие, но менее уважаемые цвергами музыкальные инструменты: костяные мандолины, со струнами из разных металлов, пестрые каменные окарины и свирели. Отдельное внимание привлекала к себе маленькая хризолитовая черепашка с отверстиями для духовой игры. Под черепашкой за большим кварцевым столом покачивался в такт музыке корчмарь, молодой оловянный цверг Хьялар. Представитель самой низкорослой разновидности цвергов он едва достигал плеча невысокой Иварис. Его кожа имела холодный стальной оттенок, а улыбчивые глаза горели темной синевой. Отличался он от бронзовых цвергов и белой бородой, а также округлым лицом и его мягкими чертами. На столе сидели и болтали ногами две девочки-цверги, неотличимые лицами, но кожа одной была бронзовая, и оловянная у другой.

– Пап, я хочу поиграть на черепашке! – попросила девочка с оловянной кожей.

– Поиграй, – разрешил он. – Но старайся попадать в общий мотив.

Девочка распрямилась на столе, потянулась и сняла черепашку. Спрыгнув, она побежала к музыкантам, а сестра поспешила за ней.

– Давай по очереди! – крикнула она вдогонку.

При появлении необычных гостей музыка на мгновение прекратилась. Вдруг оступились танцоры, а зрители с недоверием уставились в свои кружки и стали протирать глаза. Один ложечник затряс головой и дважды стукнул себя ложкой по лбу. Сестры отложили борьбу за черепашку и широко раскрыли рты.

– Приветствую вас в «Хризолитовой черепахе», друзья! – вежливо крикнул Хьялар и обратился музыкантам. – Что же это вы остановились? Никак разучились играть?

Раздались смешки, музыка поспешно возобновилась, цверги снова перемешались и продолжили танцевать.

– Как отрадно мне видеть здесь новые лица! – произнес Хьялар, когда гости подошли к столу. – Чем я могу вам угодить?

– Интересное у вас заведение, – отметил Язар. – Это, правда, панцирь настоящей черепахи?

– Самой настоящей! – загордился корчмарь. – Хризолитовый панцирь был украшением трофейного зала Пелруина, отца нынешнего короля. А когда Пелруин утопился в озере, мой дед прокрался в Орховур, да и вынес панцирь. Не

украл, а сберег, ибо по закону Гортунгаша все добытое прошлым королем скармливают Атнамору. Дед мой был рыбаком, – ремесло это не в большой чести у цвергов, – и собрал в «Черепaxe» общество рыбаков. При моем отце здесь располагался игорный дом. Отец проиграл «Черепaxу» в карты одному альву, но тот пообещал отпустить долг, если мы найдем ему попутчиков в Ашманашиам. Конечно, мы с братьями вознамерились помочь отцу. Были с нами и те, кто сейчас веселы и беззаботно танцуют, – Хьялар обвел взглядом толпу. – А были и те, чья музыка больше не звучит. Отец мой также не вернулся. Он завещал мне не играть в карты и никогда не грустить. Сначала мне было тяжело исполнять его пожелание, но теперь я разучился грустить, и даже когда музыка в «Хризолитовой черепaxe» смолкает, в моей душе она продолжает звучать. – Закончив говорить, Хьялар улыбнулся. Эта была искренняя улыбка, и за ней не пряталась затаенная боль.

– Это точно был альв? – с сомнением переспросила Иварис.

– Его глаза были темнее твоих, а кожа темней, чем у твоего друга, но я убежден в своих словах.

– Зачем он приходил в Гортунгаш и зачем отправился к нагам?

– Он справлялся о каком-то цверге, но никаких объяснений не дал. Из Ашманашиама мы вынесли много золота, но альв взял себе только необычный амулет – маленькую двер-

цу на ансуровой цепочке.

Иварис уже хотела задать новый вопрос, но тут заметила подле себя дочерей Хьялара. Девочки смотрели на нее во все глаза, девочка с бронзовой кожей протягивала ей окари-ну-черепашку.

– Нет, – смутилась фавна. – Едва ли я смогу поддержать господствующий мотив.

– Пожалуйста! Пожалуйста! – заголосили дети.

– Почему нет? – поддержал их Язар. – Мне бы хотелось это услышать.

Иварис села на край стола и приблизила черепашку к губам. Она начала играть медленно и тихо, так что ее нежная мелодия тонула в общем грохоте и была почти неразличима. Но постепенно звуки окарины набирали силу. Как размеренный мягкий голос неизбежно побеждает крики, так мелодия Иварис в общем гаме вышла на передний план. Окарина вела мелодию, а барабаны и ложки подстраивались к ней. Изменились сообразно с ней и танцы, цверги теперь двигались медленно и плавно, словно были не детьми огня и камня, но детьми воздуха и воды.

Окарина выдохнула в последний раз и умолкла. Слушатели вознаградили выступление фавны аплодисментами, хлоп-пали и танцоры, и музыканты. Растравленные игрой Иварис цверги бурно требовали продолжения.

Следующий задорный мотив отправил цвергов в привычный быстрый пляс, и после короткого минорного затишья

музыканты заиграли с новой силой.

Язар робко пристроился на свободном краешке стола. Он не отважился отведать дурманящей настойки крогбаша, раскаленного сока кристалловика и других традиционных цверговских блюд, но согласился на запечённого в ушуре хортвола – черную, покрытую пластинчатой чешуей обитательницу огненных озер. В сыром виде эта рыбешка была жесткой, как дубленая бычья шкура, но ушур смягчал ее, делая хотя бы пригодной в пищу. Однако острота ушура оказалось так велика, что последующие два часа по исчислению цвергов Язар не выпускал из рук кружку с молоком офунгала. Временами к нему подсаживалась Иварис и выпивала такую же кружку. Но толпа упрямо требовала ее назад, так что надолго вырваться у фавны не получалось.

Хьялар и его многочисленная семья – все они прислуживали на кухне – ночевали здесь же, в комнатах под корчмой. Он с радушием предложил ночлег новым друзьям, но до этого дело не дошло. В эту ночь ни на миг не смолкала музыка, и не прекращались танцы в «Хризолитовой черепахе». И ни один посетитель не покинул ее до самого утра.

Но вдруг в безудержную разгульную музыку вмешался посторонний инструмент. Его унылый протяжный звук не вписывался в общую канву, но стремился ее разрушить. Музыка смолкла, цверги прислушались. Хьялар первым определил источник звука:

– Колокол.

Глава десятая. Испытание короля

Низкий похоронный зов Горевестника созывал цвергов к берегу Атнамора. Спящий город в одночасье проснулся, и застучали по брусчаткам узких улиц тысячи торопливых ног. Язар не подозревал, сколь многочисленны семьи цвергов, и как много их скрыто в глубоких подвалах и темных недрах земли. Цверги выстраивались у озера плотными рядами, они продолжали прибывать и прибывать, как несметное полчище муравьев. Женщины шептались и сокрушенно качали головами, мужчины жевали едкий ушур и делали ставки, как далеко проплывет король. Из пустых келеек вальяжно выползали анахореты. Пращуры сердито и неразборчиво что-то бормотали, кузнецы сосредоточенно молчали. Среди общей массы выделялись два десятка ванапаганов. Они держали на плечах детей, те шумно перекрикивались, смеялись и восторженно указывали в центр озера.

Все они только сейчас обнаружили в своем городе чужезстранных. Цверги рассматривали их бесстыдно во все глаза, иные корчили брезгливые гримасы и отворачивались. Многие не стеснялись на грубости:

– Кто вас сюда пустил, наземные отродья? – поинтересовался молодой короткобородый цверг.

Старуха с длинными, опоясанными вокруг талии волосами приблизила к путешественникам свой тонкий нос и, раз-

дувая ноздри, обнюхала их.

– Пахнут мерзостью, – заключила она.

– Кто они такие?

– Они могут быть нагами!

– Верно! Я чувствую в них сильную магию!

Галдеж цвергов усиливался, брезгливость сменилась недовольством, толпа окружала чужаков.

– Хватайте их!

– Доставим нагов королю!

– Бросим их в озеро!

– Назад! – выкрикнул Язар, он выхватил Поборника Света и защищался им, как факелом от назойливых привидений. Жезл разгорелся ярким белым светом, цверги прикрыли обожженные глаза ладонями и оскалились. – Отойдите, или я обращу вас в пепел!

Цверги зашипели, словно сами являлись переряженными нагами, они не расступались, а злоба их только нарастала.

Сквозь толпу пробилась высокая фигура ванапагана.

– Язар, потуши свой жезл, – посоветовал Тхунган, а когда юноша послушался, обратился к цвергам. – Эти двое – гости нашего города и гости нашего короля. Проявите к ним должное уважение или будете держать ответ перед Его Величеством Гортуином Деревянным.

– Недолго Гортуину Безумному оставаться нашим королем! – язвительно выкрикнул кто-то. Но испугавшись собственной дерзости, он потупил взор и поспешил затеряться

среди сограждан.

Цверги сменили злость на безысходный ропот, они продолжали бранить и хулить чужеземцев, но уже не порывались с ними расправиться, а в предвкушении королевского испытания очень быстро о них позабыли.

От Орховура и до берега протянулся плавучий коридор. На маленьких плотках из шляпок остывших крогьярхов стояли поодиночке многочисленные дети Гортуина: мужчины и женщины все в длиннополых белых рясах и низко надвинутых на лица глубоких капюшонах. В руках они держали напитанные магией, но до времени дремлющие кристаллы красного сильгиса.

Гортуин подошел к озеру в сопровождении верного Войхарена. В этот решающий час пращур отложил обиду и вновь поддерживал своего короля. С великим пиететом он принял Гранитную корону и столь же благодарно принял Гуртангар. Король бросил свою пышную мантию в Атнамор, – ткань загорелась и в один миг исчезла. Озеро выпустило редкий сизый дым и вновь в ожидании затихло.

Гортуин опустил одну ногу в озеро. На его лице отразилась боль, но король тотчас приструнил ее и начал решительно погружаться в лаву. На великом подземном владыке было только нижнее белье из пряжи сукновалов, – оно стгорело так же быстро, как и порфира. Нагой, каким он и пришел в этот мир, король остался один на один с озером. Ни собственные дети, ни другие сторонние наблюдатели не смели ему помочь

– этого запрещали строгие правила испытания.

Первые сажени довались Гортуину нелегко, и уже тогда шепот неверия пробежался по зрительским рядам. Но почти сразу король унял тревогу сердца и мерными гребками начал удаляться от замка. Когда он проплывал мимо детей на грибных плотках, они поднимали кристаллы высоко над головами. Сильгис в их руках загорался ярким красным светом, чтобы и не самые зоркие наблюдатели понимали, как далеко проплыл король.

Когда Гортуин пересек половину озера, ажиотаж толпы резко возрос, – мало кто из претендентов добирался так далеко. Женщины сжимали руки в молитвенных жестах и трепетно шептали обращения духам земли и огня, иные в испуге падали на колени и заклинали о милости Атнамора. Мужчины сердито сплевывали под ноги и проклинали живучесть Деревянного цверга, – почти все они уже проиграли на ставках. Дети подбадривали короля больше других, они единственные верили в его победу.

Вторую часть пути Гортуин преодолевал гораздо медленней. Озеро не волновалось, не пыталось его потопить. Но и само длительное противление огню быстро изматывало. Король все чаще останавливался и переводил дыхание. Он цеплялся взглядом за берег впереди и, словно сматывая нить, притягивал себя к нему. Вид приближающейся земли поддерживал в нем веру.

Гортуину оставалось проплыть последние сто сажений. Но

краткий отдых в лавовом озере далеко не полностью восстанавливал его силы. Расстояние, которое король преодолевал на одном дыхании, сокращалось, а длительность пауз возрастала. Гортуин не просто уставал, он умирал. Лава пробралась ему под кожу и теперь разъедала мышцы. Еще крепка была воля короля, но тело уже отказывалось ему служить. Он отчаянно барахтался, но уже не плыл, а только оставался на плаву.

Его взгляд оторвался от берега и уцепился за ближайший грибной плот. Цверг в рясе на нем был совсем маленьким, и Гортуин понял, что это его младшая дочь. Еще не зажженный сильгис колыхался в ее трясущихся детских руках. Королю захотелось забраться на плот к дочери, чтобы обнять ее и успокоить. Ведь он непременно доплывет до берега, ибо он самый сильный во всем Яраиле цверг. Он в одиночку одолел пещерного тролля, драконьего паука и самого менква. Так неужели он не способен проплыть в теплых водах ничтожные пятьдесят сажений? Так думал деревянный король, а голова его уже погружалась в лаву.

– Он тонет! – понял Язар и обернулся к Иварис. Но та, к его удивлению, оставалась спокойна. – Ты позволишь ему умереть? – не поверил он.

– Ты знаешь правила испытания, – бесстрастно ответила она. – Никто не должен вмешиваться.

Не теряя больше времени на пустые слова, Язар бросился к озеру.

– Куда же ты? – изумилась она. – Стой!

Но Язар ее не слушал. Растолкав цвергов, он шагнул в лаву, совершенно не сознавая, что сотворил. Его штанина загорелась факелом, огонь быстро взбирался по его ногам и плащу. Лишь через мгновение Иварис укрыла его огненным щитом. Его одежды погасли, а Язар, так ничего и не заметив, прыгнул в озеро. Он плыл легко, будто не боролся с плотной лавой, но катился на попутных волнах. Нырнув, он ухватил утопающего Гортуина за руку и вытащил на берег.

Цверги негодовали, они проклинали Язара и винили в осквернении их священного испытания. Наиболее сердитые требовали, чтобы его бросили в озеро. Особенно это предложение понравилось детям.

– Да! Пусть теперь пепельный цверг плывет к замку! – беззлбно смеялись они.

– В озеро! В озеро! – скандировала жестокая толпа.

Язар стоял на коленях над умирающим, позабытым и уже никому не нужным королем. Гортуин выглядел ужасно и походил на обожженное тлеющее полено, он не шевелился и почти не дышал. Из-под оплавленных смятых пластов кожи торчали обугленные кости, и дымилось закопченное мясо. Свирепая толпа сталкивала Язара в озеро, а он из последних сил цеплялся за берег, одновременно пытаясь уберечь Гортуина от слепой ярости его собратьев.

– Оставьте его! Отойдите! – кричала Иварис. Но ее голос тонул в кровожадном реве, а сама она не могла пробиться

к Язару или хотя бы высвободить рук, чтобы сотворить колдовство.

– Разойдитесь! – гаркнул мощный голос. – Пропустите пращуров!

Тхунган нетерпеливо растолкал мешкающих цвергов, за ним в освободившееся пространство проскочила Иварис. Толпа схлынула, к берегу подошла дюжина пращуров. Все они были почти столь же старыми, как Войхарен, однако и вполнину не такими грозными. Один из них набросил на Гортуина белый шелковый саван.

– Он еще жив, – объявил Язар, переводя взгляд с одного пращура на другого.

– Гортуин всегда был живучим, – важно кивнул пращур.

Остальные согласно закивали, однако их лица не выражали беспокойства. Язар внушительно посмотрел на Иварис, девушка несогласно покачала головой.

– Не надо.

Он заглянул в глаза Гортуина – в два красных уголька тлеющих в глубоких провалах обезображенного лица. И тогда он понял, что цверг не спит, но тело его мертво. Однако в его глазах еще горела жизнь, они смотрели на него с мольбой и надеждой.

Язар уже знал, что нужно делать. Правой рукой он забирал могильный холод, левой отдавал Гортуину свое живительное тепло. Попеременно он водил ладонями по телу, словно зашивал его стежками. Кости цверга светлели, мясо на них на-

растало, кожа распрямлялась и растягивалась. Его дыхание усилилось, он стал болезненно хрипеть, и вскоре уже мог шевелить головой.

Испытание было окончено, и дети Гортуина поворачивали свои грибные плоты к берегу. С ними к своему старому другу плыл и Войхарен.

Пращуры наблюдали за исцелением утопленника с большим интересом, как за вылуплением необычного птенца или невероятно быстрым распусканием бутона. Иварис, напротив, почти не смотрела на Гортуина. Прежде всего, она с затаенной тревогой взглянула на ноги Язара. Его сапоги и штаны сильно обгорели, но сами ноги, к ее величайшему изумлению, совсем не пострадали. Она перевела взгляд на его руки, – они дрожали и почему-то дымились. Язар не моргал и не шевелил глазами, а из его рта выплывало облачко пара. Сделав последние «стежки», он уронил руки и обмяк. Иварис прикоснулась к его плечу и даже сквозь ткань теплого плаща почувствовала идущий от него лед.

За исцелением своего владыки следили все жители Гортунгаша. Большинство из них не могли наблюдать за этим воочию, а потому довольствовались пересказами соседей. Одновременное бормотание тысяч цвергов походило на гудение пчелиного роя.

– Гортуин встает...

– Заворачивается в саван...

– Пращуры что-то говорят. Не слышно...

– Они требуют тишины.

– Тихо вам! Тихо! Не слышно!

Наконец гудение цвергов стихло. К берегу к этому времени уже причалили дети Гортуина. Войхарен вбежал в круг пращуров, с ним сейчас не было регалий королевской власти. Ему, как старейшему, первому предоставлялось слово. Опершись о свою магическую глефу, он заговорил.

– Гортуин Деревянный, сын Пелруина и сын Каштура, ты бросил вызов Атнамору и не прошел испытания Гуртаниша. За это ты лишаешься титула короля. Так же вопреки воле озерного духа ты остался жив. Язар Чужестранник, – он повернулся к юноше. – Ты вмешался в испытание и нарушил законы Гортунгаша. В наказание за это ты и твоя спутница Иварис приговариваетесь к изгнанию из Драконьего котлована. Вместе с вами котлован покинет Гортуин. Отныне путь в Гортунгаш для вас троих закрыт. Как только пращуры единогласно повторят мое решение, вы должны будете незамедлительно покинуть наш город.

– Изгнание, – согласился один из пращуров.

– Изгнание, – повторил другой.

Когда все они поддержали решение Войхарена, тот протянул бывшему королю глефу и произнес добродушной, чем прежде.

– Прощай, Гортуин Деревянный. Ты останешься в наших летописях.

Со стороны Орховура донесся звон – это осыпались со

шпилей ансуровые цепи. С громким плеском они выбивали из озера брызги лавы и утопали в нем.

Рой цвергов после молчания загудел с новой силой. Теперь жители делали ставки, угадывая следующего короля, а также спорили о судьбе Гортуина. Одни пророчили ему скорую смерть в лапах подземных тварей, другие верили, что он даже станет правителем какого-нибудь некрупного городка. Были и те, кто считал, что он попробует выжить на земле. Наземные хищники по меркам цвергов неопасные, поля плодородные, и предостаточно мест, еще не обжитых изнеженными людьми. В теплых краях одинокий цверг вполне может обитать в темном доме без окон, по необходимости покидая его ночами.

Гудящая толпа сопровождала их до границы города. У последнего жилого сталагмита они остановились и дальше следили за троицей только глазами. Возвращаясь по домам, цверги больше не вспоминали о короле и чужеземцах, они доили офунгалов, возводили стены и привычно поносили соседей.

Северный выход из Драконьего котлована также круто забирал множеством витых низеньких ступеней. Взобравшись, путники оказались у подножья серых скал. Здесь было гораздо прохладней и светлее, высоким ковром под ногами стелился ушур, а в свете сильгиса по камням тянулись длинные корни наземных деревьев и трав.

Проход между скалами проходил через кромлех из огром-

ных магматических камней. Каждая глыба размером превосходила ванапагана и завершалась заостренным обсидиановым зубцом. Когда путники подошли ближе, менгиры тускло загорелись мрачным красным светом. Этот свет собрался в центре круга густым туманом, а черные обсидиановые зубцы придали ему темноты. Из тумана вышел Атнамор. Теперь не скованный цепями он высоко держал голову и оттого казался еще больше и сильнее. Язар живо представил, как мощь этого создания сметает Вулкарда и его сторонников. Он понимал, что, спасая Гортуина, поступил недальновидно и руководствовался одними чувствами, но о решении не жалел.

– Вы отняли мою добычу, – проревел Атнамор и угрожающе щелкнул клешней. Грохот, с каким она сомкнулась, разнесся пустынными сводами. – Мой голод остался неутоленным, а гнев преумножился.

– Можем ли мы как-то умиловить тебя, великий Атнамор? – смиренно спросила Иварис. – Я не желаю расставаться с тобой врагами.

– Ты не мой враг, – возразил древний дух. – Иначе я бы уничтожил тебя на месте. Ты лишь смертная – ненадежная и непостоянная. А вот ты, Язар, – он свирепо затряс головой и выдохнул облако копоти. – Теперь я вижу, насколько мы с тобой разные. И в тебе горит пламя отца нашего Аланара, но твое пламя изменчивое, оно живет и в небе, и под землей. Теперь я знаю, чей голос ты слышал. Но не спрашивай, я не отвечу. И я не желаю тебе счастья. Будь ты проклят, Язар, и

будь проклят весь твой род!

От такого пожелания Язар опешил. Иварис не находила слов, и даже Гортуин сочувственно покачал головой.

– За что ты меня проклинаешь? – изумился Язар. – Я не причинил тебе зла.

Атнамор в ярости топнул; затрещали скалы и подернулись пыльной дымкой.

– Прочь! – бешено зарычал он. – Пока я не передумал. Я не могу тебя убить, Язар, ведь ты снова воскреснешь. Хочешь разорвать этот круг и обрести свое прошлое? Разбей часы, ибо в них заключен твой прах.

Свирепый дух остался далеко позади. Давно умолк вызванный им грохот, и в воздухе больше не чувствовалось жара его дыхания. Новые вопросы и новые волнения обуревали Язара. Он не желал говорить о них в присутствии Гортуина, однако цверг вызвался проводить их к поверхности.

– Мне некуда идти, – признался он. – Так почему бы не пойти с вами?

– Я могу сотворить для вас одежду, – предложила Иварис. Она уже восстановила вещи Язара.

– Не нужно, – отмахнулся изгнанник. – Цверги не стесняются наготы. Наши предки не носили одежд, эту моду мы переняли у альвов. А собственная шкура защищает меня не хуже любого доспеха.

– Язар, я не уверена, что ты сумеешь ответить, а все же спрошу. Почему лава не опалила тебя?

Он засмеялся.

– Тебе не нужен мой ответ, ты его знаешь. Скажи, – добавил он после паузы. – Кто такой Аланар, о котором говорил Атнамор?

– В Яргулварде существует множество сил, но самые древние и могущественные из них это анияра. Это четыре первоэлемента, из которых соткан весь проявленный мир. Атаур это воздух и пространство, Акаду это время и вода. Арахад есть материя и земля, Аланар есть огонь и свет. Их мир Атамару – семя, из которого вырос Яргулвард. Анияра пронизывают все внешние миры и присутствуют в каждом из нас. Акаду течет и в твоих венах, Аланар дарует и Эсмаиду свет. А потому не принимай слова Атнамора буквально. Он приходится Аланару внуком, но ты точно ему не брат.

– Конечно, – согласился Язар. – Я не огненный дух, пепельный цверг или альв. Я лишь старая злобная колдунья, получившая новое тело, но утратившая память.

– Я этого не говорила, – смешалась Иварис.

– Это очевидно. Ее увидел во мне твой отец. Ее глазами я видел в Орховуре, я слышал голос ее мужа и смех ее детей. И даже Орбшиам, посмотрев на меня впервые, уловил мою суть. Иварис, я боюсь, – откровенно признался Язар. – Что, если моя душа оказалась в этом сосуде по ошибке? Что, если Атаказа потребует это тело назад? Или хуже того. Что, если, познав свою сущность, я навсегда потеряю того, кто зовется Язаром?

– Эти мысли не делают тебя счастливой, – заметил Гортунин. – Так отбрось их и живи, как умеешь. Я не знаю, кто ты, Язар, но никогда не забуду, как ты меня спас. И спас меня не кто-то другой, а именно ты. И это тебе я благодарен.

Скупые на откровения цверги хорошо умеют оскорбляться, но не ценят добра. Так думают жители поверхности, так думал и Язар. Однако теперь он видел: цверги стыдились своих чувств. Гордые и упрямые они не имели смелости выразить простую благодарность. Они боялись осуждения, в том числе и от того, кому эта благодарность была направлена. Язар был признателен Гортунину за смелость и откровение, а простое заключение цверга отрезвило его и успокоило.

Над землей солнце стояло в зените, но странники не могли считать дней в подземелье и отходили ко сну по необходимости. Язар первым попросил привала. Еще в Гортунгаше он чувствовал себя полным сил, но теперь его стремительно одолевала усталость. Он был утомлен настолько, что сначала уснул, а уже потом закрыл глаза. Спалось ему как никогда тревожно. Во сне он тонул в бескрайнем океане черного холодного огня. Огонь выпивал его тепло, сковывал движения и замедлял сердцебиение. Язар кричал и звал на помощь, но его некому было услышать. Его голос сменился хрипом, изо рта выходил последний пар. Тело коченело и ломилось от колющей боли. Сначала ему перестали служить пальцы, затем онемение подчинило себе конечности. Язар больше не мог удерживаться на плаву, он сделал последний вдох и по-

грузился в океан.

– Язар, очнись!

Он бился в конвульсиях и стонал, не понимая, что уже проснулся. Гортуин держал ему руки, Иварис сидела у него на груди, положив к его сердцу Поборника Света. Цверг кривился от яркого света, но терпел и не отворачивался. Вены на пальцах Язара чернели, они захватывали кисти, протягивались по рукам и поднимались по шее.

Движения Язара замедлялись, дыхание выравнивалось. Он моргнул и проснулся окончательно. Черные вены достигли его подбородка и остановились.

– Холодно, – онемевшими губами неразборчиво пробормотал он.

Иварис облекла свои ладони белым пламенем. Этот огонь не обжигал, но наделял теплом и лечил. Она водила руками вдоль его тела, прикладывала пальцы к его вискам, глазам и губам.

– Мне привиделся кошмар, – вспомнил Язар, приходя в себя. Он хотел поднести ладонь к лицу, чтобы смахнуть сонливость, но в замешательстве замер, а затем резко подскочил. – Что это? – испуганно спросил он, разглядывая черные вены. – Что со мной?

– Расскажи, что тебе приснилось, – попросила Иварис.

– Океан черного пламени, холоднее льда, но страшнее любого огня, – он вздрогнул в ознобе.

– Черное пламя Аланара, – убежденно заявил Гортуин. –

Ты выпустил его, отдав мне слишком много тепла. – С тобой такого не бывало прежде?

Язар посмотрел на руку в том месте, где появился первый ожог черным пламенем после воскрешенной им куницы, – там черный узор вен выглядел страшнее всего.

– Однажды. Но в прошлый раз это не причинило мне такой боли и не оставило стольких следов.

Он разделся и осмотрелся тщательней, – почернение вен не распространилось ниже груди. Область сердца, где лежали Поборник Света, осталась нетронута.

– Значит, ничего необычного? – спросил Язар, с надеждой переводя взгляд с Иварис на Гортуина. Оба молчали.

– Я никогда не видела ничего подобного, – призналась Иварис.

– А я бы предположил, что тебя проклял Атнамор, случись это с тобой впервые, – высказался Гортуин.

– Возможно, так оно и было. Но чем деревенская колдунья могла заслужить такое ужасное проклятье?

Они продолжили путь в потемках, ибо Гортуин не выносил света жезла Кадимира. В следующий раз они остановились на развилке перед огромным гранитным валуном. Это был один из указательных камней, которые цверги называют языками. На них высечены карты с отметками-ориентирами и нанесены основные пути. Именно этот камень воздвиг король-странник Крайдиш, потому он и назывался языком Крайдиша.

Разглядывая карту, Гортуин хмурился и что-то недовольно бормотал.

– Что-то не так? – догадался Язар.

– На поверхность ведут две дороги, – Гортуин обозначил их на карте. – Окольная и прямая. Я поведу вас окольной, ибо прямая проходит через грибницу. Однако эти метки, – он важно постучал пальцем по камню. – Нанесены недавно. Я долго не был в этих краях, но мне все помнится иначе. Не удивлюсь, если это происки нагов, стремящихся любыми способами ослабить мой народ.

Тогда Язар спросил совета у Эсмаида, а Гортуин отошел в тень и отвернулся. Однако Поборник Света не сделал выбора, продолжая гореть с равной силой в обоих направлениях.

– Для жезла эти дороги одинаково хороши, – рассудил Язар.

Гортуин хмыкнул.

– Немного проку от вашего бога.

Он избрал тот путь, который язык Крайдиша называл коротким.

Они перемещались с величайшей осторожностью, часто останавливаясь, принимаясь и прислушиваясь. Гортуин временами прикладывал ладони к земле и «слушал землю».

– Чего мы боимся? – не выдержал Язар, устав от постоянных остановок. – Если мы выбрали неверное направление, то всегда сможем вернуться. Грибница же не погонится за нами?

Гортуин рассмеялся.

– Грибники пахнут ушуром, а перемещаются на своих мягких лапках совершенно бесшумно. Прежде чем напасть, они окружают добычу, и тогда ей уже некуда отступить. Хотя надо отметить, их мясо невероятно вкусно, в нем чувствуется и острота ушура, и сладость прихта. Мне уже почти хочется, чтобы мы выбрали дорогу через грибницу. Я так голоден, что в одиночку съел бы целого грибника-кормильца.

О чем говорил цверг, его спутники не понимали, а Язару даже на мгновение показалось, что изгнание лишило его рассудка. Но очень скоро они наткнулись на огромную тушу драконьего паука. От жуткого хищника осталась только высушенная пустая оболочка.

– Попались, – понял Гортуин.

Из рук Иварис вырвались два белых луча. Поднявшись на четыре сажени, они сомкнулись кольцом и закружились, принимая очертания сферы. Ложная луна набрала силу и наполнила подземелье ярким белым светом. Ее свет обнаружил путникам страшную картину.

На них надвигалось море подземных тварей. Необычные существа грибники походили на передвижные грибные шляпки. Эти животные наполовину грибы, а наполовину насекомые имели сложный общественный строй, подобный организации улья или муравейника. Размножались они спорами, но оставлять потомство могли только королевы. Королевы достигали десяти саженей, а испускаемые ими феромоны

заставляли им служить даже насекомых других видов. Но и королевы не являлись самыми крупными грибниками. Особой кастой в их иерархии стояли грибники-кормильцы, из их мягких спин прорастал ушур, а усилиями грибников-рабочих они превращались в настоящие живые поля.

Окружившие добычу грибники относились к двум кастам: рабочим и воинам. Грибники-рабочие достигали человеку колена, а их длинные серпообразные передние конечности идеально подходили для сбора ушура. Воины превосходили их размерами вдвое и уже имели массивные зубчатые мандибулы. Но настоящая сила грибников заключалась в их численности: только в этом зале их собралось несколько сотен.

Грибники не обладали большой проворностью и не имели защитного панциря, так что даже костяной меч Язара легко с ними справлялся. Однако им была присуща невероятная живучесть. Их не останавливало обезглавливание, и даже перерубленные пополам они какое-то время еще сохраняли боеспособность. Сражение велось преимущественно воинами грибников. Рабочие оттаскивали мертвых и тяжело раненных; потом, когда битва будет окончена, почти все воины отрастят конечности и даже воскреснут в заботливых лапках рабочих грибников.

Совсем иначе грибники переносили воздействие магической глефы Войхарена. Получая даже незначительные царапины, они замедлялись, высыхали на глазах и стремительно умирали. Их уже нельзя было оживить, потому что умирали

они от старости.

Мужчины оберегали Иварис. В этом бою от ее лука было мало проку, и она полагалась на магию. Первым делом она попыталась оградиться от врагов кольцом огня. Однако грибники не испугались пламени. Рабочие стали засыпать его землей, а когда ожоги достигали такой степени, что делали это занятие невозможным, ложились и тушили пламя собственными губчатými телами. Таким способом они быстро проложили влажные дорожки к добыче, а постепенно погасили весь огненный круг.

Другое ее заклинание, облако малой гибели, широко использовалось волшебниками для удушения насекомых. Однако грибники лишь наполовину являлись насекомыми и не нуждались в чистом воздухе. Так точно не могла Иварис поразить их и ледяным кольцом, выручившим ее в сражении с пауками, ибо грибники не боялись даже самого лютого холода.

Полчищу грибников не было края. Они сдавливали маленький отряд все плотнее и несколько раз уже оцарапали Язара и Гортуина. Против мощных мандибул воинов беззащитной была и прочная кожа цверга.

Осознав, что от столь многочисленной армии им не отбиться, Иварис сменила тактику и теперь пробовала проложить путь к отступлению. Огромная ледяная волна прорезала брешь в бурлящем живом море. Десятки грибников были раздавлены, сметены и разорваны на части. Путники бежа-

ли в открывшийся просвет. Однако море врагов быстро сомкнулось, и места павших тут же заняли живые.

Тогда Иварис поочередно подняла в воздух сначала себя, затем Язара и последним Гортуина. На время они оказались вне досягаемости грибников. Но те уже сооружали живые пирамиды и пытались их достать. Хождение по воздуху требовало большой концентрации, а Иварис, не имея твердой опоры, теперь не могла колдовать.

В свете ложной луны они тщательно осматривали своды пещеры, выискивая ходы, через которые могли бежать. Но им попадались лишь норы мелких обитателей.

– Я могу уменьшить нас, – обнадежила их Иварис. – Стойте неподвижно.

Она встала на узкий карниз из переплетенных корней и трижды сотворила заклинание. Теперь все они высотой не превышали пяди, и вместе с ними уменьшилось их снаряжение. Язар почувствовал себя еще уязвимее, но Гортуин сохранил хладнокровие.

– Я пойду первым, – тоненьким голоском пропищал он. – Уверен, сила Временщика никуда не делась, и он легко справится с обитателями этой норы.

– А что случится, если действие заклинания закончится прежде, чем мы найдем выход? – обеспокоился Язар.

– Я буду следить, чтобы этого не произошло, – пообещала Иварис.

Они шагнули в нору, которая теперь им представлялась

длинным туннелем. Гортуин шел первым, остальные полагались на его зрение и мастерство. Язар не пользовался железом, чтобы не обжечь цверга. Иварис замыкала шествие. Она не могла призвать шар-проводник, ибо его свет заполнил бы собой всю нору и ослепил их. Смертоносны для них сейчас были и многие другие прежде безобидные заклинания, силу которых она не могла умалить.

Тихий шорох, который им представился громовым треском, сообщил о приближении хозяина этой норы. Сначала Гортуин подумал, что перед ними, по меньшей мере, вуивр, столь гигантским ему показался обыкновенный василиск. Эти небольшие пернатые змейки одним своим протяжным шипением отпугивали более крупных хищников, ибо те хорошо знали, какое несоразмерное могущество в них заключено. Один лишь едкий запах василиска мог убить, яд зажигал траву, а взгляд раскалывал камни. Ни Иварис, ни Язар не пережили бы встречи с василиском, а вот стойкость цвергов превосходила стойкость камня. Одного удара Временщика оказалось достаточно, чтобы василиск забился в агонии, скрутился кольцами и высох, оставив после себя пустую серую чешую. Иварис и Язар осторожно перешагнули кипящую кровь василиска, – даже с гибелью змея она не потеряла своей смертоносности.

Последний луч гаснущей ложной луны скользнул в змеиную нору, осветил место гибели василиска и утонул в темной серебряной глефе.

– Какое ужасное оружие, – отметил Язар.

– Это орб, – объяснила Иварис. – Мертвая чешуя Канафгеоса. Она губительна для всего живого.

– Временщик отбирает жизнь у врагов и передает хозяину, – уточнил Гортуин. – Тем, кому жить осталось недолго, довольно и царапины. Но даже в умелых руках от нее мало проку против таких долгожителей как Бечетабис или Сайшиам, – он грустно замолчал.

– Кто его создал? – спросил Язар.

– Кто-то из древних царей подземных нагов. Может, именно потому, что глефа оказалась у нас, и началась война.

– Но почему тогда Войхарен отдал ее тебе? – удивилась Иварис.

– Цверги и наги украли друг у друга тысячи вещей. Не так важно, из-за чего началась война. Она не закончится, если вернуть их владельцам. Она не закончится, пока одна из сторон не будет уничтожена.

Глубже в норе в змеином гнезде из травы и перьев они обнаружили пятнистые яйца василиска, но не стали их трогать. Гортуин заявил, что на вкус они как горячая едкая жижа, а Иварис понадеялась, что даже без матери змееныши сумеют появиться на свет.

На их счастье змеиная нора имела два выхода. Они вышли на поляну столь высокого ушура, что, даже вернув свои привычные размеры, утопали в нем по плечи.

– Кажется, я был больше, – засомневался Гортуин, разгля-

дывая себя.

Воздух здесь был гораздо свежее и легче, а через просветы высокого свода даже пробивались тоненькие желтые лучи. Иварис и Язар придирались через лишайник как через дремучие заросли, Гортуин предпочитал скашивать их глефой. Сильно размахнувшись, он глубоко зарылся в землю, и пещера неожиданно вздрогнула. Пол зашевелился, и задвигались, словно волосы на теле, красные стебли ушура. Между ними на защиту кормильца уже спешили грибники. Вновь путники оказались в окружении полчища этих тварей, однако здесь, на плантации кормильца их встретили только рабочие-грибники.

Ход уводил вверх и в дальней части заметно светлел. Гортуин расчищал дорогу широкими взмахами Временщика, одинаково легко скашивая траву и рассекая грибников. Язар прикрывал фланги, ловко орудуя мечом на обе стороны. Иварис облеклась огненным щитом, который не позволял грибникам подступиться к ним с тыла. Она не использовала сильной атакующей магии, но отбрасывала их телекинезом, – это не причиняло им серьезных увечий, но было гораздо быстрее.

Они достигли поворота, стены здесь сужались, а солнечный свет уже просачивался сквозь своды подземелья, ложась под ноги ажурным одеялом. Но грибники не боялись света и не отставали от них. Гортуин пропустил Язара. Он усмирять боль, пlying в озере раскаленной лавы, но скалился и вздра-

гивал, когда его касались бледные нити-лучи.

– Я задержу грибников. Уходите! – не терпящим возражения тоном распорядился он.

– Но как же ты? – обеспокоился Язар. – Иварис, ты можешь укрыть Гортуина от солнца?

Раскинув руки, она с трудом удерживала грибников у стен телекинезом. Из щелей повсюду прибывали все новые грибники.

– Я не могу этого сделать, Язар. Нужно уходить!

Язар понимал, что Гортуину не выжить в надземном мире, но медлил, не желая бросать и так уже брошенного своим народом короля.

– За меня не тревожься, отсюда есть другая дорога. Ступай же! – поторопил его Гортуин.

Он прыгнул в гущу врагов, не оставляя времени на прощания. Грибники сомкнулись вокруг него и не преследовали беглецов.

Глава одиннадцатая.

Откровения альвов

После тьмы подземелья укутанный снежным саваном луг показался путникам настоящим чудом. Холодное зимнее солнце ослепляло, а непривычно свежий воздух кружил голову и распирал грудь. Заснеженные холмы вокруг, будто постаревшие барханы, катились застывшими волнами за горизонт. Высоко в небе величественно кружил ястреб. С высоты нескольких верст он мог различить белую мышь на снегу, а Язар мог увидеть движения его пронзительных желтых глаз. Они проникновенно смотрели друг на друга, как старые друзья, как братья, а затем одновременно отвернулись.

Разогретые сражением в тепле, путники не замечали холода и в наслаждении опустили прямо в глубокий пушистый снег у корней одинокого безлиственного дуба. Иварис закрыла глаза, Язар с наслаждением растирал пальцами снег.

– Как думаешь, Гортуин сумел спастись? – спросил он, насытившись тишиной.

– Он не пробыл бы королем так долго, если бы мог умереть от укусов каких-то грибников. Мир о нем еще услышит, – она резко замолчала, прислушиваясь.

Ее тонкий слух различил звуки приближения всадников. Она поднялась. Язар неохотно последовал ее примеру, – те-

перь он тоже слышал стук копыт. На открытой местности негде было укрыться, разве только вернуться в подземелье. Однако они не спешили бежать: они не знали, с кем столкнутся, а кроме того, порядком устали бегать.

Это были вальфрудские всадники. Внешне они мало отличались от бризарцев, но черты имели уже не столь утонченные, разбавленные кровью других народов. Опознать их легко было и по обмундированию: длинным кольчугам и купольным шлемам с бармицами, которые они переняли у Мусота – крупнейшего среди всех государств Яраила и куда более могущественного, чем Вальфруд, Бризар и Этезия вместе взятые.

Возглавлял конницу маг. Невысокий и уже немолодой на фоне бравых крепких воинов он казался бедняком под королевским конвоем. Его образ дополняла простая истрепавшаяся мантия, на которой с трудом угадывалась солярная символика Эсмаида, и серый плащ, который даже среди белых снегов каким-то образом оставался в пыли.

Подступая к незнакомцам, воины ощерились копьями.

– Кто вы такие и откуда явились? – спросил он. Именно спросил, а не потребовал ответа: он не имел командирского голоса и, очевидно, не привык управлять другими.

– Я Иварис, дочь Каштура, а это мой друг Язар, – представилась она. – На мой дом напали, а моего отца убили. Мы бежали подземельями, чтобы укрыться от взора Вулкарда у небоизбранных.

– Я слышал о смерти Старого каштана, – маг почтительно склонил голову. – Это был великий мудрец. А желание укрыться под носом того, кто вас ищет, мне видится разумным, – он дал знак солдатам опустить копья. – Позвольте и мне представиться: странствующий маг Эльмуд. Я не считаю позволительным вмешиваться магам в судьбы королевств и более того обрекать себя на служение кому-то одному. Но, получив послание от своей давней подруги и наставницы, не мог не откликнуться. Однако я все еще не убежден, что вы не соглядатаи Вулкарда. Послушаем, что скажет о вас Елиара.

– Елиара? – переспросила Иварис и вмиг оживилась. – Она жива? Мы виделись еще детьми, но прошло, должно быть, немало лет.

– Должно быть, – задумчиво повторил Эльмуд, затем обратился к солдатам. – Дайте им коня, а сами возвращайтесь в лагерь. Вулкард ослаб, но не настолько, чтобы подпускать вальфрудцев к своим стенам.

Троица въехала в предместья Бризариона. Маленькие каменные домики глубоко дремали в снегу, заметенные сады топорщились голыми метелками плодовых деревьев. Сойки, вороны и черные дрозды выискивали жучков и собирали с полей последние урожаи. Наблюдая за ними, Язар подумал, что в следующий раз им нужно будет взять в подземелье птицу, – голодной она точно не останется.

На все расспросы Эльмуд упрямо отмалчивался, очевидно, боясь проронить даже одно неосторожное слово. Не от-

вечал он и на вопросы Иварис о ее давней подруге, сказав только, что все ответы она получит от нее сама.

Они перешли замерзшую речку по мосту из больших связанных бревен, пересекли пустой расчищенный от снега двор и, не постучавши, отворили низенькую дверь.

– Хозяйка! – крикнул Эльмуд, обивая в сенях сапоги.

Навстречу им вышла высокая женщина, седая, как сама зима, но еще хранящая красоту молодости. Годы не согнули ее спины, не лишили благородства движения, а взгляд пронзительности. Даже в домашнем пестром платье она выглядела дворянкой, утонченной, но не надменной. Эльмуда, однако, она обняла запросто и по-свойски. Но, заглянув ему через плечо, она застыла в изумлении.

– Иварис? – неуверенно спросила она.

– Да, моя дорогая подруга, это я.

Женщины обнялись, и уже эти объятия продолжались гораздо дольше. Иварис лучилась счастьем, а по щеке Елиары катилась одинокая слеза. На лице Эльмуда отчетливо читалось облегчение.

– Ты совсем не изменилась, – без зависти отметила старая волшебница.

– Язар, знакомься, – обернулась к нему Иварис. – подруга моего детства, дочь Седогора и схоларх академии Кзар-Кханара Елиара.

О парящем в небе Кзар-Кханаре знали даже темные селяне Винника. Этот город был одной большой магической

школой, поступить в которую мечтали волшебники со всего Яраила.

– Друзья Иварис и мои друзья, – она приобняла Язара. – Но я уже не работаю в академии. Я люблю Кзар-Кханар, но еще больше люблю Бризар, и со смертью Седогора сделала окончательный выбор. Я не могла просить о помощи ареопага, но некоторые из моих учеников последовали за мной добровольно. С одним из них вы уже знакомы, – она указала на Эльмуда. Мужчина почтительно поклонился.

Иварис многозначительно посмотрела на Язара.

– Схоларх это один из самых уважаемых магов Кзар-Кханара. Он входит в число девяти магистров и возглавляет магическую академию.

– Вы можете читать на языке альвов? – без предисловий с надеждой спросил Язар.

– Низкого же ты мнения о магистрах Кзар-Кханара, если задаешься подобными вопросами! – засмеялась Елиара.

Язар вытащил предсмертное послание альва; его пальцы дрожали в трепетном ожидании. Долго же он нес эту ношу, и теперь в эту минуту ему откроется правда. Наконец он услышит слова, ради которых покинул дом, ради которых подвергал свою жизнь смертельной опасности.

Елиара приняла письмо с интересом. Развернув его обеими руками, она перевела:

– «Милая моя Нуриис. Я искал тебя пять столетий, а теперь, когда приблизился к твоим ногам, волей жестокой Ака-

ду вынужден умереть. Я застигнут бурей. Кто-то из магов Бризара восстановил против меня альвариха. Не думал, что человек сумеет покорить самого повелителя небес. Мой грифон погиб, но я не могу за ним последовать, ибо знаю, что в ином мире не сумею тебя разыскать. Ты вернешься в Яраил, как всегда возвращалась, но вернешься под другим именем и другим обличем. Вспомнишь ли ты меня?

Я ошибся дважды. В первый раз, когда помог тебе обрести Часы Застывшего Часа. В наивности мы полагали, они откроют твою суть. Ах, мы могли прожить с тобой еще тысячу лет! Но ты повернула часы и умерла. Ты стояла в драконьем пламени и не чувствовала огня, ты ловила молнии ладонями и смеялась от щекотания в пальцах. Я думал, тебя нельзя убить. Как же такое могло случиться? В гневе я попытался разбить Часы, но не сумел и в отчаянии выбросил их в океан. И это была моя вторая ошибка. Мне следовало беречь их и ждать, когда ты явишься за ними вновь. Прости, что не сумел вовремя этого понять. Как подняла ты их со дна океана? Как провела очередную жизнь? Я слышал, Часы принадлежали деревенской колдунье, но и она теперь мертва.

Дорогая моя Нуриис, я не знаю, кем ты стала теперь. И мне безразлично мужчина ты или женщина, цверг или человек, – это не умаляет моей любви. Последней волей я позабочусь, чтобы это послание попало к новой тебе. А когда я увижу тебя снова, то ласково улыбнусь и навсегда растворюсь в вечности.

Твой возлюбленный Аноир».

Когда Елиара закончила читать, письмо загорелось холодным белым светом, рассыпалось и разлетелось крошечными мотыльками. Все молчали в ошеломлении. В надежде на подсказку о своем происхождении Язар поделился и остальными знаниями, которые сумел по этому вопросу собрать. Умолчал он лишь о подслушанном разговоре светил, находя его слишком личным для огласки.

– Когда я был в племени борутов, – северян, живущих у Снежных гор, то слышал историю шамана Орук-Халда, – вспомнил Эльмуд. – Прежде это был великий жрец племени Могучего Молота народа юд-ха. Но когда его бог, разрушительный Молтарб позвал шамана в свои кровавые поля, он ослушался. Орук-Халд возжелал вечной жизни и остался в Яраиле. Тогда Молтарб проклял его, повелев, чтобы шаман умирал снова и снова, но всегда оживал, чтобы пережить новую смерть и новую боль. Это длится уже три тысячи лет. Орук-Халд давно раскаялся и теперь живет смиренной жизнью среди борутов. Он научился принимать свое проклятье и уже не ищет милосердия бога. Ибо Молтарб беспощаден и никогда его не простит. Твоя история, Язар, напомнила мне о проклятии Орук-Халда. Вне всякого сомнения, ты связан с огнем и близок Эсмаиду. Возможно, и ты был его верховным жрецом, но навлек на себя божественный гнев.

– Чем можно заслужить такое проклятье и как мне его теперь искупить? – взмолился о совете Язар.

– Ты связан с огнем, – согласилась Елиара. – Но с огнем подземным. Так может быть, ты предал своего бога и ушел на службу к богам подземного огня?

– Несправедливо наказывать человека за его выбор, – вступилась за друга Иварис.

– Боги неидеальны, – отметил Эльмуд. – Они обладают теми же пороками и добродетелями, что и люди, но гораздо более глубокими и сильными. Бог способен на бездонную любовь, которую не постичь человеку. Но и жестокость бога не имеет границ. Что же касается твоего второго вопроса, Язар, так спроси об этом у самого Эсмаида. Если ты способен его увидеть, может быть, ты сумеешь и заговорить с ним.

– Но, если боги не ответят тебе, ты всегда можешь обратиться за помощью к людям, – добавила Елиара. – Полагаю, в Гранитной библиотеке Кзар-Кханара найдется ответ даже на твой вопрос.

– Гранитная библиотека, – для надежности повторил Язар. – Спасибо, я запомню.

Они прошли в кухню и устроились за маленьким колченогим столиком, застеленным кружевной скатертью из льна. Путешественники так сильно изголодались по привычной пище, что за один присест съели столько, сколько прежде съедали за целый день. В ход пошла гречневая каша с курицей, салат из яичных блинов, лука и огурцов, помидоры с сыром и свежее испеченный хлеб, который колдовством Елиары формой напоминал замок.

– Мы готовимся нанести решающий удар по Вулкарду и его окружению, – объявил Эльмуд, отщипывая от замка небольшой кусок. – Его власть хрупка как никогда, и здесь, в столице, это ощущается сильнее всего. Люди возмущены кровавыми поборами. Они больше не верят во внешних мнимых врагов, но сами занимают их сторону. Ополченцы на севере уходят к вальфрудцам, южане возвращают территории дикарям юд-ха. Однако тираны добровольно не освобождают тронов. И для свержения Вулкарда небоизбранным по-прежнему не хватает одного.

– Чего? – спросил Язар, потому что Эльмуд замолчал.

– Могущества. Вулкард вцепился в трон ансуровыми тисками. И сколько бы ни восстало против царя крестьян, а вилами магии не пронзить. Я только что вернулся из Бризариона. Я изучал магические защиты столицы, и могу с уверенностью сказать, что они надежней этезианских солдат. Скользящие лазутчики, блуждатели и подражатели, – у царя есть шпионы во всех внутренних мирах. Они шли за мной по пятам, слушая мои чувства. Я изучал их, а они изучали меня. Я был у них на поводу, и ни одно мое намерение не осталось незамеченным. И хотя они могли разорвать меня на эссенции, они не тронули меня. А когда я покинул Бризарион, их власть надо мною ослабла. Я обрубил их цепкие пальцы и убежден, что им неизвестны наши планы, ибо и сам я, находясь в пленении, заставлял себя об этом не знать. Уже в предместьях мне встретился отряд конных вальфрудцев. Это

смutilo меня, и я почувствовал над ними опеку сильной магии. Они вызвались сопроводить меня, хотя в том и не было необходимости. Не думал, что вальфрудцы зашли в Бризар.

– Вальфрудский лагерь стоит на границе королевств, – отметила Елиара. – Похоже, Вулкард все же сумел тебя переиграть.

Эльмуд похолодел и вскочил из-за стола.

– Их конь все еще с нами.

Опрометью они выскочили на улицу. Кобыла Эльмуда смиренно стояла в стойле, но загон вальфрудского коня пустовал.

– Я его вижу! – выкрикнула Иварис.

Высоко в небе стремился на восток в сторону Бризариона большой черный ворон. Он не оставлял за собой зримо-го следа, но от него еще исходили обрывки заклинания превращения. Ворон был уже слишком далеко, чтобы его мог достать человеческий глаз.

Иварис сняла лук, поцеловала стрелу и прицелилась. Выпущенная ею стрела летела с невероятной скоростью. Она оцарапала ворону маховое перо и утонула в небесах. Девушка выстрелила повторно, но на этот раз стрела отклонилась далеко от цели.

– Больше не вижу, – призналась она.

– Тогда мы его догоним, – заявил Эльмуд и приготовился колдовать.

– Не успеете, – остановила она его, затем повернулась к

Язару. – Мне нужен глаз альва.

Он отдал ей камень без раздумья, а все равно видел воро- на так четко, словно тот летел прямо перед ним.

Она выстрелила в третий раз. Ворон, словно почувствовав угрозу, резко изменил направление и нырнул в воздушный поток. Ветер подхватил его и понес к высоким стенам Бриза- риона. Но на этот раз Иварис управляла стрелой. В послед- ний момент она повернула стрелу легким движением паль- цев. Ворон протяжно каркнул, распростер крылья и, рухнув, разбился о серый камень стен.

– Убит, – озвучил для остальных присутствующих Язар. Иварис протянула ему глаз альва, но он отказался. – Мне следовало давно отдать его тебе.

– У тебя есть второй глаз? – спросила Елиара.

Он рассказал о столкновении с небоизбранными в лесу, и ей их поведение совершенно не понравилось.

– В глазах альвов заключена вся сила их обладателей, но по отдельности они содержат лишь ее малую часть, – объяс- нила она.

– Неужели кому-то из наших союзников глаза Аноира по- надобились настолько, что он направил на их поиски отряд небоизбранных? – удивился Эльмуд. – Они не должны пред- ставлять большой ценности для мага, способного повелевать альварихом.

– Может быть, в этой истории замешаны разные маги, – предположил Язар.

– Эльмуд, ты был осторожен в словах с этими всадниками? – обеспокоенно спросила Елиара.

– Я не доверился им полностью, однако они могли рассудить иначе. По крайности, ничего для себя нового Вулкард не узнает.

– И, тем не менее, мы не должны медлить.

– А как же армия Вальфруда? – удивился он. – Небоизбранных слишком мало, чтобы противостоять этезианским солдатам.

– Они защищают собственное государство, но не станут добровольно погибать за наш народ. Мы разорены и нам нечем будет отплатить Вальфруду, разве только своими землями. Но тогда мы не сбросим оковы, но лишь сменим хозяина. Противостоять захватчикам будут сами бризарцы.

– Вулкард может быть жестоким и несправедливым, но он занимает трон по праву силы – единственному праву, с которым считаются в Бризаре, – возразил Эльмуд. – Восстание поддержат далеко не все крестьяне. Нам не обойтись без помощи Вальфруда и не обойтись малой кровью.

– Кто поведет восстание? – спросила Иварис.

– У народной идеи не может быть одного лидера, но все нити тянутся к твоему брату, – ответила Елиара. – Неберис вхож в окружение Вулкарда, и царь подозревает его меньше остальных.

– Тогда я готова выступить прямо сейчас.

Они вернулись в дом и прошли в спальную комнату. Ма-

ленькое помещение с низенькими окнами уютно укрывали висящие на стенах узорчатые ковры. Еще один ковер устилал бревенчатый пол, а на что-то высокое был накинут черный полог. В изножье маленькой кровати стоял старый сундук, а в изголовье до времени дремала самопрялка. Когда они вошли в помещение, большое колесо прялки сделало оборот. Язар подумал, что она волшебная и прядет без участия человека. Однако это лишь от их веса прогнулась половица, на другом конце которой стояли ножки прялки. Овечье руно спускалось с ее катушек на кровать, где их концы держали когти свернувшейся в калачик кошки.

– Ах ты, проказница! – беззлобно прикрикнула на нее хозяйка.

Кошка открыла один глаз и продолжила спать, позволяя Елиаре распутать шерсть. Закончив, женщина подошла к противоположной стене и, сдернув полог, обнажила зеркало в человеческий рост. На первый взгляд в нем не было ничего примечательного помимо размера. Елиара взялась за его обод и произнесла:

– Небеса.

Слово-пароль раскрыло истинный облик зеркала. Это было настоящее произведение искусства. Серебряный обод окаймлял аквамариновую гладь, он извивался рошьянтисом и складывался в заклинания. Однако теперь зеркало ничего не отражало, будто было задернуто изнутри. Елиара провела пальцами по слогам рошьянтиса в нужной последовательно-

сти, отошла к остальным и стала ждать.

Полог с другой стороны зеркала одернули, и они увидели просторное светлое помещение. Вдоль стен высились груженные книгами и алхимическими ингредиентами шкафы. Столы заставляли стеклянные реторты, различные бутылки и миски. Перед зеркалом стоял высокий мужчина. Светловолосый и светлокожий он казался утонченным даже по меркам коренных бризарцев. Длинные прямые волосы он заплел косой, а тонкие холеные пальцы сложил на груди поверх невесомой серебристо-голубой мантии. Такого же цвета и края плащ опускался ему за плечи, но также в него были вплетены голубые и белые перья. Руки мужчины украшали многочисленные кольца, в ушах блестели сапфировые серьги, на шее висело ожерелье из лазурного жемчуга. Камнями были и сами глаза мужчины – один исполненный небесной синевы, другой цвета белого облака в погожий ясный день. Мужчина шагнул сквозь зеркало и с его появлением в комнате будто стало светлей. Сестра кинулась ему навстречу.

– Неберис! – обрадовалась она и обняла брата.

Он улыбался искренней и чистой улыбкой, но не выглядел удивленным. Когда он заговорил, его мелодичный голос зазвенел колокольчиками, очаровывая и влюбляя в себя.

– Рад видеть тебя, сестра.

Она утонула в его широких объятьях, зарывшись в его мантию лицом. Она безмолвно плакала, и брат понимал ее горе без слов. Он утешал ее и нежно гладил по волосам. Ря-

дом с ним маленькая Иварис казалась ребенком.

– Вулкард ответит за твои слезы, – пообещал он.

И сейчас его голос звучал невесомо, но теперь в нем слышался звон серебра. Неберис также непринужденно обнял Эльмуда и Елиару. Отпустив женщину, он задержал на ней многоречивый взгляд и заправил ей за ухо выбившийся локон волос.

– Ах, Неберис, что подумает об этом юный друг твоей сестры? – смутилась она.

– Он подумает, что боги несправедливы, если не наделили нас равной жизнью, – он с интересом повернулся к Язару. Его умный взгляд изучал юношу, и, как Язару казалось, видел саму его душу. Но вот Неберис моргнул, и в его глазах отразилось непонимание. – Ты маг? – спросил он.

– Всего лишь деревенский пастух, – возразил тот.

– Пасти коров может и колдун, – не отступил Неберис. – Ты выглядишь слепым, но как далеко ты умеешь видеть? Что видишь ты в моих глазах?

– Я вижу небо в одном твоём глазу и океан в другом. Они безбрежны и чисты. Воды стелются неподвижной голубой гладью, а невесомые облака покойно плывут и молчат.

Неберис задумчиво кивнул.

– А я в твоих глазах вижу погибшее пламя, – признался он. – И я счастлив, что мне не довелось наблюдать этого огня.

– Язар не знает, кто он, – ответила за него Иварис. – Но его отец живет в Бризарионе, и поэтому он здесь.

– Не только поэтому, – смутился Язар.

– У тебя будет время отыскать отца, – пообещал Неберис.

– А как же восстание? – нетерпеливо напомнила Елиара. –

Мы достаточно выжидали. Мы разожгли костер народного гнева, но, если подождать еще немного, от него останется одна зола.

– Мыждемся Благомира. Мы будем прокладывать ему путь и разносить о нем славу по всему Бризару. Люди должны чувствовать силу, на которую они смогут опереться в противостоянии с Этезией. Когда войско Вальфруда окажется у столицы, люди сами откроют ему врата.

Тон Небериса был непреклонен, но Елиара отчаянно не желала с ним соглашаться.

– Чем мы будем расплачиваться с Увалиром?

– Эта война разоряет не только нас, но и Вальфруд. Заключив с нами союз, Увалир Стойкий принесет благо и самому себе. Не переживай, – добавил он, словно прочитал ее мысли. – Бризар не станет частью другой страны, я этого не допущу.

– Войско Вальфруда прибудет сюда только через месяц. Вулкарду хватит этого времени, чтобы сплотить бризарцев и выявить предателей внутри собственного дворца. Он может раскрыть даже твое предательство, Неберис.

– Часть наших сторонников перейдут на сторону Вулкарда, – согласился полуальв. – Но также легко они вернутся к нам, когда в город войдет Благомир. А если со мной что-ни-

будь случится, повести восстание должна будешь ты, Елиара.

Волшебница тяжело вздохнула.

– Ты забываешь, сколько мне лет. Магия служит мне все также верно, но я уже с трудом удерживаюсь на крупе коня. Среди небоизбранных много одаренных магов. Больше того, ведь необязательно быть магом, чтобы вести за собой людей.

– Я ничего не забываю, – холодно ответил Неберис. – Не нужно мне об этом напоминать. Пойдем, Иварис, пойдем, Язар, – он повернулся к зеркалу, и, шагнув сквозь серебряную гладь, вернулся в свой кабинет.

– Рад был познакомиться, – попрощался Язар и последовал за ним.

– Иварис, подожди, – задержала ее старая подруга. – Будь осторожна. Если сторонники Вулкарда тебя раскроют, они выйдут на Небериса, и тогда погибнет весь наш замысел.

Ее тревога удивила Иварис.

– Не беспокойся. Брат присмотрит за мной, как всегда присматривал за нами обеими.

Оказавшись по другую сторону зеркала, путники помахали оставшимся в предместье магам. Неберис взмахнул рукой, и теперь зеркало отражало только то, что находилось в помещении, однако сохранило свой вычурный вид. Оглядев гостей внимательней, альв недовольно покачал головой.

– С такой внешностью вы не можете появиться в Бриза-рионе. К счастью, эта неприятность легко решаема.

Из ящичка резного бюро из черного дерева он вытащил

два хрустальных кольца. Выполненные кусающими себя за хвост лисами они отличались только размерами. Более тонкое кольцо он отдал Иварис.

– В последний раз они принадлежали супружеской паре, которая много лет обучалась у меня. Никто в Бризарионе не вспомнит их лиц.

– Соглядатаи Вулкарда увидят наши эссенции, – обеспокоилась Иварис. – Любая зеркальная поверхность раскроет нас.

– В этом и особенность Хрустальных Лис: они подменяют не только внешность, но и эссенции, – успокоил ее Неберис. – Примерьте и познакомьтесь с собой. Пока на ваших пальцах эти кольца, вас не разоблачит сам Эсмаид. Больше того, кольца маскируют сами себя, становясь невидимыми для окружающих. Но вынужден предостеречь: Хрустальные Лисы будут помнить ваши облики и после ваших смертей.

Предупреждение не напугало Иварис, а Язара даже повеселило. Он надел кольцо на безымянный палец левой руки, она на тот же палец, но на правой руке. Посмотрев в колдовское зеркало, они увидели совершенно непохожих на них бризарцев, высоких и миловидных. При этом половина одежд оказалась им короткой и расползлась по швам.

– И одежды вам нужно изменить, – заметил Неберис. – И оружие придется оставить, его не дозволено открыто носить даже магам.

– Что с моими глазами? – Иварис сощурилась, разгляды-

вая свое отражение. – Я почти ничего не вижу. И голос не мой. И уши будто засыпаны песком. Нос вообще ничего не чувствует, – она поднесла к нему ладонь и принялась.

– А я стал лучше видеть, – возразил Язар, поднося пальцы почти к самым глазам. Но затем он посмотрел в другой конец помещения. Однотонные корешки книг сливались в единую массу, мелкие предметы на витражах и вовсе казались размытыми пятнами. – Нет, показалось, – передумал он.

– Привыкайте к человеческим чувствам, – посоветовал Неберис. – Снимать кольца можете только здесь, в моем доме. Если у вас при себе есть ценности, которыми вы дорожите, оставьте их. Стража регулярно осматривает жителей и может отобрать у вас даже кочан капусты.

Когда Язар положил на бюро Поборник Света, Неберис улыбнулся.

– Так ты еще избранник Эсмаида. Я не удивлен.

– Я пастух, – упрямо повторил тот.

Иварис вытащила из сумки нетронутый каштур, и его вид вызвал у Небериса неподдельную грусть. Но когда она показала глаз альва, он резко изменился в лице и теперь выглядел смущенным.

– Ах, Язар, да ведь мы с тобой знакомы. Это мои люди приходили в твоё село. Им было приказано отыскать глаза упавшего альва, но они не имели права отбирать их силой. Это я вынудил тебя бежать из дома, и это я повинен во всех твоих тяготах последних дней. Прости меня, Язар. – Он го-

ворил искренне и проникновенно, а в завершении речи низко склонил голову и сложил ладони на груди.

Язар не находил слов. В замешательстве пребывала даже Иварис.

– Как погиб альв? – осторожно спросила она.

– Его видели падающим на грифоне. Возможно, его убили еще на небесах.

– А для чего тебе понадобились его глаза?

– Я провожу один эксперимент и с удовольствием поделюсь с вами его результатами, – пообещал он. – Но не сейчас.

Дочь Каштура была мастерицей перекраивать одежды волшебством, но и здесь брат был впереди нее. Одним лишь мановением руки он превратил их походные, затертые, а теперь еще и рваные вещи в черные мантии с красными плащами, какие носили все маги Бризариона.

– А если от меня потребуется колдовство? – усомнился в его решении Язар.

– Тогда сотворишь его, – убежденно ответил Неберис. – Только не напоминай мне вновь, что ты пастух. Колдовство внутри тебя, и тебе не нужно знать заклинания, чтобы его сотворить, как не нужно заставлять глаза видеть, а уши слышать.

– Но почему ты не сделал меня этезианским солдатом?

Неберис брезгливо поморщился.

– Довольно этезианцев в нашем городе и без обмана. А, кроме того, я бы не стал осквернять их обликами Хрусталь-

ных Лисов.

– Расскажи мне историю этих колец, – попросил Язар.

– Хомира с юности была влюблена в Сартарба, старшего брата Молтарба. Однако к ней, безобразной от рождения, могучий статный ядьяра даже не поворачивал глаз. Тогда она пришла к Тиргушу, чтобы купить у него красоты. Торговец предложил ей два хрустальных кольца. Одно кольцо она подарила своей прекрасной сестре Алиоре и с его помощью похитила ее красоту. Второе отдала Сартарбу, и тот, не признав Хомиры, принял ее обручальный дар. Но в то же время Молтарбу была мила Алиора. Увидев прекрасную деву в объятьях брата, он подчинился зависти. Он убил брата, пока тот спал, разрубил на части и выбросил в Яраил, оставив себе трофеем лишь его голову. Забрав кольцо, слабосильный Молтарб получил стать и могущество брата и возлег с его невестой. Но поутру богиня коварства нашла голову Сартарба и раскрыла обман. Сняв кольцо, она рассмеялась над Молтарбом, обнаружив ему свой истинный лик. Разозленный Молтарб пожелал убить Хомиру, но она обернулась дымом и укрылась в доме своего отца Нигдарабо. Следующие сто лет Молтарб провел в кабаке Тиргуша, а в уплату выпивке возвратил ему кольца. В Яраиле Хрустальные Лисы появились не так давно. Мать рассказывала, что альв из Нурисатина Шадоир выкрал их у Тиргуша четыре тысячи лет назад.

– Их украл альв? – недоверчиво переспросила Иварис. –

В эту часть истории поверить сложнее всего.

– Мать не стала бы наговаривать на свой народ, не будь это правдой. Теперь, Язар, расскажи мне все, что знаешь о своем отце.

– Его зовут Лежи, он работал архивариусом в библиотеке Седогора. Большого мне о нем неизвестно.

– Этого достаточно, – убежденно заявил Неберис. – Начните расспросы в библиотеке. Помните, что вы мои ученики, и, если попадете в неприятности, не бойтесь ссылаться на меня. Также придумайте сразу себе новые истории и имена.

– Меня зовут Далиир, – без раздумий объявил Язар, оправляя мантию перед зеркалом. – Я вырос в Грушевнике в простой крестьянской семье. Наш старый колдун Велхоир научил меня повелевать погодой, вызывать ветер и дождь, исцелять болезни и управлять скотом. Три года назад мой учитель скончался, а жажда новых знаний привела меня в Бризарион.

– А я Ильга, – столь же быстро решила Иварис. – Младшая дочь в большой семье Велхоира. Перед смертью отец благословил нас с Далииром. Последующие два года мы странствовали по миру, а сейчас поселились в Бризарионе. В нас всегда жила жажда приключений, и даже общество такого прекрасного учителя как Неберис не сможет надолго нас удержать.

– Так и случится, – добродушно улыбнулся он.

Полуальв обитал в трехэтажной Беломраморной башне.

На первом этаже располагались гостиная, кухня, трапезная, библиотека, галерея и кабинет, в который и прибыли гости. Они не имели дверей и только закрывались голубым светом колдовских пологов. Второй этаж состоял из огромного зала для практического колдовства и дюжины маленьких каморок, наполненных всевозможными магическими атрибутами. Третий этаж расширялся хрустальной сферой, венчающей башню, а располагалась здесь заменяющая Неберису кровать всего лишь одна одинокая костяная ладья. Ничего иного в этом зале не было. Но когда владелец башни ложился спать, сфера наполнялась шумом океана, и волны, накачивая, укачивали его ладью.

В просторной башне Неберис жил один, но его аккуратность хранила здесь кристальную чистоту и порядок. Всякая книга в библиотеке стояла на строго отведенном ей месте. Некоторые имели колдовские замки, и открыть их было возможно только соответствующими словами-паролями. Несколько книг представляли собой перетянутые лентами костяные таблички. Еще две, огромные для человека, вероятно, были написаны великанами. Одна книга была вылита из серебра и содержала серебряные пластины-страницы. Отдельно под стеклом лежала толстая круглая книга в синем переплете из коры яблони. Даже по корешкам было очевидно, что книги написаны на различных языках.

– Сколько же ты знаешь языков? – обратился Язар к Неберису, пораженный размером и наполнением библиотеки.

– Я знаю их все, – нескромно ответил тот.

– Ты знаешь все языки? – не поверил Язар. – Это невозможно.

– Ты забываешь, что я сын лесного духа. Я умею слышать мысли и понимать незнакомые слова. Книги – это те же мысли, но облеченные в материю.

– Иварис, а почему это недоступно тебе?

Она смутилась, будто Язар уличил ее в крайнем невежестве.

– Я всегда была закрыта от мира за пределами Деревянного острова. Понимать его и впускать в себя я начала лишь недавно.

– Это тоже книга? – Язар снял с крюка увесистую перевязь костяных табличек, скрепленную бычьими жилами.

Неберис положил ее на стол. Погрузившись в себя, он стал неторопливо листать страницы и сосредоточенно водить ладонью по рельефным пиктограммам.

– Это дневник шамана Меткого Лука Вер-Мыса, – объяснил он. – Шаманы юд-ха нередко ведут подобные дневники, с каждым годом жизни пополняя их новыми страницами. Прикасаясь к ним, я слышу хриплый каркающий голос автора. Он много рассуждает о происхождении и величии своего народа. Послушай: «Мы, избранные Молтарба, восставшие из плоти его брата. Мы несем в себе божественную суть, а значит, и сами являемся богами. Мы сильнее людей и быстрее фавнов. Мы подчиняем сильнейших животных, и

они служат нам. Мы выживаем там, откуда бегут скорпионы. Однажды Яраил будет принадлежать нам».

– Надо же, – удивился Язар. – Весь мир считает их неразумными животными, а сами юд-ха видят себя владыками этого мира.

– Все мнят себя избранными, – заметила Иварис.

– А что написано в этой книге? – он показал серебряную книгу. – Я вижу, она на языке альвов.

– Это подарок от учеников на мое двухсотлетие. Она исписана пожеланиями и только. Но эта книга для меня одна из самых ценных.

Вниманием Язара завладела круглая книга. Объемная и довольно увесистая она была вырезана из цельного дерева. Она казалась новой и еще хранила запах цветущей яблони. Книгу наполняли простейшие выщербленные из древесины графемы, но, переплетаясь, они создавали невероятно сложные узоры. Они плотно расписывали страницы, почти не оставляя пустого пространства. В этом письме не прослеживалось зримых закономерностей, и не знай Язар наверняка, что перед ним книга, счел бы ее альбомом отличных, но единых по стилю картин.

– А кто написал ее? – с интересом спросил он.

– Эта книга альмандов – первых детей Яраила. И это единственная книга, которую я не могу прочитать.

– Почему?

– Альгар есть отпечаток мыслей альмандов, он безмолвен

и не имеет звучания. Он существовал, лишь когда существовали носители этого языка.

– А что случилось с альмандами?

– Они восстали против богов и были истреблены, – ответила за брата Иварис.

Ее слова были наполнены жаром огня. И Неберис, прежде холодный и рассудительный вдруг воспринял и преумножил этот жар.

– Боги несправедливы и жестоки. Они захватили Яраил, как этезианцы сейчас захватывают Бризар. По какому праву они определяют продолжительность дня и ночи? Почему решают, когда гореть посевам, а когда давать полям урожай? Прежде это определяли духи, такие как мой отец. Но боги их подчинили, одних сковали, других изгнали в Атмару к их праотцам анияра. Они отобрали у духов силы, они сделали уязвимым отца.

Неберис замолчал, но охвативший его пожар еще долго управлял его движениями и сверкал в его разноцветных глазах.

– Я буду ждать вас вечером, – внезапно бросил он. – Не бойтесь слезки и возвращайтесь ночевать.

Галерею гости изучали уже вдвоем. И здесь чувствовалась аккуратность хозяина. Всякая картина висела ровно, не крепясь, а вместе они объединялись в одну гармоничную композицию. Размерами она значительно превосходила библиотеку и растекалась на десяток комнат, в каждой из которых

господствовал свой мотив. Многие картины демонстрировали удивительные пейзажи. Сказочные и не всегда правдоподобные они показывали дремучие леса, изумрудные луга и заснеженные горы. Но чаще всего они рассказывали о небесном океане. Это был океан дремлющий, исполненный лазурной синевы, и бурный, клочкавший тяжелыми волнами-тучами. Его озарял пронзительный солнечный свет, и милосердный свет луны, а также общий свет двух светил, когда рошъяра еще поднимались в небо неразделенными близнецами. А на одной картине в небе раскрывались два огромных белых глаза их отца Нигдарабо.

– Все эти картины написал мой брат, – горделиво заявила его сестра.

Другие картины рассказывали о жизни духов. На самом большом полотне круг Яргулварда на четырех тронах восседали аниара. Аланара Неберис изобразил юным воином в алом шлеме и с пламенным мечом, извивающимся языками огня. Арахад представил женщиной в простых крестьянских одеждах с венком на голове, серпом и копной сена в руках. Властная Акаду с коралловой короной и в голубой пышной мантии, закрыв глаза, величественно отклонилась на спинку трона. Белобородый курчавый старик Атаур с перьями в растрепанных волосах и в простой белой рясе, напротив, низко надвинулся на Яргулвард. Сидели они именно в таком порядке: огонь против воды, а земля по другую сторону от воздуха. Мировое древо между ними пестрело

цветами творения, цветами крина, которыми распускались еще не рожденные души во внешних мирах. Наибольшие из них можно было легко отыскать на картине: желудь Ядгеоса, каштан Канафгеоса и шелковицу Рошгеоса. Ближе к вершине дерева зрело яблоко, форму которого имел Яраил. Не оставил без внимания художник и внутренние миры: мир духов, теней, зеркал, снов, имен и чувств, – но все они были показаны бесформенными размытыми плодами. На вершине дерева нес дозор всевидящий и слепой четырехликий орел Аситип. Среди ветвей дремал истребитель чудовищ и пожиратель заблудших душ ужасный леопард Раваз. У корней сидел последний из трех стражей Яргулварда могучий великан Мурс. Порождая жизнь, он собирал опавшие листья и яркие цветы дерева и бросал их в реку времени Абакаду.

Столь насыщенной, столь обширной была эта картина, что рассматривать и открывать для себя новое прежде в ней незамеченное Язар мог бы часами.

Сцена на противоположной стене была ему незнакома. В ней как будто бы нагой человек стоял, прикованный к золотым вратам четырьмя цепями. Красная цепь горела пламенем, черная темнела камнем, блестела льдом голубая и дымилась едва заметная сизая. Глаза, уши и рот узника также были зашиты цепями. Жилы на его шее раздулись, могучие мышцы налились в напряжении, из-под оков проступала синяя кровь. Казалось, жуткий узник вот-вот вырвется из нарисованного плена, и тогда обрушатся стены за его спиной.

– Это Яра, воплощение небытия и непроявленного мира, – объяснила Иварис. – Силой аниара он прикован к воротам Граньяриса – стены бытия. Когда он проявится, то уничтожит все сущее и соединится с ним в изначальном духе вечности Аяра.

– Лишь из прошлой картины я узнал, как удивителен наш мир, и теперь ты говоришь, что кто-то желает его отнять.

– Я не утверждаю, что это случится.

Картина внушала Язару неприязнь и вызывала желание поскорее покинуть помещение.

Следующий зал рассказывал истории жизни занавъяра – старших духов и детей аниара. На центральной картине собрались они все. Под цветами Яргулварда венчались двое: ансуровый исполин Ансу и ледяная дева Амих. Еще двое: болезненный тщедушный Арос и обрюзгшая неряшливая Атна имели также человеческие облики. Остальные занавъяра, по шесть ипостасей каждой стихии, походили на причудливых зверей, рыб и птиц. Картина передавала зрителю великую радость сочетания супругов. Казалось, наблюдая за ними, улыбаются даже лишенные человеческих лиц занавъяра.

Но уже на следующей картине обезглавленный Ансу стоял на коленях. Из его ужасной раны вытекала дымящаяся лава, а сам он теперь походил на пробудившийся вулкан.

– Его убили рошъяра, – объяснила Иварис. – А с его смертью не осталось силы, которая могла помешать им стать бо-

гами нашего мира. Он и сейчас стоит Кровавым вулканом на южной стороне нашего мира.

– Послушать вас с братом, так чтимые нами боги только и делали, что порабощали, да убивали, – заметил Язар, вдруг став на их защиту. – И мне начинает казаться, вы также к ним несправедливы. Вы осуждаете только победителей. Но что было бы, приди к власти иные правители? Подчини нас ядьяра, мы в лучшем случае оказались бы под гнетом великанов. А покори Яраил канафьяра, и люди, быть может, никогда бы и не родились.

– Ты рассуждаешь как человек, – поспорила Иварис. – Но я дочь лесного духа. Я знаю, что было у наших предков, и что мы потеряли. Нас сделали слабее именно рошьяра. Если бы так поступили иные боги, тогда я винила бы именно их.

В следующем зале были представлены духи рангом ниже, а также другие привычные Язару существа. Юные дриады играли в прятки со своим отцом лешим, а косматый старик шутливо грозился им ветвистой клюкой. Нагие фавны, обсев костер, играли на флейтах и пили из бараньих рогов вино. Крошечные крылатые сальфы соревновались в скорости, оседлав стремительных ледяных птичек асилинов. Обхватив вершину заостренной горы, дремал четырехкрылый облачный дракон. Было здесь изображение и Каштура, на ветвях которого сидел сам Неберис.

На одной картине Язар заметил таранда и громко воскликнул:

– Это он! Тот самый зверь, что вывел меня из Ведьминого леса!

Иварис пожала плечами.

– Должно быть, просто похож.

– Может быть, – согласился Язар, присмотревшись. Вероятно, ему просто хотелось, чтобы он оказался прав.

Еще одно примечательной картиной была сцена сотворения адорантов – предков первых животных Яраила. На ней альманд ваял из глины косматого медведя. Внешностью он был в равной степени близок и человеку и альву, сложение имел атлетичное, кожу белую, как мрамор, а лицо миловидное, какое могло подойти и женщине. На плече альманда сидел ворон, а положив голову ему на колено, за его работой наблюдал черный волк. Когда Иварис объяснила Язару сюжет картины, он грустно покачал головой.

– В галерее твоего брата я увидел больше, чем за всю остальную жизнь.

– Твоя жизнь только начинается. Возможно, ты и сам попадешь на одну из картин.

Глава двенадцатая. Отцы Язара

Бризарион встретил их узкими мощеными серыми булыжниками шумными улицами и обилием тяжеловесных каменных домов. Размахом он значительно уступал городам гигантам, таким как Тронгарос Мусота или далекий южный Берхаим. Однако все строения здесь теснились невероятно близко, нередко и вовсе сливаясь воедино. В таких смежных домах жили по две, а иногда и по три семьи. Выходя за дверь, они оказывались на маленьком клочке земли, на котором не всегда могло уместиться даже одно-единственное дерево. Зелени же в Бризарионе росло очень мало, ибо на каждый свободный участок помимо природы одновременно претендовало множество смекалистых лавочников и прижимистых купцов.

Среди серых безликих построек ярким маяком выделялась Беломраморная башня Небериса. Она располагалась внутри небольшого сада, огражденная от остального города высоким забором. В саду обитали только птицы и белки, но заходить в него празднующимся не дозволялось.

Они шли тихим молчаливым садом, наслаждаясь звонким пением птиц и приятным хрустом податливого снега под ногами. Но стоило им выбраться за ограду, как воздух наполнился тысячей звуков и голосов. С трудом протесняясь между домами, по мостовой грохотал пузатый экипаж. Лавоч-

ники и уличные зазывалы расхваливали свои товары наперебой. Высунувшись из окон, переругивались соседи, а лаем им отвечали бродячие псы. Сквозь общий шум жалобно пробивалась флейта и надсадно звенела лютня неприкаянного музыканта. Разноголосица кружила голову и оглушала.

– Какой ужасный город! – заключил Язар. Он прикрывал даже свои человеческие уши и теперь уже был рад, что слух его усилиями Хрустального Лиса притупился. – И это столица нашего царства? Как можно жить в таком городе?!

– Для меня непостижимо, как можно жить в любом городе, – посмеялась Иварис.

Ярким мазком живой природы в обители мертвых человеческих валунов была река Голубой Луч. Она брала начало в глубоких подземных водах, а на поверхности продолжала ныне пересохшее русло Синего Луча. Река делила Бризарион надвое и убегала в Тревожный океан. Сейчас она дремала подо льдом, столь прочным, что по нему бесстрашно разъезжали повозки. Больше того, даже некоторые дома, не помещаясь на земле, по-хозяйски наваливались на реку.

– Что же будет, когда растает лед? – задался естественным вопросом Язар.

– Этого не произойдет без дозволения царя, – ответила Иварис. – Ведь у него с Голубым Лучом особые счета. Дух этой реки сын того старца, которого ты видел близ Золотаря. Голубой Луч беспощаден к людям и весьма коварен. Прежде он покрывался льдом с первым морозом, но лед его был об-

манчив в своей крепости. Даже в сердце зимы, когда по нему могли проехать повозки, в иной раз лед расступался и под ногами ребенка. Таким ребенком был Вулкард, когда Голубой Луч ухватил его и попытался утопить. Он ушел под лед мгновенно, и лишь острый слух моего брата услышал его приглушенный крик. Неберис выловил его и вернул к жизни. А когда Вулкард стал царем, то силой Державного скипетра обратил воду Голубого Луча в лед.

– Вот почему царь так сильно доверяет твоему брату.

– Вулкард тиран, но и ему не чужда благодарность, – согласилась Иварис.

– А что стало с речным духом? Жив ли он еще?

– Жив, я полагаю, но обессилен. И нет сомнения, он очень зол. И вот почему только мой брат должен занять место Вулкарда. Никто другой не сумеет договориться с водяным.

Язар опустился на колени и приложил ладонь ко льду. Ему почудилось, он слышит какое-то движение, сдавленное рычание и звон цепей. Как часто ему мерещились цепи. Весь мир в цепях, – подумалось ему.

Иварис положила руку ему на плечо.

– Не надо, – попросила она. – Тебе сейчас нельзя показывать свои силы.

Даже следуя подробным указаниям Небериса, они довольно долго блуждали лабиринтами улиц, прежде чем вышли к царской библиотеке. Это серое безликое здание от жилых домов отличалось только размерами. Не впечатляло и

ее наполнение, а после необычайной коллекции Небериса она казалась большим и мрачным погребом, полным никому ненужных пыльных книг.

Сейчас она почти пустовала. Лишь группа подростков, тихонько перешептываясь, что-то высматривала на полках, да недовольный старик, заткнув большими пальцами уши, хмурился и пытался читать. Поднимая глаза, он кусал губы и метал незримые молнии в другой конец зала. Там, сдвинув столы, шумно играли в кости этезианские солдаты. По старинной игрецкой традиции победители пили золотой мед Вауглина, самого известного в надземном мире цверга-богача. Остальные игроки довольствовались густым и мутным «Укротителем волн». Этот напиток изготавливали поморы далекого Мельтона по разным сведениям не то из водорослей, забродивших в рыбьих пузырях, не то из слизней, вымоченных в чернилах каракатиц.

За огромной трехэтажной библиотекой присматривал всего один человек. Болезненного вида исхудавшая женщина воодушевлялась приходу учеников Небериса. Но, узнав цель их визита, она тут же поникла.

– Я хорошо знаю Лежи, – заявила она и окунулась в воспоминания. – Я была еще совсем юной и неграмотной, когда он помог мне получить эту работу. Он учил меня истории, учил языкам. Вы не представляете, сколько он знает языков! И не только человеческих, ему даже известны языки цвергов и альвов! Полагаю, второго такого образованного человека

нет во всем Бризарионе. Разве что Неберис, но ведь он и не человек.

Гости удивленно переглянулись.

– А где он сейчас? – с волнением спросил Язар.

– Здесь, в городе... – женщина почему-то смутилась и опустила взгляд.

Но гораздо сложнее было найти дом Лежи. Несколько раз путники проходили мимо, не подозревая, что живет он в обыкновенном сарае. Изнутри дом был завален грязным тряпьем, объедками, пустыми бутылками и прочим мусором. Дверь не затворялась плотно, а сквозь многочисленные щели в сарай настырно забиралась зима. Снег лежал в углах насыпью и не таял, воздух, однако, смердел смесью мочи, алкоголя и табака. Сам Лежи оказался в гряде замаранных одеял. Он не отзывался и отказывался просыпаться, так что добыть его удалось только магией.

Выглядел он болезненно и много старше своих лет. Седые слипшимися и редкие волосы тянулись щупальцами по его щекам и шее, маленькие глаза тонули в отеком лице, а через щели редких гнилых зубов выходил невыносимый перегар.

На этот раз уже Иварис была счастлива притуплению своих чувств.

– Это вы Лежи? – спросил Язар.

Мужчина приподнялся, но уже в сидячем положении удерживался с трудом. Голова его клонилась то к одному

плечу, то к другому, он часто моргал и надолго закрывал глаза.

– Вам чего надо? – раздраженно прохрипел Лежи, когда наконец его взгляд сумел различить гостей.

– Вы работали архивариусом, верно? – продолжал Язар. Тот внушительно кивнул. – Что же с вами случилось?

– Постарел я, вот что. Глаз уже не видит, руки дрожат. Смотри! – он поднял ладонь, подтверждая свои слова мелкой дрожью пальцев.

– У вас есть близкие люди, родственники?

– Никого нет! – Лежи горько покачал головой. – Один, как ветер в поле!

– Вы были женаты?

– Жена умерла, – старик нахмурился.

– Но перед этим сбежала от вас, – напомнил Язар. – Не понимаю, как вам удалось ее соблазнить.

Лежи вскочил и рассерженно осмотрел незваных гостей вмиг протрезвевшим взглядом.

– Что вы об этом можете знать?! – вспыхнул он. – Я любил Хозалиору! Но она довела меня до всего этого, – он брезгливо обвел рукой сарай. – Я кормил ее, кормил наших детей и всю ее многочисленную семью! Ей было мало! Она хотела большой дом, золотые кольца и кружевные наряды. Разве простой работник библиотеки мог ей все это дать? Она бежала с пузатым барином в Вальфруд. Я пытался забыть себя в объятьях других женщин. Я даже имел неосторожность же-

ниться повторно. Но это было лишь мимолетное влечение. И даже сейчас спустя тридцать лет Хозалиора по-прежнему со мной. Эта гарпия когтит меня изнутри и рвет мое сердце. Теперь у меня нет ни большого дома, ни маленького, ни хорошей работы, ни плохой. И я слишком стар, чтобы менять свою жизнь. Нечего менять – кончено!

– Вы не обращались за помощью к целителям? – проникнувшись состраданием, спросила Иварис.

– Разве любовь – это болезнь, чтобы от нее лечиться? – задал риторический вопрос Лежи. – Я не всегда пьян, вы не подумайте. Надо же и пропитание себе добывать. Руки только вот трясутся... – он вновь показал руки. – И алкоголь не делает меня счастливым, но притупляет боль. Жить становится не так тяжело. Но вот сейчас... Ради чего вы привели меня в чувства? Чтобы я снова страдал? Мне нужно выпить.

Он начал рыскать в мусоре, рассматривая красными глазами пустые бутылки на свету.

– Вам нужна помощь, – настаивала Иварис.

– Уходите отсюда! – сердито пробормотал Лежи. – Оставьте меня.

Язар охотно послушался совета и потащил за руку Иварис, которая хотела задержаться.

– И это мой отец, – с горечью осознал он, оказавшись на улице.

– Не хочешь ему об этом сказать?

Язар отрицательно покачал головой. Он знал о пороках

отца, но не догадывался, как далеко они его завели. Однако судьба Лежи его мало тревожила. В сущности, его поиски, как и письмо альва служили ему лишь предлогом не возвращаться к жизни пастуха.

Но когда они ушли, и ветер уже замел их снежный след, в уютном сарае Лежи вдруг потеплело. Одиноким старик почувствовал себя лучше и рассудил обойтись без хмельного лекарства хотя бы один день.

Башня была Неберису местом уединения. Он не принимал в ней иных гостей за исключением сестры и Язара. Но однажды, когда все трое еще только завтракали за большим столом в трапезной, из коридора донеслись быстрые шаги. Иварис услышала их первой; встревоженная она призвала остальных к тишине. Язар впился руками в столешницу, но Неберис многоречиво отмахнулся и покачал головой.

– Простите, я забыл предупредить о появлении гостя.

Колдовской свет в дверном проеме встрепнулся, в комнату вошел человек в голубых одеждах небоизбранных. Это был коренной бризарец: высокий, статный и светловолосый. Голову он держал прямо, руку на бедре у костяного меча. И хотя теперь в его пустую глазницу был вправлен черный камень, Язар его сразу узнал. Он подскочил из-за стола и обнажил собственный точно такой же меч.

– Язар, – укоряющим тоном обратился к нему Неберис, продолжая сидеть. – Кеарис наш союзник и предводитель небоизбранных.

– Он хотел меня убить, – напомнил Язар.

– Нет, – возразил Неберис. – Он хотел отобрать у тебя глаза альва.

– Прости, Язар, что угрожал тебе, – Кеарис виновато опустил голову. – Но мне необходимы были эти глаза.

– Один у тебя уже есть, – заметила Иварис, рассматривая его потухший глаз. – Что ты им видишь?

– Я вижу дальше, чем любой человек. А, кроме того, глаза альва оберегает меня от диких зверей: ни одно животное по своей воле не нападет на меня.

Теперь все взгляды устремились к Неберису.

– Это эксперимент, о котором я обещал вам рассказать, – пояснил он. – Я желаю сотворить новую расу, уподобив людей альвам.

– Зачем? – задал очевидный вопрос Язар.

– Потому что считаю, человек заслуживает лучшей жизни, чем он имеет. Увы, мне не изменить всех людей – для того их необходимо оторвать от самих себя. Но хотя бы некоторым я смогу подарить гармонию с миром и счастье.

– Я думала, ты хочешь помочь народу Бризара, – разочарованно призналась Иварис. – Что ты будешь делать, когда свергнешь Вулкарда?

– Бризарцы никогда не примут царем наполовину лешего и наполовину альва. Мне нужна сила дворца Полонира. Исполнив свой замысел, я передам трон достойному человеку.

– Кому?

– Возможно, Елиаре.

– Я уважаю Елиару, – согласилась Иварис. – Она мудрая женщина и может стать достойной преемницей своего отца. Но брат, она уже старая. Ты знаешь, как стремительно угасают человеческие тело и разум. Едва ли она проживет еще хотя бы десять лет.

Это справедливое замечание больно ранило Небериса.

– Она младше меня, – холодно ответил он. – И когда в моих руках окажется дворец Полонира, я подарю ей новую молодость.

Иварис и Язар переглянулись.

– Забирай второй глаз, – рассудила она. – Право, мне необязательно было знать твоих намерений, чтобы тебе его отдать.

Неберис принял подарок рассеянно, мрачные мысли продолжали его одолевать.

– Кеарис, расскажи мне о положении небоизбранных, – попросил он.

– Господин, я принял в орден женщин. Они не умеют сражаться, но все чистокровные бризарки.

– Давно следовало, – согласился альв. – Вам же нужно будет как-то продолжать род. Не было ли новых столкновений с этезианцами?

– Солдаты Вулкарда не оставляют попыток унижить нас и задеть. Но с тех пор наши люди ведут себя еще осмотрительней.

– А что произошло в тот раз? – заинтересовалась Иварис.

– Трое пьяных солдат увязались за небоизбранным, – ответил ей брат. – Они застали его в баре и не позволили ему бежать. Никто из постояльцев не осмелился вмешаться. Они отрезали ему косу и срывали с него одежды. Возможно, они приняли его за женщину, а может и нет. Завязалась драка. Небоизбранный перерезал всех троих. Этезианцы желали ему казни, но на суде мне удалось его оправдать. Он бежал из города, но уже с другой стороны стен солдаты подкараулили его и убили. С тех пор они не упускают случая спровоцировать небоизбранных: иной раз безвинно наступят на ногу, а порою и незаметно уколют ножом.

– Господин, я знаю, Вулкард покровительствует небоизбранным, но этезианцы смелеют день ото дня, – продолжил Кеарис. – Я предлагаю временно отказаться от наших одежд и затаиться.

– Вы не должны прятаться, – возразил Неберис, оскорбленный таким предложением. – Я обсужу этот вопрос с царем. Уверен, он приструнит этезианцев.

Иных дел в Бризарионе у Иварис и Язара не имелось. Но теперь против собственной воли они оказались узниками города. Проводить их обратной дорогой через зеркало Неберис наотрез отказался, находя это неоправданным риском. Но еще неразумней было бы пытаться покинуть Бризарион на своих двоих или иным колдовством. Город патрулировали не только этезианские солдаты, но и маги. Новоприбыв-

ших они рассматривали пристально, часто останавливали и расспрашивали. В час, когда вальфрудские войска победно шествовали по Бризару, появление двух неизвестных магов коренного народа вызывало понятные опасения. Впрочем, имя Небериса имело над этезианцами магнетическую силу, и ограничивать их свободу они не решались.

– И почему Вулкард не вышвырнет этого альва из нашего города? – задавались вопросом одни солдаты.

– Политика, – объясняли другие. – В лице Небериса царь имеет доверие бризарцев. А реальной власти у альва никакой.

Немало времени было у них для изучения обороноспособности Бризариона. В сравнении с хрупким частоколом Золотаря толстые каменные стены города выглядели образцом неприступности. На многие версты они тянулись зубчатыми парапетами – мерлонами – и пристально щурились навесными стрельницами – машикулями; через них уже на последнем этапе сражения велся навесной бой, когда обороняющаяся сторона обстреливала противника, подобравшегося к самым стенам, а также забрасывала его камнями, кипящей смолой и маслом. По периметру город охраняли высокие круглые башни, а на их крышах размещались боевые метательные орудия.

Однако при тщательном изучении выяснилось, что городские стены не так уж и надежны. Возвышались они всего на шесть сажень, со времен возведения никогда не восстанав-

ливались, да и в сражениях не испытывались.

Несколько крепче казались стены дворца Полонира, твердыни Вулкарда. Они и поднимались выше, и превосходили городские стены шириной. Но в первую очередь их защищало сильное охранное заклинание. Оно было выложено выступающими камнями стен, многократно повторялось и замыкалось кольцом. Заклинание создавало барьер, преодолеть который не могло ни живое существо, ни оружие, ни магия. Впрочем, и в его неуязвимость Иварис не верила, полагая, что, если потребуется, ее брат сумеет обойти эту защиту.

По замыслу же самого Небериса, одновременно с приходом вальфрудского войска внутри Бризариона вспыхнет восстание. Город добровольно распахнет ворота и впустит армию. Этезианцы сдадутся стремительно, ибо не станут умирать на чужой земле. Без их защиты немногочисленным истовым сторонникам царя нечего будет противопоставить объединенным силам Вальфруда, небоизбранных и коренных жителей Бризариона.

– Но ведь сам Вулкард сильный маг, – не сдавался Язар.

– Он всего лишь человек, – возражал Неберис. – Не сильнее меня, Иварис, или тебя.

Когда Язар в очередной раз напомнил ему о своей неспособности колдовать, тот повел его в зал практического колдовства на второй этаж башни.

– Значит, пора научиться, – рассудил он.

Для волшебников зал практического колдовства являет-

ся особенным местом. Их устраивают в собственных домах, где тайно экспериментируют и часто творят куда более разрушительную и жуткую магию, чем на глазах остального мира. Здесь они испытывают и познают себя. Если библиотека мага есть его разум, то зал практического колдовства это его сердце. Маг раскрывается перед ним, отворяя секреты, какие хранит и от лучших друзей. Но чтобы удерживать его тяжелые тайны, стены колдовского зала должны быть прочны и немы.

Секреты Небериса были столь велики, что заключавшие их стены не имели даже дверей.

– Стены замка настолько надежны, насколько прочны их врата, – объяснил он. – У меня этой уязвимости нет.

Он прикоснулся к стене рукой, и охранное заклинание, распознав хозяина, исказило пространство: теперь белый мрамор башни был не тверже воды. Пропустив гостей, камень возвратил структуру.

А вот изнутри в зале уже были двери. Все они состояли из серебра и запирали маленькие комнатки с магическими вещами. Пока Неберис отлучился в одну из них, Язар изучал помещение. Это был огромный и совершенно пустой зал. Здесь, как и во всей башне, в неподвижной чистоте не кружило и пылинки. И, несмотря на предназначение, в нем невозможно было обнаружить даже мельчайшей царапины или иных следов разрушительного колдовства. По всей длине зала, высеченные из камня, тянулись писанные рошьян-

тисом узоры, местами они дополнялись вкраплениями жемчуга, слюды и хрусталя.

В центре зал поднимался круглой серебряной площадкой, которую окружали два выбитых в мраморе кольца. Идущие от нее письмена пересекали первое пустое кольцо и сливались со вторым, заполненным серебром.

Неберис посыпал внутреннее кольцо янтарной крошкой и расставил на нем шесть тоненьких, как мизинцы, голубых свечей. Такие свечи использовали в ритуалах альвы, а изготавливали их из воска, который производили голубые пчелы небесного океана. Свечи он соединил гексаграммой лентами из кожи саламандр.

Язар поднялся на постамент. Неберис обошел гексаграмму по лентам, зажигая колдовством одну свечу за другой. Все они разгорелись алым. Закончив, альв вышел из круга.

– Я отправлю тебя в Атмару – мир духов, – предупредил он. – Если ты не человек, то сумеешь вернуться живым.

Язар, изумленный таким поворотом, уже хотел спрыгнуть с постамента, однако магия Небериса опередила его.

Он падал в пестрый водоворот. Красная, синяя, желтая, зеленая, белая и черная волны накатывали на него со всех сторон, как лепестки огромного горящего цветка. Каждая из волн желала забрать добычу себе, каждая пыталась поднять его на гребень, а затем утопить. Жар белой волны был ему приятен, а тепло желтой волны придавало ему сил. Зеленая волна будто вымывала из него части, а черная забирала его

тепло. Синяя волна умиротворяла и унимала тревоги. Но все они были далеки Язару, он противился и не желал им служить. А когда на него накатила красная волна, он не стал с ней бороться. Он утонул в красном пламени и воссоединился с ним.

Язар открыл глаза. Нагой он лежал на огромном рубине и смотрел в горящее красное пламя. Языки огня двигались размеренными волнами, а на их гребнях скользили розовые, алые и вишневые молнии. Все пространство вокруг занимало красное пламя. Там, где человеку привычно небо, оно летало светлыми облаками, а под ними стелился бескрайний густой океан. Если бы Язар пожелал достичь дна этого океана, он достиг бы синего, а затем и зеленого мира. И так, пока не вернулся бы с небес к камню, на котором лежал.

В блеске рубина Язар заметил тонкие, как паутина, яркие красные лучики. Они беспорядочно перемещались, словно гонялись друг за другом, играя.

– Будто живые, – высказался Язар, поднося к ним ладонь.

Лучики замерли от его голоса, а затем прыгнули ему на ладонь и продолжили танцевать. И вдруг Язар услышал идущий отовсюду дружный звонкий хор.

– Мы чули – нити творения Аланара. Здесь все состоит из нас, и даже ты, смешной элементаль.

Язар изумленно заозирался сторонами, но больше ответить ему было некому.

– Я не элементаль, – возразил он.

– Тогда как ты понимаешь нас, лишенных голоса и рта? – спросили чули.

Только тогда Язар понял, что это не свет окрашивает его кожу. В Атмару он имел только дух, который его квинтэссенция душа привязывала к внешнему миру. Свободный от плоти и других эссенций он видел свой дух в незапятнанной замысленной аниара чистоте. Как и пейзаж вокруг, он состоял из красного пламени, однако венами извивались в нем прожилки черного, белого и желтого огня.

– Где я? – спросил Язар.

– Ты в доме Ярхота и в царстве Аланара, – объяснили чули. – Здесь ты родился. Хотя в тебе есть цвета и других домов. Откуда ты пришел? Ты заблудился?

– Я из Яраила, – вспомнил Язар.

– Что ты там делал? – теперь изумлялись чули. – При Нигдарабо в Яраиле было гораздо теплее. В лето Двух солнц вдвое больше света, чем сейчас. Теперь Яраил совсем холодный, он остывает. Ты пришел согреться?

– Я пришел, чтобы узнать себя.

– Если что-то ищешь, тебе помогут ранофи. Вон они стремительно летают в небесах.

Зрение у Язара и сейчас оставалось великолепным. Присмотревшись, он различил среди облаков разноцветные летающие фонарики. Как и чули, ранофи относились к элементам первого чина, однако они не были привязаны к определенному миру и свободно перемещались по всем ше-

сти домам. Старшие элементали покровительствовали им и передавали через них послания, потому ранofi оставались неприкосновенны даже внутри враждебных домов.

– Но как мне к ним добраться? – спросил Язар.

– Лететь, конечно, – вновь изумились чули. – Только помни: между домами идет извечная война за обладание всем Аланаром. Здесь ты в безопасности, но в других домах тебя попытаются убить. А когда ты умрешь, то вновь станешь частью нас.

Язар подпрыгнул и постарался взлететь. В самом деле, это оказалось не сложнее, чем ходить. Гораздо тяжелее было управлять полетом. Его беспрерывно влекли к себе иные силы, как увлекает течение рыбу или птицу воздушный поток. Он пролетал сказочные, не виданные им даже в галерее Небериса картины. Он видел шагающие по горящему красному океану деревья. Они зачерпывали ветвями пламя и умывались им, словно утренней росой. На их вершинах гнездились крылатые алые змейки. Они лежали на пятнистых гранатовых яйцах, свернувшись клубками. Он видел огненные вихри и стремительные сияющие облака. Он видел наквулов – старших элементалей четвертого чина, принимающих облики дымящихся раскаленных гор. Они вырастали из океана и утопали в облаках. Но даже горы не оставались постоянны в этом подвижном мире. Они то разгорались ярче, то тускнели, то вытягивались, то раздувались, словно дышали. Живущие на них огни младших чинов принимали фор-

мы причудливых существ.

Они не обращали внимания на Язара, но одно из них, похожее на длиннокрылую птицу с бычьей головой, вдруг бросилось ему в след.

– Стой! – крикнул элементаль; он относился к рёкстором, самой многочисленной группе огненных элементарей второго чина.

Язар послушался. Теперь он парил, поддерживая себя взмахами рук, словно находился в воде.

– Ты ранен. Позволь я вырву из тебя огни других домов.

– Нет, я здоров, – возразил Язар. – Эти огни всегда были со мной.

– Так ты четырехликий, – рассудил элементаль. – Какому из домов ты служишь?

– Я здесь впервые и служу только себе.

– Я так и знал.

Внезапно рёкстор устремился на него. Язар попытался увернуться, но не успел, и алый рог нападавшего прошелся сквозь его плечо. Он не испытал боли, а только с удивлением наблюдал, как из глубокой раны во все стороны стремительно разбегаются чули.

– Остановись! – крикнул Язар, избежав второго удара в последний момент. – Я тебе не враг!

– Ты враг красного дому, – поспорил рёкстор, продолжая нападать.

– Неправда! Ведь и сам я состою из красного огня!

Противник сделал паузу, зависнув в небе. Размеренно, чуть не по слогам, он объяснял Язару, как неразумному ребенку.

– Ты забираешь силы у Ярхота, но сам ему не служишь. А потому ты делаешь наш дом слабее и уязвимей для других огней. Не сопротивляйся, я расплету тебя на чули, чтобы Ярхот сумел сплести иное полотно.

Сказав так, элементаль возобновил атаку. Язар попытался улететь, но противник лучше маневрировал в огненных потоках. Он легко догнал его и уколол в ногу. Этот удар оказался гораздо сильнее первого. Язара закрутило и отбросило в сторону. Он пролетел сквозь одну багряную тучу и упал на другую, а когда попытался подняться, к ужасу обнаружил, что по колено лишился одной ноги.

Яркой молнией мимо пролетел огромный тощий илоним – элементаль уже третьего чина. В его ослепительном гранатовом свете Язар упустил противника. Они сошлись внезапно и слились воедино. Враг окутывал Язара мертвой хваткой. Он глубоко вонзил ему в живот рога и, медленно поднимая голову, рассекал его тело двумя сквозными бороздами. Язар пытался удерживать рёкстера руками. Однако он не мог высвободиться и почти не мог шевелиться. И вдруг его руки стали проваливаться в голову врага. Нити желтого огня потянулись к элементалю.словно яркие лезвия, они резали его на мелкие части. Хватка рёкстера ослабевала, он распался на отдельные всполохи и угасал.

– На помощь, братья! – крикнул он, исчезая.

Из его пламени Язар соткал себе новую ногу. И больше того, победив, он почувствовал себя даже сильнее. Пламя поверженного элементаля осталось с ним и слилось с его собственным огнем.

Но на зов элементаля уже летели сотни рёксторов. Хотя теперь они не могли догнать Язара, но он боялся, что они привлекут на свою сторону и более могущественные огни. А еще он не знал, есть ли в этом открытом лишенном направлений мире укрытия. Отыскав ранофи, он последовал за ними, надеясь, что они его к такому месту приведут.

Он смешался со стайей пестрых фонариков и сразу почувствовал себя в безопасности. Теперь он летел медленней, и рёксторы его быстро догнали. Однако преследователи не решались атаковать, опасаясь ранить фонариков и навлечь на себя гнев их покровителей. Некоторое время, бессильно шипя и рыча, они летели следом, но вскоре, отчаявшись, вернулись к наквулу.

– Куда вы летите? – спросил Язар ранофи.

– Мы несем послание Ярхота Кордриму. Четырехликий элементаль, используя желтый огонь, поглотил его рёкстора. Ярхот хочет узнать, откуда ты взялся, Язар, и просит Кордрима помочь распустить тебя на нити Аланара.

– Меня хотят убить за то, что я защищался?! – поразился Язар их словам. – И кто такой Кордрим?

– Это повелитель желтого дома. Следуй за нами и уви-

дишь его.

Они продолжали лететь. Пейзаж вокруг почти не менялся, это были все те же сказочные огненные горы, кипящие моря и клубящиеся облака. Но постепенно они становились все желтее. Красный огонь плавно переходил в оранжевый. И здесь, на границе домов, происходило извечное противостояние двух занавъяра. Полчища элементарей с обеих сторон схватывались в смертельных объятых. Погибая, они возвращались в неосвоенный огонь, а затем, получая новые обличья, снова и снова продолжали воевать. Повсюду сверкали молнии красных и желтых оттенков, зажигались ослепительные вспышки и расплзались дымными облаками цвета.

– Да ведь их здесь тысячи! – поразился Язар. – А Ярхота беспокоит смерть одного-единственного элемента, которого убил я!

– Война ведется на границе, – объяснили ранофи. – А ты совершил убийство в самом сердце красного дома.

– Убийство, – задумчиво пробормотал Язар, не вполне уверенный, что они использовали подходящее слово.

Но и в самом деле, лишь только сопровождение фонариков позволило ему пересечь границу. Картина ужасной битвы раскрыла ему всю опасность этого мира, и теперь Язар боялся их от себя отпустить.

Ранофи летели одной большой стаей, пока под ними не остался лишь пустой неоглядный желтый океан. Исполнив свой долг, они разлетелись сторонами, оставив Язара в оди-

ночестве против повелителя этого дома.

Занавъяра вышел из горящего океана, а вернее это океан вздыбился и проявился им. Повелитель желтого дома вырос-тал, вбирая в себя окружающий огонь и маня его, как магнит. Волны и облака вливались в его исполинскую фигуру, и да-же сам Язар борол в себе желание воссоединиться с ним. За-навъяра предстал перед ним рогатым медведем. Его длинная курчавая шерсть походила на горящий лесной ковер, а жел-тые без зрачков глаза-топазы сияли подобно солнцу. Одни эти глаза были столь велики, что Язар мог легко уместиться в каждом из них. Глаза повернулись к нему, и на мгновение он ослеп.

– Кто ты такой, Язар? – спросил занавъяра. Голос его сто-ял в небе, гудел тучами и долго не затихал.

– Не знаю, – признался тот. – И я пришел сюда, чтобы это узнать.

– Значит, ты из Яраила? – продолжал Кордрим. – Кто ты в нем: озеро, молния или река?

– В Яраиле я всего лишь человек. Кто-то очень похожий на человека, – поправился он.

– Человек? – занавъяра наклонил голову, желая рассмот-реть его получше. Его яркие глаза вращались вокруг своих осей во всех направлениях, словно ничто не удерживало их в глазницах. – Тогда почему в тебе так много огня?

– Может быть, во мне и воды много, – неуверенно пред-положил Язар.

– Воды в тебе совсем нет, и уже поэтому ты не можешь быть человеком. Всякому смертному существу нужна вода, без воды они сгорают.

– Вот и я сгораю.

Он грустно отвел глаза, но затем решительно посмотрел в сияющие топазы Кордрима. Под его твердым взглядом занавъяра унял свой пыл и позволил ему рассмотреть себя. Язар увидел истощенный высушенный силуэт, какой мог иметь узник и почти уже мертвец. Волосы его шевелились за плечами тремя огнями, а глаза горели алым светом.

– Нечто удерживает тебя и тушит твоё пламя.

– Черный огонь, – вспомнил Язар и посмотрел на себя. – Когда я отдаю свое тепло другим, то ощущаю холод. А затем вижу на себе эти жуткие черные молнии.

– Ты не родился с ними, – убежденно заявил Кордрим. – Но кто-то вплел их в твой огонь. Ты лечишь белым пламенем Вайшама. И когда остываешь, его место занимает холодный огонь Абимора.

– Я могу вырвать из себя этот черный огонь?

– Сможешь, когда возвратишь свою силу. Пролети шесть небес и проплыви шесть океанов. Собери благословение моих братьев. А мое благословение уже с тобой.

Сказав так, Кордрим воздел свою могучую лапу, зачерпнул с небес желтого огня и обрушился на Язара. Когда возникшее ослепительное сияние угасло, Язар увидел себя на огромном топазе посреди океана, укрытым доспехами жел-

того огня.

Теперь он перемещался один, однако и без проводников-фонариков уже знал дорогу. В желтом доме благословленного Кордримом Язара не пытались атаковать. Беспрепятственно преодолел он и белую границу, ибо Вайшам враждовал с черным и зеленым домами. И хотя в Язаре было много черного огня, здесь в нем рассмотрели и белые нити.

Он миновал кучевые горы и реки седого огня и самого занавъяра встретил в стремительном огневороте белых молний, заменяющих собой и небо, и океан.

Вайшам предстал перед ним огромным сияющим соколом. Его крылья ветвились будто бы хвойными лапами-молниями и топорщились тонкими иголками-шипам. В глазницах занавъяра блестели многогранные бриллиантовые глаза.

– Я ждал тебя, Язар, – произнес Вайшам. Его громоподобный голос расколол белое небо и вызвал где-то во внешнем мире огненный ураган. – Ты желаешь вырвать из себя нечистое пламя моего заклятого врага Абимора, а значит, ты мой соратник и друг.

– Помоги мне советом, – попросил Язар. – Расскажи о шести огнях Аланара и о том, как мне их преодолеть. Не все из владык, я полагаю, будут мне рады.

– Запомни! – Вайшам взмахнул крылами, и перья его зашумели тысячами колоколов. – Один огонь преодолагает второй, но все мы равны! Белое пламя одолевает черное, а черное побеждает желтое. Желтый огонь сильнее красного,

а красный сильнее синего. Синий огонь повергает зеленый, а зеленый повергает меня. Сила же моего огня тебе хорошо известна: она исцеляет раны и дарует новую жизнь. Черный огонь отбирает тепло, желтый возвращает и наделяет силой. Свиристый красный способен только разрушать. Синий огонь очищает душу и разум. Зеленый, напротив, есть для всего отрава.

– Благодарю тебя, владыка, за этот урок, – Язар вежливо поклонился.

– Теперь раскрой в себе мою силу и ступай.

Вайшам сложил крылья и устремился к Язару. Он пролетел сквозь него, но в нем же и остался. Язар содрогнулся, но устоял. А когда он открыл глаза, то увидел за своими плечами большие и белые крылья.

Следующим Язар рассудил посетить синий дом. Ему нужна была эта сила, чтобы одолеть зеленое пламя, а перед решающим сражением с Абимором он хотел заручиться поддержкой других домов.

Обитатели Мирханта были ему не рады. Он по-прежнему нес в себе больше всего красного пламени, а значит, был для них первым врагом. Сражение для него началось уже на синей границе.

– Ярхот! Ярхот! – неотступно кричали ему в след синие огни.

Он не стал сражаться и доверился крыльям. Он летел стремительно, так что большинство элементарей не могли

его догнать. Самых упорных преследователей он отгонял губительными для них красными лучами, однако никого из них не убивал.

Мирханта он встретил в океане тяжелых кустистых туч. Чудовищный волк сверкнул сапфировыми глазами, взмахнул крылами-облаками и обнажил свои жуткие сабли-клыки. Он протяжно завыл, и покорно попятились преследователи Язара. Они остались вдвоем. Мирханта пронзительно смотрел на него и молчал, а из его пасти с размеренным дыханием вырывались голубые клубящиеся облака.

– Владыка чистого пламени! – Язар почтительно поклонился. – Я вышел из бушующего океана Ярхота. И я пришел к тебе, потому что мне не хватает покоя и не хватает твоего огня.

– Ты явился без дозволения и принес волнение в мой покойный мир, – рассуждал Мирханта. – Но ты не стал кусать меня и не пытался украсть мое пламя. Ты пришел ко мне без страха и с открытой душой. И потому, я полагаю, ты достоин синего огня. Я дарю тебе свое благословение. Но ответом потребую послужить мне. Ты, Язар, принесешь от меня весть Голгриду. Ты укусишь его и приручишь его огонь.

Язар не желал вовлекаться в конфликты занавъяра и вызывать недовольство владыки одного из домов, но и слова Мирханта не были просьбой, которой он мог отказать.

– Я приручу огонь Голгрида, – пообещал он.

Тогда Мирханта, расправив крылья, растворил пасть и рух-

нул на него, будто бы пожирая. Но он прошелся сквозь Язара, не причинив ему вреда. Когда синий поток угас, в своих руках Язар увидел сияющую голубую молнию.

Теперь ничто не мешало ему отказаться от обещания. Но он еще долго пребывал в смятении и не знал, как поступить, даже оказавшись у зеленой границы.

Здесь он уже не мог прорваться без боя, а пограничные смешанные огни не подходили для его нужд. К счастью, голубые элементали восприняли его своим генералом, ему подчинились вторые и даже третьи чины.

– С благословением Мирханта мне нужно попасть в сердце зеленого дома, – объявил он своим новоиспеченным солдатам. Сказав так, он сделал выбор и уже не мог повернуть назад.

Элементали слушались беспрекословно, им несвойственны были человеческие сомнения и другие чувства. Они защищали Язара во всех направлениях, а сам он клином прорезал вражеский стан. Синее копье-молния легко справлялось с противниками: малых элементарей оно разделяло на части, в крупных выпаживало глубокие борозды и пробивало сквозные дыры. Стремительным парусником Язар разрезал встречные волны, он рассекал изумрудные тучи, разбивал малахитовые молнии и лучи.

И все же союзная армия вокруг него редела. Она не успевала за ним, вязла в равных сражениях и неизбежно угасала. Язар пробил ряды защитников, сломил напоследок многого-

лового нефритового илонима и в одиночестве устремился в пустыню зеленого огня.

Отовсюду к нему тянулись защитники-элементали, но все они не могли его ни замедлить, ни удержать. И вдруг перед ним огромной песчаной косою поднялся элементаль четвертого чина нархаб.

– Сегодня я стерегу покой владыки, – объявил он. – Возвращайся, откуда прибыл. Тебе не похитить зеленого огня.

Язар бесстрашно ринулся в атаку. Синим копьём он прорезал дыру в нархабе, но тот, как огромное облако, как бестелесный дым, сомкнулся вновь. Противник начал душить его, он наседал со всех сторон. Скованы зеленым пламенем оказались руки Язара, а сдавленные крылья уже не могли его умчать.

– Ты слишком маленький, чтобы со мной тягаться, – смеялся нархаб, продолжая его душить. – Искра не подчиняет костер, она становится частью костра.

– Тогда мне нужно стать больше, – понял Язар.

Он уже не противился объятию нархаба. Он вдыхал его в себя, он грыз его и пожирал. Он вобрал элементалья в себя полностью и без остатка. Он увеличился в размерах, но главное, стал гораздо могущественней и сильней. Теперь зеленого пламени в нем было не меньше, чем любого другого огня.

– Голгрид! – громко позвал Язар; теперь это был не голос слабосильного человека, так мог звучать готовый разразиться лавой вулкан.

И занавъяра проявился. Он вышел из неба и вышел из пустыни, в безумной неутолимой жажде он выпил все ближайшие огни. И хотя Язар вобрал в себя целую гору, но перед хозяином зеленого дома по-прежнему оставался все так же мал. Голгринд походил на тощую оголодавшую гиену с тысячей копьев-зубов, острым шипастым хребтом и саблями-когтями на лапах. Глаза его светились яркими солнцами-хризолитами. Рассматривая гостя, он беспрерывно лязгал зубами, отрывисто рычал и вращал головой.

– Неслыханная дерзость! Ты, многоликий дух, пробрался в сердце моего дома и пожрал стража моего огня! – пролаял он. – Твой голод неутолим! Как мне это знакомо! Ты думал, я буду в гневе? – засмеялся он, заметив смущение гостя. – Я восхищен!

– Я благодарен твоему огню, – признал Язар. – Для пробуждения мне не хватало именно его. Я голоден и это осознал только сейчас. Но здесь мне нечем насыщаться, мой стол ждет меня в Яраиле.

– Тогда ступай на пир, Язар, не медли! А мое благословение ты уже взял.

Язар с признательностью поклонился, но не спешил покидать Атмару.

В дом Абимора он прошел, не встретив противленья. Неспешные черные элементали расступались перед ним юркими угрями и растекались волнами. Они указывали ему путь и дружелюбно кивали. Они провожали его тысячами

глаз, жужжали в след, шипели и протяжно выли.

Тяжелая черная туча лежала перед Язаром горою. Она заменяла собой и небо и землю и заполняла все пространство, какое мог охватить его глаз. И вдруг она начала медленно разворачиваться кольцами. Язар увидел чудовищного питона с пастью бегемота, с огромными клыками и парой ониковых глаз. Абимор наклонился к нему со своей колоссальной вершины и теперь слепо рассматривал, как рассматривает слон муравья.

– Так это ты многоликий дух-мятежник, что прячется под плотью человека? – спросил он, и шепот его голоса содрогнул небеса.

– Я не мятежник и ни от кого не прячусь, – с вызовом поспорил Язар. – Напротив, я ищу себя.

– И что же ты нашел здесь, в своем сердце?

– Союзников. Я желаю схватиться с силой, что меня породила. Я хочу вызволить из Атмару свой дух и обрести истинного себя.

– Так-так, – прошипел Абимор. – Но сражаться ты хочешь не со мной.

– Верно, – согласился Язар. – Я думал, ты мой враг, но я ошибся. Я родился в красном доме, но кто-то вплел в меня нити твоего огня. Однако красный дом не враждует с черным, а значит, никто из занавьяра не стал бы так поступать. И все же твой огонь меня сдерживает и не дает восстать тому, кем я был рожден. Прошу тебя, хладный Абимор, – Язар

поклонился. – Разрежь черные нити и освободи меня.

– Ты лишен рассудка, Язар, если просишь об этом. Посмотри на себя! Кем ты стал в этом мире? Ты бушующий вихрь пяти огней, сдерживаемый тонкой паутиной. Как скоро я заберу у тебя свой огонь, ты сгоришь, разорванный ими на части!

Язар задумался над его словами. Он не знал, кем был и кем окажется, возродится или останется прахом. Он хотел узнать правду о себе, но не ценою жизни. И пускай в нем и таился древний дух, но сам Язар оставался обычным жизнерадостным юношей.

– Я сгорал и прежде, – рассудил он. – И этот порочный круг необходимо разорвать.

– Да будет так, – бесстрастно прошипел Абимор. – Я вырву из тебя свой огонь и положу к твоим ногам. Он твой, распоряжайся им, как пожелаешь.

Он разверз свою чудовищную пасть и высунул язык из смежных черных молний. Он обрушился на Язара неистовым вихрем, пролетев сквозь него от головы до кончика своего хвоста. Когда этот смерч угас, Язар увидел на своих руках черные извивающиеся оковы. Он мог их снять, но делать этого не стал.

Он вернулся в красный дом, в смирении опустил на колени перед рубином, на котором очнулся, и позвал:

– Ярхот, я пришел просить последнего совета и попрощаться.

Красный океан вздыбился вулканом, извергся горячей лавой и застыл исполинским тигром. Сила Ярхота выгибала его спину дугой, распирала мощные, налитые мышцами лапы и сияла рубинами глаз. Занавъяра тяжело и шумно дышал, и от одного только его дыхания содрогался весь красный дом.

– Отец! – воскликнул Язар. – Я облетел шесть небес и переплыл шесть океанов. Здесь, в сердце Аланара, я обрел великую силу. Но я так и не познал себя. Так скажи мне, разрушительный Ярхот, кто же я?

– Ты соткан из моего огня, но не я тебя соткал, – прорычал Ярхот. – Хочешь узнать себя – вернись в Яраил и спроси об этом у своего отца.

– Мой отец ничтожный пьяница, – с грустью вспомнил Язар. – Во всяком случае, это единственный отец, которого я знал.

– Пьяница? Ха! – Ярхот выдохнул золотистое облако. – Это незаслуженная клевета. Мой мир недоступен Семурье, но когда я проявляюсь в Яраиле, то вспоминаю, что значит ненавидеть. И тогда я ненавижу твоего отца. Однако твой отец никогда не бывал в кабаке Тиргуша.

– Мой отец... – пробормотал Язар, размышляя.

И вдруг он все понял. Конечно же, это было так просто, так очевидно. Отец был первым, кого он увидел в этой жизни. Отец всегда был рядом, следил за ним, оберегал. Язар всегда догадывался о своем происхождении, но скрывал это знание тщательно ото всех и особенно от самого себя. Мно-

го времени потребовалось ему, чтобы свыкнуться с истиной. Ярхот не торопил его и смиренно ждал.

– Но почему ты ненавидишь моего отца? – спросил Язар. – С ненавистью ко мне обратился и Атнамор.

– Вы приручили нас как диких животных. Вы обратили ветер против земли и воду против огня. Вы поработили наш общий мир.

– И чего вы, занавъяра, хотите?

– Мы ничего не хотим, – возразил Ярхот. – Я существую в пламени дракона и в свете солнца, в огне пожара и костра. Мне безразлично, где существовать. Я живу внутри тебя, Язар, и откликнусь, как только ты позовешь. Я сокрушу твоих врагов, а затем сокрушу тебя. Ты это знаешь – это твое проклятье. Но также ты знаешь, как его разорвать.

– Сбросить оковы, – продолжил Язар.

Ярхот внушительно кивнул.

– Вырви из себя Абимора, и ты освободишься. Разбей Часы Застывшего Часа, и ты умрешь в последний раз.

Язар решительно посмотрел ему в глаза. В них он увидел себя: раздутого, как облако, крылатого, в золотых доспехах, в черных оковах и с лучистым копьём в руках.

– Я сделаю это, – пообещал он Ярхоту и себе.

– Тогда ступай, сын пламени, навстречу смерти.

Ярхот поднялся на задние лапы и обрушился на него всем жаром красного огня. Огонь туманил взор Язару, едкий пепел щипал глаза, тяжелый чад пробирался в грудь. Его кры-

ля поникли, его раздутый дух унялся. Он упал, и копьё, пробив его золотой доспех, вошло ему в сердце.

Язар очнулся. Он стоял в центре гексаграммы, озаренной светом шести свечей. Каждая из них теперь горела отличным, но одинаково хорошо знакомым ему огнем. Небериса в зале практического колдовства не было. И, вспомнив о своих долгих похождениях в Атмару, Язар испугался, что провел в трансе уже много дней. Он торопливо сбросил мантию и осмотрел себя. Его пепельная кожа вновь была однородна, а жуткие черные прожилки покинули его, но теперь собрались черными браслетами на запястьях. От них шел замогильный холод. Потянувшись к ним пальцами, Язар понял, что сумеет их снять. Однако понял он также, что только браслетами его нечеловеческий дух удерживается в этом слабосильном теле. Он сделал шаг и пошатнулся – так непривычно, так неуклюже показалось ему собственное тело. Когда он вышел из гексаграммы, свечи погасли.

Дети лесного духа дожидались его в кабинете. Иварис рассматривала магические безделицы на витринах, а ее брат сидел за бюро, в задумчивости подперев подбородок руками. Они повернулись к нему одновременно, и на их лицах отразилось удивление.

Язар увидел себя в отражении большого зеркала. Лицо его не изменилось, но только горели рубинами прежде слепые глаза.

– Сколько меня не было? – спросил он.

Неберис развел руками.

– Солнце все там же. Я лишь недавно оставил тебя.

Тогда Язар выбежал на улицу. Он не таился, не надевал кольца.

– Эсмаид! – прокричал он громко.

Золотая ладья продолжала свой размеренный путь. Вечно юный светлоликий бог горделиво стоял у нее на носу и улыбался. Его длинные прекрасные локоны волнами уходили за плечи. На руке Эсмаида сидел ястреб Зарок и взмахами крыл разносил Яраилу его божественное тепло.

– Отец! – вновь позвал Язар и продолжил, уже спокойней. – Я знаю, ты меня слышишь. Тогда почему молчишь? Какую тайну ты от меня скрываешь? За что бросил к людям, заставил вечно рождаться и умирать?

– Язар! – раздался окрик. Тот вздрогнул, но это всего лишь его звал Неберис. Встревоженные его внезапным уходом они с сестрой спустились следом. – Надень кольцо, тебя могут увидеть. Ищейки Вулкарда...

– Ах, что мне до твоего царя! – вспыхнул Язар.

– Он и твой царь тоже, – напомнила Иварис. Она подошла к нему ближе и присмотрелась. Он был необычайно взволнован, взгляд его метался, не способный на чем-то остановиться, а руки лихорадочно тряслись. – Что произошло в Атамару? – она осторожно притронулась к его плечу и тут же одернула руку, ожегшись. – Ты весь горишь!

– Мне жарко... – он вновь посмотрел на небо, но теперь

перед его взглядом вдруг закружились в танце разноцветные огни. Ему почудилось, он вновь в Атмару. Вокруг него шесть занавьяра, их облики величественны и ужасны. Они смыкаются над ним единым океаном, накатывают и удушают. – Я просто хочу жить... – грустно прошептал он и повалился на землю.

Ему снился густой черный чад. Отовсюду доносился металлический звон, и звучали тяжелые шаги, словно исполинский узник ходил вокруг Язара кругами. Громовое дыхание узника проникало сквозь дым и приносило с собой один и тот же вопрос.

– Где ты?! – гремел нечеловеческий раскатистый голос. – Где ты?!

Эти выкрики окропляли Язара кровавыми искрами. Они ложились ему на плечи и тянулись до пят. Искры сошлись в алый плащ. Он был столь тяжел, что сваливался с плеч Язара, и столь велик, что край его терялся далеко в дыму. Звон цепей прекратился, голос осторожно прошептал:

– Ахари, это ты? – Из чада высунулась красная когтистая рука, а на ее ладони лежал рубиновый феникс-аграф. – Возьми, – продолжал голос. – Вспомни.

Язар протянул руку, но в нерешительности остановился. Он мог бы застегнуть аграфом неудобный плащ, но гораздо проще было этот плащ сбросить.

– Ты ошибся, мое имя Язар, – ответил он.

Как только плащ соскользнул с его плеч, то растекся кро-

вавыми ручейками. Они отчаянно цеплялись за его плоть, словно были его собственными венами. Но Язар брезгливо смахнул их и отшагнул назад. Когтистая рука скрылась в чаде. Грохот угас, унялось красное пламя. Мир утонул в черной пустоте.

Язар провалился в пучину забвенников и больше не видел снов. День и ночь лежал он, опутанный их черными щупальцами. Пробудившись, он увидел отражения их горящих оранжевых глаз на внутренней стороне своих век. Однако прежний сон был безвозвратно для него потерян.

Он очнулся в костяной ладье Небериса. Сквозь прозрачный купол ночь мягко просачивалась светом Луны и звезд, а магия полуальва наполняла воздух умиротворяющим стрекотом цикад. Так лежал он, безмятежно глядя в небо, ни о чем не думая и наслаждаясь блаженной темнотой. Затем он услышал легкие, приближающиеся шаги. Над ним нависло угловатое лицо Иварис. Удивительно, но в темноте Язар увидел ее отчетливо, словно ясным днем. Мышцы ее лица были напряжены, тонкие губы плотно сомкнуты, темные глаза расширены и встревожены. Она не была красавицей, но нежный лунный свет сглаживал острые скулы и делал ее образ гораздо мягче. И только сейчас в темноте Язар по-настоящему ее рассмотрел.

– Как я был слеп, – пробормотал он.

– Тебе лучше? – она улыбнулась. Теперь уже Язар не смог удержаться и поцеловал ее. Она не удивилась, а только рас-

смеялась. – Я думала, ты уже никогда этого не сделаешь.

– Я думал о другом, – он смутился. – Что не заслуживает таких долгих размышлений. Теперь я знаю: не важно, кем я был когда-то. Важно лишь то, кто я сейчас.

Он рассказал ей о приключениях в Атмару. Рассказал спокойно, без волнения и гнева, словно и не был их участником. А пока он говорил, Иварис держала его за руки и нежно скользила пальцами по черным браслетам на запястьях.

– Сейчас я не чувствую ни холода черного огня, ни собственного жара, – закончил он. – Словно в костер плеснули воды, и пламя зачало. Теперь оно выровнялось, но умерило пыл.

– Если хочешь встретиться с отцом, мы можем подняться к альвам. Уверена, Неберис сумеет это осуществить.

Язар отрицательно покачал головой.

– Я уже говорил с одним отцом. Довольно. Я знаю, что Эсмаид слышал меня, не знаю только, чем заслужил его проклятье. Но я не чувствую за собой вины и не стану его ни о чем умолять.

– Тогда как ты поступишь?

Он слышал волнение в ее словах, он слышал дрожь в ее сердце. Однако он твердо произнес:

– Я разобью Часы.

– И умрешь, – дрожащим голосом прошептала она.

– Напротив, я воскресну.

Глава тринадцатая.

Интриги и предательства

Напряжение в Бризарионе нарастало. В городе было объявлено военное положение, и контроль на улицах ужесточился. Этезианцы хватали празднующих и без суда бросали в тюрьмы. Гонцам дурных вестей рубили ноги, пьяниц вешали на площадях. В каждом бризарце Вулкарду мерещился предатель. Он приказал вырвать языки менестрелям – ибо в их песнях ему слышались колдовские слова. Он постановил перебить бродячих котов и собак, ибо в них видел вражеских магов. Обыватели в страхе прятались в домах, боясь и в погожий день лишний раз отворить ставни. Все они кляли неумную жажду тридцать восьмого царя из рода Нагинаров Увалира Стойкого. И тогда Вулкард предпринял неожиданный шаг.

Раскатистый звон колокола созывали народ к царскому дворцу. На фоне серых унылых домишек Бризариона ярким факелом сиял роскошный золоченый дворец Полонир. Названный в честь первого мага-царя Бризара он возвышался над городом оплывшим от собственной жадности великаном и взирал на свои мрачные владения сотнями витражных глаз, блестящих из-под низко надвинутых на головы золотых купольных шлемов.

На просторном полукруглом балконе одиноко стоял Вулкард. Был он и лицом груб и телом, так что и в нарядном золотом кафтане все одно походил на дородного деревенского пахаря или хмурого кузнеца. Голову ему венчала отороченная солнечной куницей шапка-корона, плечи и грудь покрывали тканые золотом самоцветные бармы. Над головой Вулкард высоко поднял символ верховной власти Бризара – Державный скипетр. На нем, повторяя герб Бризариона и всего царства, на изумрудном яблоке стоял, расправив крылья, золотой ястреб. Скипетр походил на жезл Кадимира, но был гораздо массивней и содержал куда большую магическую мощь.

– А вот и опора Вулкарда, – шепнул спутникам Неберис.

Они стояли в самом конце многотысячной толпы. Для наблюдения за царем полуальву довольно было и собственных глаз. Иварис и Язар, скрытые личинами бризарских магов, вынужденно обратились к заклинанию орлиного зрения.

– Что особенного в этом скипетре? – спросил Язар.

– С ним могущественный колдун Полонир тысячу лет назад низверг монархию, став первым волшебником-царем и объявив новое наследственное право. В скипетре заключен дух альвариха Набаха, на крыльях которого к нашему отцу некогда слетал старший альв Онурис.

– Значит, безвинное создание уже тысячу лет находится в плену царей Бризара, – вынесла для себя главную мысль Иварис. Ее лицо ожесточилось. – Почему же никто до сих

пор его не освободил?

– Никто не осмелился. Отказаться от могущества альвариха, – все равно, что отказаться от трона. Ведь не людская благодарность удерживала Седогора царем девяносто лет. За-вистники ходили за ним пятаями, но старик до последних дней был осторожен.

– Так может и Аноира убил этот альварих? – вдруг осенило Язара.

– Скоро мы это выясним, – пообещал Неберис. – Но отложим разговор, обсуждать это сейчас крайне неосмотрительно.

Неберис не боялся быть обнаруженным, и не было ничего удивительного в том, что на зов царя он пришел со своими учениками. В толпе находились и другие его сторонники. Одни предпочли незаметно слиться с окружением, другие, напротив, не побоялись нарядиться в яркие голубые одежды небоизбранных. Вулкард не трогал их сознательно, дабы оставить мятежникам, о существовании которых отлично знал, ложную надежду на перемены. Такое осторожное поведение уже два года позволяло ему сдерживать недовольства, а в иных глазах казаться великодушным и милосердным.

Были в толпе и ярые последователи Вулкарда. Почти все они происходили из Этезии и лишь немногие родились в Бризаре. Среди прочих яркими цветами в сухой траве выделялась иноземная группа, прибывшая в Семард из восточного континента Хозалиоры. Они имели характерную для хоза-

лиорцев кожу красноватого оттенка, а невысокий рост и жилистость выдавали в них уроженцев Афе-Лиота. К Вулкарду они пришли за помощью. Многие тысячелетия их королевство вело непрерывное сражение с костяными великанами Вейиньярского княжества. Афелиоты были умелыми воинами, славными своими наездниками на гиппогрифах и могущественными оберегами, которые им подарили еще алманды. Они жили в условиях нескончаемой войны и сызмалу учились этому ремеслу. До недавних пор они легко сдерживали неорганизованных враждующих и между собой великанов. Однако теперь племена костяных великанов сплотились и даже заключили союз со своими песчаными соседями из Угрохадора. Все чаще великаны бесстрашно подбирались к человеческим землям, все чаще загоняли афелиотов под защиту городских стен. Великаны желали вернуть свои исконные земли, которые принадлежали им во времена их расцвета, когда человечество еще только училось ходить. Однако необъяснимо и устрашающе было поведение великанов, словно впервые за тысячелетия у них появилась сила, которая могла прекратить извечное противостояние исконных врагов.

Предводительница афелиотов Сте-ал-аяна сидела верхом на длиннокрылом сизом гиппогрифе. Под ней было особенное седло, застежки которого удерживали ее на звере в полете так, чтобы оставить свободными ее руки. Выросшая в степях она редко передвигалась на двух ногах и была столь уме-

лой наездницей, что и сложнейшее колдовство творила на лету. Этих причудливых зверей альманды сотворили по подобию грифонов и в подарок людям. И как внешне львиную половину сменила лошадиная, изменился также их нрав. Высокомерных грифонов седлали только альвы, да некоторые маги находили способы ими управлять. Но гиппогрифы служили и простым солдатам, составляя или дополняя конницу хозалиорцам. И если грифон был хищником, его потомок оказался всеяден. Массивное сложение гиппогрифа не располагало к стремительным полетам, и он не мог поймать юркую птицу. Порою дикие гиппогрифы таскали жеребят, но чаще опустошали беспризорные бахчи и кукурузные поля.

Конные соотечественники Сте-ал-аяны сомкнулись вокруг нее кольцом. Все они вооружились короткими луками с костяными красноватыми стрелами, а также мечами и копьями из такой же кости. Эта необычная кость, называемая ковортом, произрастала на Хозалиоре сказочными кустарниками. В высоту они достигали сотню сажений, а их колкие ветви стелились по земле порою несколько верст. Ковортовые заросли были смертельно опасны для всякого живого существа. К ним не приближались дикие звери, и на них не гнездились птицы. И даже неосторожный комар, севший на ветвь такого куста, разрезался под собственным весом.

Именно коворт позволял афелиотам сдерживать великанов уже многие тысячелетия. Умельцы создавали из него не только оружие, но разрушительные артефакты и могуще-

ственные костяные свитки. Коворт имел божественное происхождение, являясь живыми костями противника Ансуа Вологама. Простое человеческое оружие было против него бессильно, и лишь плоть Ансуа – ансур – могла его переломить.

Необычайная острота делала коворт опасным и в обращении. Но тогда на помощь хозалиорцам приходил власник, он же мех Вологама. Из этой жесткой бурой травы они вязали защитные одежды, сапоги, рукавицы и шапки. Из него же делали ножны для мечей, колчаны для стрел и тетивы. Во власник были облачены и афелиотские кобылицы. Из него же был сделан футляр для свитков, висевший на поясе Сте-ал-аяны.

Невзирая на внушительный вид и грозную славу афелиотов, этезианцы не сторонились их, но даже старались подружиться. Они уважали восточных воинов за бесстрашие и доблесть, они уважали их колдунью за то, что она не чуралась простых воинов и участвовала на равных с ними в боях. И если Вулкард был укрытым стенами далеким правителем, Сте-ал-аяна выступала его глашатаем народу, его волей и его мечом.

Другим примечательным сторонником Вулкарда был шаман юд-ха Решительного Меча Кви-Керса. Внешностью он был грубее всякого человека, ибо и таковым считался лишь наполовину. Челюсть его была массивная тяжелая, рот наполнен тридцатью шестью острыми клыками, а узловатые

пальцы оканчивались прочными когтями. Сила самих пальцев шамана была такова, что при рукопожатии легко могла сломать кости взрослому мужу. Размерами юд-ха Решительного Меча уступали только своим северным братьям из Могучего Молота. Кви-Керса возвышался над людьми на голову, имел нечеловечески огромные руки и раздутую грудь. Все тело его и даже лицо покрывала черная с белыми пятнами шерсть, однако сейчас почти вся она была скрыта одеждой. Шерсть юд-ха Решительного Меча не была такой густой, как у других народов Молтарба, и потому это племя дополнительно одевалось в одежды из шкур. Шкуры также указывали на положение юд-ха в племени. Дети шкур не носили и таким образом самые болезненные из них погибали от холода и не ослабляли кровь. Развивались юд-ха быстро, не как люди, но подобно диким животным. По достижении шести лет они проходили обряд имяположения и становились мужчинами и женщинами. Женщинам давали овечьи шкуры, чтобы они никогда не испытывали холода и берегли для детей домашнее тепло. Самых крепких и дородных из них награждали шкурами яков и отводили в гаремы шаманов. Слабосильных мужчин, больных, трусливых и старых обвязывали заячьими поясами. Они не годились для размножения и выступали в рабами. Принесли они пользу племени или нет – теперь их судьбы никого не интересовали. Но если рабы желали заслужить или вернуть утраченный статус воина, они могли проявить себя на охоте, в набеге или на войне.

В зависимости от нрава шамана-вождя от них требовалось добыть одну медвежью, три волчих или пять человеческих голов. Став воином, юд-ха получал волчью шкуру. Шаманы носили шкуры медведей, а шаманы-вожди сшивали воедино лоскутки из всех животных, которых когда-либо добыли.

Одеяние Кви-Керса состояло из сотен отличных друг от друга лоскутов. Они плотно оборачивали тело шамана от ступней до подбородка, но не сковывали его движений. В шерсти были заплетены птичьи перья, костяшки, клыки, когти и другие всевозможные обереги. Ребра мелких животных служили ему браслетами, волчьи черепушки скалились эполетами на плечах. Лишь голова шамана не была покрыта чужой шерстью, но пушилась густой гривой, спускавшейся далеко за плечи. Такая грива росла только у шаманов-вождей, указывая на их большую силу и магический дар.

Только шаманы юд-ха обладали внятной речью, и только шаманы Решительного Меча были достаточно разумны, чтобы вести переговоры с людьми. Почему именно Кви-Керса занял сторону Вулкарда, никто не знал. С недоверием к нему относились даже этезианцы. Однако с приходом шамана в Бризарион вдруг прекратилась война людей и юд-ха.

Даже сейчас в толчее и давке люди сторонились шамана. Они чурались Кви-Керса как прокаженного, они боялись его звериного нрава и скалящихся волчих черепов.

– А это самый преданный сторонник Вулкарда, – обратился к шаману внимание спутников Неберис. – Не смотрите, что

он из другого народа. Не смотрите, что он даже не человек. Человеческие пороки присущи не только людям.

Колокол продолжал собирать людей. Им уже не хватало место во дворе замка, они теснились на узких улочках, взбирались на деревья и крыши окрестных домов. Им необязательно было видеть самого Вулкарда, важнее для них было само присутствие. Страх непослушания гнал их на улицы, на звук колокола они собирались бездумно, как мотыльки на огонь. Сгорбленные старики волочились, опираясь о палки дребезжащими руками. Молодые матери приносили с собой детей; те уже начинали капризничать, но им закрывали рты – не доставало только навлечь на себя немилость этезианцев.

На просторном балконе Вулкард казался беззащитен в своем одиночестве. Он не укрылся магией, и никто из сторонников не пытался его уберечь. Однако ему покровительствовал Державный скипетр, и, кроме того, его хранил сам Полонир. Древний маг возвел настоящую магическую твердыню, внутри которой царь был почти неуязвим.

Вулкард опустил скипетр, и мгновенно смолк малейший шепот. Когда царь заговорил, его голос, усиленный магией, прогремел громом над всем Бризарионом. Его речь слышали и больные, и немощные, – те немногие, кто не нашли в себе сил почтить своим присутствием царя. Его голос звучал в домах, погребях и сараях, он облетел город и донес царскую волю даже недремлющим дозорным на стенах.

– Жители славного Бризариона! – заговорил Вулкард и

распростер руки, словно пытался обнять подданных. Его низкий грубый голос, словно ударами кузнечного молота, высекал из металла слова. – Два года я защищаю вас от нападков Вальфруда, два года оберегаю ваши спины мечами чужой земли. Чужой для вас, но не для меня. Многие из вас догадывались о моем происхождении, и сейчас я говорю об этом открыто: по крови я этезианец. Но уже в малолетстве я был отлучен от дома и оказался в Бризаре. Здесь провел я всю сознательную жизнь, и Бризар стал для меня родиной. Меня воспитывал Седогор: мой отец, мой учитель и друг. Я благодарен ему всем, что имею. И безмерно скорблю, и жалею, что в пылу магического поединка не сумел сохранить ему жизнь, – Вулкард опустил голову и помолчал.

– Мои намерения вам хорошо известны, мои помыслы чисты и прозрачны. Я желал и желаю благополучия Бризару. Я желал вернуть ему исконные территории и вернуть его когда-то великую мощь. Но Вальфруд не понимает язык переговоров и ответом на наши законные требования идет на нас войной.

Не единожды я просил у вас помощи. Но бризарцы известны своим великодушием, и еще ни разу вы мне не отказали. Вы дали кров доблестным солдатам, вы разделили с ними свой урожай. Ваше радушие не осталось без благодарности, и два года все вы жили в мире, вдали от большой войны.

Вальфрудский царь Увалир Беспощадный не смог сломить этезианских щитов. Ибо хотя этезианцы родились на

другой земле, они полюбили народ Бризара как свой собственный. Они жили с вашими семьями и питались вашей едой. Они полюбили вас как родителей и детей, братьев и сестер. И прямо сейчас, когда я говорю с вами, этезианцы сражаются и умирают за нас. Они сражаются стойко, не просят пощады и даже холодными пальцами цепляются за каждый клочок земли. Ведь и для них это земля давно не чужбина. Два года она кормила их, грела и берегла.

Увалир Беспощадный не сумел отобрать наши земли силой и тогда обратился к хитрости. Он принес ложь и громкие обещания. Он внес раздор в умы бризарцев, ополчил брата на брата, а сына на отца. Он желает разбить этезианцев и уничтожить меня. Но по какому праву чужеземный царь определяет судьбу нашей отчизны? И будет ли счастье Бризариону под его пятой? Увалир видит себя собирателем земель пасарских, и наше царство для него станет лишь первым куском. Покорив нас, он обратит взор на Грегалу, а после осмелится проглотить даже Мусот. Покуда наши солдаты сдерживали жадность Увалира, мусоты бездействовали. Что ж, они и сами вели сражения с юд-ха, а потому их сложно в этом винить. Однако теперь у нас с юд-ха перемирие, в знак которого в Бризарионе находится не в заложниках, но на правах почетного гостя шаман-вождь Решительного Меча, – он указал на него ладонью. – Усилиями Кви-Керса юд-ха перестали тревожить мусотов, а значит, старшие братья уже идут к нам!

Народ встретил его заявление с ликованием. Огромный Мусот одновременно вел сражения на многих фронтах. Если он обрушит всю свою силу на Вальфруд, то разгонит его солдат, как стаю наглых ворон.

– Нам остается только продержаться до прихода армии Мангора, – продолжил Вулкард. – Но теперь я подхожу к самой горькой части своего выступления. Я вновь вынужден просить вас, соотечественники, о помощи. Я ограждал вас от войны так долго, как только мог. Простите, что не разгромил врага прежде, простите, что подпустил к вашим стенам, – царь смиренно поклонился, и люди стали перешептываться: кто-то сочувственно, кто-то с недоумением. – Простите меня матери, что отбираю ваших сыновей, простите жены, что взываю к вашим мужьям. Но для победы мне нужна помощь всех вас. Война топчет наши посеы и стучит в наши двери. И я прошу вас выйти на порог. Встречайте врага мечом, без страха, без сожаления! Разбейте войско захватчика и дайте ему решительный отпор! – он вновь сделал паузу, и народ наполнил ее восторженным ревом. – Я буду сражаться вместе с вами! Я буду сражаться до последнего вздоха и до последнего удара в груди! Так вы поддержите меня, жители Бризариона? Вы встанете на защиту бризарской земли? – Толпа загудела в третий раз, сильнее и продолжительней, чем прежде. – Тогда встретим мечом вальфрудцев! Смерть захватчикам! Смерть врагу! – Вулкард высоко воздел Державный скипетр, лицо его было жестоко в своей неподвижности,

взгляд одержим и красноречив.

– Смерть! Смерть! – скандировала толпа.

Царь уже скрылся за дворцовыми стенами, а толпа продолжала безумствовать и ликовать. Она пришла в волнение и теперь раскачивалась, как возмущенная ветром вода. Поведение людей вызвало негодование Иварис. Она что-то разозлено выкрикивала и грубо отталкивала тех, кто в слепой экзальтации наваливался и грозил ее придавать. Язар в растерянности переводил взгляд с нее на Небериса. Сам полуальв был мрачен как никогда. Он стоял каменным изваянием и, не шевелясь и не моргая, смотрел на давно опустевший балкон.

С тем же сумрачным взглядом сидя в библиотеке вечером он смотрел в камин. Сложенный из мотыльков-иклити – воздушных элементарей первого чина – он походил на кустистое облако. В камине сверкали яркие белые молнии, а сам он, словно живое существо, покачивался и дышал. Иварис и Язар стояли от Небериса сторонами, но полуальв столь сильно превосходил их ростом, что даже сидя оказался лишь немногим ниже.

– Как же мы поступим теперь? – спросил Язар, нетерпеливо переводя взгляд с брата на сестру. – Многие бризарцы заняли сторону Вулкарда и готовы сражаться со своими родственниками из Вальфруда.

– Они готовы сражаться и друг с другом, – заговорил Неберис после продолжительного молчания. – Но их пове-

дение не меняет наших замыслов.

– Право, мне уже самому непонятно кого мы защищаем и от кого, – признался Язар. Неберис повернул голову и посмотрел на него с удивлением. – Похоже, многие бризарцы в самом деле поддерживают Вулкарда. Нет, для меня это не откровение, – добавил он поспешно. – Ведь в моем родном Виннике царя чтят подобно кормильцу и отцу. Но я полагал, это невежество, живущее только в деревнях.

– А как считаешь теперь? – спросил Неберис.

– Теперь не знаю.

– Как же легко тебя переубедить! – изумилась Иварис. – Быть может, ты попал под воздействие чар? Брат, Вулкард не прибежал к волшебству?

– Нет, я этого не заметил.

– Но, если царь нравится своему народу, имеем ли мы право выбирать за него? – продолжал задаваться вопросами Язар.

– Он не нравится нам, – напомнила Иварис. – А мы часть этого народа. Та часть, которую нельзя одурманить лживыми речами и в одночасье заставить обо всем забыть.

– В чем именно он солгал? Я помню, вы утверждали, что Вулкард желает сделать Бризар марионеткой Этезии, что он бесстыдно грабит наш народ и развязывает войны лишь для отвода глаз.

– Именно! – подтвердила Иварис.

– «Наш народ», – усмехнулся Неберис. – Сказал непом-

нящий своих родителей бог наполовину альву и наполовину фавне.

Язар не обратил внимания на его слова, а Иварис посмотрела на брата сердито.

– Но вдруг вы ошибаетесь? Что если он желает благополучия обеим странам? И это появление этезианцев и увеличение боевой мощи Бризара вызвало тревогу Вальфруда?

– Да ведь Бризар первым начал эту войну! – уже злилась его упрямству Иварис.

– Но ведь это правда, что восток Вальфруда когда-то принадлежал Бризару! Наш владения охватывали правую рукоять Скипетра и доходили до самой реки Колос!

– А Вальфруд был маленьким обособленным городом-государством, – согласился Неберис. – И что с того? Прежде не было и Вальфрудского царства, а еще раньше не было и Бризара. Эти земли входили в состав Мусота. Много позже того, как были отобраны у великанов.

– Я живу в Бризаре и, прежде всего, желаю благ своей стране, – гордо заявил Язар.

– А как ты думаешь, для Бризара будет лучше, если его правителем останется Вулкард? Или будет лучше, если его место займу я? – прямо спросил Неберис. Таким холодным и строгим Язар его еще не видел.

– Да ведь я не знаю, каким ты будешь царем.

– Язар, что ты такое говоришь?! – возмутилась Иварис.

– погоди, сестра, – Неберис упреждающе повернул к ней

ладонь. – В самом деле, ведь Язар не может этого знать, – он пристально посмотрел на него. – Я обещаю остановить это бессмысленное кровопролитие. Этого достаточно, чтобы ты принял мою сторону?

От такого вопроса и холода, исходящего от Небериса, Язар почувствовал себя неуютно. Он отвел взгляд.

– Я погорячился. Конечно же, я с вами, и я не думал вас предавать. Только я не мог во всем разобраться. Да и теперь мне не все понятно.

– Тогда спрашивай, – уже мягче обратился к нему Неберис.

– Правду ли Вулкард говорил о Седогоре? И зачем вообще он убил прежнего царя?

– Верно, что они были друзьями. Но верно также, что Седогор был другом каждому жителю своей страны. Их отношения не были особенными. Ответа же на твой второй вопрос я не знаю. Быть может, Вулкард затаил обиду на Этезию. Набирая власть, он желает заполучить расположение родины и показать, как она ошибалась и что потеряла. А может быть, над ним смеялись и в детстве его притесняли мальчишки-бризарцы. А может даже, он лишь инструмент в руках давних недоброжелателей Седогора.

– А его слова о помощи Мусота?

– Это ложь, – без раздумья отмахнулся Неберис. – Кви-Керса не обладает властью за пределами Решительного Меча. Другие племена не стали бы его слушать и не прекратили

бы нападения на Мусот.

– Но тогда эта ложь скоро раскроется.

– Человеческая память короткая. Вулкарду важно добиться расположения народа сейчас. Потом всегда можно придумать оправдание. И если народ подчинится, он найдет оправдание сам.

Армия Вальфруда победно шествовала по Бризару. Первоначально она насчитывала двадцать тысяч солдат – столько же, сколько могла предоставить ответом враждующая сторона. Однако с каждым пройденным поселением она разрасталась, как снежный ком. Жители богатого пограничного Ростовщика снабдили воеводу Благомира обозами и сами же вступили в его ряды. Этезианцы отступали в центр страны, к столице. По пути они попадались в расставленные небоизбранными ловушки и погибали в засадах мятежа. Крестьяне предоставляли кров бывшим покровителям, а ночами беспощадно закалывали их во снах.

Но далеко не все бризарцы видели в вооруженном соседе освободителя. Иные вспоминали слова Вулкарда и воочию убеждались в их правдивости. Увалир жаждал их порабощения. И теперь, когда их этезианские защитники нуждались в поддержке самих бризарцев, они их предали, и предали своего царя. Быть может, иной раз действия Вулкарда вызывали и у них возмущения, но был он им царь и занимал свой трон по праву силы. В приверженности закону эти упрямы сжигали собственные деревни, травили воду в вырытых их деда-

ми колодцах и травили кормивший их скот. Они поднимали руки на отцов и братьев и переносили войну в собственные дома.

Их поведение изумляло Иварис. Получив в очередной раз подобное известие, она только качала головой.

– Какой странный народ, какой невежественный и наивный! Они безоговорочно верят царю, но не верят своим глазам! Вулкард обложил их поборами – они и счастливы помогать царю. Чужеземцы селятся в их домах – они и тех полагают кормить за благо. Но самое для меня удивительное, что чем хуже живет бризарец, чем он беднее, тем преданнее он тирану, тем истовей его любит.

– Оставь бедняков, – отмахнулся Неберис. – У них нет ничего кроме этой слепой любви. Они слишком несчастны, чтобы выдержать правды.

– Быстро же они забыли, как им жилось при Седогоре!

– В моей деревне любили Седогора, – вспомнил Язар. – Но также сильно теперь там любят Вулкарда. Да и сам я до недавних пор не питал к нему зла.

– За что его можно любить? – не унималась Иварис.

– Любят не за что-то, а просто так. Думаю, ты это знаешь, сестра. А послушание сильнее бризарцев, потому что это их инстинкт. Трон всегда доставался сильнейшему магу царства. Седогор не стал исключением и не просьбой сместил своего предшественника. Я помню это время. Лукиора называли мудрецом, а Седогора наглым юнцом, коварством за-

хватившим власть. Шептались, будто Седогор прежде отравил его и уже после вызвал на бой. Правда это или нет, даже я не сумел узнать. Однако Лукиор и мне казался несокрушимым магом.

– Не думаю, что через сорок лет Вулкард превратится в добродушного степенного старца, – поспорила Иварис.

– И я так не думаю, – согласился Неберис. – Потому и пришел сюда.

Вулкард раздал бризарцам оружие и поставил в один ряд с этезианскими солдатами. Для большинства из них минувшего выступления оказалось довольно, чтобы перечеркнуть все его прегрешения. Теперь, как им виделось, он раскрыл свое истинное лицо. Он защищал их руками другого народа и ограничивал в правах, потому что слишком ими дорожил. Вооружая простых людей, царь смиренно просил у них за это прощения. Он вышел к народу и говорил с ним открыто, не прячась за глашатаями и камнем дворцовых стен. Он не стеснялся кланяться матерям за то, что, быть может, навсегда отбирает их сыновей. Возросшие поборы бризарцы видели неизбежной платой безопасности, а жестокость – дисциплиной, которую тяжким бременем царь добровольно на себя брал. Еще вчера выступавшие против угнетения горожане прониклись его идеями.

Не все приняли его слова чистой монетой, и мятеж в сердцах иных продолжал полыхать. Однако теперь они выступали не против царя и нахлебников-этезианцев, но против

своего же народа. Оставшись в меньшинстве, они больше не смели выражаться открыто даже в стенах собственных домов. Между соседями вспыхивали кровавые ссоры. Дети с болью в сердцах доносили на отцов. Изменников вешали прилюдно или украдкой закалывали в переулках. Еще далеко от города стояла армия Вальфруда, но в Бризарион уже пришла война.

Через преданных сторонников Неберис пустил слухи о возобновившихся набегах на Мусот юд-ха. Он преувеличивал настоящую величину армии Вальфруда, однако же, как всякую убедительную ложь, сдабривал ее толикой правды. Так, он рассказывал о народной поддержке войску Благомира. Он не завербовал новых последователей, ибо не мог положиться на тех, кто менял свое мнение, словно было оно облаком, подчиненным дуновению ветра. Но ему удалось внести смуту в умы обывателей и ослабить их веру в царя.

Ежедневно Вулкард вызывал к себе Небериса и советовался с ним. В такие часы Иварис и Язар пребывали в волнительном ожидании. Всякий раз им казалось, что уж сегодня осторожный царь непременно его разоблачит.

Однажды Неберис сообщил, что у самого дворца этезианцами был пойман человек по описанию похожий на Лежи. Мужчина был нетрезв и гневно поносил царя на чужих языках. Он кричал, что остался единственным зрячим в городе слепцов, он призывал людей к цареубийству, за что и был немедленно заколот солдатами.

– Лежи никогда не был мне отцом, – заявил Язар после молчания. – Но тот человек у дворца говорил правильные вещи, и мне жаль, что он не дожил до лучших времен.

Для них самих покидать башню стало слишком опасно. Почти все это время они проводили в библиотеке и в зале практического колдовства. Иварис обучала Язара и сама постигала новое для себя волшебство. Зарывшись в многотрудные фолианты, она подолгу сидела в мягких креслах. На бумажном плоту она следовала реками древних мыслителей и ловила их глубинные мысли чернильным сачком. Но покуда она странствовала, ее плоть согревало пламя Язара. Иногда он зажигал камин мягким желтым огнем Кордрима, иногда целительным белым пламенем Вайшама, а порою и жгучим жаром Ярхота. К помощи других огней он не прибегал, но и они теперь были ему подвластны. Без всякого для себя вреда он загребал огни руками, он слушал их и говорил с ними, вдыхал их и вкушал.

Но не только огни ему починались. Он научился управлять силами внутренних миров и магией своих отцов рошьяра. Он не знал придуманных людьми названий заклинаний и не следовал установленным правилам, ибо колдовство было ему естественно, как дыхание. Однако же порою, когда он желал сотворить не заурядную молнию, но продемонстрировать по-настоящему могущественное колдовство, магия не отзывалась. Она дребезжала, скованная черными кандалами, но оставалась в плену. В такие минуты Язар отчаянно сдав-

ливал себе запястья, но быстро успокаивался и остывал. В мрачном безмолвии он возвращался в библиотеку и подолгу беседовал с огнем.

– Я мог бы разорвать Вулкарда на части и обратить его армию в пыль, – признался он однажды Иварис.

– Нет, – возразила она. – Ты не сумеешь. Ведь как только ты снимешь оковы, то перестанешь существовать.

– Но я вернусь, и вернусь с прежней врожденной силой.

– Прошу тебя, не думай об этом. Повремени хотя бы до окончания войны. А, кроме того, – она грустно вздохнула. – Я боюсь, что тогда Язар умрет навсегда. Ведь ушла безвозвратно Атаказ, и Нуриис безвозвратно ушла.

– Я не помню своих прежних жизней, но убежден, они в глубине моей души, они со мной. А еще я убежден, что, когда память ко мне вернется, я останусь все так же предан тебе.

Он гладил Иварис по жестким волосам и целовал горячо, как и положено огненному богу, однако в такие минуты ее не согревал и его божественный жар.

– Это слова юноши, а не бога, – печально отвечала она.

И тогда Иварис, древняя по меркам людей, чувствовала себя хрупким деревцем, пытающимся удержать уходящий солнечный день. Даже для нее, дочери лесного духа, однажды обязательно наступит ночь. А солнце взойдет снова и будет ласкать лучами уже новый мир. Думала она и о том, сколько лет Язару, сколько раз он любил, а сколько любили его. Возможно, ему поклонялись и возводили храмы, а мо-

жет, он был жестоким богом и карал целые народы огненным мечом. Все чаще она склонялась именно к такому горькому заключению. Из Атмару вернулся не тот юноша, не знающий мира за пределами родной деревни, но кто-то другой. Этот новый Язар был гораздо строже, он загорался от любой незримой искры, но также быстро остывал. Он ожесточенно спорил с ней и упрекал ее брата в бездействии. Ему не сиделось в стенах его башни, а Неберису все тяжелее удавалось его удержать.

Если Язар родился еще в век Белого солнца, то выступал против занавъяра и остальных духов. Тогда, в битве за Яраил, в том числе он сражался и с ее отцом. Вновь и вновь Иварис возвращалась к этим сумрачным размышлениям, но неизбежно терялась, пока не разграничила для себя Язара на двух разных существ. Одно являлось богом, о котором она ничего не знала, другое из плоти было с ней прямо сейчас. И уже потому, что бог мог отобрать у нее человека, она относилась к нему враждебно, как к вору и первому врагу. Иногда ей даже казалось, их можно разделить. Об этом она втайне разговаривала с братом.

– Прости, сестра, – отвечал он. – Но это невозможно. Нет грани между Язаром-человеком и Язаром-богом.

– Невозможно или невозможно для тебя? – не сдавалась она.

И она закапывалась в темные гримуары. Она искала подсказки в филиakterиях личей, в ритуалах сотворения голе-

мов и оживления мертвецов. Много незнакомого и пугающего открылось ей. На какие только ухищрения не пускались маги, как отчаянно не противились смерти и не продлевали свой век. Но никто из них не пытался разделить души на части, и нужного знания в этих стенах Иварис не нашла.

– Я найду ответ в Гранитной библиотеке, – упрямылась она. – А если потребуется, буду искать его даже в других мирах.

Так в бессмысленных поисках прошли для нее последние дни перед сражением. Ею завладела одержимость. Она не спала и не ела, боясь упустить даже минуты. В безграничном упрямстве она продолжала искать то, что уже понимала, не сумеет найти. Но она не могла сдаться. Ей казалось, как только она отступит от цели, надежда перестанет существовать. Она не сомневалась, что переживет сражение, и не сомневалась, что его переживет Язар. Но в лихорадке ей мерещились обсидиановые часы, наполненные прахом; их верхняя чаша почти опустела, и час их продолжал истекать.

Неберис желал вырвать ее из этого безумного состояния, но она чувствовала его намерения и тогда распалялась вдвойне. Лишь синим пламенем Мирханта Язару удалось успокоить ее дух.

Очнувшись, словно ото сна, Иварис осмотрелась. Всклоченная с покрасневшими глазами она сидела на полу в окружении растрепанных книг. Она даже не помнила, о чем читала еще мгновение назад.

– Как это непохоже на меня, – ужаснулась она и недоуменно посмотрела на Язара. – Что же со мной произошло?

– И даже дочери лесного духа нужен отдых, – ответил он.

Но для себя ее поведение он объяснил иначе. Он подошел к ней слишком близко и опалил своим огнем.

В ночь перед сражением троица в последний раз собралась в кабинете, и Неберис поделился планом.

– Войско Вальфруда стоит в предместьях Бризариона. Однако магия Елиары хранит иллюзию прошлого дня, и даже скользкие лазутчики не видят обмана. На рассвете войско войдет в город, и одновременно с тем начнется мятеж внутри его стен. Сегодня я останусь ночевать в царском дворце. Я постараюсь убедить Вулкарда выспаться перед грядущим сражением и обязуюсь охранять его сон. Моя цель – завладеть Державным скипетром. Я не смогу воспользоваться его силой, ибо Набах не станет мне служить, покуда его хозяин жив. Но я ослаблю Вулкарда, а главное – сумею открыть городские врата. Сейчас они запечатаны магией, рассеять которую может лишь определенный ритуал.

– Мне уже не нравится этот план, – признался Язар. – Ведь он всецело зависит от твоего успеха. – А, кроме того, я уверен, что и грубая сила сумеет переломить защиту врат. За последние дни я много узнал о магии. Ренталан передвигал горы, а Луазард обрушил на Яраил трехдневный кровавый дождь. Рогдевер даже сражался с богами, хотя и был всего лишь человеком.

– Я знаю о подвигах великих магов древности, не нужно мне об этом напоминать. Я помню все, что когда-либо слышал, а уж книги собственной библиотеки помню наизусть. Но мне не по силам печать Полонира. Бесспорно, ты, Язар, ставши богом, сможешь ее сломить. Но мы не знаем, что случится с тобой, когда ты снимешь оковы Абимора. Прости, Язар, но я даже не уверен, что ты останешься нашим союзником.

– А я в этом уверена, – не согласилась Иварис и накрыла своей ладонью ладонь Язара.

Неберис обреченно покачал головой и продолжил.

– Когда врата откроются, ты, сестра, должна будешь зазечь в небе красного феникса. Это будет сигналом, с которым небоизбранные обрушатся на сторонников Вулкарда.

– Разве окружение Вулкарда не останется вместе с вами во дворце? – удивился Язар.

– Царь доверяет только мне и в час опасности не станет держать рядом кого-то еще. Его сторонники – друзья до первой крови, многие из них и сами не прочь занять его трон.

– А почему нельзя провести вальфрудцев через твое зеркало?

– Дорогу через Дарпару стерегут стекольщики – фундаментальные сущности мира зеркал. Нельзя проникнуть в город и через другие внутренние миры. Так работает печать Полонира.

– Брат, ведь ты сильный призыватель, – отметила Ива-

рис. – Можешь ли ты призвать могущественную сущность, которая бы разрушила стены или врата Бризариона?

– Я могу призвать, но не удержу такой сущности под контролем. Кроме того, подобный ритуал отберет все мои силы, и я не смогу явиться во дворец.

– И даже такой план, мне кажется, предпочтительней твоего смертоубийства, – рассудил Язар.

– А если разбудить дух Голубого Луча? – предложила Иварис.

– Он обессилен и не окажет нам помощи.

– Но вдруг Вулкард тебя раскроет? – вновь обеспокоился Язар. – Что нам делать, если город останется взаперти?

Неберис проникновенно заглянул ему в глаза.

– Ты знаешь, как тогда поступить.

Мгновение все трое напряженно молчали, их мысли были едины и одинаково беспокойны.

– А если я не сумею?

– Тогда, полагаю, начнется осада. Но может также Благосмир отважится на штурм. Не тревожьтесь, – добавил Неберис, видя сомнения в глазах собеседников. – Наши сторонники многочисленны и изобретательны. И не для того они выжидали два года, чтобы с первой же неудачей отступить. И последнее, – из бюро он достал большой хрустальный шар. – Не рискуйте и не покидайте башню без надобности. Когда увидите, что ворота открыты, подайте знак и только тогда выходите во двор. Прежде всего, союзники Вулкарда вновь

попытаются закрыть город. Задержите их до прихода вальфрудцев. И тогда половина боя уже будет выиграна.

Совсем иначе Неберис высказывался во дворце. Они сидели с Вулкардом в глубоких мягких креслах и сквозь витражное стекло сверху вниз смотрели на Бризарион. Разноцветные стеклышки искажали город, показывая унылую серость переплетением ярких цветов. Бризарион дремал, и необычайно пусты были его улочки этой кромешной ночью. Сегодня спали даже насекомые, ничто не нарушало мертвецкую тишину. Правую стену помещения расписал барельеф бушующего Тревожного океана, на левой стене беспечно дремал Степенный океан. Эти океаны также принадлежали руке Небериса.

Вулкард сидел, опершись на локоть, и сумрачно вглядывался в темноту. Неберис беспечно откинулся на спинку кресла и лениво смотрел на город из-под прикрытых разноцветных глаз. Кресла разделял большой хрустальный шар. Он покоился на высокой кариатиде, в длинных волнистых волосах и многослойных платьях которой легко угадывалась владычица судеб анияра Акаду. Шар показывал иллюзию Елиары – мирно спящие шатры Благомира.

– Как тихо сегодня, как покойно, – задумчиво отметил Вулкард. – И только у меня одного на душе тревожно. Что ж, – добавил он, помолчав. – Так и должно быть. Тревога правителя есть добровольная ноша за крепкий сон его подданных.

– Люди наслаждаются покоем, пока это возможно, – ответил Неберис. – Они знают, что вскоре будут его лишены.

– Они в безопасности, вальфрудцы не переступят наших стен. На что надеется Благомир? – царь с затаенным страхом заглянул в глаза советнику. – У них есть сила, о которой нам неизвестно?

Неберис равнодушно пожал плечами.

– Их сила не сравнится с той, что заперта в наших стенах.

– Тогда пускай штурмуют их и утонут в крови. А вот осада нам будет неприятна. Наши лабазы наполовину пустые, а ведь зима еще только в разгаре. Этезианцы обходятся недешево, но без них я не мог бы сдержать Благомира. Я был к людям слишком мягким... стоило привлечь больше солдат. Кто мог подумать, что среди бризарцев найдется столько неблагодарных крестьян, которые восстанут против собственного покровителя? Мятежники будут кормить своих поработителей, пока запасы осажденного Бризариона будут стремительно иссякать.

– Думаешь, Увалир все одно объявил бы войну Бризару, не нанеси ты упредительного удара? – задался искренним вопросом Неберис.

– Мы много раз говорили об этом. Я уверен. Седогор был трусливым и открытому противостоянию предпочитал платить Вальфруду дань. Кому-то нужно было поднять народ Бризара из грязи.

– Не весь народ оценил твоего поступка. Прежде они пла-

тили дань Вальфруду, теперь платят Этезии. И сегодняшняя плата много выше той, что была вчера.

– Я понимаю, – лицо царя сделалось еще мрачнее. – Я понимаю роптание народа и его тревоги. Им кажется, я притесняю их, хотя на деле я пытаюсь их освободить. А еще, мой друг, я помню твои наставления. Ты учил, что благодарность обесценивает бескорыстную жертву. Потому я даже рад, что не все бризарцы по достоинству могут меня отблагодарить.

– Ты доверяешь Кви-Керса? – переменял тему Неберис. – Если Благомир возьмет нас в осаду, мы можем полагаться на помощь юд-ха?

– Я обещал ему десять тысяч рабов и ежегодную дань с южных земель. Только напыщенный дикарь поверит, что великое царство пойдет на такой уговор с кучкой бродяг. Но до тех пор, пока племя Решительного Меча не пришло в город, он наш пленник. Шаман говорит о пяти тысячах воинов. У Благомира вчетверо больше солдат. Но ты отлично знаешь, насколько юд-ха превосходят силой людей. В идеальном для нас раскладе обе стороны будут разгромлены. Конечно же, и Кви-Керса не должен остаться в живых.

– А как ты поступишь с хозалиоркой? Она пришла одна, и за ней не стоит армия. От нее может быть помощь в сражении, но, повторюсь, она всего лишь одна.

– Сте-ал-аяна фанатична в желании помочь своему народу. И здесь я вижу в ней себя. Пусть служит нам, пока Бризару требуются воины. И когда война закончится, и мы вер-

нем свои земли, я подарю ей этезианцев. Это будет большой шаг навстречу нашей дружбы с Афе-Лиотом. Ведь нам еще пригодятся друзья.

– Ты двинешься на север, – продолжил его мысль Неберис. – Неужели ты осмелишься напасть на Мусот?

Вулкард посмотрел на него удивленно.

– Говорят, Мангор Тронгаросский все чаще стал припадать к бутылке вина. Нет, он не высылает нам в подмогу несметное войско, теперь уже он не способен разогнать даже кобольдов у своих болот. Достойно ли величайшее человеческое королевство такого ничтожного правителя? Не лучше ли им управлять твердой рукой? Нам даже не потребуется вводить армии. Мы заберем Мусот изнутри. Я много думал об этом, Неберис, и полагаю, только ты можешь занять трон Мусота. Только тебя я доверяю, только ты меня никогда не предашь.

– Далеко же простираются твои планы, – с восхищением отметил Неберис. Сам же он подумал, что Вулкард так сильно погрузился в далекие мечты, что разучился видеть то, что находится перед его глазами.

– Еще ребенком я удивлялся остроте твоего зрения. Ты всегда видел суть вещей. Но я был прилежным учеником и тоже научился смотреть.

Неберис резко поднялся и посмотрел на него свысока.

– А ты видел, что происходило в Золотаре? Этезианцы поджигали окрестный лес и отбрасывали тень на твое прав-

ление!

– Я знаю! – разозлено перебил Вулкард. – Табрак и все причастные уже повешены на частоколе Золотаря.

– А ты... ты винил во всем моего отца!

Вулкард отвел взгляд, но затем посмотрел на собеседника с вызовом.

– А все-таки я здесь царь. Пока что, – добавил он много-речиво. – Так что сядь, мой друг, и остынь. – Неберис послушался, но в его движениях не было покорности. – Я не хотел убивать Каштура, однако мне пришлось это сделать. Ты понимаешь это, но все равно заставляешь меня объяснять. Он угрожал мне в моем же дворце, и настраивал против меня моих собственных граждан. Лишь ради тебя, Неберис, я не трогал Каштура эти два года. Но промедлением я нанес себе большой урон и уже не мог не замечать твоего отца. Количество мятежников возросло. И я ужасаюсь от мысли, что было бы, стой Каштур сейчас по другую сторону стен.

– Думаешь, я бы тебя предал?

– Думаю, ты бы не предал своего отца.

Беспросветная ночь продолжала висеть на улицах. Ее тишина забралась во дворец, застыла в воздухе и легла Неберису на колени.

– Ты прав, – заключил он после долгого молчания, сбрасывая на пол тишину. – Отец знал об угодничестве Седогора перед Вальфрудом, а все равно поддерживал старика. Ему был приятен собеседник-Седогор. Так точно старик был лю-

бим всем нашим народом. Однако мало кто понимал, что не одно и то же быть хорошим человеком и царем. И не исключая, что, если бы царем стал я, отец в ярости мог отобрать мою жизнь. У старших духов есть такое право.

– Поэтому скипетр и достался мне, – напомнил Вулкард. – И за это я всегда буду тебе благодарен. – Неберис рассеянно кивнул, и царь заметил его отстраненность. – Тебя что-то тревожит? Расскажи.

Неберис провел рукой над хрустальным шаром, показав главные городские врата. Сейчас они были закрыты и вместе с остальным городом погружены в сон. Затем он внушительно посмотрел другу в глаза.

– Против тебя готовится заговор.

– Правда? – удивился Вулкард, приподнимаясь в кресле. – Кто им руководит?

– Язар.

Глава четырнадцатая. Восстание

Иварис не отводила глаз от хрустального шара, лицо ее было тревожно. Близился рассвет, но городские врата по-прежнему оставались закрыты. Язар обреченно смотрел в окно: за хрустальными стеклами в безветрии и тишине на землю медленно падал снег.

– Подожди еще немного, – попросила она.

– Ждать больше нельзя. Я уже чувствую тепло Эсмаида.

Он крепко сжал в руке Поборник Света. Но жезл впервые не отозвался. Тогда Язар его оставил, а затем оставил и колдовское кольцо. Время интриг прошло. Не взял он и никакого оружия. Все, что ему требовалось для открытия врат, у него всегда было с собой.

– Останься, – обратился он к Иварис, заметив, что она собирается идти следом. – Ты должна быть в безопасности, чтобы вовремя подать знак.

– Язар, – позвала она, когда тот уже подошел к двери. – Я боюсь, Вулкард смог перехитрить моего брата. Тогда он уже знает о наших планах и будет тебя поджидать.

– Это уже неважно, – заключил он. – В конце всегда решает сила.

– Я буду присматривать за тобой, – пообещала Иварис. – Удачи тебе, Язар, и прощай.

Последние слова она произнесла совсем тихо, но он, ко-

нечно, сумел разобрать их смысл. Он взглянул на подругу неожиданно строго.

– Я не принимаю твоего прощания. Увидимся.

Затем он решительно вышел. Ночной снегопад укрыл сад белым покровом. Снег расстелился плавным одеялом, скрывшим изломы и сгладившим отличия земли. На Язаре были те самые изящные черно-красные одежды, которые ему сотворила Иварис, но впервые он вышел босым. Босыми ходили все звери, альвы, цверги и фавны, и только человек нуждался в обуви, ибо дальше других народов отстоял от природы. Язар не чувствовал холода, а клочкотавшее в нем пламя, выжигало под его стопами глубокие следы. Он торил дорожку, будто нес тепло людям из диких лесов. Он вышел из сада, и ноги сами указали ему путь. Город дремал. Не лаяла ни единая собака, и ни единый сверчок не стрекотал. Под снежным одеялом раздутый шумный Бризарион казался балованным ребенком, которого наконец удалось убаюкать милосердной зиме.

Приятный хруст свежесвыпавшего снега подначивал Язара делать новые шаги. Звук далеко разносился пустынными улицами, но не проникал за стены жавшихся друг к другу домов. Однако не все их жители сейчас беззаботно спали. Небоизбранные: маги, воины, и те из простых людей, которым Неберис мог доверять, приникли к окнам в томительном ожидании. Некоторые обостряли свои чувства магией. С волнением они вглядывались в Язара, но, даже отчетливо

видя его, не могли узнать. Все небоизбранные имели исключительно приятную внешность: высокие, статные, светловолосые и голубоглазые. Те же из мятежников, в очертаниях которых просматривались и малейшие признаки чужой крови, орденом не принимались.

Сквозь оконное стекло маленького неприметного дома следил за Язаром и Кеарис. Он был при оружии и в том самом вычурном пернатом облачении, в котором встретил юношу в первый раз.

– Готовьтесь, – предостерег он союзников. – Наш старый друг подходит к воротам.

Язар видел ворота издалека. Тьма уже не была преградой его зрению, и самая темная ночь не могла погасить света его глаз. Он мог атаковать ворота, не приближаясь, однако ему хотелось подойти. Он искал повода, чтобы отсрочить снятие собственных оков.

На первый взгляд это была обычная стальная заслонка, которая подъемным механизмом уходила в барбакан. Сама надвратная башня сейчас пустовала, на ее вершине не было ни метательных орудий, ни бойцов. Однако Язар научился распознавать магию, и теперь умел смотреть не только глазами. Он знал, что ни воротам, ни стенам не причинит вреда даже самый яростный пещерный тролль. Без дозволения царя их не сумеет перелететь и самая стремительная птица, и не пересечет даже вражеская стрела. Город охраняла великая сила древнего мага, но далеко неравная самому Язару.

Он не знал, что произошло во дворце Вулкарда. Но теперь успех восстания полностью лежал на его плечах. Однако он не чувствовал тревоги. Напротив, неизбежность принесла ему успокоение. Больше никаких сомнений, никаких страхов и промедлений. Все закончится прямо сейчас.

Язар потянулся пальцами к черному кольцу на левом запястье. Но в тот же миг вдруг резко поднялся ветер. Снег, отрываясь от земли, разлетался большими комьями, одежды Язара красиво трепетали, а волосы отчаянно развевались. Ветер слепил ему глаза и удерживал его пальцы, он подхватил Язара, словно младенца в охапку, и рывком утащил в небеса.

Его влекло нечто огромное и темное. Оно извивалось и меняло очертания, а все-таки это было живое существо. Оно тащило Язара в сияющей клетке из молний-когтей. Оно громыхало тучей, и рев его вызывал бури и порождал свирепые ветра. Молниями переливалось его необъятное тело, как в брызгах воды переливается рыба чешуя. Иной человек сгорел бы живьем в его когтях, альв непременно ослеп бы от яркого света, и от его крика оглох бы фавн. В этом стремительном безумном полете Язар не различал направления и только чувствовал, как удаляется от него земля.

Клеть молний разомкнулось, и Язар упал. Поднимаясь, он опирался на лед. Он стоял на огромной белой глыбе, на плавающей небесной скале, клыком торчащей из небесного океана. Вокруг катились клубящиеся облака-корабли, и полыха-

ли дерева-молнии и гниль. В сиянии звезд Язар рассмотрел своего похитителя.

Альварих был велик, как вздыбившееся море, и столь же могуч. И не зря он носил такое имя, – с альвами его родни-ла неземная красота. Он воплощал вечернее небо, прекрасное в своей глубокой синеве и пугающее в бездонной хляби. Огромные глаза его сияли звездами, холодное дыхание рождало ветер. Его густое длинное перо неравномерно переливалось, бледнело белым дымом и затемнялось чадом, его морда клубилась тучей, нанизанной на ледяной каркас. Лед был и в теле альвариха подобно костям. Ледяными осколками скалились его огромные клыки, ледяными иглами оканчивался его длинный хвост.

Набах стоял на поверхности небесного океана, но каким-то чудом не проваливался и не тонул. Он оставил Язара на вершине айсберга, но и теперь смотрел на него сверху далеко вниз. Когда он выдыхал, Язара обдавал порыв ледяного ветра. Когда он хмурился, тучи приближались к его глазам. Говорил он на общечеловеческом, а владел им столь свободно, словно и сам родился среди людей. Он сложил крылья и прогудел:

– Здравствуй, Язар.

– Ты знаешь меня? – тут же заинтересовался собеседник.

Он не боялся альвариха и не беспокоился положением, в котором оказался. Он по-прежнему намеревался открыть врата Бризариона, хотя бы и с небольшим промедлением.

– Я знаю твои чувства и понимаю тебя. Ведь ты такой же пленник, как и я.

– Тогда нам нет нужды враждовать. Восстань против своего хозяина, и когда все закончится, я освобожу тебя.

– Я не могу послушаться приказа, – возразил Набах. В его голосе не было вражды, но звучала глубокая бездонная грусть. – Я лишь могу отсрочить наше сражение.

– Ты не сумеешь победить, – Язар покачал головой.

– Верно. Но я буду сдерживать тебя, пока мой хозяин не подавит мятеж.

Язар посмотрел под ноги. Занавешенная тяжелыми тучами ночь удерживала его взгляд. Но даже сквозь темноту он увидел распутившееся красной птицей пламя. Иварис потеряла брата и потеряла Язара, теперь она могла положиться только на себя.

– Это ты погубил альва Аноира? Его грифон упал недалеко от моей родной деревни.

– Это сделал я.

– Но для чего?

Теперь вниз посмотрел Набах. Казалось, и он что-то пытается рассмотреть в уже объятom мятежным пламенем Бризарионе.

– Этого пожелал мой господин. Он не искал смерти именно Аноира, но приказал убить первого альва, которого я разыщу в пределах Бризара.

– Глаза альва были нужны Неберису, – вспомнил Язар. Его

начали обуревать смутные догадки, но они были слишком пугающими и неправдоподобными, чтобы он мог их принять. – Но ведь не могли они быть с Вулкардом заодно.

– Хозяин отдал мне приказ тайно от Небериса, но в дар многолетней с ним дружбы.

– Что? – ошеломленно прошептал Язар.

Его глаза расширились от ужаса: Неберис их предал. Он заманил их в сердце города, чтобы отрезать от союзников. Образ феникса стал для него сигналом к действиям. Теперь, должно быть, полуальв подавляет мятежников, доверчиво называвших его своим предводителем. В самом деле, не мог же Вулкард все это время быть настолько слепым...

Язар вновь бросил взгляд себе под ноги, на этот раз гораздо быстрее и беспокойней. Но теперь в крошечной тьме он ничего не увидел.

– Набах, отпусти меня, – попросил он. – Нам незачем сражаться, и у меня нет на это времени.

– Не могу, – прозвучал ответ. – Я ведь уже сказал.

– Ты гораздо больший пленник, нежели я, ибо не можешь распоряжаться собственной волей. И с твоего согласия или без него, но я тебя освобожу.

Он обратил одну ладонь к другой, уцепился пальцами за черный браслет на правой руке и сорвал его с запястья. Он вытянул из себя огонь Абимора и обернул его трепещущим черным мечом. Теперь почти не сдерживаемое его собственное красное пламя пульсировало и вырвалось. От него пова-

лил тяжелый красный дым. Воздух вокруг быстро нагрелся, а лед под ним начал таять. Огонь Язара был столь ярким, что его можно было увидеть даже с земли.

От силы его жара альварих попятился. Он неприязненно отвел голову, но затем поднял крылья, пронзительно крикнул и ринулся в бой. Одновременно ему навстречу с вершины айсберга прыгнул Язар. Он угодил ему в пасть и прорезал путь наружу мечом. Однако Набах был столь огромен, что даже не ощутил укола. В ответ он попытался погасить пламя противника крылом.

Они сплелись клубком огня и льда, такие разные и такие похожие. Размерами Набах многократно превосходил Язара, но всего его холода не доставало, чтобы потушить огонь его врага. Но и Язар не мог его смертельно ранить. Он прорезал альвариха насквозь, однако тело зверя снова собиралось из обрывков облаков. Набах не мог умереть, пока существовал Державный скипетр.

С замиранием сердца Иварис следила за передвижением Язара. Когда его похитил альварих, она незамедлительно перешла к решительным действиям. В смерть Небериса она не верила, ибо имела с ним духовную связь и не почувствовала перемен. Не беспокоилась она и об Язаре, понимая, что уж теперь он сумеет за себя постоять. Ее тревожила судьба самого мятежа. Не дети богов и древних духов, но простые люди могли пасть от магии Вулкарда и этезианских мечей. Ибо даже лишенный своего сильнейшего союзника бризар-

ский царь по-прежнему оставался невероятно опасен.

Не выходя из башни, Иварис подняла в небо огромного феникса. Он трижды взмахнул крылами, а затем рассыпался мелким огненным дождем. Яркие красные искры освещали ночной город и заглядывали в жилые дома. Они мерцали перед глазами спящих и призывали их очнуться. Они звали на улицы и взывали к восстанию.

Первым на этот зов откликнулся отряд Кеариса. Среди преданных командиру небоизбранных были и те трое, кто вместе с ним преследовали Язара еще в Ведьмином лесу в самом начале его путешествия. Были в его отряде и маги. Невзирая на свое магическое превосходство, они беспрекословно ему подчинялись. Ибо он был самым доверенным лицом Небериса, ближе возлюбленной Елиары и ближе родной сестры. Он один знал об истинных замыслах Небериса и потому единственный оставался спокоен даже сейчас.

Его отряд стремительно, но без ненужных волнений и суеты перемещался между домами владетельных магов и уничтожал их хозяев одного за другим. Подобной тактики придерживались и другие небоизбранные. Сторонники Вулкарда жили богато и уединенно, многие содержали прислугу, но между собой были разобщены. Когда началось восстание, ни один этезианский маг не встал на защиту другого, все они беспокоились лишь о собственном благополучии. Смерть соседей их не только не трогала, но порою была выгодна и желанна.

Эти маги размещали в своих жилищах колдовские ловушки и устанавливали охранные обереги. Реагирующие на движение, голос или само присутствие посторонних, ловушки запускали отсроченные заклинания. Для таких целей чаще выбирали огонь – как стихию, опасную даже в незначительных проявлениях. Иные предпочитали глубокие ямы, что в нужный момент внезапно разверзались, утаскивая непрошенных гостей. Некоторые превращали свои дома в небольшие крепости, прятались в иллюзиях и в лабиринтах подвижных стен.

Однако обо всех преградах мятежники знали заблаговременно. Они ломали колдовские печати и разбивали големов-стражей в пыль. Воины в этих штурмах выступали стальным клином, а союзные маги оберегали их и поддерживали издали. Если противник оказывал упорное сопротивление, его убивали. Если сдавался на милость победителя, пленяли колдовством: обращали в камень или ввергали в беспробудный сон.

Не все владетельные маги были застигнуты врасплох, наиболее осторожные успели укрыться. Одни бежали зеркальными и теньевыми тропами, другие обращались животными и птицами. Однако оберег Полонира не делал исключений, и беглецы так или иначе по-прежнему оставались пленниками Бризариона.

Кви-Керса отказался принять радушное предложение царя и роскошному дворцу предпочел обыкновенный кре-

стьянский дом. В нем тесно было бы жить и двоим, но шаман выбрал его за небольшой придомовой участок. Он любил блеск и богатство, но чувствовал себя неуютно и беспомощно внутри каменных стен. Даже в своем маленьком доме он почти не бывал, а все время проводил на улицах и во дворах. По неписаному правилу кочевников своим домом он считал местность, которую мог обойти дотемна, а потому и в большой человеческой столице не умещалось его свободолюбие. Целыми днями он ходил кругами вдоль городских стен, как иной человек в большом волнении ходит по маленькой комнате.

К минувшей ночи он вернулся в свое жилище, но животные инстинкты загодя предупредили его о приближении беды.

В его дворе отряд Кеариса обнаружил дюжину надрывно заливающихся больших свирепых собак. Они не были привязаны и, готовые вот-вот наброситься, бесстрашно облаивали вооруженных людей.

– Убейте собак! – нетерпеливо распорядился Кеарис. – Шаман мог обратиться в одну из них.

Они закололи самого настырного пса, но, умерев, тот вдруг обернулся человеком: это был простой обыватель, бризарец, подчиненный воле шамана.

Союзные волшебники виновато и запоздало развеивали вражескую магию. Люди возвращали свои истинные лица и освобождались от воли шамана. Это были не только мужчи-

ны, но и женщины и дети. Выяснилось, что Кви-Керса обратил без разбора жителей ближайших домов. Когда им предложили вооружиться и влиться в ополчение, глава одного из домов выступил вперед и произнес:

– Вы спасли нас, и до конца дней мы будем вас благодарить, – он низко поклонился. – Но Вулкард наш законный царь, как же мы смеем его предать?

– Да ведь и не он сам превратил нас в собак, – поддержала его жена. – А этого дикаря шамана весь город ненавидит! И почему царь его не прогонит?

– Значит, так надо, – ответил муж. – Царю видней.

– Я скажу за свой дом и своих домочадцев, – вступил в разговор их сосед. – Мы не пойдем против царя, но и вашему брату препон не поставим. Если заберете корону силой, – значит, на вашей стороне правда. Тогда и вам мы будем по закону служить.

Исполненные праведного гнева небоизбранные ворвались в дом шамана, но нашли его пустым.

А на дальнем дереве у дороги никем не обнаруженный сидел сизый филин. Он следил за происходящим во дворе шамана большими желтыми глазами и жутко вращал пернатой круглой головой. Когда небоизбранные вошли в дом, он беззвучно вспорхнул. Он прилетел в сад Небериса, сел на забор и прислушался. Но Иварис давно ушла, и даже острый слух ночного охотника не мог уловить звуков ее шагов.

Не была опалена огнем мятежа и предупредительная Сте-

ал-аяна. Когда к ней нагрянули небоизбранные, она уже оседлала гиппогрифа, а ее солдаты в полном воинском облачении выстроились перед ней конной шеренгой.

Вулкард не предложил афелиотам в распоряжение своего дворца, как поступил с Кви-Керса, из опасения, что они согласятся. Взамен он предоставил им небольшое поместье. Прежде в нем обретались сторонники Седогора, а еще раньше здесь собирались люди, посадившие на трон Лукиора. В руках этих людей была большая власть, но Вулкард не побоялся идти им наперекор. Завладев Державным скипетром, он разворошил это змеиное гнездо, а заговорщиков казнил. Избежать смерти удалось только Елиаре. А Неберис, хотя и бывал частым гостем поместья, и тогда не отбросил на себя тени.

Гиппогриф дремал на крыше поместья, когда яркий свет сигнального феникса коснулся его глаз. Настойчивый стук клюва в окно и разбудил Сте-ал-аяну.

Готовясь к сражению, она наделила союзников совиным зрением, придала им бодрости и сил. Не пожалела она слов и на покровы магического поглощения. Голубоватое свечение окружило всадников вместе с их скакунами, затрудняя проникновение в том числе и союзного колдовства. После этого она сотворила иллюзорную стену, сквозь которую можно было наблюдать лишь с одной стороны. На мгновение она прикоснулась к футляру для свитков из власника, с которым никогда не расставалась, но, передумав, одернула руку. Она на-

тянула вдоль ворот колдовскую нить и, не выпуская ее края, взобралась на гиппогрифа.

Противник бесшумно отворил ворота. Сте-ал-аяна беспретно выжидала. Не обнаружили себя и солдаты Афе-Лита, хотя расстояние и позволяло им начать обстрел. Не беспокоились и приученные к бою животные.

Небоизбранные также подготовились к сражению. Трое из них владели магией и подобно Сте-ал-аяне не жалели для союзников колдовства. Они укрыли воинов покровами поглощения, а кроме того, облачили в плащи ветров. Вращаясь небольшим вихрем, это заклинание изменяло траектории подлетающих стрел, отбрасывало ножи, камни и другие мелкие предметы. Сами маги защитились и более сложными заклинаниями: один укрылся сферой погодного постоянства, второй окружил себя пятью иллюзорными двойниками. Эти иллюзии не обладали ни собственной волей, ни колдовской силой, но слепо повторяли движения своего создателя. Сотворил двойника и третий маг, но его близнец из меди уже мог за себя постоять. Бризарские воины вооружились топорами, но в защите ограничились одеждами из бычьих шкур, выкрашенных в синий цвет их ордена.

Лишь когда все небоизбранные вошли во двор, Сте-ал-аяна отпустила нить. Тогда земля под ногами бризарцев раскололась и начала стремительно обрушаться. Огромные каменные глыбы с грохотом расплзались в стороны. Самые проворные и наиболее удачливые мятежники сумели пере-

браться на неподвижную твердь. Но находившееся в центре отряда люди оказались в плену товарищей, и секундные промедления стоили им жизней. Они срывались в пропасть, а их исполненные ужаса крики тонули в громе земли. Четверо из них ушли под землю мгновенно. Один ухватил за ногу мага в сфере погодного постоянства и вылез по нему, как по незыблемой глыбе. Еще одного второй маг сумел подхватить в падении заклинанием и поднять.

Афелиоты не стали расходовать понапрасну стрел и сразу взялись за копья. Выскочив из иллюзорного укрытия, они застали противника врасплох. Бычья кожа небоизбранных не могла оказать коворту серьезного сопротивления. Афелиоты прошибали мятежников насквозь, как соломенных чучел, топтали копытами и сбрасывали в провал. Первоначально дюжина защитников противостояла почти вдвое более многочисленному врагу. Но соотношение сил быстро менялось. Ко времени, когда бризарцы смогли перегруппироваться и начать оказывать хоть какое-то сопротивление, численность сторон уже уравнилась.

Маги небоизбранных не имели достаточной силы, чтобы пробить защиты Сте-ал-аяны. Они могли их рассеять, но это требовало времени, которого вражеская конница не намеревалась им предоставлять. Два мага, не сговариваясь, закрыли поле боя густым туманом. Третий окружил союзников большим кольцом огня. Его пламя не причинило вреда всадникам, но испугало лошадей.

Власник давал афелиотам надежную защиту от клинкового оружия, болтов и стрел. Однако небольшие топоры небоизбранных обладали высокой проникающей способностью и могли ее преодолеть. Другое дело, что пешим воинам было крайне сложно достать подвижных всадников. Лишь по случайности в огненном кольце оказались два афелиота. Бризарцы зарубили их, навалившись толпой, и захватили их лошадей. В одном случае им помогла сила медного близнеца, — он сумел удержать кобылицу за узду руками.

Но затем в бой вновь вступила Сте-ал-аяна. Все это время она плела сложное заклинание массового рассеивания. Одновременно исчез непроглядный туман, земля вновь сомкнулась, и угасло пламя. Растворились все защиты и все иллюзии обеих сторон.

Бризарцы вновь оказались окружены. На этот раз противники уже не приблизились и расстреляли их издалека. Почти все небоизбранные погибли на месте. Один маг успел обернуться стрижом, но Сте-ал-аяна не позволила ему бежать. Порывом сильного ветра она бросила его к лошадиным копытам гиппогрифа, и бесстрастно произнесла:

– Угощайся.

Несколько запоздало в бой вступили этезианские солдаты. Они презирали запуганных бризарцев, и потому даже проснувшись от тревожного боя колокола, не могли поверить в мятеж. Лишь пронзительный крик торжествующего гиппогрифа вернул их в чувства.

Однако улицы под контроль они взяли быстро. Пускай бризарцы и лишили Вулкарда большинства магов, но в масштабах двадцатитысячной армии то был незначительный укол. Мятежники вновь попрятались по чердакам и подвалам. Им оставалось только ждать.

Иварис сразу же направилась ко дворцу Вулкарда. Она действовала спонтанно, положившись на свои врожденные инстинкты и попросив благословения стихий. С собой она взяла Поборника Света, а на палец надела Хрустального Лиса, которого прежде носил Язар. Она не получила его божественной силы, а вот ее зрение обострилось. Даже темная ночь теперь не была преградой для ее глаз. Подняв голову, она увидела красный трепещущий огонь Язара. И тогда же он сошелся с Набахом, и небо заволок черный непроглядный туман. Взяла она и костяной меч Язара; прежде он принадлежал небоизбранному, а еще раньше тритонам, обитавшим в коре Каштура. Именно потому костяным оружием изначально вооружал своих последователей Неберис. А еще потому, что в его представлении такое оружие больше подходило альвам, уподобить которым он желал своих людей.

Иварис придала своему новому облику изможденный вид, словно только что участвовала в бою. Она подошла ко дворцу и заняла то самое место, с которого еще недавно слушала речь царя.

Вулкард стоял на балконе, совсем как и тогда. И так точно был он сегодня наряден: в золотом кафтане с самоцвет-

ным оплечьем, в шапке-короне и с Державным скипетром в руках. Он был совершенно спокоен и даже умиротворен, хотя и сюда добирался грохот восстания, а его далекие яркие всполохи видел и человеческий глаз.

– Здравствуй, Язар, – безмятежно поздоровался Вулкард. – Ты пришел служить мне или пришел меня убить?

– Для человека, ожидающего смерть, ты слишком спокоен, – ответила Иварис голосом Язара. – Ты поэтому нарядился? Хочешь произвести впечатление на богов?

– Я не намерен умирать, – возразил Вулкард. – Хотя и признаю, мне нечего противопоставить твоей божественной силе. Что ты сделал с Набахом?

– Я освободил его.

Вулкард сжал скипетр крепче. Он прислушался к своим чувствам, однако не смог понять, правдивы ли эти слова.

– Тогда почему ты не открыл врат?

– Набах тяжело ранил меня, и я умираю. Мне недолго осталось пробыть в человеческом теле. Я могу сделать лишь одно: разбить ворота или убить тебя.

– Ты сделал неверный выбор, – Вулкард разочарованно покачал головой. – Но раз уж ты здесь, заходи.

Он отступил в глубину дворца, и балкон опустел. Тогда же массивные створки парадных дверей беззвучно отворились. Иварис решительно переступила порог.

Она шли длинными пустынными коридорами, освещенными редко расставленными золотыми канделябрами. Они

горели разрозненными пятнами, свет их не смешивался и с расстоянием уступал темноте. В этом полумраке на стенах покоились портреты бывших царей Бризариона. Мужчины и женщины, старики и почти еще дети, но все они непременно изображались с Державным скипетром в руках. И первым в этом ряду был сам Полонир. Он выглядел миролюбивым и добродушным, и сложно было поверить, что такой безобидный на вид человек низверг последнего наследственного монарха и переписал законы всей страны. Но больше того Иварис поразили его карие глаза и бледная голубоватая кожа. Он не имел в лице грубости этезианцев, но сочетал признаки не двух, а множества народов. Чем дольше Иварис вглядывалась в него, тем меньше признавала. Даже его стеганный черный дублет по статусу в лучшем случае подходил барону. Никаких украшений Полонир не имел, а только за пояс заткнул не самый примечательный серебряный меч.

И разительно отличался от предшественника Хладослав – второй маг-царь, потомственный бризарец, высокомерность которого просматривалась во всех его чертах. На всех посетителей дворца он взирал с презрением, словно не мог смириться, что такие ничтожества ныне разгуливают в его высоких чертогах.

Почти все цари-маги происходили из народа, которым правили. Иные правители походили на сумасшедших, от изображений которых глаз отворачивался сам. Другие, как Седогор, притягивали к себе внимание глубиной мудрого

взгляда, радушными улыбками и мягкостью опрятных бород.

После Полонира портрет Вулкарда уже не казался неуместным в этом ряду. Внешность он имел иноземную, но не самую странную, наряды носил пышные, но не вычурные до безобразия. И в полутьме коридора Иварис узнала руку мастера, которой был написан его портрет.

У картин, опершись на алебарды, дежурили четырехаршинные серебряные стражи. Големы мало отличались от людей, особенно от раболепно преданных своим господам солдат. Сейчас они дремали, но Иварис чувствовала притаившуюся в них магию.

Вулкард не натравил на нее големов и не попытался остановить иным колдовством, которое, как в бурлящем котле, хлопотало в его дворце. Лишь последний страж, стоящий у его собственного портрета, вдруг пошевелился и обратился к ней голосом царя:

– Следуй за мной.

Громыхая по мраморному полу, он сопровождал гостью в зал, в котором Вулкард еще недавно беседовал с Неберисом. Барельеф левой стены изменился: вместо Степенного океана он повторял картину из галереи полуальва, на которой Яра удерживали цепи Граньяриса. Здесь эта сцена выглядела еще правдоподобней и пугающей, чем на холсте. Иварис было неприятно на нее смотреть, и она поспешила отвести взгляд. Царь по-прежнему оставался в парадных одеждах и

только снял шапку. Второе кресло пустовало. Хрустальный шар молчал, а на пьедестале подле него лежало очиненное ястребиное перо.

Голем оперся на алебарду двумя руками и застыл у двери. Вулкард жестом предложил Иварис присесть, но она встала между ним и витражным окном и с вызовом сложила руки на груди.

– Ты позвал меня для разговора?

Он посмотрел в пустоту хрустального шара и ответил не сразу.

– Если бы я мог убить тебя, то не стал бы медлить.

– Тогда почему промедлить должен я?

Конечно же, Иварис не могла сокрушить царя Бризара в его собственном дворце. Но она подыгрывала ему, догадываясь, что заблуждение, в котором он пребывает, вызвано не одним лишь ее обликом.

– Царь нашей страны должен быть не только могущественным магом, но умелым политиком и дальновидным стратегом. Изучению магии я посвятил много лет, а война – это сама моя жизнь. Но вот указы прежде я лишь подписывал, тогда как составляли их всегда мои советники, – он вынул из-за пазухи свернутый пергамент. – На этот раз мне пришлось действовать самому, ведь мой первый советник оказался моим первым врагом. – Иварис внутренне напряглась и на мгновение утратила внешнюю невозмутимость. Вулкард удовлетворенно улыбнулся, затем продолжил. – Все так,

Язар, ты меня правильно понял. Меня предал единственный друг, мой наставник, мой спаситель... Только Неберису я доверял, только с ним делился сокровенными надеждами и мечтами. Вместе мы через многое прошли. Вместе мы заняли трон и свергли Седогора. Ты удивлен? – Вулкард усмехнулся. – Право, старик был слишком силен, чтобы кто-то из нас мог сразить его в одиночку. Но с годами он стал мягкотелым. Эта слабость его и погубила. – Он помолчал. – А ведь меня неблагодарные подданные даже зовут жестоким. Как же так получилось, что и ко мне в душу забрался предатель? Неберис пришел ко мне в полночь, утверждая, что именно ты замыслил меня убить. Но я не мог понять, зачем тебе это? Для чего богу место царя? И тогда я понял. Ты думал, что пришел в Бризарион по своей воле. Но это Неберис тебя приманил. Он раскрыл твою сущность и неожиданно сделал своим должником. Для свержения Седогора я заручился помощью лесного духа, а он в свою очередь привел бога. Пресветлый Эсмаид, сколько же он лгал! – Вулкард взмахнул руками. – Но теперь мне известна правда. А еще мне известно, что ты не лишен благородства, Язар. И пускай Неберис не был твоим другом с малолетства, но, может быть, ты захочешь его спасти.

Царь поднялся и протянул гостю пергаментный сверток. Он продержал его мгновением дольше, чем требовалось, чтобы его передать. Затем неохотно разжал пальцы и тяжело вздохнул. Иварис прочитала вслух:

– «В ночь на четвертое Хомиана месяца Покоя 11089го Лета Эсмаида я, Вулкард Жестокий, тридцать второй царь-маг Бризариона составил сию схиму. В ней я обязуюсь помиловать Небериса и впредь ни поступком, ни словом не приближать его смерти. Ответом же прошу Язара, сына Эсмаида, покинуть его нынешнее смертное тело и умереть. А дабы меня судили по справедливости я вручаю беспристрастному Йерею свое имя, и вручаю сию схиму».

В конце письма, предоставляя Йерею это право, Вулкард подписался на языке Имурьи – повелителя и летописца мира слов.

– И ты полагаешь, я на это соглашусь? – изумилась Иварис.

– Я на это рассчитываю, – признался Вулкард. – И, прежде чем ты примешь решение, я хочу тебе кое-что показать.

Он махнул рукой, и барельеф левой стены начал изменяться. Золото Граньяриса потускнело мрамором, цепи четырех стихий проступили сильнее и приняли вид темного серебра. Яра обратился Неберисом. Он стоял на коленях, а его распущенные длинные волосы свисали слипшимися колтунами на прежде красивое лицо. Казалось, он провел в заключении много дней, так что даже пышная мантия уже не могла скрыть его худобы. Облик его был изможден, лицо осунувшееся, угловатое. Под его глазами залегли черные провалы, а сами прежде лучившиеся ярким светом глаза поблекли. Невидящим взором Неберис взирал в одну точку на полу

перед собой и не шевелился.

Плачевный облик брата ужаснул Иварис. Не раздумывая, она кинулась к нему. Вулкард поспешно вскочил.

– Стой или он умрет! – предостерег он. Иварис остановилась и бросила на него исполненный ненависти взгляд. Тот улыбнулся. – Да, теперь я вижу истинное лицо бога огня. Как жаль, что ты не мой союзник... – Он безмятежно указал рукой на пленника, словно скульптор на свою работу. – Эти прекрасные цепи из орба – еще один подарок Полонира. Они удержат даже самого могущественного мага и подчиняются только царю. Они как голодные пиявки забирают магические силы своей добычи. Мне необходимо их кормить, дабы поддерживать защитную магию всего дворца. Конечно же, Неберис был последним в списке жертв до тех пор, пока не предал меня. И сейчас кандалы Полонира почти его допили. Но как я и говорил, если подпишешь схиму, ты сможешь его спасти.

Вулкард протянул ей перо. Она понимала, что не сумеет его убить, даже если его слова всего лишь блеф, а Неберис в цепях очередная иллюзия. Она попыталась найти подсказку в глазах брата, но они молчали. Конечно, Вулкард мог сначала убить его и уже после составить схиму. Смесь страха и гнева не позволяла ей мыслить разумно. Иварис пыталась нащупать эту разумную нить и прислушивалась к инстинктам. Они утверждали, что Вулкард не лжет. А все-таки она сомневалась.

– Я хочу убедиться, что Неберис еще жив, – заявила она.

– Пожалуйста, – легко согласился царь. – Только не приближайся к нему.

Он шевельнул пальцами, и цепи ослабли. Неберис провалился вперед и вздрогнул, когда цепи натянулись вновь. Он поднял голову и растерянным взглядом стал бегать с Иварис в облике Язара, к Вулкарду и обратно.

– Язар? – изумленно спросил он. – Ты открыл ворота? Или сражение уже окончено?

– Сражение почти окончено, – поправил его Вулкард. – Прямо сейчас мои солдаты подавляют последние очаги мятежа.

– Тогда зачем ты здесь, Язар?

Глаза Небериса лихорадочно блестели, а в словах звучали отчаяние и грусть. Его мало беспокоило собственное положение, но известие о провале восстания, казалось, ранит его сильнее колдовских цепей.

– Вулкард пощадит тебя в обмен на мою жизнь, – ответила Иварис. – Он подписал схиму...

– Не соглашайся! – прохрипел Неберис. Он хотел это выкрикнуть, но голос его подвел. – Ты должен открыть ворота. Уходи! Даже пропитанный моей силой дворец не удержит тебя. Может быть, в этом и есть замысел Вулкарда, – он посмотрел на царя.

– Я не стану препятствовать Язару, если он пожелает уйти. Более того, он волен убить меня в любой момент. Все, чего Язар лишится в таком случае – одного друга. Но зато

освободит от тирании свой народ.

Вулкард говорил с насмешкой, словно подначивая Иварис поступить именно так. Неберис изумленно посмотрел на сестру.

– Так убей его! – он дернул руками, породив громкий звон. – Почему ты медлишь?!

– Потому что прежде он убьет тебя.

Неберис отрывисто выдохнул, пораженный этим слабым доводом. Но что-то в поведении Язара его настораживало, что-то неестественное сквозило в его движениях, в его словах. Кандалы Абимора по-прежнему сковывали ему запястья. Неужели он одолел альвариха, даже не снимая их? Неберис видел Державный скипетр и знал, что тот сейчас пуст. Без надзора Набаха Вулкард оставался беззащитен, и Язар мог легко заколоть его своим мечом. И этот старый меч, – зачем он принес его, когда среди артефактов башни мог выбрать себе куда более грозное оружие? Но тут взгляд Небериса упал на пальцы Иварис. Он не мог видеть колдовского кольца, да и смотрел не на ту руку. Но почему-то его брови сблизились, и сузились глаза.

– Убей его! – надрывно выкрикнул Неберис и еще сильнее дернул цепями. Жилы на его шее натянулись, а волосы беспорядочно взметнулись, размазывая слезы. – Заклинаю тебя, Язар! Молю тебя! Убей его ради меня, ради моего отца, ради моей сестры...

Устав от его причитаний, Вулкард презрительно взмахнул

рукой. Цепи притянули Небериса к стене, он вновь уронил голову и затих.

– Довольно, – потерял терпение царь. – Решение за тобой, Язар, действуй.

Он вернулся в кресло и, предоставляя собеседнице тишину и время для последних размышлений, погрузился в созерцание пустоты хрустального шара.

Иварис с нежностью рассматривала брата. Она думала о том, через какие страдания ему пришлось пройти сегодня, и как дорога ему идея свободы от угнетения и мечта благополучия для их общей страны. Неберис и для сестры прежде оставался холоден и спокоен. И только сейчас, наблюдая его душевные терзания, она увидела всю его боль. Ей хотелось пригладить растрепанные волосы брата, вырвать его из пасти колдовских цепей и отвести домой. Не в его башню в Бризарионе, а на Деревянный остров. Там, обнятые заботливыми руками отца они будут сидеть на его раскидистых ветвях и слушать мелодичное пение Сапфиры. А потом она вспомнила, что из всей большой семьи их осталось только двое, и совсем скоро останется кто-то один. Разве могла она отнять жизнь у брата, пускай от этого и зависела судьба всего царства?

Она отпустила Небериса и сквозь витражное стекло посмотрела на небо. Разноцветные стеклышки разукрашивали ночь. Переплетаясь в ярком танце, они пытались развеселить Иварис, но только мешали. Она искала маленький ого-

нек в далеких черных тучах, одну-единственную вспышку, едва заметный красный блеск. Она не искала совета Язара, но только хотела попроситься.

Нет, это был не его свет, но тучу окрасило красным стеклом. Иварис это понимала. Но она улыбнулась, затем поднесла к пергаменту перо.

Услышав грохот падения, Вулкард поднял взгляд. Но прежде, чем он убедился в смерти Иварис, к ней подбежал брат. Он выглядел совершенно здоровым, в точности, каким и пришел во дворец. И только в его глазах бурлила тревога. Левая стена помещения приняла свой истинный вид и вновь изображала тишину Степенного океана. Кандалы Полонира вернулись в дворцовое подземелье. С замиранием сердца Неберис прощупывал пальцы сестры. Дойдя до безымянного пальца правой руки, он остановился.

– Он умер, – заверил Неберис, отвернувшись и на мгновение крепко зажмурил глаза, чтобы Вулкард не увидел в них блеска.

– Да, – облегченно выдохнул царь, подбирая схиму, – на ней стояла подпись Язара. – Твой план сработал безупречно. – Он обронил пергамент, опустился на колени перед трупом, и, закрывая лицо руками нервно рассмеялся. – Боги, как же я волновался! Ведь он мог убить меня в любой момент! Как только ты сумел его столь сильно к себе привязать? Впрочем, зачем я спрашиваю, ведь ты привязал даже меня, – Вулкард покачал головой, все еще не веря в успех.

Он не отрывал глаз от трупа, не моргал и не переставал улыбаться. – Неберис, я счастлив, что имею такого друга. Когда-то ты помог мне убить могущественного колдуна, а сейчас помог убить бога. Теперь ничто не встанет между мной и процветанием Бризара! Мы не только подавим мятеж, мы разобьем армию Вальфруда! Мы...

В упоении он поднял голову, желая заглянуть другу в глаза и разделить с ним торжество момента. Его лицо лучилось безмерным счастьем, а сам жестокий царь вновь чувствовал себя благодарным мальчишкой, которого Неберис когда-то выловил из холодной реки. И как тогда он с небывалой силой вдруг ощутил вкус жизни и так же возводил далекие радужные мосты.

Но почему-то Неберис был мрачен. Он стоял, широко расставив ноги, и, пронзая холодным взглядом, смотрел на него сверху вниз. В руке он держал старый костяной меч.

– Друг, что это с то...

Рефлексы Небериса превосходили возможности человека, и о том, что произошло в следующий миг, Вулкард понял с пугающим опозданием. На огромной скорости клинок приближался к его груди. Но ему наперерез своевольно и без приказа царя устремился Державный скипетр. Он подтолкнул лезвие снизу вверх, так что укол пришелся в область ключицы. Сам скипетр отскочил в сторону и загремел об пол.

Глаза Вулкарда и прежде расширенные в экзальтации

теперь наполнились удивлением. Кровь из глубокой раны быстро заливала красивый золотой кафтан. Но царь не чувствовал боли, потому что не верил глазам. Неберис поспешно извлек клинок для нового удара. Но как только меч покинуло тело Вулкарда, тот исчез.

Неберис окинул коротким взглядом голема, – серебряный страж оставался неподвижен и молчалив. Он склонился над телом Язара.

Лишенная магии кольца, Иварис тут же вернула свой истинный облик. Безмятежная даже не оцарапанная она лежала с закрытыми глазами и, казалось, дремала.

Он подобрал Державный скипетр и подписанную схиму, а затем подхватил лишь на первый взгляд невесомое тельце сестры. Беспощадно длинными лестничными пролетами он выбежал на главный балкон. Там он поднял Иварис над головой, обратил к небу полные ужаса и безумия глаза и в испуге прокричал:

– Йерей, ты ошибся! Ты не имел права отбирать жизнь моей сестры! Это все кольцо, смотри, – он нервно, едва не выронив, показал небу Хрустального Лиса, а сестру опустил и с любовью прижал к груди. – Кольцо Хомиры, ты его знаешь! Прости Иварис этот обман. Но заклинаю тебя, поступи справедливо! Верни ее к жизни! – Небо молчало, даже сражение в городе на миг утихло, отвечая сокрушенному горем просителю тишиной. Неберис бережно усадил сестру у перил и растерянно провел по ее грубой коже своей нежной

рукой. – Почему ты молчишь? – недоуменно прошептал он. И вдруг он услышал раскатистый гром. Он вновь вскинул голову. Бескрайняя черная туча тяжелым одеялом укрывала небо, ночь продолжалась, хотя давно должно было наступить утро. И он увидел яркую красную точку, прорезавшую этот черный океан. Тогда он понял, что звал не того бога. – Язар! – изо всех сил надрывно выкрикнул он. – Язар!

Он подождал ответа, и на этот раз небо ответило ему громом. Тогда он разорвал схиму на мелкие кусочки и, не глядя, бросил их с балкона. Вдруг налетевший ветер подхватил их и разметал по смятенному городу. Неберис ласково пригладил растрепавшиеся жесткие локоны сестры, горячо поцеловал ее в лоб и пообещал:

– Я вернусь за тобой.

На лестнице ему навстречу уже поднимался серебряный голем, – тот самый, который привел его сестру в западню. Неберис, не прекращая спускаться, начал ткать колдовское полотно.

– Почему ты меня предал? – спросил голем голосом Вулкарда.

Из рук Небериса вырвался поток красного пламени. Он ударил голему в грудь и расползся, охватывая все его тело. Не чувствуя боли, магический страж продолжал идти. Но каждый его шаг становился короче, голем оплывал и таял, как расплавленная свеча, и к ногам Небериса он свалился уже бесформенной массой. Перепрыгнув его, полуальв вы-

скочил в коридор.

По мраморному полу со всех сторон к нему приближались и другие големы, все братья-близнецы: рослые с огромными алебардами наперевес.

Неберис их нисколько не боялся. Уничтожение схимы не отменяло ее действия, и даже под угрозой смерти Вулкард не мог ни собственноручно, ни опосредованно причинять ему вреда. Царю оставалось только защищаться, либо бежать из дворца.

Големы выстроились плотной серебряной стеной. Они смыкали кольцо, а позади прибывали все новые стражи. Стена ширилась и росла. Первый ряд ошетинился алебардами, – если враг попытается бежать и поранится, это не будет их вина.

– Почему ты меня предал? – повторил Вулкард вопрос серебряным эхом големов. – Ты был мне единственным другом, учителем, старшим братом! Я верил только тебе!

Неберис сосредоточенно творил колдовство. Ему оставалось совершить последний стежок, и он выжидал. Когда големы подошли вплотную, он высвободил кольцо красного огня. Пламя Ярхота разбежалось от заклинателя в стороны. Мраморную плитку под ногами оно раскалывало в мелкую крошку, големов сплавляло в единое целое. Жадный огонь устремлялся дальше. Он сжигал деревянную мебель на своем пути, пожирал золотые канделябры, цепко хватался за шелковые гобелены на стенах и тянулся к далекому потолку.

Едкий дым заполнил помещение. Очертания големов узнавались с трудом, но вдалеке снова звучал топот множества ног.

Неберис задержал дыхание, поднялся в воздух и, минуя големов, пролетел коридор. Он подобрался к новой лестнице и через два затемненных пролета спустился в подвал. У последней ступени дорогу ему преградила стена огня, но он легко потушил ее водой.

Затхлый воздух в подвале был почти осязаем. Здесь не было света, и Неберис поднял над головой шар сопутствующей луны. Но и тогда в мягких белых лучах он увидел одну лишь пыль; толстым слоем она покрывала грубые каменные стены и покрывала неровный каменный пол. Неберис поворошил пыль ногами – нет, на подвал Полониру не хватило мрамора. А может быть, он не стал украшать то, что для глаз простых жителей не предназначалось.

Здесь уже он укрылся покровом колдовского поглощения, ибо знал, что подвал полон смертельных ловушек. Он не торопился, вслушивался в тишину и выверял каждый шаг. В помощь себе он призвал глаз забвенника.

На его плече появился большой оранжевый глаз, стоящий на одном черном щупальце, Неберис смотрел им, словно третьим глазом и полностью управлял. Глаз забвенника видел сквозь стены, видел невидимые объекты, магию и обитателей внутренних миров.

В подвале не было ничего, что могло отбрасывать тени,

но, когда Неберис призвал лунный шар, свет успел выхватить черный силуэт, прежде чем тот убежал в темноту. Глаз забвенника показал ему беглеца. Это уже был не беззащитный скользкий лазутчик, который шпионил за Язаром и Иварис, а настоящий полководец Темурьи – мечерукий генерал. Роста в нем было десять саженьей, так что он не умещался в помещении и плавно расстился по потолку, а его четыре длинные руки отвесно тянулись к полу длинными тонкими клинками. Подобно големам мечерукий генерал защищал Вулкарда, но имел собственную волю и принимал решения сам. Поняв, что его обнаружили, он набросился на противника сразу с четырех сторон.

Покровы магического поглощения не защищали от эманаций внутренних миров, а создать оберег теней Неберис уже не успевал. Но в рукаве у него всегда оставались врожденные рефлексy. Он прыгнул в проем между двумя теневыми клинками и перекувыркнулся. Генерал попытался уколоть его тень, но не попал. Он сполз на пол, словно большая чернильная клякса. Через мгновение он вернул человекоподобный облик и наставил клинки в глубину подвала.

Сразить обитателя внутреннего мира можно только родной ему магией. Ни свет, ни ветер, ни огонь не могли причинить вреда мечерукому генералу. Тем более бессильно против него было любое физическое воздействие. Но в Чаайру существовало оружие, которого его обитатели боялись, как дерево огня, и это оружие – отсутствие тени или тeneвая пу-

стога. В руках Небериса она возникла сияющим белым шестом. Его длины хватало полуальфу, чтобы компенсировать длину рук генерала. Но столь грозное оружие требовало и большой осторожности, – неловкое движение, и заклинатель мог разрезать собственную тень.

Они атаковали друг друга одновременно. Неберис уклонился от выпадов двух рук, удар третьей отразил шестом, выбив из нее черные осколки-искры. Под третью руку он поднырнул и, вытянув шест на всю длину, отсек ее по самое плечо.

Отрубленная рука исчезла, вернувшись в океан неосвоенной тени. А мечерукий генерал мгновенно переменился. Он незначительно уменьшился размерами, пожертвовав величиной, чтобы сотворить новую руку.

Следующую атаку Неберис провел не столь удачно. Противник заблокировал его удар и в ответ вогнал один из клинков глубоко в его тень. Опосредованно через тень он ранил его душу, и таким образом мог убить, не оставив на теле и следа. Душа уже через Семурью отозвалась болью. Неберис вздрогнул, пошатнулся, но быстро эту боль подавил.

Теперь он сражался с еще большей дистанции, близко не подходил и только пытался достать длинные руки за пределами клинков. Он избегал ударов и кружил вокруг противника, но лишь иногда выщипывал из него незначительные кусочки. Мечерукий генерал почти не уменьшался. В перспективе такой дуэли именно он должен был выйти победи-

телем, ибо не знал присущей физическому телу усталости.

Если бы Неберис мог выкроить долгие секунды, то сотворил бы пустотный шар и разорвал генерала на части. Но противник не уступал ему в скорости и не отпускал от себя. Не мог отвлечь его и глаз забвенника, ибо тот, хоть и получил плоть, но не имел тени, а значит, не интересовал теневого генерала. Но ведь не только живые существа обладают тенью.

Неберис сорвал свой плащ и бросил под ноги мечерукому генералу. Тот тут же набросился и вонзил в него все четыре клинка, словно именно плащ и был его врагом. Воспользовавшись моментом, Неберис подскочил к противнику чуть не вплотную и круговым движением вырезал из его тела большую пустоту.

Генерал резко провалился в самого себя, заполняя провал. Его руки укоротились для сохранения прежних пропорций, и в целом он заметно уменьшился. Теперь уже без большого риска для себя Неберис доставал его пустотным шестом. Мечерукий генерал таял на глазах. Он уменьшился вдвое, вчетверо. Когда размером он уже стал близок человеку, Неберис перерубил его пополам. Его остатки расплылись черным дымом. Они расплзались все дальше, истончаясь и бледнея, пока не исчезли совсем.

Даже находясь под магическим покровом, Неберис предпочитал избегать колдовских ловушек. Эти замаскированные отсроченные заклинания чаще хранили в себе разрушительное колдовство. Некоторые закрывали иллюзиями глу-

бокие провалы в полу, другие пробуждали незримых стражей. Имелись в подвале и обыкновенные механические ловушки. Под весом нарушителя они приводили в движение скрытые в стенах арбалеты или вдруг обрушивали каменные глыбы с потолка.

Невзирая на всю осторожность Вулкарда, ловушки лишь задерживали Небериса, но не могли остановить. Часто его выручал полет. В других случаях он обезвреживал их рассеивающими заклинаниями. Если ему не удавалось обойти ловушки и развязать тугой узел колдовства, он провоцировал их магией. Одна из них, взорвавшись, вызвала небольшой обвал, поранив Небериса острыми камнями. Другая высвободила рассеивающее заклинание, сорвавшее с него магический покров и отозвавшее глаз забвенника в Нидрару.

Но его не беспокоило лишение защит, Неберис знал, от механизма управления врат его отделяет лишь одна преграда.

Ослепительный свет полыхающих игнив разрывал темноту, а несмолкаемый треск прорезал молчание подвала. Роща этих трепещущих деревьев-молний сплеталась непролазной чащей. Ее нельзя было обойти, погасить или обмануть. Полонир сорвал эти деревья еще только ростками в тот день, когда поднялся в надземный мир для похищения альвариха. Он посадил их в основании дворца, сделав живым сердцем, источником всей магии Бризариона.

Еще вчера эта преграда являлась для Небериса непреодо-

лимой. Но сегодня у него был проводник и то единственное, что роща стерегла пуще царя.

Почувствовав Державный скипетр, игнив уняли пыл. Они расступились, пропуская Небериса, а после вновь сомкнулись плотным кольцом.

В центре рощи притаилась маленькая полянка, покрытая голубой травой и лепестками нежных цветов. Всю ее можно было пересечь пятью шагами. Меж серебристых ромашек и белых хризантем выглядывал необычный хрустальный тюльпан.

Неберис вложил Державный скипетр в тюльпан и провернул. Колдовской замок задрезжал звонким стеклом, и в то же мгновение распахнулись, пропуская армию Вальфруда, городские ворота.

– Теперь я готов с тобой говорить! – крикнул полуальв в пустоту.

Перед ним с другой стороны тюльпана появился Вулкарда. Царь выглядел спокойным, но глубоко опечаленным. Раны в его плече уже не было.

– Ты победил, – признал он с тяжелым вздохом. – Со мной была вся сила Полонира, а я все равно не сумел тебя остановить. Но скажи, мой друг, – он вопросительно заглянул Неберису в глаза. – Какую судьбу ты уготовил народу Бризара?

– Мне безынтересна судьба Бризара, и я презираю рабский народ, готовый служить и кобольду и троллю, если они

взойдут на трон. Однако именно в угле рождаются алмазы. Дворец и кандалы Полонира, глаза альвов и чистокровные бризарцы – вот компоненты, необходимые мне сейчас. Я сотворю новую расу, и мои небоизбранные вознесутся на небеса. Мы будем жить вдали от мерзких интриг человечества, от грязных войн, от зависти и нищеты. Мы будем соседями небесных драконов, альвов и альварихов. Мы будем учиться у них, познавать Яргулвард и самих себя.

– А ты еще безумней меня! – рассмеялся Вулкард. – Мечтатель! Ты не превратишь человека в альва, изменив ему глаза и подняв в небо. Подумай, ведь нашу природу не изменили даже альманды! Их кентавры оказались жестокими охотниками, а гарпии и вовсе стали пожирать самих себя!

– Верно, что жестокость вложена в человека богами, но неправда, что человека нельзя изменить. Альманды не изменяли людей, но на гончарных кругах лепили новых существ. Они вкладывали в них только те чувства, которые хотели вложить. И ты забыл о тэнгу – наиболее близких небоизбранным существах. Обретение крыльев не лишило их разума, а бескрайнее небо наделило состраданием и добротой.

– Ты переоцениваешь мудрость альвов и чтишь их, невзирая на то, что они предали и альмандов, и своих братьев цвергов, и народ твоего отца.

– Альвы не имели сил остановить рошъяра, ибо свергнуть Эсмаида может только его дитя.

– Неужели ты... – Вулкард в изумлении расширил глаза.

– Нет, – перебил его Неберис. Его взгляд затуманился и обратился куда-то вдаль. – Это подстроил не я. Может быть, все происходящее часть неведомого нам божественного замысла, а может это всего лишь моя мечта. Однако вспомни, сколько длился век Белого солнца, когда окончилось лето Двух солнц, и какой год уже третьего летосчисления идет сейчас.

Век Белого солнца продолжался девяносто девять тысяч и еще девятьсот девяносто девять лет. Ему вели отсчет альманды, с тех пор как Нигдарабо впервые взглянул на Яраил. То была эра становления юного мира, расселения первых народов и возникновения древних ныне забытых царств. С исчезновением Нигдарабо на небосвод поднялись его дети: Эсмаид и Эсэтир. Так начался век Желтого солнца. В его первую эпоху – лето Двух солнц – братья освещали Яраил вместе. Но через двадцать две тысячи и еще двести двадцать два года Эсэтир был изувечен и обратился Луной. Тогда началась вторая эпоха века Желтого солнца – лето Эсмаида. Она длится и сейчас и насчитывает уже почти одиннадцать тысяч и восемьдесят девять полных лет.

– Оставь досужие разговоры, – отмахнулся Вулкард. – Конца света ждут каждое тысячелетие, так почему он должен случиться теперь?

– Я хочу ошибиться, а вместе с тем хочу оказаться прав.

– А я хочу дожить до этого дня, – царь с просьбой заглянул другу в глаза.

– Я не убью тебя, – ответил Неберис. – И как друг, советую тебе бежать, – бог красного солнца уже стремится к твоему дворцу.

Глава пятнадцатая.

Битва за Бризарион

Скрытые иллюзией вчерашнего дня Елиары вальфрудцы давно стояли у ворот Бризариона, они видели над городом сигнального феникса и терпеливо выжидали. Немногочисленные дозорные этезианцы не знали об их присутствии до последнего момента. Когда вражеская армия вошла в город, они уступили стены без боя. Все они сдались в плен добровольно, не из страха смерти, но по холодному расчету, полагая, что могущество царя защитит город и без их героических жертв.

Маги освещали дорогу армии вспышками света, огнем и ложными лунами. Белые и желтые сферы, поднимаясь в воздух, разгоняли ночь. Вальфрудцы не таились и не искали укрытий, подобно противникам полагая, что сила на их стороне. Из двадцати тысяч вальфрудских воинов две тысячи были конными, и вполовину меньшей конницей располагал их враг. В противостоянии на открытой местности это дало бы им серьезное преимущество, но в тесной городской среде ценность всадников значительно снижалась. Не слишком полезными внутри стен становились и лучники. Ночь, даже частично разорванная колдовским светом, заметно снижала их обзор. Лучники не могли атаковать из арьергарда,

не боясь ранить союзников, а переходя в авангард, оказывались легкой добычей притаившихся в жилых домах вражеских солдат. Если же они занимали крыши, то неизбежно принимали удары этезианских стрелков и магов. Конечно же, эти предсказуемые вещи были учтены опытным полководцем еще до начала боя. Почти все лучники взялись за мечи уже за стенами, а коннице было приказано не уходить далеко от основных сил. Всадники выступали в роли разведчиков, провоцируя и выманивая врага. За время продвижения по царству к основному войску Благомира примкнули семь тысяч крестьян; они использовали то оружие и доспехи, какие по дороге к столице отбирали у поверженных этезианских солдат.

Сам Благомир, давно не молодой, но еще крепкий воин возглавлял армию верхом. Его тело закрывал Бронзовый Оплот – окантованная золотом магическая кираса. Она не могла быть повреждена обычным оружием и защищала владельца от воздействия простой враждебной магии. Кираса давала Благомиру нечеловеческие выносливость и силу, в ней он мог поднять лошадь над головой и никогда не уставал. Остальные доспехи воеводы также были выдержаны в ее стиле, хотя и не предоставляли столь значительной защиты.

Для своего лучшего воина Увалир не пожалел и волшебного оружия. Одной рукой воевода удерживал гигантский двуручный Ошеломитель. Этот бронзовый цельнометаллический молот имел огромную сокрушающую силу, он сми-

нал самые прочные латные доспехи и раскалывал ростовые щиты. Но даже если удар Ошеломителя не приносил противнику смерти, то неизбежно сбивал его с ног и оглушал.

Необычной была и чубарая кобылица Благомира Агиса. Ее пышная серебряная грива и длинный хвост ярко сверкали в темноте, служа солдатам ориентиром. Белый торс кобылы усеивали многочисленные черные пятна, словно комья земли прилипли к ее бокам. Из ее головы торчало два тонких острых рога. Внешность указывала на происхождение Агисы от водяных лошадок келпи. Эти создания обитают во многих водоемах, зимуют подо льдами, а в теплое время пасутся на берегах. Размерами они крупнее обычных лошадей и еще больше превосходят их силой. К людям они недоброжелательны. Нередко они лишь притворяются покорными, но, когда их седлают, несут к воде наездников и пытаются их утопить. Редко кому удается обуздать келпи, но уж если они приручены, то будут верно служить человеку до его самой смерти.

Агиса могла постоять за себя и без всадника. Врываясь во вражеские ряды, она с упоением топтала пеших этезианцев. Ее голубые копыта испускали горячий пар, гнули доспехи и ломали человеческие кости. В лошадей она свирепо вгрызалась зубами, вырывая из них большие куски плоти, будто считала этих созданий не подобными себе, но ущербными и недостойными жизни. Но и сами кони при виде столь яростного противника проходили в ужас и бежали.

Эльмуд и Елиара также конные не отпускали далеко Благомира и всячески его оберегали. Точечными заклинаниями они снимали затаившихся лучников на крышах, а темные улицы перед собой расчищали ледяными волнами, молниями и огненными шарами. Втроем они составляли клин, прокладываящий остальной армии путь. Они действовали слаженно и быстро продвигались через город, однако Благомир почти сразу отозвал.

– Меня не нужно опекать, идите на фланги. Эльмуд – на север, Елиара – на юг. Мы будем продвигаться равномерно, не оставляя слабых мест и путей отступлений врагу.

На севере войско Вальфруда встретило ожесточенное сопротивление этезианцев. На самом деле защитники сознательно отдавали центр Бризариона, рассчитывая взять захватчика в кольцо. Северным фронтом руководил Кви-Керса. Этезианцы боялись его, но слушались беспрекословно. Помимо собственной разрушительной магии он принес Вулкарду двадцать всадников на эндрюсархах. В масштабах многотысячной армии это было ничтожное число, но каждый из этих зверей отличался невероятными свирепостью и силой.

Эти огромные хищники напоминали ужасных копытных волков с пастями непомерных размеров. Шерсть они имели жесткую черную. Их челюсти обладали исполинской мощностью и могли раздавить кокос, черепаху или перекусить человека пополам. Происходили они от аматов – обитателей Канаф-

геоса с головами крокодилов, передними частями львов, а задними бегемотов. В степях они охотились на все живое, но в отличие от волков не объединялись в стаи, ибо и в одиночку могли отбить добычу почти у любого врага. Эти звери были слишком свободолюбивыми и жестокими, чтобы понять человека, а вот юд-ха использовались ездовыми животными и легко приручались.

Наездники эндрюсархов, как и сам Кви-Керса, происходили из племени Решительного Меча, а потому только таким оружием и вооружались. Каждый юд-ха использовал сразу два медных меча. Один меч при себе имел только шаман-вождь, а его пятнистый черно-рыжий эндрюсарх превосходил родственников разумом и размером. Величиной, как и положено, воины уступали своему шаману, однако в сравнении с людьми по-прежнему оставались высокими, широкогрудыми и с непропорционально тяжелыми руками. Одежду по статусу они носили из волков, а собственную шерсть имели бурую или черную. Интересно, что шкуры эндрюсархов не носили даже шаманы-вожди, ибо этих зверей они считали себе равными.

Юд-ха хорошо видели в темноте, и столь же хорошим зрением обладали эндрюсархи. На своих жертв они набрасывались из-за углов, или внезапно выпрыгивая из больших окон жилых домов. И когда колдовской свет выхватывал из темноты жуткий облик эндрюсархов, лошади приходили в ужас и топтали вальфрудских солдат, люди же впадали в ступо-

розное оцепенение.

Первый же из эндрюсархов сорвал всадника с лошади и прокусил его насквозь, словно и не было на нем прочных стальных доспехов. Второй откусил человеку голову вместе со шлемом. Третий схватил лошадь за глотку и задушил.

Жажда крови влекла эндрюсархов в сердце врага, их наездники не ведали страха и не боялись погибать. Прежде всего, они атаковали конницу, дабы лишить врага маневренности. С пешими воинами они справлялись с еще большей легкостью. Часто эндрюсархи просто сбивали вальфрудцев с ног, а юд-ха их уже добивали. Но и когда юд-ха оставались без своих жутких скакунов, они демонстрировали очевидное превосходство над человеком в силе и ловкости. Они яростно отбивались одновременно от множества врагов, пока за ними проторенными дорогами в чашу человеческих тел спешили этезианцы.

Их маги укрывали своих ценных союзников щитами и больше для устрашения бросали вперед заклинания массового поражения. Нередко такое колдовство противники рассеивали еще в полете, либо загодя возводили магические преграды и щиты. Но, вынужденные противостоять вражеским магам, они уже не успевали бороться с эндрюсархами.

Жители города, у домов которых разворачивалось сражение, дрожали от страха, затворившись глубоко в погребах. Но и сквозь толщу земли и камень стен до них отчетливо доносились раскаты грома и жуткие исполненные боли, и

предсмертные крики. Обыватели не знали о ходе сражения и только молились. Одни молились Вулкарду, другие богам, каких только знали, третьи желали победы Благомиру.

Однако, несмотря на первые успехи, осторожный Кви-Керса громовыми криками возвращал солдат, не позволяя твердому кулаку северного фронта распасться на отдельные уязвимые пальцы. Эндрюсархи подавляли охотничьи инстинкты и подчинялись, – эти умные звери отлично понимали человеческую речь. Собственный зверь шамана-вождя демонстрировал удивительное спокойствие, вступая в сражение лишь в случае нужды.

Кви-Керса обострил свои чувства магией настолько, что и, не видя, точно знал о местонахождении врага. Он мог сосчитать отдельно конных и пеших, находящихся на соседней улице за тысячу шагов. Запах рассказывал ему об их возрасте, ранах и болезнях. Шаман чувствовал и величину их боевого духа, решительность и усталость. Встретив серьезный отпор, уверенность вальфрудцев в себе пошатнулась. И на эту уязвимость шаман решил надавить. Яркому шумному колдовству он предпочитал не столь заметные, но не менее действенные атаки. Он вызывал смятение в стане врага и вызывал панику. Сотни вальфрудцев в испуге бросали оружие и вдруг обращались в бегство. Обезумев, другие набрасывались на союзников или закалывали себя сами. И вновь вальфрудским волшебникам приходилось обезвреживать враждебные чары. Но всегда защищаясь, они не могли победить.

Лишь с появлением Эльмуда их плачевное положение переменилось. В первую очередь он сотворил круг стойкости, обезопасив ближайших союзников от заклинаний умеренной силы воздействия на разум. Общим рассеиванием он сорвал магические покровы с половины врагов, а после перешел в атаку. Он воспользовался гневом эндрюсархов и обратил силу Семурьи уже на них.

Кровожадные звери поддавались бешенству охотно. Они бросались друг на друга, вгрызались в глотки, конечности, тела. Без разбору они топтали вальфрудцев и этезианцев, сбрасывали и загрызали собственных наездников.

Пользуясь переполохом, бризарцы перегруппировались и укрепили позиции. Раненые отходили в тыл, свежие силы устремились в атаку. Неожиданно оказавшись в первых рядах, этезианцы начали отступать, а многие и вовсе предпочли сразу сдаться.

Кви-Керса мысленно проклинал их трусость. Он расправился бы с предателями самостоятельно, не будь вынужден беспрестанно противодействовать Эльмуду. Его стараниями тринадцать из двадцати эндрюсархов еще оставались в бою. И хотя ответной атакой его стороне временно удалось принудить Эльмуда защищаться, вальфрудцы все одно медленно, но неуклонно забирали северный фронт себе.

Те же из бризарцев, что встали на защиту своего царя, оказавшись лицом к лицу с братьями, уже не демонстрировали ревностной службы. Легко убить поднявшего на тебя меч, но

другое дело поднять меч первым на того, кто не считает тебя врагом. Нападавшие старались обезоруживать их и не убивать, а порою и вовсе не замечали.

И хотя Кви-Керса проклинал беспринципность и трусость этезианских наемников, но и сам уже в серьез обдумывал пути отступления. Видя, что инициатива безнадежно утрачена, а боевой дух союзников подорван, он приказал подопечным отходить ко дворцу. Прикрывая отход, он сотворил последнее заклинание.

Земля с утробным грохотом содрогнулась, узкие улицы вздыбились и преломились вдоль. Жилые дома проседали и обваливались. Лошади падали вместе с седоками. Наиболее удачливые ломали кости, иные уходили в расщелины или были заживо погребены камнями. Снег, всколыхнувшись, повис в воздухе колким туманом. Он скрывал от зрителей главный ужас разрушения: тела мирных жителей, раздавленные собственными жилищами. Кто-то из этих людей желал победы Вулкарду, кто-то называл Благомира освободителям, но и тем и другим не посчастливилось оказаться на дороге войны.

Землетрясение не принесло больших потерь армии Вальфруда, ибо имело площадь всего в две сотни сажений. Убитые исчислялись десятками, ранеными оказались сотни. Но людей привел в ужас сам поступок шамана, – он готов был разрушить город, уничтожить его население, но не отдать в руки врагу.

Армия продолжила наступление вглубь города по нетро-

нутым улицам. Часть солдат осталась на месте разрушения для извлечения людей из-под завалов. Среди пострадавших были и этезианцы.

Для юд-ха шаман-вождь являлся посредником между Молтарбом и его детьми. Они не оспаривали его решений и подчинялись им беспрекословно. Они могли заколоть даже себя, если на то была воля шамана. Но для союзников этого дикого народа, напротив, не существовало богов. Они не умели слепо повиноваться и не спешили действовать, если это противоречило их собственным взглядам. Изначально они шли на войну ради наживы, но теперь и сами верили, что защищают Бризар. И они не считали возможным одновременно защищать город и превращать его в руины, оберегать мирных жителей и в то же время их уничтожать.

Иную тактику выбрала Сте-ал-аяна. Решительным натиском она желала отбросить вражескую армию, занять южную башню, а после разорвать войско Благомира на две части, выбив одну за пределы стен, а со второй разделаться совместно с Кви-Керса.

Ее конный отряд не обладал устрашающей мощью эндрюсархов, а кроме того, одним из первых подвергся нападению мятежниками. Но афелиоты были гораздо ближе этезианцам, чем полулюди юд-ха. Они вдохновляли солдат своим примером, они восхищали их своим бесстрашием и мастерством. Их ковортовые мечи разрезали вражеские доспехи, словно бумагу, их костяные копья пронзали вальфрудцев на-

сквозь. Афелиоты рассекали головы врагов вместе со шлемами и без усилий перерубали головы лошадям. В свою очередь власник полностью покрывал их тела, оставляя открытыми лишь лица. В нем застревали стрелы и увязали мечи, хотя топоры и копья обладали достаточной броневой силой, чтобы их ранить. Но помимо чудесных одежд восточных всадников оберегали и этезианцы. Они видели в них своих негласных предводителей и в стратегических соображениях предпочитали служение им опеке соотечественников и друзей.

Защитники медленно отвоевывали южную часть Бризариона, и войско, с которым они сражались, усилиями Сте-алаяны уже было разрежено. Колдунья атаковала противника с воздуха, находясь за пределами досягаемости стрел. Она использовала разрушительные заклинания массового поражения, а для того ей не требовалось снижаться.

Атаку она начала с самого могущественного заклинания, которым владела – града клинков орба из школы канафьяра. На город напозла сверкающая серебром небольшая и низкая туча. Она разверзлась с грохотом, и с небес в радиусе версты посыпались ее осколки – увесистые острые лезвия из темного серебра. Осколки летели в разные стороны, кому-то они отсекали конечности, кого-то разделяли напополам. Набирая скорость, они пронизывали все на своем пути и уходили в землю. От них нельзя было оградиться стальными щитами или покрывами магического поглощения, ибо

орб как сквозь масло проходил через сталь и простое защитное колдовство. Плотные ряды играли против вальфрудцев. Солдаты оказались в плену товарищей: даже замечая угрозу, они не могли ее избежать. Около полусотни солдат приняли мгновенную смерть, но куда большее их количество вскоре погибло от кровопотерь.

Этезианцы уверенно теснили неприятеля. Но отступая, вальфрудцы взбирались на стены, брались за луки и, укрывшись мерлонами, теперь вели обстрел из бойниц. Самые меткие стрелки засели в южной башне, с поддержкой сразу двоих магов их стрелы, не теряя сил, пролетали версту и неизбежно находили цели.

После столь сильного колдовства Сте-ал-аяне требовалось время для восстановления. Отдыхая, она разбрасывалась с высоты огненными шарами, которые пускай имели небольшую площадь поражения, но вызывали у вальфрудцев первобытный страх перед огнем и понижали их мораль. И пока Сте-ал-аяна ломала вражеский строй, защитники добивали раненых колдовством и укреплялись в новых местах.

Обнаружив угрозу, которую ее соратникам несли защитники южной башни, она снизилась и направила в ее сторону иссушающую молнию. Зеленая вспышка стремительно ворвалась в башню сквозь узкие бойницы и рассыпалась колким веером. В один миг она испарила всю жидкость в телах стрелков. Воздух в башне наполнился густым паром, скрывшим жуткие лишенные глаз обтянутые кожей и обезвожен-

ные трупы. Маги-защитники лишились колдовских покровов, они упали без сил и провалились в пучину забвенников.

Однако, снизившись, она стала мишенью врага, ибо вальфрудцы видели в ней первостепенную угрозу и атаковали прежде всего. С нее сорвали покровы магического поглощения и плащ ветров, а усиленная магией стрела нашла свою цель и прошла колдунье бок. Несколько стрел принял в себя гиппогриф, и одно из огненных заклинаний опалило ему крыло. Но вот могучий зверь вновь взвился в небо. Бессильно вернулись на землю выпущенные ему вдогонку стрелы, злобно прошипел, пролетев мимо, огненный шар.

Скрываясь от противников, Сте-ал-аяна поднялась выше прежнего. Со своего места она уже могла наблюдать противостояние Язара и Набаха. Ей казалось, будто само бездонное небо сражается с красной кометой. Ледяные молнии сходились с огнем, а воздушный пар с тяжелым чадом. Никто из противников не одерживал верха, никто не сдавался и не отступал. Она наблюдала за поединком как зачарованная, забыв о собственном сражении и собственной ране. Она думала, как сильно ее народ нуждается в таких могущественных воинах. И вдруг она поняла, что облачный зверь есть тот самый альварих, которого Вулкард обещал дать в помощь афелиотам. Мечтательно она уже представляла, как с ним они изгоняют со своих земель великанов, и как наконец в Хозалиоре наступает долгожданный мир.

Эта мечта придала ей сил. Нет, она не могла помочь Наба-

ху, ибо их могущество было несопоставимо. Но могла одержать победу на земле, чтобы защитить Вулкарда и принять его дар. Она опустила взгляд на футляр для свитков и убедилась, что он плотно прикреплен к ее поясу.

Ко времени прибытия на южный фронт Елиары, афелиотка полностью исцелилась и вернулась в бой. Уже во второй раз она применяла град клинков орба. Однако старой волшебнице это разрушительное колдовство не причинили вреда, ибо она единственная во всей армии Благомира постигла легендарную робу Ренталана. Для самого древнего мага то была повседневная одежда, оберегающая его в экспериментах и колдовских практиках. Уже после его смерти магистрам Кзар-Кханара удалось воспроизвести заключенное в робе колдовство, но творить его, используя лишь собственные силы и сейчас, спустя пять тысячелетий, были способны лишь самые одаренные маги.

В призрачной колдовской защите без труда угадывались очертания самой первой робы. По ее контуру то бледнее, то проявляясь желтым светом, кружили письмена, начертанные наречием зеркальной Двомурьи. Касаясь робы Ренталана, клинки орба бесследно растворялись. Елиара не умела облекать этим заклинанием союзников, однако роба воспринимала наездницу и ездовое животное одним целым и укрывала обеих.

– Прячьтесь под мою лошадь! – крикнула она.

Сразу группа солдат кинулась к ней с последней надеж-

дой. Увы, места под крупом хватило только четверым. Эти четверо остались единственными выжившими, окруженными грудой навалившихся друг на друга тел.

Елиара сразу поняла, что кроме нее некому противостоять Сте-ал-аяне. Вероятно, даже Эльмуд не сумел бы с ней совладать. Надеяться же на помощь Небериса и его союзников не приходилось. Конечно, афелиотская колдунья в одиночку не могла одолеть целое войско, но, возможно, повторила бы град клинков орба в третий и даже в четвертый раз.

Заклинанием окрыления Елиара уподобила свою кобылицу чудесным пегасам, какие летали в Рошгеосе на службе светлых богов. Мерные взмахи белых крыл подняли ее в небо.

Афелиотка вновь укрылась магическим покровом и дополнительно обезопасилась сферой погодного постоянства. Такую двойную защиту уже сложнее было развеять, однако ни одно из этих заклинаний не оберегало от магии внутренних миров.

Сте-ал-аяна атаковала первой, вновь обратившись к иссушающей молнии. Но на этот раз голод молнии остался не утолен. Зеленая вспышка бессильно пробежалась по всей длине робы и рассеялась, не найдя в ней уязвимых мест.

– Как называется твоя защита? – поинтересовалась Сте-ал-аяна, она была восхищена.

– Роба Ренталана из ордена Двумуры, – с готовностью объяснила противница. – А твой дождь клинков?

– Град клинков орба Канафьяра.

Отвечать на подобные естественнее для магов вопросы прямо в бою считалось обыкновенной вежливостью и частью магического этикета. Конечно же, ему следовали не все и никаких подсказок соперникам не давалось. Но нередко уже умирающий маг обращался к победителю за пояснениями.

– И на твоей родине не запрещено изучать эти школы? – удивилась Елиара. – Ведь так вы питаете силами чужих богов.

Сте-ал-аяна засмеялась. Впервые, с тех пор как покинула дом, она утратила серьезность.

– Чужих для кого? Среди хозалиорцев живет Коловсокард, нас оберегает Арос. А где ваши боги? Они хотя бы иногда вам помогают?

Елиара посмотрела наверх.

– Один из них прямо сейчас сражается на нашей стороне.

Сте-ал-аяна нахмурилась, она все поняла. Ей хотелось закончить поединок прямо сейчас, чтобы как можно скорее прийти на помощь сторонникам. Но она уже знала, что ее собственных сил не хватит для преодоления робы Ренталана. Скоростью ее гиппогриф превосходил искусственного пегаса, и она тут же воспользовалась этим преимуществом, увеличив дистанцию. При этом она оставалась на таком расстоянии, чтобы чувствовать сотворение вражеского колдовства.

Елиара использовала остекленение – не слишком сложное, но эффективное заклинание. Его силы было недостаточ-

но, чтобы превратить в стекло такое крупное существо, как гиппогриф, но оно могло обездвигнуть ему крылья. Как и для всякого простого колдовства, для его сотворения не требовалось большого времени. Уже через несколько секунд после внезапного прекращения перемирия к Сте-ал-аяне устремился блестящий хрустальной моросью туман. Однако против ожиданий Елиары этот туман не обратил в стекло свою цель. Он уплотнился и принял облик необычайного существа.

Стеколыщик не имел ни головы, ни конечностей, а только подобие крыльев, которые извлек из своего бесформенного тела, оказавшись в воздушной среде. Он состоял из множества сплавленных воедино разноцветных осколков, а когда перемещался, изменялся, как меняется причудливая картинка в калейдоскопе. Структурные элементы Дарпару, стеколыщики следят за его порядком и соответствию физическим мирам. Они выискивают и выправляют искажения, в том числе такие, когда отражения зеркальных магов разгуливают самолично. Оказавшись во внешнем мире, стеколыщики перестраивают его в соответствии Дарпару. Они по-прежнему видят себя защитниками зеркального мира и прежде всего устраняют источники раздражения – носителей магии. Управлять стеколыщиками почти невозможно, еще сложнее их победить. Они неуязвимы для любого немагического оружия, и к самой магии имеют большую устойчивость.

Обыкновенно стеколыщиков создают из отражений вра-

гов, которые и становятся их первыми целями. Но Сте-ал-аяна вновь продемонстрировала удивительное мастерство, перехватив и преобразовав в стекольщика одно из немногих подходящих для того заклинаний.

Стекольщик еще только учился перемещаться в незнакомом мире. Сначала подобный крылатой бочке он неуклюже парил. Однако он очень быстро овладевал полетом и с каждой секундой трансформировался в соответствии с новыми нуждами.

Из охотника Елиара превратилась в беглеца. Она сама подсказала противнице способ победы, ибо стекольщик мог преодолеть робу Ренталана. Отозвать же его было гораздо сложнее, нежели сотворить. Готовя заклинание, она маневрировала в воздушных потоках. Стекольщик уверенно приближался, он быстро учился летать и становился все быстрее.

Обтекая робу Ренталана, конусом вокруг нее пролетел поток расплавленного золота, – Сте-ал-аяна не оставляла попыток разбить этой защиты. Но и сама она держалась от стекольщика на расстоянии, ибо не могла его контролировать.

Наконец заклинание родных земель было готово. Стекольщик, нависнув над Елиарой, уже вытягивал из своего тела щупальца-руки, когда позади него раскрылись огромные призрачные врата. Они засосали его подобно воронке и, закрывшись, вернули в родной мир.

В полутьме, озаренной сражением Язара в небе и проти-

востоянием двух армий на земле, Елиара упустила свою противницу. Но когда она уже устремилась обратно вниз, что-то огромное, нарушив ее полет, пролетело мимо. Выровняв лошадь, она услышала злобный рык и обернулась. Теперь на нее охотился якк – еще один гость, но уже из внешнего мира.

В Ядгеосе эти четырехсаженные крылатые великаны считаются маленькими безобидными птичками. Не обремененные интеллектом они часто садятся на черные скалы Караклема и, не способные взлететь, становятся пищей Бремирула. Глаза они имеют без век, лица жабы, а туловища длинные крокодилы. У них всего одна нога, но огромная и с когтистыми птичьими пальцами. Якки не умеют говорить, но только злобно и громко хрипят сквозь густые бороды. В сражениях между собой и с иными младшими ядьяра они используют жуткие палицы, блестящие алмазными зубами других поверженных якков.

Свою добычу гигант атаковал стремительно. И хотя лошади Елиары хватало маневренности избегать ударов, его налеты вызывали воздушные завихрения, из которых ей приходилось вырываться. Лошадь прилагала дополнительные силы, чтобы удержаться, и ей уже начала овладевать усталость. Кроме того, новый противник смертельно пугал ее, она плохо слушалась наездницу, и сама же ей мешала.

Якк не оставлял их и на сажень, а его жуткая палица с устрашающим свистом вновь и вновь пронеслась совсем рядом. Елиара едва удерживалась в седле обезумевшей ло-

шади, она не могла сконцентрироваться и не находила времени для атаки. Тогда она оставила эти попытки и взглянула на сражение извне и с холодной головой. Прежде всего, ей нужно успокоить лошадь.

Когда она хотя бы отчасти вернула контроль над полетом, якк уже не казался ей большой угрозой. В атаке она была далеко не так сильна, как в защите, но справиться с великаном в ее положении мог любой смекалистый неофит.

Она обратила в камень всего лишь одно крыло якка. Этого хватило, чтобы он утратил возможность летать и рухнул на землю камнем. С грохотом он свалился на городскую стену, сокрушил мерлоны и распростерся на ней, протянув безвольные руки земле. Из его огромного разверстого рта и многочисленных ран по стенам потянулась густая черная кровь. Его падение в свете ложных лун не осталось незамеченным. Лучники успели бежать, и только одному из них отколовшийся от стены зубец болезненно угодил в плечо.

Опустившись к Бризариону, Елиара увидела свою сбежавшую противницу. Верхом на гиппогрифе Сте-ал-аяна стояла на крыше опаленной южной башни и на вытянутой руке держала свиток из красноватой кости Вологама. Елиара не могла определить само высвобождаемое заклинание, но чувствовала его чудовищную разрушительную силу и принадлежность к школе Канафъяра. Она понимала, что успеет сотворить только одно колдовство. Рассеивать защиты и затем атаковать было слишком долго. В ее руках появился теневой

кинжал.

Свиток уже начинал дымиться и распадаться разноцветными искрами. Но, прежде чем отзвучал последний слог заклинания, Елиара спрыгнула с кобылицы на спину Сте-ал-аяне и вонзила в ее тело кинжал.

Вместе они свалились со спины гиппогрифа. Перекатываясь и ударяясь о серый камень, они нависли над краем зубчатой площадки. Лошадь поспешила на помощь хозяйке, но гиппогриф легко подмял ее своим весом и мощным клювом начал разрывать ее горло. Физической силой молодая хозяйка значительно превосходила свою престарелую соперницу, даже получив тяжелое ранение, она сумела оказаться сверху, прижав Елиару к зубцам. Она вывернула ей кисть, заставив выронить теневой кинжал. Сте-ал-аяна победно улыбнулась, подняла перед ее лицом тлеющий в ожидании свиток и озвучила последний слог.

Свиток моментально рассыпался и разлился широким потоком ослепительного пестрого света. Этот свет, идущий из рук Сте-ал-аяны, прошел сквозь робу Ренталана, обратив Елиару в бирюзовую статую. Интересно, что даже в таком облике она оставалась под защитой заклинания. Упав с вершины башни, она разбилась на тысячи осколков. Лишь тогда роба Ренталана угасла.

Сте-ал-аяна засмеялась: грустно и обреченно. Она распрямилась над парапетом и направила дыхание Отолозимака вниз. Серый камень башни, площадь, человеческие тела

– все на пути заклинания случайным образом обращалось в самоцветы. Один из первых канафьяра некогда прекрасный крылатый змей Отолозимак был изуродован в божественной битве за Яраил. Но заклинание еще помнило его первоначальный облик: прекрасный и убивающий своей красотой.

Сотни воинов обратились разноцветными скульптурами: не только вальфрудцев, но также этезианцев, подобранных к стенам слишком близко. Они застыли в движении: кто-то, замахнувшись мечом, кто-то, получив удар или прямо на скаку. Под действием инерции они упали, многие поломали руки, некоторые рассыпались в мелкую крошку. Упали и застигнутые в полете стрелы.

Обратился хрусталем снег и янтарем дерево, обратились в драгоценные дворцы и крестьянские дома. Но их обитателям не суждено было стать безбедными королями, ибо даже самая сильная трансмутация ненадолго изменяла мир.

Вдалеке одиноко взорвался брошенный уже застывшим магом огненный шар. Но другой волшебник перед смертью успел сорвать защиты Сте-ал-аяны.

Ее пальцы покинули последние искры, она пошатнулась и оперлась о парапет. Она убеждала себя, что рана теневым клинком незначительная и не сможет ее убить. Ей нужно только немного передохнуть.

Она почувствовала прикосновение теплых перьев, – преданный гиппогриф осторожно подталкивал ее головой, приглашая взобраться на него. Сте-ал-аяна благодарно провела

ладонью по его морде, коснулась его клюва. Забота верного друга придала ей сил, она уже не сомневалась, что сумеет улететь.

И вдруг ее тело прошила навывлет ковортовая стрела. Ее, могущественную афелиотскую колдунью, убил обыкновенный лучник, может, и не самый умелый, а только везучий. Она медленно сползла на пол, упрямо цепляясь слабеющими руками за перья гиппогрифа. Она легла на яшмовый камень, и на нем почти не виднелась ее алая кровь.

Гиппогриф яростно вскрикнул и расправил крылья. Острым зрением среди десятков лучников он вычленил убийцу на стене. Пока он летел, стрелы вонзались в его тело и вырывали из него большие карие перья. Но обидчик не успел бежать, и на этот раз удача его оставила. Гиппогриф подхватил стрелка острыми когтями и бросил с высоты. Уже после, усеянный десятками стрел, медленно планируя, он опустился к подножью стены. Там он смиренно лег и умер, накрывшись большими красивыми крылами.

У Голубого Луча северный фронт остановился. Эльмуд еще не знал всего мастерства Кви-Керса и опасался, что шаман сумеет обратить против него силу реки или даже дремлющего подо льдом духа. Опасения вызывал у него и сам лед: был он неестественно крепок для сегодняшней мягкой зимы. И даже наглядная демонстрация прочности льда убегающей армией не добавляла ему уверенности. Гораздо надежней выглядел высокий ажурный мост, соединяющий две

части города. Но проходить по нему солдатам пришлось бы узким стесненным строем, что делало ихязвимыми для заклинений и вражеских стрел.

Защитники города затаились на другом берегу. Шаман-вождь приказал держать наготове луки и дожидаться его сигнала.

– Кви-Керса! – услышал он окрик. Выглянув из-за укрытия, он увидел Эльмуда на середине реки. Маг вышел к нему пешком, без охраны и даже не сотворив защитных чар. – Я взываю к твоему разуму. Ибо верю, что избранник Молтарба окажется достаточно мудрым, чтобы выслушать мои слова и чтобы их принять. Этот бой вы уже проиграли. Гонцы сообщили мне, что Сте-ал-аяна убита. Благомир подавляет последние очаги сопротивления и скоро воссоединится с нами. Он разбил тысячи этезианцев, но еще тысячи взял в плен. Потому я предлагаю вам не погибать напрасно. Не нужно умирать за чужие идеи, чужие деньги и чужие слова. Я обращаюсь ко всем вам: народу юд-ха, бризарцам, этезианцам. Сложите оружие. Да, вас будут судить. Это сделает Йерей и ваша совесть. Но когда бой закончится, мы отпустим вас миром. Идите, куда хотите, и живите, как умеете.

– Ты лжешь! – выкрикнул с другой стороны реки раненый в ногу бризарец. Он зажимал рану рукой и одновременно хотел, и боялся сдаться. – В лучшем случае мы угодим в тюрьму, а то и окажемся на виселице!

– Нам некуда отступить! – поддержал его товарищ.

– Ступайте к соседям, – подсказал Эльмуд. – Ведь мы не знаем ваших лиц. И мы не станем вас искать. Промойте и перевяжите раны. А если нужно, я сделаю для вас это сам.

Бризарские сторонники Вулкарда стали шептаться. Они были бы и рады сложить оружие, но не могли этого сделать без воли шамана и дозволения этезианцев.

– Что ждет этезианцев? – набравшись смелости, выкрикнул сотник наемных солдат.

– Вас изгонят из Бризара, лишат оружия, лошадей и денег. На мой взгляд, не слишком большая плата за сохраненную жизнь.

– Не слушайте его! – громовым голосом гневно воскликнул Кви-Керса. Рыская свирепым взглядом в темноте, он пытался высмотреть отступников. – Никто вас не отпустит! Вулкард победит, а все изменники будут казнены! И пускай человеческий маг и не узнает ваших лиц, но зато я отлично запоминаю запахи и голоса! Если не боитесь меня, вспомните силу своего царя. На стороне Вулкарда повелитель неба альварих, и в любой момент он может вызволить из-под льда озлобленного речного духа! В руках царя вся сила дворца Полонира. Вулкард мог бы потерпеть поражение в поле, но он непобедим в своих стенах! И даже ты, ничтожный человеческий маг, должен понимать величину его могущества!

– Но ведь и Вулкард человек, – поймал его Эльмуд. – Однако я согласен, он сильный маг. Но, вероятно, не сильнее тебя. Ведь ты юд-ха, наполовину бог.

– Все так, юд-ха не может быть слабее человека, – признал шаман. – Ты не такой уж глупый, маг. Хотя мне непонятно для чего ты так долго болтаешь. Ты не отделаешься от меня словами. Так что подходи ближе и готовься умирать.

– Подожди убивать, помоги меня понять: если я сумею тебя победить, будет ли это означать, что я сильнее Вулкарда?

Кви-Керса даже подпрыгнул от гнева.

– Тебе никогда не победить, человек!

– Если так, то тебе нет причин отказать мне в поединке. Именем трех солнечных богов я, Эльмуд Странствующий, вызываю на магическую дуэль тебя, Кви-Керса, шамана-вождя Решительного Меча.

Шаман оскалился, обнажив острые клыки, и соседи услышали в темноте его раздраженный хрип.

– Волк не замечает тявканья щенка! Тебе отказано.

По рядам его подчиненных пробежался осторожный неодобрительный ропот.

– Убейте его, шаман! – крикнул кто-то из этезианцев.

– Покажите ему свою силу! – поддержал его другой солдат.

Кви-Керса поскрежетал зубами.

– Человеческий маг врет. Он хочет заманить меня в ловушку и обезоруживать вас.

– Похоже, бесстрашный шаман-вождь боится, – усмехнулся Эльмуд.

Такого оскорбления юд-ха уже не мог стерпеть. Он выска-

чил из укрытия и призвал призрачную пасть Раваза. Эльмуд не шелохнулся. Клыки гигантского леопарда с шумом сомкнулись, прорезав его насквозь. Но когда заклинание рассеялось, маг оказался невредим.

– Иллюзия! – зло бросил шаман и презрительно сплюнул. Теперь он уже не скрывался. – Как я и говорил, трусливый человеческий волшебник попытался меня обмануть!

– А ты напал на меня вероломно и без предупреждений, – парировала иллюзия. – Признаться, я удивлен. Я ожидал от юд-ха честного боя.

Кви-Керса рассеял иллюзию и объяснил:

– Ты не чета мне, волшебник. И мне зазорно с тобой сражаться.

На другом берегу реки послышался цокот десятков копыт. Звуки умолкли, и в тишине спокойный голос спросил:

– А если тебя вызовет предводитель армии и меч самого царя Увалира, ты примешь бой?

Юд-ха хорошо видел в темноте и без колдовства узнал подошедшего к другому берегу реки всадника.

– У тебя есть волшебное оружие и волшебная кобылица, – легко определил он. – Но этого мало, чтобы победить шамана-вождя. Ты человек и всего только воин.

– Мне уже доводилось сражаться с одним шаманом-вождем. Его звали Кова-Зим, он возглавлял племя Могучего Молота. Возможно, тебе знакомо его имя.

– Кова-Зим слабак, если проиграл тебе, – усмехнулся ша-

ман.

– Он был гораздо крупнее тебя и уж, конечно, смелее. Он не прятался за спинами соплеменников, но сам вызвал меня на поединок. Это был хороший бой, честный. Победив, я вернул мусотам пик Нагинара. Но я исполнил обещание и отпустил с миром его народ.

Гордость Кви-Керса была глубоко задета, и больших оскорблений он уже не мог сносить. Однако он не спешил показывать своего решения. Шепотом он дал соплеменникам распоряжение, и они, повинувшись приказу, стали рыскать вдоль домов, принохиваясь и присматриваясь.

– И ты обещаешь мир для моих соплеменников и моих союзников? – уточнил Кви-Керса.

– Верно. Если ты умрешь, они покинут Бризар с миром. Но если ты победишь, из города выйдет уже мое войско. Оно даст вам время залечить свои раны и время на раздумье. Через две недели оно вернется. И тогда, как мне хочется верить, вы сложите оружие и выдадите своего царя.

Соплеменник принес шаману облезлую серую крысу, тот кивнул и спрятал ее за пазухой.

– Я согласен на твои условия, человек, – крикнул Кви-Керса. – Но на твоей стороне колдовская кобылица, так что я желаю сражаться пешими. Бой продлится до смерти одного из нас, без принятия пощады. Никакого вмешательства с обеих сторон и никакой подготовки. Также я хочу, чтобы поединок произошел на реке. Тот, кто сойдет на берег, будет

признан проигравшим.

Благомир спешился, потрепал наудачу по загровку келпи и попросил ее отойти.

– Я принимаю твои условия, Кви-Керса.

Шаман подошел к другому берегу реки и теперь изучал противника уже пристальней. Они казались противоположностями. Один осанист, гладко выбрит, в золоте и бронзе, в его руке огромный молот, но даже он столь изящен, что подходит для короля. Другой сутул, покрытый шерстью, в грубом наряде из лоскутов звериных шкур, а его примитивный медный меч едва нашел бы ножны и на бедре простого солдата.

– Сейчас я установлю в центре реки сигнальное заклинание, – предупредил Кви-Керса. – Как только оно сработает, начинаем.

Маленькая красная сфера вышла из его рук, подлетела к центру Голубого Луча и опустилась на лед. Слабо пульсируя, она привлекала к себе все внимание дуэлянтов. Сражение в Бризарионе стихало, и только в отдалении порою раздавались редкие взрывы и яркие всполохи прорезали мрачную ночь. Сфера взорвалась с раскатистым грохотом, расширившись и подскочив в небо. Она повисла над рекой на высоте пяти саженей, а свет ее теперь был достаточно ярким, чтобы Благомир отчетливо различал своего противника.

Со всех ног он устремился к шаману, дабы как можно скорее навязать ему ближний бой и лишить возможности кол-

довать. Но первый этап сражения он проиграл, – тяжелый молот служил плохим балансиrom, а латные сапоги неуклюже скользили по льду.

Кви-Керса оставался неподвижен. По сигналу он начал творить заклинание и ушел в невидимость прежде, чем Благомир проделал половину пути. Однако юд-ха не стал бесшумным, а его босые ноги по-прежнему когтили лед.

Воевода ожидал такой уловки. Он не дрогнул и не замедлился, но даже удлинил шаг. Теперь Кви-Керса убегал, он выискивал время для нового колдовства. Когти помогали ему удерживать равновесие и эффективно бежать по льду. Но Бронзовый Оплот наделял Благомира нечеловеческой силой, позволяя ему глубоко вбивать в лед каблуки бронзовых сапог. Потому он не только не отставал от шамана, но даже его нагонял.

Их разделяла какая-то сажень, и Благомир уже перехватил покрепче Ошеломитель, готовясь нанести удар. Но вдруг след Кви-Керса пропал, а вместо него перед воеводой появилось огромное существо.

Свирепые эласмотерии являлись старшими братьями носорогов и превосходили их размерами и силой настолько, насколько в этом людей превосходили юд-ха. Зверь был покрыт бурым мехом и вооружен чудовищным рогом в человеческий рост. Этих созданий нередко седлали юд-ха Ловкого Копья, а средиземные великаны разводили домашним скотом.

Кви-Керса сидел на его сторбленной спине и смеялся. Возможно, с ним посмеялся бы и Благомир, знай, кем еще недавно было это могучее существо. Они едва не сшиблись, но в последний момент воевода оттолкнулся от морды зверя. К счастью, эласмотерий также был не слишком проворен на льду и лишь запоздало потрянул огромной рогатой головой.

Благомиру уже приходилось сражаться с этими существами. Они обладали плохим зрением и скверным нравом. Невероятно выносливые, они могли преследовать вьючную лошадь. Они не боялись существ крупнее себя и нередко давали отпор даже эндрюсархам. В каждом незнакомце они видели угрозу, а в силу слабого зрения за незнакомцев часто принимали и бесформенные коряги, и кусты. Но в маневренности тем же лошадям они заметно уступали, ибо столь массивные длинные тела было непросто развернуть.

Преимущество Благомира заключалось и в его оружии. В прочной шкуре эласмотерия увязали стрелы и ножи, но погасить силу удара колдовского молота она не могла.

Кви-Керса, удерживаясь одними ногами, сконцентрировано ткал очередное заклинание. Эласмотерий, следуя его мысленным приказам, также не атаковал, а только защищался, выставляя вперед длинный рог.

Благомир пытался достать его бока или хотя бы нанести удар в голову, но длина рога эласмотерия его не подпускала. В свою очередь, подойти он слишком близко, зверь легко мог сбить его с ног и подмять своими многопудовыми нога-

ми-колоннами. Острым мечом воевода мог срубить ему рог, но сделать это молотом было куда сложнее. Тогда Благомир отступил на два шага, обеими руками взялся за рукоять и запустил молот эласмотерию в лоб. Он не целился в Кви-Керса, ведь в случае промаха оказался бы безоружен.

Эласмотерий инстинктивно выставил рог, и тот принял на себя основной удар. Рог раскололся надвое, и молот поразил зверя между глаз. Эласмотерий вздрогнул. Он перенес этот удар, но на мгновение оказался ослеплен. Он яростно колот пустоту своим костяным осколком, а Благомир тем временем беспрепятственно подобрал молот и нанес второй удар. Ошеломитель проломил ему череп, вдавив раздробленные кости зверю в мозг. Эласмотерий уронил голову, его ноги разъехались в стороны, и он с грохотом упал.

Кви-Керса равнодушно спрыгнул со спины убитого зверя. Он сотворил его лишь для получения времени, которое потратил на совершение по-настоящему полезного в этом бою колдовства. Действие изменяющего облик заклинания окончилось, и огромный могучий зверь оказался крысой с раздробленной головой.

Усилиями шамана-вождя грубый медный меч превратился в легендарное племенное оружие. Лезвием ему служила обломанная лучевая кость, рукоять составляли три центральных пальца, а гарду заменяли отставленные большой палец и мизинец правой кисти Сартарба. Кви-Керса держал Решительный меч двумя руками, и по величине оружия

можно было понять, какой размер имел перед смертью бог. Меч казался декоративным, но обладал поистине божественной силой, которую Благомиру еще предстояло узнать.

От первого выпада шамана он увернулся, но второй уже вынужден был принять. Меч скользнул по бронзовому молотовищу, оставив ему глубокий шрам. Для Благомира бой необходимо было закончить быстро, в противном случае Кви-Керса перерубил бы рукоять молота пополам. Не думая о защите, воевода совершил выпад. В этот удар он вложил всю силу и мощь, что давал ему Бронзовый Оплот. Кви-Керса парировал удар без усилий, а костяной меч даже не дрогнул под огромной массой Ошеломителя. В свою очередь меч рассек бронзовый наплечник, пустив первую кровь воеводе и оцарапав кирасу.

Теперь перевес был на стороне шамана. Благомир уступал ему в скорости и никак не мог его поразить. Решительный меч не только легко удерживал натиск Ошеломителя, но и полностью поглощал всю его разрушительную ударную волну. Кви-Керса хрипло смеялся, – каждая неудачная атака противника придавала ему сил.

Бронзовый Оплот испещряли новые порезы, меч высекал из Ошеломителя новые куски. Понимая, что медлить больше нельзя, Благомир пошел на сближение. Парировав очередной удар, он навалился на меч всем своим весом, придавливая к телу шамана, не позволяя тому ни убрать руки, ни отойти. Затем он резко перехватил молот и обеими руками

толкнул его ударную часть противнику в грудь.

Ошеломитель выпал из его рук, а юд-ха пошатнулся. Кви-Керса испытал потрясение, подобное тому, что испытал его зверь. В это мгновение Благомир выхватил из его рук Решительный меч.

Он ожидал прилива силы или других ощущений, но ничего подобного не испытал. Когда же он попытался ранить мечом юд-ха, тот удержал божественный клинок голыми руками.

Кви-Керса рассмеялся.

– В твоих руках это обычная кость.

Он попытался вернуть себе меч, но Благомир не отпустил. Они завертелись волчком, когтями и сапогами вычерчивая на льду почти ровный круг. Воевода изловчился наступить противнику на стопу каблуком. Кви-Керса поморщился, ухватил меч под локоть и когтями свободной руки вцепился ему в оголенное плечо. Благомир потянул меч изо всех сил, держа его широким хватом. И вдруг Решительный меч раскололся. Одна его часть осталась в изгибе локтя юд-ха, две другие в руках человека.

Благомир грохнулся навзничь, раскинув руки. Кви-Керса отшагнул, пошатнувшись, но устоял. Безоружный он бросился к молоту. Но противник подскочил незамедлительно, догнал и повалил его в прыжке. Они снова сцепились, но теперь уже катались на льду. Благомир почти сразу лишился шлема. По очереди то один из них, то другой оказывались

сверху. Ошеломитель оставался от них всего лишь в аршине, и оба тщетно силились его достать. Юд-ха превосходил человека массой, невзирая на тяжелый бронзовый доспех воеводы. А еще в его распоряжении были длинные, как у медведя, когти, которые он тянул к незащитному лицу врага. Благомир удерживал его рукавицами. Даже облаченные в металл, его кисти казались детскими ладошками в сравнении с широченными лапами юд-ха. Перекатываясь по льду, противники постепенно удалялись от молота, возвращаясь к месту, где был разломан меч.

Без магической кирасы Благомир давно бы уже проиграл, с ней же медленно, но неотвратимо перебарывал врага. Он вывернул шаману-вождю правую кисть.

Не столько от боли, но в отчаяния Кви-Керса вскрикнул. До последнего момента он не сомневался в своей победе, в противном случае не согласился бы на честный бой. И это отчаяние он высвободил единым порывом. На миг он пересилил врага и впился когтями левой руки ему в лицо.

Благомир успел отвернуться, подставив щеку под удар. Один из когтей разорвал ему ухо, второй скользнул по нижней челюсти и оцарапал шею, третий и четвертый распороли нос и губы. Но самую глубокую рану нанес самый меньший коготь мизинца, вонзившийся ему в глаз.

Кровь заливала Благомиру лицо, быстро и обильно стекая по его подбородку и шее на грудь. Он еще не осознавал своих увечий, но удерживал руку Кви-Керса, не позволяя ему

вогнуть когти глубже. Второй рукой он слепо шарил по сторонам. Силы стремительно покидали его.

Наконец его пальцы сомкнулись, и он нанес последний удар. Кви-Керса захрипел, захлебываясь в собственной крови. Он обронил руку, выдрав Благомиру глаз. Воевода больше его не удерживал, он отклонился назад и отстраненно наблюдал за смертью шамана. Кви-Керса протянул руку к своему горлу и нащупал торчащий в нем обломок меча. Он усмехнулся, оценив иронию, и с этим вздохом умер. С его смертью растворилась красная сфера: поединок состоялся.

Выбивая копытами крошки изо льда, на помощь хозяину уже спешила верная Агиса. Позёмным полетом летел Эльмуд, а следом за ним двигался весь северный фланг войска Вальфруда.

Благомир неподвижно стоял на коленях, продолжая сквозь застилавшую единственный глаз кровавую пелену бессмысленно рассматривать тело шамана. Услышав цокот копыт, он встрепенулся, будто очнувшись ото сна. Берег Голубого Луча для него пошатнулся, люди и лошади расплылись разноцветными пятнами. Узнав Агису, воевода улыбнулся и потянул к ней руки.

Кельпи лизнула его в лицо. Мокрый язык колдовской лошадки смыл с него кровь и приглушил раны. Когда над ним склонился Эльмуд, он уже чувствовал себя лучше и хотя бы не умирал.

Маг посыпал его раны порошком из красной корпии и,

приговаривая нужные слова, стал разравнивать их и убирать, словно склеивал разорвавшееся тесто. Очень скоро от когтей Кви-Керса на лице и шее Благомира не осталось и следа. И только по-прежнему зиял пустотой жуткий глазной провал.

– Вернуть глаз уже сложнее, – извинился Эльмуд. – Но я это сделаю, когда у нас появится время.

Сторонники Вулкарда выбрались из укрытий и подошли к реке со своей стороны. Ни этезианцы, ни бризарцы, вставшие на защиту царя, не сочувствовали шаману. Некоторые скрывали тревогу перед неизвестностью, но остальные сбросили с души тяжкий груз. Особняком держались юд-ха, – поражение Кви-Керса сделало их мрачнее грозовых туч. Их умные звери, подчиняясь безмолвным приказам, сдерживались и покорно молчали. Выжило всего шесть эндрюсархов, один юд-ха пересел на зверя шамана, но еще троим пришлось остаться на своих ногах.

Вернув дар речи и ясность мышления, Благомир повернулся к прежним противникам и заговорил:

– Не тревожьтесь, защитники Бризарiona, – мое слово твердое. Сложите оружие и откажитесь сегодня умереть. Когда это сражение окончится, и Вулкард падет, мы вас отпустим, как я и обещал Кви-Керса.

Защитники робко переглянулись. Первыми оружие бросили коренные бризарцы. За ними приказами командиров разоружились этезианцы. Только юд-ха оставались при оружии.

– Сдавайтесь, дети Решительного Меча, – попросил их Благомир, подходя ближе.

Эльмуд перевел его слова. Юд-ха ослабились. Самый крупный из них выдвинулся вперед верхом на эндрюсархе, презрительно сплюнул Благомиру под ноги и что-то ответил на своем отрывистом каркающем языке.

– Он говорит, в языке их народа нет слова «сдаться». Они уважает тебя, Благомир, как воина, но не присягают тебе. Если они не присягают тебе, то и не подчиняются. Юд-ха не желают омывать память Кви-Керса позором отступления и не желают оскорблять своего бога. Они понимают, что умрут, но не боятся смерти. Они умрут с улыбкой, ибо приятно умирать, занимаясь любимым делом. Также он предупредил, что, когда я закончу переводить, они нападут. Больше он ничего не сказал. Но пока есть возможность, я обращаюсь к магам. Основная угроза исходит от эндрюсархов: усмирите их или усыпите. Начинайте действовать прямо сейчас. В любой момент юд-ха могут разгадать мою хит...

Его предсказание ненамного опередило время. Юд-ха издали боевой клич, вальфрудцы выхватили мечи, и бой начался. Впрочем, не бой, – самоубийство, ибо последняя свеча сопротивления окунулась в океан врага.

Дюжина союзных магов услышала слова Эльмуда. Также его поддержали пятеро магов, прежде занимающих сторону Кви-Керса. Они не могли договориться, распределив цели, однако каждый эндрюсарх подвергся воздействию по край-

ности одного заклинания. Двое зверей уснули, не сдвинувшись с места. Третий успел подбежать к вальфрудским солдатам и лишь после сомкнул глаза. Еще двое отказались исполнять приказы хозяев, а один из них даже скинул и разорвал своего седока. Лишь огромный пятнистый зверь шамана оставался в бою. Прежде спокойный теперь он демонстрировал невиданную свирепость. Обезумевший он сопротивлялся магии и сумел в одиночку доставить хлопоты вальфрудцам. Он был подобен живому вихрю, сметающем и пеших, и конных на своем пути. Он не пытался вырваться из окружения и бежать, напротив, забравшись в самую гущу врага, он словно желал перед смертью вдоволь напиться крови. Зверь двигался столь быстро и непредсказуемо, что почти сразу сбросил своего наездника. Юд-ха закололи мигом. Но эндрюсарх, даже получая ранения, еще долго отказывался умирать. Десятка два солдат он тяжело ранил копытами и еще большее количество легко ушиб. Одной лошади он оторвал голову, другой разодрал брюхо и бросил умирать. Трем людям он откусил руки, одного прямо в доспехах перекусил пополам. Маги не могли его достать, не боясь ранить союзников, но снова и снова клинки и копья, преодолевали его прочную шкуру и впивались в уязвимую плоть. За эндрюсархом тянулся длинный кровавый след. Казалось, ранения не делают его слабее, а крови в нем столько, что ей не будет конца. Но эндрюсарх ослаб: стремительно и внезапно. Он потянулся к очередной жертве, но только бессильно лязг-

нул зубами перед остолбеневшим от ужаса солдатом и упал. Даже умирая, он не прекращал пытаться достать обидчиков шамана.

Ко времени, когда пал эндрюсарх шамана, все юд-ха давно были мертвы. Оставшихся пятерых зверей пощадили, но из предосторожности стреножили и прочно замотали им пасти веревками.

Утихли вдали последние очаги сопротивления, окончилось сражение за Бризарион. Частью вальфрудцы двинулись ко дворцу Полонира, частью остались стеречь пленников. Но когда уже все солдаты перешли Голубой Луч, Агиса вдруг заартачилась и обернулась. Благомир сразу понял ее намерение и не стал сдерживать. Вальфрудцы теперь уже не нуждались в своем предводителе и не заметили, как тот ненадолго пропал.

На берегу реки он спешился. Агиса подошла к замерзшей воде и постучала копытом по льду. Обернувшись вокруг себя, она предстала красивой стройной девушкой. Ее длинные волосы блестели серебром и выющимися волнами спускались на обнаженную грудь. Белоснежную кожу покрывали все те же размытые черные следы объятий пальцев земли. Ее пронзительные голубые глаза горели взглядом запертого в клетке зверя.

– Иди, – отпустил ее Благомир.

Ее захлестнуло счастье. Она порывисто обняла воеводу, и, оттолкнувшись от берега, погрузилась в реку, не разбивая

льда.

Глава шестнадцатая.

Часы останавливаются

Ночь не заканчивалась над Семардом, а жители обратной стороны Яраила еще не проживали такого длинного дня. Они не знали, что солнце не может подобраться к Бризариону, ибо на небе нет места для двух светил.

Сражение в самом городе уже утихло, но не утихал поединок Язара и Набаха. Никто из противников не мог одержать верха, но и никто не мог проиграть. Конечно, в бытность свою рошъяра могуществом Язар превосходил альвариха, однако он еще не вернул всех своих сил. Черный браслет по-прежнему сковывал ему левое запястье, а Язар все оттягивал неизбежное и не желал его снимать.

И вдруг он услышал крик. Он взглянул вниз на далекую землю, и его ясный взор прорезал кромешную тьму. Он увидел обращенного к нему Небериса и мертвую Иварис у него на руках.

Он сорвал браслет и вытянул его вторым черным клинком. Освободившись, Язар почувствовал себя гораздо сильнее. Ничто больше не сдерживало его силы; она пульсировала и била огненным ключом. Пламя расходилось от него красными клубами, оно разгоняло черные тучи и превозмогало холод врага. Схлестнувшись вновь, Язар отсек Набаху

одно крыло, второе, а затем разрезал его поперек ослепительным красным лучом.

– Ты обещал, – прошептал альварих.

Громыхнуло в последний раз. Тучи сгустились и умчались воронкой смерча. Израненный дух возвращался в свою темницу.

Язар устремился на землю. Красной стрелой он пролетел двадцать четыре версты и через мгновение возник на парадном балконе дворца Полонира.

Иварис лежала, прислонившись к перилам, как ее и оставил брат. Бог красного солнца опустился перед ней на колени. Он прикоснулся к ней, – она была холодна.

Когда существо умирает, его душа продолжает блуждать в родном мире. Шесть дней она живет привычной жизнью, посещает близких людей и любимые места. На седьмой день связь эманаций слабеет, душа отрывается от тела и покидает свой мир. Если она не находит иного дома, то становится призраком. Но если у нее есть поводырь, она не собьется с пути.

Проводником Иварис должен был стать бог правосудия Йерей, ибо именно ему доверил Вулкард схиму. И хотя фавна едва умерла, ее уже держала в тисках его божественная рука. Язар понял, что не сумеет вернуть ее одним желанием, как сделал это с солнечной куницей. Ему нужно было больше тепла.

Левой рукой он вогнал один из черных клинков себе серд-

це. Он отрывисто вскрикнул. Пламя Абимора утонуло в его теле и распространилось по венам, окрасив их в черный цвет. Он переплыл шесть океанов и облетел шесть небес, чтобы вырвать из себя это пламя, но теперь добровольно его принял. Он поморщился от боли: теперь он не просто горел, но сгорал заживо. Красное пламя отчаянно сопротивлялось, оно чадило и силилось покинуть брENNую плоть.

Он положил свободную руку на грудь Иварис. Он призвал ее душу синим огнем Мирханта и залечил тело белым пламенем Вайшама. Хватка Йерея ослабла. Иварис шумно вдохнула жизнь и открыла глаза.

– Кто ты? – неуверенно спросила она и присмотрелась.

Он изменился. Его плоть окрасилась красным, алым огнем горели волосы и кровавым светом лучились еще недавно бесцветные глаза. И смотрел на нее он как-то по-новому, не прежним добрым взглядом, но взглядом жестокого палача. Но вот он моргнул, и она вновь его узнала.

– Но ведь я умерла. Я видела тебя в огне, ты сражался черными клинками. – Она замолчала, узнав пламя внутри его жил. Она все поняла. – Зачем? – Он не ответил, ибо ответ был понятен. – Но теперь ты вновь вернешься человеком.

Он улыбнулся.

– Придется умереть еще раз.

Раздались торопливые шаги, и на балкон выскочил Неберис. Он был встревожен, на его поясе висел Державный скипетр.

– Сестра! – воскликнул он и, подбежав, порывисто и крепко обнял ее.

Она ответила ему счастливой улыбкой. Но тревожные воспоминания быстро вернули ее к действительности.

– А где Вулкард? – обеспокоилась она. – Ты убил его?

Ворота дворца распахнулись, и с вершины балкона они увидели бегство царя. Даже сейчас он оставался в парадных одеждах, самоцветные бармы тонко звенели на нем колокольцами, а массивная шапка-корона безвольно болталась в его руке.

Язар выпростал руку, – одной мыслью он мог обратить царя в прах. Но Неберис остановил его.

– Не только ты желаешь ему смерти. Не жадничай. Ему не пересечь реки.

Тогда Язар перевел взгляд на Державный скипетр.

– Набах, – вспомнил он.

– Он все еще там, – Неберис протянул ему скипетр.

Могущественный артефакт Язар переломил как сухую тростинку. Из обломков скипетра высвободилось густое темно-синее облако. Оно неподвижно повисло над балконом, и в его очертаниях можно было узнать кустистую голову Набаха.

– Спасибо... – услышали они шепот.

Облако расширялось и растягивалось, оно бледнело, пока окончательно не растворилось в небесах. Освобожденный дух альвариха после тысячелетнего плена наконец улетал в Атмару.

Темными закоулками Вулкард добрался до Голубого Луча. Он не мог покинуть Бризарион магией, ибо теперь этот город ему не принадлежал. Он обратился к слуху летучей мыши, но слышал только тишину. Он вооружил глаза совиным зрением, но различал только ночь. Очевидно, трусливые этезианцы его предали, а собственный народ, о котором он два года искренне заботился, восстал против своего царя. Неблагодарные. Но хуже всего, его предал единственный друг. Как Неберис мог оказаться таким коварным? Неужели он всегда желал места царя и только искал подходящего оружия? И это оружие само пришло к нему. Тогда выходило, что и альвариха Вулкард отправил не по собственной воле. Но царь в это не верил. Ни человек, ни альв ни могли так далеко и точно рассчитать.

Вулкард тряхнул головой. Глупости. Неберису повезло и только. Он осторожно потрогал ногой лед. Затем посмеялся неуместному страху. Даже лишенный Державного скипетра и своего дворца он по-прежнему оставался великим магом. Он в последний раз осмотрелся и побежал.

Он уже добрался до середины реки, но вдруг неуклюже поскользнулся, упал и выронил шапку-корону из рук. Подхваченная ветром, она покатилась в обратную сторону, словно имела собственную волю и желала вернуться во дворец. Досадуя, Вулкард погнался за ней. Наклонившись, он успел ухватить корону и тут же ушел под лед. Толстые льдины, раступившись, сомкнулись над его головой.

Армию Благомира Неберис встретил у ворот дворца. Колдовством он привел себя в порядок: почистил мантию от крови и пыли, умыл лицо и наново собрал в косу растрепавшиеся волосы. Его холеные руки были сложены на груди, а над его головой висел большой лунный шар. Иварис стояла от него по правую руку, Язар находился еще правее и несколько в стороне. Он предпочел бы укрыться в тени, но горел ярче огня и больше не имел собственной тени.

Всякий человек есть душа и тело, соединенные шестью эссенциями: именем, сердцем, тенью, отражением, сном и духом. Если эта связь разрывается, человек умирает. Высвободив прежде скованный пламенем Абимора дух, Язар нарушил баланс эссенций, и теперь этот божественный дух рывал его брэнное человеческое тело. Язар уже лишился отражения и тени, он больше не мог уснуть. Пронзив свое сердце, он ослабил связь с Семурьей, и книга его имени была почти дописана.

Благомир возглавлял свое войско и снова был верхом на среброгривой Агисе. Эльмуд находился от него по правую руку. Подъехав, они спешили. Воевода вежливо кивнул полуальву.

– Рад видеть тебя во здравии, Неберис. Все закончилось так, как ты и предрекал.

Внимательным и беспокойным взглядом тот пробежался по лицам людей.

– Где Елиара?

– Ее больше нет, – Благомир опустил взгляд.

Неберис долго молчал. Внешне он оставался спокойным, но в душе его полыхал яростный пожар.

– Несправедливо... – прошептал он.

Воевода его не понял, но Эльмуд возразил.

– Несправедливо требовать от человека вечной жизни. Жизнь Елиары была полна приключений, каких мало кому довелось познать. Но старость не красит человека. Потому, полагаю, всякому человеку лучше умереть в бою, пока и разум, и тело ему еще подчиняются.

Неберис пронзил его ледяным взглядом, и Эльмуд, не выдержав, отвернулся. Тяжело вздохнув, полуальв высвободил из своего беспокойного сердца печаль, а из сдавленных легких горячий пар. Он заговорил голосом решительным и твердым, каким и положено говорить царю.

– Я признателен вам обоим, солдатам Вальфруда и всем, кто встал на защиту Бризара от безумия Вулкарда. Нашему царству потребуются много лет, чтобы отмыться от совершенного им позора, чтобы вновь узнавать друзей в соседях и больше не видеть в них врага.

– Легко обрести врага, тяжело обрести друга, – согласился Благомир.

– Вы не встретили Вулкарда? – спросила у него Иварис.

Воевода улыбнулся и потрепал кобылицу по загривку.

– Агиса помогла ему найти дорогу в другой мир.

Девушка подошла ближе и присмотрелась к лошади вни-

мательней. Вдруг ею завладела новая тревога.

– Какое прекрасное создание. Вы ведь не держите ее в плену?

– Я не служу Благомиру, но иду своей волей, – ответила кобылица языком Семарда. – Сестры смеялись надо мной, а я всегда мечтала увидеть мир за пределами Сапфира.

– Сапфир? – переспросила Иварис, при звуке этого слова почувствовав грусть.

– Это прекрасное озеро, в котором я родилась. Оно такое чистое, что в нем можно наблюдать мерное движение облаков. Оно искрится в ласковых рассветных лучах и алеет в прекрасном закате. А какой наш отец красавец! Летом Сапфир ярко сияет лазурью, зимой наряжается в ледяные кружева.

Она живописала красоты родного озера, но Иварис только мрачнела при ее словах.

– Пусть воины Вальфруда разместятся в городе, – распорядился Неберис. – Эта долгая ночь не окончена, и они еще успеют поспать.

– Ночь и в самом деле долгая, – согласился Благомир. – Но куда же подевалось солнце?

– Он здесь, перед тобой, – Неберис указал взглядом. Вовода изумленно проследил за ним. С тревогой он присмотрелся к Язару.

– Кто ты, юноша?

Тот подошел ближе, чтобы люди могли его рассмотреть.

Его же собственному взору не мешала тьма. Он видел их глаза, видел в них беспокойство и страх. Их волнение было ему понятно и неприятно одновременно.

– Я сын Эсмаида, Язар.

Воевода потрясенно открыл рот и расширил глаза. Он незамедлительно склонил голову и упал на колени. Его примеру последовали все стоящие за спиной Благомира солдаты, обыватели и маги. Преклонился также Эльмуд.

– Бог! – восхищенно шептались люди. – Настоящий бог во плоти!

– Не надо, – возвысив голос, попросил Язар; поведение людей было ему неприятно. – Поднимитесь! Я не бог, но только сын бога. Я крестьянин и обычный пастух.

– Значит, полубог, – вновь пробежался благоговейный шепот.

– А полубогу кланяться не нужно?

Люди неуверенно переглядывались и робко вставали.

– Ты оказал великую помощь Бризару, – с почтением продолжил Благомир. – Куда же ты пойдешь теперь, Язар?

– Я вернусь в родное село к дяде и тете, которые воспитали меня, и которых я так внезапно и несправедливо оставил.

– Я пойду с тобой, – решительно заявила Иварис.

– Это дорога в один конец, – предупредил он.

Она улыбнулась и несогласно покачала головой.

– Нет, Язар, твоя дорога никогда не заканчивается.

– Тогда прощай, Язар, – Благомир вежливо склонил голо-

ву.

– Буду рад увидеть тебя в Тронгаросе, – обратился к нему Эльмуд. – И неважно как ты будешь выглядеть и как называться.

Неберис вдруг легко и непринужденно обнял Язара, утратив под его теплом былой холод и невозмутимость.

– Спасибо тебе за все. Сестра! – повернувшись, он положил руку ей на плечо и проникновенно шепнул: – Возвращайся. Ты знаешь, где меня искать.

Язар поднял руку и обратился ко всем присутствующим.

– Прощайте, друзья! Ищите меня в огне, в своих сердцах и в пламени свечи! Язар – это всего лишь имя! Теперь я понимаю, что меня нет, и никогда не было. А все-таки... до встречи!

Он подал руку Иварис, и когда их ладони соприкоснулись, они взметнулись красной вспышкой и улетели на юг.

Мгновением спустя они уже стояли у старой скрипучей калитки, ведущей во двор Далиира. Мощеная булыжниками дорожка к ней была расчищена, а рядом высился большой сугроб. В эту бурную для Бризара ночь Винник безмятежно спал. Молчали собаки, но беззвучно к свету Язара тянулись мотыльки. Они опаляли нежные крылья и падали у его ног. И там, где он стоял, бессильно расступался снег, и тлела сырая трава.

У высокого синего забора дремал, свернувшись калачиком облезлый рыжий пес. Его шерсть со времен их послед-

ней встречи с Язаром так и не отросла, он казался еще болезненнее и худее, но черный кожаный ошейник все так же цепко сжимал его тощее горло. Пес поднял голову и заглянул в глаза хозяину умоляющим взглядом.

– Теперь я вспомнил тебя, – признал его Язар.

Он склонился и протянул Закату руки. Пес покорно положил голову ему на ладони и закрыл увлажнившиеся глаза. Язар разорвал кожаный ошейник, как старую ветошь; тот полыхнул черным и обратился в труху. Мягкий красный туман окутал Заката, он исцелял его жуткие раны, и возвращал узнику жестокой колдуньи его истинный лик. Когда туман рассеялся, на коленях перед Язаром стоял, уткнувшись в его ладони, рыжеволосый нагой юноша.

– Поднимись, – произнес Язар. – Твоя служба окончена, теперь ты себе сам господин.

Слезы радости побежали по веснушчатому лицу якши, но быстро высохли от тепла огненных рук.

– Столько лет... – выдохнул Закат; отвыкнув от речи, он вспоминал ее с трудом. – Я не могу придумать слов благодарности.

– Ступай к отцу, – улыбнулся Язар, помогая ему подняться. – Он тебя заждался. Передавай старику от меня привет!

Закат низко поклонился Язару, затем поклонился Иварис. Сияя от счастья, он задорно рассмеялся, прыгнул в темную ночь и бесследно растворился в ней.

Язар сцепил руки замком и прижал их к груди. Его свет

потускнел, – юноша вновь походил на человека. Но и теперь его сложно было узнать.

– Я поменял столько тел, а изменять внешность так и не научился, – улыбнулся он.

– Я помогу, – пообещала Иварис. Ее усилиями он вновь обратился в Язара: щедедушного деревенского пастуха с серой кожей и подслеповатым взглядом.

Их голоса разбудили лохматого черного сторожа. Мард не был привязан, а когда гости вошли, нетерпеливо накинулся на Язара и едва не сбил с ног. Нет, он не пытался его укусить, но настойчиво хотел лизнуть блудного друга в лицо. На все приказы Язара его оставить, пес только прыгал на него, учащенно дышал, высунув длинный язык, и усиленно размахивал пушистым хвостом-помелом. Свалить с ног Иварис он не пытался, но даже смиренно позволил ей почесать его за ухом.

Когда они подошли к двери кухни, она открылась. На пороге стоял Далиир, в руке он держал закопченную медную лампадку. Он смотрел на гостей, щуря заспанные глаза, и вдруг вздрогнул и выронил лампаду. Она не погасла, – Мард успел ее поймать. Могучей рукой Далиир благодарно похлопал пса по голове. Затем он радушно распахнул объятия и взял щедедушного племянника в медвежий захват.

– Так бы и задушил, – признался он, то ли в шутку, а может, серьезно. – Так я сержусь на тебя! – Он посмотрел на Иварис, снова вернул взгляд племяннику. Он не знал истории сына Эсмаида, но сразу о многом догадался. Он сокру-

шенно покачал головой. – Ох, Язар... Где же ты был? Тетка скучала, каждый день спрашивала. А как свирепствовала баба Нара! Точно тебя удушит!

– Она еще спит?

– Если смогла уснуть. Уже трижды за ночь вскакивала, сюда прибегала. Кричала, что это ночь колдовская и к утру случится нечто недоброе. Все село перебудила, вместе успокаивали. Я ее на смех брал, а теперь и сам так полагаю.

– А тетя?

Из глубин кухни ему ответил голос:

– Далиш, кто там?

– Выходи! – загадочно крикнул он в темноту.

Ильга показалась в дверном проеме: взлохмаченная, изумленная. Через секунду она уже улыбалась, заключая Язара в горячие объятия. Далиир забрал лампаду из пасти Марда, и пес, послушав его тихий приказ, послушно сел. Однако и сидя он не сводил глаз с Язара, продолжая тяжело дышать и размахивать хвостом.

– Вернулся! Наконец! Ой, Язар, я так переживала! Где же ты был? Все хочу знать, рассказывай! А кто эта милая девочка? – Ильга перенаправила свою неумемную энергию на гостью. – Я Иля, тетя Язара.

– А я его подруга Иварис.

Они обнялись. Глаза Ильги светились счастьем.

– Все расскажете! Все хочу знать! – повторила она. – Погодите, только чайник поставлю! Не начинайте без меня! –

она повернулась к двери.

– Тетя, подожди! – торопливо окликнул Ильгу Язар. Она обернулась. – Прости. И ты, дядя, прости, – он виновато посмотрел на Далиира. – Я только пришел к вам, но уже до конца этой ночи должен уйти. Я прошу благословить нас.

Он подал фавне руку, и они одновременно склонили головы и преклонили колени. Улыбки на их лицах уступили место почтительному волнению. Далиир передал лампаду Ильге, затем большими мягкими ладонями накрыл головы молодой четы.

– Язар, Иварис, я вас благословляю. Живите по совести и будьте счастливы!

– Возвращайтесь снова, мы вам всегда будем рады! – подхватила Ильга. Она не сдерживалась, и крупные слезы катились из ее глаз. Она смахивала их рукой.

Далиир обнял жену одной рукой.

– Я обязательно вернусь, – искренне пообещал Язар и уже совсем другим тоном грустно продолжил: – Но теперь мне пора идти. Тетя, принеси, пожалуйста, Часы Застывшего Часа.

Ильга не задавала больше вопросов, словно вдруг исчерпала себя. Она понуро вышла из-под руки мужа и скрылась в темноте кухни. Вернувшись, с мрачной обреченностью она вручила Язару зловещий артефакт.

Он посмотрел в часы на свет лампы: одна их чаша была пуста.

– Как и всегда они остановились на закате, – объяснила Ильга. – Но ночь почему-то не заканчивается, и они не могут пойти.

– Это ночь не заканчивается, потому что часы молчат, – поправил тетю Язар. – Их время истекло. Как и мое.

– Дай обниму тебя в последний раз, – уже спокойней попросила тетя. Теперь ее объятия были мягче и продолжительней. Она поцеловала Язара в щеку, и он ответил на поцелуй. – Иварис, а ты к нам вернешься?

– Я вернусь к вам.

– Прощай, Язар! – Далиир пожал ему правое запястье. – Прощай, Иварис! Вы знаете дорогу к нашему дому!

Они взялись за руки и покинули Винник, умчавшись в небо стремительным красным лучом.

– Мы будем ждать! – услышали они голос Ильги. Он быстро отдалялся от них, слабел и умолкал.

Они стояли на заметенном снегом холодном каменном утесе. Вершина скалы была пуста, и только с ее края к далекому Ведьминому лесу тянулась старая сосна. Силясь вырваться из одинокого каменного плена, она изувечила свое тело и перекрутилась, как тетива. А вместе с тем она цеплялась корнями за камни и только с их поддержкой еще не сверзилась с вершины скалы.

Прежде Язар поднимался сюда, чтобы отыскать дорогу, с той же целью он пришел сюда и на этот раз. Прежде вершину скалы непрерывно обдувал холодный ветер, но теперь ветер

молчал.

Они сидели под ветвями одинокой сосны. Иварис положила голову Язару на плечо. Неторопливо падал крупный снег и ложился большими комьями у их ног. Они долго молчали, наслаждаясь этим сказочным моментом и упоительной волшебной тишиной.

– Утром здесь будет красиво, – пообещал Язар.

– А когда настанет утро? – пробормотала Иварис, засыпая.

Он бережно уложил ее, оперев о сосну. Осторожно поправил ей волосы, поцеловал в лоб, в губы. Она сладко улыбнулась, не открывая глаз. Он подошел к самому краю утеса и вновь загорелся алым. Вспыхнули его пепельные волосы, красным пламенем обратилась кожа, и разгорелись углями прежде тлеющие глаза. Он сорвал с пояса пламя Абимора и поднес к обсидиановым часам.

– Утро уже настало.

Эпилог

Среди осколков Часов Застывшего Часа Иварис не нашла и крупички заключенного в них праха. Не осталось следов и от Язара. Это значило, он воплотился вновь и воплотился в своем истинном облике. Иварис уже пыталась его представить. Каким он будет? Мужчиной или женщиной? Темнокожим или ясноглазым?

Она поселилась в хижине Велхоира и прожила в Ведьминском лесу несколько долгих месяцев. Одиночество не угнетало ее, напротив, она пресытилась близостью с человеком и теперь отдыхала от городского шума, от бесконечных человеческих интриг и каждодневных забот. Своими мыслями она делилась с дикими животными, с молчаливыми деревьями и с чистой проточной водой. Поговорить с ней приходил и старый леший. Обычно он только мычал в ответ, и она задорно смеялась его немногословности. Из тростинки она сделала флейту и часто играла на ней, сидя холодными вечерами у теплого костра, вокруг которого плясали беспечные нимфы и якши. Когда она начинала петь, птицы на ветках в блаженстве закрывали глаза, непослушный ветер унимался, и Ведьмин лес мирно засыпал. Но когда она бралась за лук, животные таились и в страхе припадали к земле. Тогда ворчал недовольно старый леший, а Иварис ласково гладила его и успокаивала:

– Не тревожься, хозяин леса, я не возьму больше того, чем мне нужно, чтобы прожить.

Она полагала, что, став Язару невестой, теперь заменит ему мать. Она ошиблась. Возможно, он ее пожалел, а может, в том и не было его воли. Иварис готова была сгореть в его огне, но погибнуть в нем должен был кто-то другой. Но где бы ни родился Язар, она пообещала себе его найти.

Прощаясь с лесом, она в последний раз направилась к роднику, набрать воды в дорогу. У воды в низине она увидела таранда – того самого, что когда-то вывел Язара к Золотарю. Зверь смотрел на нее умным и совсем не животным взглядом.

– Кто ты? – изумилась она. – Неужели еще один дух, заблудившийся в этом мире?

Но таранд только тряхнул головой. Она моргнула, – должно быть, ей показалось.

Зверь вывел ее из леса, пролетев сквозь него, как ветер, прямой стрелой. Он подвез ее к дому Далиира, склонил голову, позволяя себя погладить, а затем бесследно растворился, как песчаный мираж.

– Спасибо! – запоздало крикнула она в пустоту.

Зима отступала, и Винник утопал в глубоких лужах. Крестьяне сменили теплые сапоги на легкие берестяники и, несмотря на ранний час, уже выбирались из домов. Пастухи уходили на тырло.

Дядя и тетя Язара встретили Иварис с расprostертыми

объятиями. А вот Нагинара видела ее впервые и была ей далеко не так приветлива.

– Значит, старая ведьма, от которой меня ограждала еще мать, и мой внук – это один человек? Даже не человек – бог, – насмешливо переспросила она, выслушав гостью. Иварис кивнула, и старуха рассмеялась. – Большой глупости еще не слыхала! Не морочь мне голову, деточка! А лучше ступай из Винника подобру-поздорову. Царь наш, Вулкард, сплетников не любит, да и ведьм не жалует. Многих уже казнил. Ведьма же ты, признайся? Не больно на человека похожа.

– Мама, перестаньте! – заступилась за Иварис Ильга. – Что вы на девочку накинулись? У Язара тоже внешность необычная была, вы же его колдуном не обзывали!

– Вот сравнила! – Нагинара вызывающе уперла руки в бока. – Язар моим внуком был! Истинный человек: добрый, послушный, разве калека. А эта как из-под каштана вылезла!

– Вулкард больше не царь, – напомнил Далиир. – Новый теперь, Неберисом зовут.

– Точно, – вспомнила Нагинара. – Говорят, бледный, как мертвец, и не человек вовсе. Ох, и натерпимся мы с ним! Уже всех солдат распустил, будут теперь беспорядки. Вальфрудцы точно нас захватят! Хороший был царь, Вулкард: решительный, сильный. А этот что? У всех мир выпрашивает! Так и до Тронгароса на коленях доползет!

– Да, – согласилась Ильга. – Нет теперь народу никакой защиты.

– Вулкард хоть иноземец был, а все одно человек и человеческие нужды понимал, – добавил Далиир. – Знал, что народу надо: в доме хлеб, а на земле мир. А коли придут вальфрудцы, не останется у нас ни одного, ни другого.

– Да ведь никто из вас и не видел Вулкарда! – не удержалась Иварис, неприятно пораженная их словами. – Жестоким он был и безумным – вот каким!

– Полно тебе! – возмутилась Нагинара. – Незачем наговаривать! Никто во всем Виннике о Вулкарде дурного слова не скажет. И в Грушевнике только хорошее о нем говорят. Всем царям царь был, вот как! А сама не говори, что его знала – не поверю.

– Знала и даже во дворце с ним разговаривала.

– И Небериса знаешь? – недоверчиво прищурилась Нагинара.

– Я его сестра.

– Ох, и брехливая же ты!

– Мама! – вновь вмешалась Ильга. – Зачем так грубить?

– Да почему бы Вальфруду на нас нападать? – продолжала Иварис, ничуть не смутившись. – Раньше ведь не нападал! И Неберису именно Вальфруд помог взойти на трон.

– То-то и оно, – Далиир важно поднял палец. – Если Неберис ставленник Вальфруда, почитай все, уже отдал на откуп Увалиру наш Бризар.

– Он не ставленник Вальфруда, – не сдавалась Иварис. Ее никто не слушал.

– И трон Неберис занял не по праву силы, – напомнила Нагинара. – Не избежать восстания.

– Оно и к лучшему, – согласилась Ильга. – Свой царь должен народом править, а не ставленник чужого царя.

– Ладно! – Нагинара махнула рукой. – Гусей я пошла щипать. Иля, приходи, поможешь.

– Хорошо, мама, скоро приду.

Когда ветхая калитка за спиной Нагинары со скрипом заворилась, глаза дяди и тети вновь с любовью обратились к невестке.

– Ивушка, спасибо тебе за все, что сделала для нашего Яза! – искренне поблагодарила ее Ильга и в очередной раз крепко обняла.

– Иля, не разжимай объятий, а то она опять убежит! – наигранно возмутился Далиир. – А лучше давай я сам подержу, а то у тебя руки слабые. – Зажав крошечную в сравнении с ним фавну, он долго ее не отпускал. Когда она, улыбаясь, попыталась высвободиться, он задорно рассмеялся. – Куда?! Ты в моем доме, и я тебя не отпускал!

– Далиш, оставь девочку в покое! Не ломай ее хрупкие косточки, ей нужно еще нашего Яза отыскать!

Мард поддержал ее лаем и стал игриво прыгать на Далиира.

– И ты туда же, предатель! – пошутил мужчина. Нехотя он расслабил хват.

– Куда же ты пойдешь? – с беспокойством спросила Ильга.

– Не знаю, – призналась Иварис. – Знаю только, у меня есть двадцать один год, чтобы его отыскать.

– Двадцать лет – срок не маленький, – рассудил Далиир. – Да ведь и Яраил огромный. А коли не успеешь найти?

– Тогда Язар сам найдет меня.

– Приходите хотя бы и через двадцать лет, – задумчиво произнесла Ильга. – Мы с Далишем будем уже старичками с палочками, а все равно будем вам рады.

– Будешь старой ворчуньей, как баба Нагинара, – посмеялся Далиир.

– Нет, ты так не шути, а то ведь и, правда, я в ворчливую старуху превращусь! Самому потом со мной маяться!

Иварис расстегнула свою суму и двумя руками вручила Ильге каштур. Держала она его бережно, как самое дорогое сокровище.

– Посадите его, и даже в самую лютую зиму он сумеет вас прокормить.

– Дерево-то, похоже, большое, – засомневался Далиир, недоверчиво рассматривая плод. – Такое и в саду не уместится.

– Большое, – Иварис засмеялась, – но оно медленно растет.

– А посадим за двором, – предложила Ильга, – пусть соседская ребятня по нему лазает. Посадим прямо сейчас!

Они прошли через задний двор к большаку, по которому вскоре пастухи должны будут погнать коров. Далиир выко-

пал глубокою яму, и все трое засыпали каштур землей.

– Мне уже не терпится его увидеть! – с трепетом призналась Ильга. – Ивушка, будете с Язаром у нас через двадцать лет, я вас печеными каштанами угощу!

– Погоди, у тебя же лошади нет! – вскинулся Далиир. – Долго же тебе на своих двоих нашего племянника искать.

– У Сусарда кобыла есть, – вспомнила Ильга.

Но не успела она договорить, как нетерпеливо застучали копыта по большаку. Все обернулись и увидели таранда.

– Да вот же мой конь, – улыбнулась Иварис.

– Какое чудное животное! – восхитилась Ильга. Она почесала лесного зверя за ушами, поиграла с его большой мокрой мордой, подставляя руку и внезапно убирая, не давая таранду себя лизнуть.

– Возьми хоть мешок яблок, оленя своего в дороге кормить, – предложил Далиир. – Иля, сбегай в погреб принеси!

– Не нужно, – отказалась Иварис. – Лето уже наступило, голодать не придется. Да и зверь этот себя сумеет прокормить.

– Тогда езжай, а то опять возьму тебя в захват. На этот раз уж точно не отпущу!

Иварис взобралась на таранда, Далиир легко ударил его большой ладонью по крупу.

– Счастливо!

– До встречи, Ивушка! – помахала ей Ильга. – Будем ждать!

– До встречи, дядя! До встречи, тетя! – помахала она в ответ. Затем повернулась к восходящему солнцу и мечтательно прошептала: – До встречи, Язар.